

АБДУГАНИ МАМАДАЗИМОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
ТАДЖИКСКОГО
НАРОДА

АБДУГАНИ МАМАДАЗИМОВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
ТАДЖИКСКОГО
НАРОДА**

ДУШАНБЕ
2000

ББК 63.3(2 тадж.) + 66.01

М-22

Написание и издание книги было осуществлено при финансовой поддержке предоставленной в рамках конкурса Индивидуальных Исследовательских Проектов Программы по Глобальной Безопасности и Устойчивому Развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров

Редактор
доктор исторических наук
В.М. Набиев

Мамадазимов Абдугани

М-22 Политическая история таджикского народа
Душанбе. Дониш. 2000 г. – 360 с.

В монографии исследуется более чем пятитысячелетняя политическая история таджикского народа, начиная с «героического» эпического периода до наших дней. Полномасштабная реконструкция политико-идеологической жизни таджикского народа, а также анализ сотрудничества и соперничества различных идеологических ценностей, концепций и теорий и их влияние на повседневную жизнь таджиков позволяет использовать книгу как пособие по изучению истории.

М $\frac{05020000000}{M502 - 2000}$ 2000

© Мамадазимов А. 2000

© Изд. «Дониш» - 2000

*КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ
10-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ
ТАДЖИКИСТАНА*

ВВЕДЕНИЕ

Предметом размышлений и исследования в данной книге является более чем пятитысячелетняя политическая история таджикского народа, его близких и далеких предков, включая его славный эпический период.

Скрупулезное исследование всех периодов богатой событиями общественно-политической жизни таджикского народа и его предков, беспристрастный анализ основополагающих пластов его многовековой этнической истории позволяют глубже осознать нынешнее состояние и перспективы дальнейшего национального развития древнего народа и его молодого государства.

Полномасштабная реконструкция политико-идеологической жизни таджикского народа поможет читателю яснее понять всю полноту его духовной жизни: сильные и слабые стороны его менталитета, особенности связей с окружающим миром и его реакции на «вызовы» времени.

Новая идейно-политическая ситуация в молодом суверенном Таджикистане актуализирует воссоздание цельной картины этнической истории таджикского народа. Всесторонний анализ сущности всех идейных ценностей и господствующих идеологий различных периодов жизни таджиков, без восхваления или уничижения этих идеологий стал главной целью этого исследования.

Автор - сторонник «восточной школы» исследования истории, которая считает неприемлемым деление всемирно-исторического процесса на пять формаций. Это деление скорее применимо к истории западного мира, но не Востоку (неевропейские государства). Здесь имеются свои особенности и главная — доминирование государства и его институтов в многовековой жизни народов Востока (до настоящего времени).

Именно государственный патернализм служил тем «каркасом», внутри которого вершилась политическая история таджикского народа,

где государство постоянно регламентировало и контролировало все сферы общественно-политической жизни людей.

Несомненно, государственный патернализм не означает деспотизма правителей, которые якобы днем и ночью думали об эксплуатации своих подданных, деля общество на враждующие классы, а представляет собой государственную политику, направленную на достижение и укрепление общественной гармонии и согласия.

Конечно, в восточных государствах существовали благородные сословия, (что не означает эксплуататорские классы), положение которых было обусловлено особыми заслугами перед Отечеством (защита страны, веры и т.д.).

Истоки восточного патернализма нужно искать в глубине веков (в предыстории), когда в древних обществах еще доминировало мифологическое понимание человеком окружающего мира.

О древнейших государственных образованиях предков таджиков (Пешдодах и ранних Кейанидах), мы, к сожалению, пока знаем лишь из мифологии. Многовековая традиция устной передачи информации у древнейших и древних арьев, считавшая письменность (один из основных признаков цивилизации) «творением зла», обусловила искажение временных и пространственных рамок истории предков таджикского народа. Происходило постепенное забвение имен посредственных правителей, и время их правления и их деяния приписывались выдающимся представителям этих династий. В итоге при исследовании истории правления династий Пешдодов и Кейанидов, наряду с реальными временными рамками правлений, встречаются непомерно долгие, превышающие в 20-30 раз реальное время смены поколений. Устная передача сведений о расселении древнейших и авестийских арьев (Хванирата — Арьяна Вейджа — Иранвеж) также не способствовала реальному закреплению данных о границах этого расселения.

Автономное развитие древнейших и древних арьев вдали от других древних цивилизаций (древний Египет, древний Китай, Греция, Шумер) до их соприкосновения с ними также осложняет определение хронологии ранних государственных образований предков таджиков.

Но, нам кажется, картина богатой этнической истории таджикского народа будет неполной, если мы не выявим ее «фундамента», а это и начало празднования предками таджиков великого Навруза (не только праздника природного, но и политического), и борьба «добра» и «зла», и деление солнечного года (летоисчисление), и появление сословий (социальная реформа), и формирование мировоззрения и самосоз-

нания людей (любовь к Отчизне, защита веры, поэзия, философия, наука).

Поэтому, рассматривая эпический период — один из ключевых периодов этнической истории таджикского народа, и взяв год рождения пророка Заратуштры (660 г. до н.э.) реального исторического лица, за точку отсчета, мы попытались создать ретроспективную хронологию периодов правления легендарной династии Пешдодов и героической династии Кейанидов.

При этом мы опирались не только на сообщения (о происхождении и истории правления этих династий) зороастрийской литературы и великой «Шахнаме», но и на труды востоковедов, историков, этнографов и археологов, исследовавших историю расселения и миграции арийских племен.

В итоге верхней (начальной) точкой отсчета хронологии стал поздний неолит (примерно 3320 г. до н.э.).

Следующий период, в отличие от предыдущего, уже вполне определяем, уже складываются «кирпичи мощной стены» на «твердом фундаменте». Этот исторический период находился в поле зрения античных и китайских историков, которые посвятили ему немало интереснейших страниц в своих трудах. Реформа арийской религии пророком Арианы позволила объединить все племена. Видоизменяясь, эта религия перешагнула за пределы этнического (арийского) расселения, став мировой и активно влияя на другие религиозно-идеологические учения мира.

Несмотря на взлет религии, благодаря «стараниям» западных родственных племен — мидийцев, в силу географической расположенности Арианы, где оазисы чередуются с горами, пустынями, реками (географическими препятствиями), страна оставалась в основном разобщенной.

Ариана являлась не унитарным политическим объединением, а культурно-исторической общностью (как древняя Эллада), политическая жизнь которой проходила временами в составе различных государств, иногда враждовавших между собой.

Зороастрийская эпоха (от VII в. до н.э. по VII в. н.э.) — это «арийский» (или «иранский») период в политической истории Центральной Азии.

С VII в. н.э. начинаются тюркизация и позднее арабизация (т.е. исламизация) региона, способствовавшие сложению этнического разнообразия региона. Ислам, имевший некоторое сходство с зороастризмом,

относительно легко утвердился в Средней Азии, вовлекая ее в огромный мир мусульманской цивилизации. Новая религия не препятствовала завершению этногенеза таджикского народа, который происходил в основном в ее лоне, во время правления этнически родной таджикам династии Саманидов.

В последующем различные инациональные (в основном тюркские) династии захватили политическую власть, но они все же были вынуждены привлекать таджиков в различные сферы управления, которые преуспевали не только в этой сфере, но и в поэзии, науке, культуре, торговле (включая, международную), искусстве и в теологии.

Предпочтение теологии в ущерб науке (и технике) в новое время, наряду с мировыми геостратегическими изменениями, привело к превращению региона в периферию мировых процессов, что стало причиной потери государствами региона своей независимости.

Приобщение таджикского народа к мировым процессам и господствующим ценностям происходило не естественным путем, а насильственными методами (политика большевиков), что привело к расколу единого (в основном основанного на культурно-этическом восприятии мира – *адабе и маданияте*) менталитета народа. Тем самым была нарушена многовековая гармоничная жизнь государства и общества (патернализм, семейные отношения: «отец – сыновья»).

Раскол менталитета и извращенное восприятие мира (через призму классовой вражды) в наше судьбоносное время послужили причиной острого идейного кризиса в обществе. Таджикский народ, через тысячелетие вернувший себе политический суверенитет, в первые годы был занят не укреплением своей национальной государственности, а гражданским противостоянием.

К счастью, «раскол» в сознании таджикского народа оказался «неглубоким», и здоровым силам общества, как со стороны политического руководства страны, так и оппозиции, удалось «залечить раны» и приступить к укреплению государственных структур путем их либерализации и оздоровления общества путем его демократизации.

Автор осознает, что политическая история таджикского народа намного шире и богаче и требует еще более глубокого изучения, что анализ некоторых периодов или политических процессов и тенденций или его умозаключения являются спорными, но автор и не претендует на обладание абсолютной истиной и готов принять все ценные замечания и поправки.

Глава I

ПРЕДЫСТОРИЯ

❶ Проблемы власти (власти-собственности) в древневосточных обществах.

❷ Эпический период политической жизни предков таджиков:

Легендарная династия Пешдодов.

Героическая династия Кейанидов.

❸ Культ и божества индоиранцев до Заратуштры.

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ (ВЛАСТИ - СОБСТВЕННОСТИ) В ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Анализ всемирно-исторического процесса раскрывает несходство в развитии восточных обществ от западных (европейских). Западный (европейский) путь развития представляет собой чередование структурных модификаций (античное, феодальное, капиталистическое), при которых частнособственническая активность играла ведущую и структурообразующую роли. Именно господство частной собственности, вышедшей на первый план после реформ Солона сначала в античных Афинах, а затем постепенно и во всей Европе, было ограждено целой системой политико-правовых и социокультурных институтов. В последние века это господство породило капитализм. Именно при капитализме полностью раскрывается потенциал частной собственности, которая стала основой бурного экономического развития не только Запада, но и всего мира. Примерно, начиная со времен реформ Солона, античные мыслители стали обращать внимание на несходство, отличие образа жизни греков от образа жизни египтян, ведущих торговлю с ними, или от образа жизни своих упорных противников — персов. С этого времени берет начало дихотомия “Восток — Запад”.

Известный востоковед Л.С. Васильев утверждает, что в это время в античной Греции происходила единственная в истории человечества социальная мутация — архаическая революция, результатом которой стало доминирование частной собственности в общественной жизни греков. Начиная с этого времени, античное общество стало принципиально отличаться от всех остальных, прежде всего восточных¹.

Подробный анализ генезиса ранних социальных связей и предгосударственных институтов показывает, что человеческое общество, выделяясь из живой природы, противопоставило при -

¹ См.: Васильев Л.С. История Востока. Т.1. — М., 1998. — С. 17.

родным (конкретнее, животным) инстинктам культуру, т. е. совокупность норм и символов. Именно культура в основу общества как совокупность людей, объединенных общими потребностями, целями и задачами и взаимодействующих ради их удовлетворения. По мнению французского антрополога К. Леви-Строс, первоосновой социокультурного начала была сексуальная реформа (запрет инцеста), которая содействовала образованию системы упорядоченных коммуникаций, основанной на принципе эквивалентного обмена. Обмен женщинами, ограничивающий беспорядочное половое общение в рамках первобытного стада и породивший ранние формы жестко регламентированных брачных связей, способствовал установлению нормативного родства, в связи с чем были определены старшинство поколений и основанные на этом родовые и родоплеменные общности. Фундаментальный принцип эквивалентного дара — обмена стал затем основой основ всех ранних обществ.

Этнографы и антропологи, исследовавшие ранние формы человеческой общности, генезис социальных связей, провели полевые исследования в изолированных племенах труднодоступных мест Амазонки, Африки и Полинезии. На основе материалов этих полевых исследований ранних форм социальной структуры (сохранившихся до наших дней), обогащенных и подкрепленных данными современной археологии, палеографии и источниковедения, исследователи воссоздали цельную картину генезиса и развития триады — престиж-авторитет-власть (т. е. создания ранних форм неравенства и политических структур).

Во главе ранних обществ, групп, представлявших собой несколько родственных парных семей с детьми и неженатых, стоял глава, который концентрировал в своих руках все социально значимые функции — консолидацию и мобилизацию группы на решение повседневных работ. Это была либо охота, либо сезонная работа и сношения с соседями — мирное сосуществование или война.

Но главная функция главы состояла в том, чтобы щедрой рукой раздавать другим все то, что ему удалось добыть или приобрести. В обмен за эти щедрые раздачи он по закону эквива-

лентного обмена приобретал высокий престиж, способствующий его авторитету в группе и очень важную, существенную привилегию: право на несколько жен в отличие от рядовых мужчин локальной группы. Несмотря на то, что это право лидера создавало некоторый половой дисбаланс, члены общества (группы) мирились с этим, потому что хороший лидер стоил дорого. Соответственно престиж и авторитет с первых шагов человеческого общества становятся вершиной социальных ценностей.

Первобытная группа собирателей и охотников имела свою территорию обитания, которая в основном обеспечивала группу продуктами. Система добычи, распределения и потребления продуктов была основана на строгой уравнительности, но с учетом ролевых функций: между взрослыми и несовершеннолетними, мужчинами и женщинами существовало генетическое неравенство (рецидив стаи животных).

Потребление в группе было коллективное, но добыча пищи - индивидуальной, если не считать редкую охоту на крупное животное типа мамонта. Поэтому тот, кто был удачливее на охоте, кто больше других добывал еды, тот приобретал престиж и авторитет. Именно из этой категории людей выбирали лидеров (вождей).

Экономический аспект системы эквивалентного дара-обмена исследователи обозначили термином *реципрокность* (от латинского "*reciproco* - двигать туда-сюда, возвращать обратно"). Суть его состояла в том, что каждый вносил в общую потребительскую корзину сколько мог, а брал из нее столько, сколько ему полагалось, тогда как разница между отданным и полученным измерялась в терминах социальных ценностей. Неудачники или лентяи становились объектом насмешек и даже презрения, что являлось по сути невыносимым наказанием, а удачливые и способные охотники заслуживали уважения и приобретали авторитет.

Реципрокный обмен породил принцип *меритократии* - выдвижение способных и честолюбивых, претендующих на престиж и авторитет, и создание ими избыточного продукта.

Неолитическая революция и переход к регулярному про

изводству пищи (развитие земледелия и скотоводства) способствовали заметному росту избыточного продукта. Регулярное производство пищи потребовало укрупнения первобытной группы, и они трансформировались в семейно-клановые группы.

Соединенные строгими нормами брачно-родственных уз, члены семейной группы уже не являлись собранием равных лиц, различавшихся по полу и возрасту. Пол, возраст, принадлежность к определенному поколению и место в группе были обусловлены нормами брачно-родственных уз и случайностью рождения. Все это стало играть важную роль в обществе и фиксировать определенный статус каждого. Следствием этого явилось возникновение рангового неравенства.

Прежде отец - патриарх своим положением был обязан выбору группы. Теперь же все зависело от счастливой случайности рождения и ряда других обстоятельств, превращавших его в старшего в группе (среди более младших родственников). В отличие от лидера локальной группы, он был не столько ловкий и умелый охотник - добытчик, сколько опытный организатор и администратор, принимающий нужные меры для своевременного решения проблем в деле успешного ведения хозяйства земледельцев. Его авторитет в группе был непререкаем, но перед ним вставала новая задача - завоевать авторитет в рамках общинной деревни при жесткой конкуренции с другими главами семейных групп.

Глава семейной группы - еще не собственник, но в отличие от главы локальной группы (охотников), который имеет право раздавать только свою добычу, он еще имеет право распределять имущество всего коллектива. Именно от его авторитарного решения зависит, кому и сколько он выделит для потребления и сколько оставит про запас и т.д. Он определяет, как распорядиться излишками, накоплениями.

Именно излишки (накопления), нередко даже остальное имущество коллектива становятся важным фактором борьбы между главами групп за обладание высшими престижными должностями в общине (старейшина, член совета) путем щедрых раздач.

Здесь старая практика реципрокного обмена оттесняется новой системой перераспределения, получившей наименование *редистрибуции*.¹

Редистрибуция, как важнейший политэкономический принцип, возникает с того момента, когда средства коллектива и избыточный продукт оказываются в руках у главы группы, который путем щедрых демонстративных раздач претендует на престиж и авторитет в деревенской общине.

Функции общинного лидера (главы) сложнее и многообразнее, чем лидера локальной и семейной групп. Он все более становится политическим администратором. К его функциям относились регулярное перераспределение участков возделываемых земель между постоянно меняющимися группами, обеспечение справедливости в пользовании ресурсами и угодьями общины, организация общественных работ, взаимоотношения с соседями и др. Естественно, на него возлагалась важная функция распорядителя имущества общины и ее избыточного продукта, хранившегося в общественных амбарах. Старейшина за свою работу обычно получал подарки от глав семейных групп, которым он раздавал земельные участки и угодья. Сначала спорадически и необязательные, но со временем обязательные и регулируемые обычаем. Эти подарки в форме продуктов, зерна хранились в амбарах и не вели к заметному обогащению лидера, больше раздававшего, чем получавшего. Но со временем их накапливалось все больше, а глава общины все более определенно превращался в глазах общины уже не просто в распорядителя, а в “хозяина земли”, раздававшего ее как бы от своего имени и имевшего за то право на налог.

Объективная потребность укрупнявшегося и усложнявшегося коллектива в управлении и централизованном регулировании в редистрибуции избыточного продукта обусловила появление должностных лиц, обладающих престижем, авторитетом, привилегиями и облеченных властью.

---

¹ Васильев Л.С. История Востока. Т.1. – М., 1998. – С. 56.

Таким образом, вставший над общиной старейшина приобретает над нею определенную власть. Из множества определенных понятия “власть” мы отдаем предпочтение определению М. Вебера, который писал: “Власть - это возможность осуществлять свою волю, вопреки сопротивлению тех, кого это затрагивает, либо при их согласии”.¹ В конечном счете старейшина не только руководит коллективом, но и навязывает ему свою волю, что означает достижение высшей точки на общепризнанной шкале социальных ценностей.

Теперь рассмотрим, при каких обстоятельствах возникла надобщинная политическая структура.

Современная наука выявила комплекс мер и необходимых условий для образования надобщинных политических структур.

Первое — оптимальная экологическая среда, которая ярко проявила себя в долинах великих рек (Нил, Тигр, Евфрат, Ганг, Окс), расположенных в теплом мягком климате.

Второе — уровень производства, включая использование ресурсов, взаимообмен с соседями, кооперацию труда и другие факторы, стимулирующие увеличение избыточного продукта.

Третье — демографический оптимум, т.е. плотность населения и её давление на окружающую среду. Когда плотность населения увеличивается, давление на окружающее пространство растет, и в итоге начинается ожесточенная конкуренция между соседними общинами за жизненное пространство.

Сильный соперник при очередной раздаче своей щедростью и богатством мог унижить своего слабого соперника, который был вынужден признать свою зависимость. Против слишком непокорных и упрямых сильный лидер использовал свою небольшую военную дружину.

Таким образом, подчинение слабых лидеров сильному и богатому лидеру и способствовало возникновению надобщинной политической структуры.

Первичное протогосударство, *вождество* (англ. *chiefdom* — чифдом) - это обычно группа общинных поселений, админист-

¹ Васильев Л.С. История Востока. Т.1. — М., 1998. — С. 59

ративно подчиненных центральному поселку городского типа, где находится резиденция вождя и его окружения.¹

В новых условиях одной из основных функций вождя становится не администрирование хозяйства, а военное командование. Теперь свое могущество лидер, т.е. вождь проявлял не на огромных пиршествах среди родственников, а на поле брани со своими соседями.

Власть в протогосударстве, как и в общине, была выборной. Теперь достигший высшей власти вождь путем кровопролитных войн или закулисных интриг, пользуясь в результате всеми благами авторитета и привилегий, предпринимает усилия для укрепления своей власти и ее легитимизации. К этому стремится и коллектив, заинтересованный в стабильности власти и укреплении протогосударства. На помощь приходит жречество, объявившее, что вождь - носитель божественной благодати (государь - наместник Бога на земле). Сакрализация должности вождя становится важным фактором незыблемости его власти в коллективе. В последнем возникает представление о покровительстве правящему дому высших сверхъестественных сил.

Власть вождя становится наследственной в его семье, и для стабилизации всей структуры власти порядок наследования упорядочивается (обычная практика в большинстве стран Востока - передача власти от отца старшему сыну). Вчерашний выборный вождь превращался в субъекта сакрализованной власти и высшей собственности.

Именно сочетание власти и собственности и их концентрация в руках правителя внесли большую путаницу в исследования специфики восточного государства политических мыслителей разных времен.

Западные мыслители (Аристотель, Платон, Гегель и др.) называют восточные государства "восточной деспотией", а К. Маркс, позднее, разрабатывая теорию деления истории на социально-экономические формации, осознал непригодность пятичленного деления формации для Востока, подчеркивая отличие

---

¹ Васильев Л.С. История Востока. Т.1. - М., 1998. - С. 62

“азиатского способа производства” от западного.¹

Исторический материализм (истмат), основываясь на ступенях формации К. Маркса (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм), сознательно отвергал его идеи об «азиатском способе производства», потому что в социалистическом обществе не было частной собственности и рынка, как не было их на традиционном Востоке. В социалистическом обществе не было частного собственника и доминирующего класса. Последний заменяло всесильное (тоталитарное) государство с огромным аппаратом принуждения, как и в традиционных обществах Востока. Теоретики истмата даже обосновывали, что отсталые, но развивающиеся страны Востока, получившие независимость, могут выбрать социалистический путь, и какие-то этапы развития (например – капитализм) они могут «перескочить» с помощью СССР. Парадоксально, но факт, что, не признав “азиатского способа производства” (К. Маркс), истмат пытается удержать традиционные государства Востока именно в их “азиатском способе производства”. Результат известен и печален – марксистский социализм – это одна из модификаций Востока.

Но вернемся в древний Восток. Отсутствие развитого рыночно-частнособственнического хозяйства привело к сложению авторитарного института наследственной власти сакрализованного вождя – царя в протогосударствах. В рамках надобщинной структуры протогосударства с наследственным вождем, ставшим символом коллектива, неоспоримое право распоряжаться общественным достоянием стало функцией высшей власти – вождя.

Высшая собственность правителя – символа, олицетворяющего коллектив, производна от реального владения достоянием коллектива и безусловного права распоряжаться его ресурсами и имуществом, причем и то и другое в конечном итоге производно от власти. Власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти. Власть и собственность неразделимы, нерасчленимы. Перед нами феномен власти – собственности.²

¹ Всемирная история экономической мысли (в 6 т.). Т.2. – М., 1988. – С.475-503.

² Васильев Л.С. История Востока. Т.1. – М., 1998. – С. 69.

Таким образом, известный востоковед раскрывает сущность того, что объясняет нам, что сама власть может заменять функцию частного собственника, способна долго и успешно справляться с ведущей и структурообразующей ролью в развитии общества. Когда правитель сконцентрировал в своих руках и верховную власть и право собственника, то его право на определенную часть продукта его подданных принимает (с политэкономической точки зрения) облик (одновременно) ренты – налога. *Налог* - высшее право государства - взимался центром для содержания непроизводительных слоев (в первую очередь, командно-административной структуры).

Рента - право собственника (того же государства) на определенную долю реализации этой собственности.

Обычное протогосударство все еще опутано брачно-родственными и клановыми связями даже между правителями и простыми земледельцами (выходцами из боковых ветвей предков правителя - вождя). Но с течением времени, по мере институционализации власти, ситуация меняется, родственные связи порываются и остаются только близкие к правителю, которые приобретают характер избранности (аристократизма). Чтобы обезопасить себя от постоянных притязаний своей родни на власть, правители стремились рекрутировать к службе лично преданных людей из чужой среды (даже из среды рабов-иноплеменников). Постепенно и из этой среды формируются аристократические кланы. Существенный фактор: крестьяне-производители (вчерашние родственники) исключаются из сферы редиистрибуции. Место их занимают приближенные правителю чужаки. Происходит окончательный разрыв между верхами и низами – признак того, что протогосударство заменяется ранним государством. Примерно на этом этапе развития находились предки таджиков, живших в исторические времена пророка Заратуштры. Яркий пример – чужака, изгнанного из своего племени, - Заратуштру, принимает в свое близкое окружение царь Бактрии - Гуштасп.

ЭПИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПРЕДКОВ ТАДЖИКОВ:

ЛЕГЕНДАРНАЯ ДИНАСТИЯ ПЕШДОДОВ

Династия Пешдодов - первая династия арьев - предков таджиков, упоминавшаяся в народных легендах (эпосе) и зороастрийской литературе (мифологии). Пешдод (авест. Парадата) на таджикском языке буквально означает "данные первыми". Это означает, что божественное благословение, олицетворенное в фарне (авест. хварна) на политическую власть, было "дано" представителям этой династии. Обладание божественным фарном правителем - это символ его богоизбранности ("власть от Бога") и незыблемости его власти ("наместник Бога на земле") над подданными.

Пешдодов ещё называют царями-первозаконниками, т.е. во время их правления люди получили основные фундаментальные "естественные" законы социального мироустройства.

Богоизбранность первой, начальной ("Пешдод") династии ассоциируется и с понятием "Худодод".

Богоизбранность, исключительность первой династии "Пешдодов", т.е. получение ими божественного фарна, можно интерпретировать следующим образом: "Пешдодони Худодод" (Первыми принявшие благословение от Бога).

При исследовании легендарной истории этой династии необходимо учитывать тот горький факт, что наши древнейшие предки - арьи, создавая одну из величайших древних цивилизаций мира и существенно влияя на все культуры античности, считали письменность проявлением "темных сил". Итог этого исторического заблуждения плачевен - легендарные и исторические сведения о жизни ранних арьев передавались устно из поколения в поколение длительное время. В угоду политическим или иным конъюнктурам они искажались, в ходе же общественно-политических катаклизмов (войн, набегов, вынужденных

миграций) терялись целые пласты величайшего наследия предков. Можно предположить, что если бы письменность и была, то непрочные материалы типа бересты (коры деревьев) и кожи зверей, на которые она могла наноситься, навряд ли дошли бы до нас. Попытаемся все же изложить историю самых ранних периодов жизни таджикского народа, восходящую, на мой взгляд, к индоиранской общности (ранние Пешдоды), используя различные более поздние источники (включая “Шахнаме” великого Фирдавси).

Каюмарс (авест. Гайо-Мартан) — первый смертный родоначальник человечества. Образ Каюмарса восходит к эпохе индоиранской общности, так как мы наблюдаем параллели в индийской (ведийской) мифологии (образ Мартанда).

Прародителями Каюмарса считаются Небо и Земля. Люди при нем научились строить дома, обрабатывать поля, пасти скот и шить одежду. Ему приписывается деление солнечного года на двенадцать месяцев, т.е. начало летоисчисления.

Из семени Каюмарса рождается первая человеческая пара — Машйа и Машйана (авест. Мартйа и Мартйанар) — брат и сестра. После достижения совершеннолетия они познали таинство супружества. У них родилось много детей — семь пар, и каждая пара состояла из мужа-брата и жены-сестры. Напомним, зороастрийская традиция не только разрешает кровосмесительные браки, но и поощряет их. Из этих семи пар только Сиямак и его жена-сестра Нашак получили благословение Каюмарса, возможно, они были его любимыми внуками. У них родилась пара — Фравак и его сестра Фравакиён, от них пошли пятнадцать пар детей. От этих пятнадцати пар произошло пятнадцать народов. Эти пятнадцать народов расселились в Хванирате. Локализация Хванираты (“Срединный каршвар”) является до сих пор объектом серьёзных научных споров. Прародину древнейших кочевых индоиранских племен и народов большинство исследователей, опираясь на последние археологические раскопки, локализует на обширной территории от низовья Волги на севере до Амударьи на юге.

Постепенно народам стало тесно в Хванирате. Тогда девять народов покинули ее, перешли залив оз. Ворукаши (Кас-

пийское море) на спине быка. Это первые сведения о массовом переселении индоиранцев на юг (первая волна переселения). Во-рукаша отделяла Срединный каршвар (Хванирату) от южных окраин. Таким образом впервые часть индоиранцев (возможно, индоарии, ушедшие на юг дальше от других, вплоть до Индийского полуострова) покинула свою прародину. Шесть народов осталось жить в Хванирате, среди которых были дети Фравак и Фравакиён - Хушанг (авест. Хаошьянх) и его сестра-жена Гушак. От Хушанга и Гушака произошли арьи - предки таджиков (и иранцев).

Хушанг не только отец, но и первый правитель арьев. На мой взгляд, этим обстоятельством обусловлено появление сочетания двух понятий "царь-отец" (или "отец-царь"), имевшего громадное влияние на историю политических учений таджикского народа (и всего Востока). Дело в том, что на основе этого легендарного события (или, неважно, сочинения легенды об отце — основателе государства - народа) античные мыслители арьев начали разрабатывать общественно-политическое учение о государстве, основанном на семейно-родственных отношениях (античный патернализм). Согласно этому учению, государство в лице царя (вождя) регламентирует все стороны жизни общества, другими словами, заботливый отец занимается воспитанием своих "несовершеннолетних" детей, до подробностей регламентируя их общественную жизнь. Ниже мы представим подтверждение нашему умозаключению.

Хушанг — родоначальник династии Пешдодов (XXXIV—X вв. до н.э.), научил свой народ разжигать огонь, добывать железо, у них появились топор, мотыга, пила, они научились охотиться на пушного зверя, шить одежду из выделанных шкур (раньше одеждой служили листья), выращивать зерновые культуры (раньше люди питались плодами). Хушанг учредил культ огня (центральный ритуал /культ/ в зороастрийской вере) и праздник Сада в память о его открытии, который до сих пор празднуется в таджикских селениях. Все эти (государственные) мероприятия, предпринятые царем, очень напоминают усилия отца семейства, обучающего своих детей различным ремеслам и способам существования.

Хушанг первым установил законы для людей. При нем восторжествовал закон, по которому не должно быть отныне в племенах и народах безвластия, но надлежит владычествовать над всем и вся царю, - и так тому быть до скончания времен.¹

Хушанг Пешдод (ок. 3320-3280 гг. до н.э.) царствовал сорок лет. После его смерти престол унаследовал сын Хушанга Тахмурас (авест. Тахма-Урупи). Он торжественно поклялся продолжить борьбу с силами зла. Силами зла древние арии считали иноверные кочевые племена (соплеменников), которые беспокоили их своими постоянными набегами. Тахмурас приобрел свою славу в ратных боях.

По нашему мнению, арийские племена, усилившись при стабильном правлении Хушанга, начинают почитать новых (вероятно, земледельческих?) богов и сами объявляют религиозную войну иноверным соседям. Вероятнее всего, в это время происходит распад индоиранской общности. Выделившись из этого единства, иранские арии стали противопоставлять своих божеств – ахуров божествам - девам, которых продолжали почитать индоарии. Поразительное сходство - ахуры (как и цари-первозаконники) боролись за упорядочение космоса и социума, против хаоса, тьмы и зла. В свою очередь, индоарии своих божеств – дэвов - противопоставляют злым духам-асурам (авест. ахурам). У древних арьев появляются первые жрецы. Все эти изменения в сообществах сопровождаются войнами. Во время этих войн Тахмурас узнает тайну письменности от правителя “темных сил” (Ахримана). Хотя открытие письменности было огромным успехом арьев, но “темная” сущность её происхождения мешала им реализовать полностью ее в жизни, а именно – в передаче поколениям своих культурных ценностей.

Прозарствовав тридцать лет, научив людей стричь овец, вязать шерстяную одежду, ткать ковры и приучать домашних животных и охотничьих хищных птиц, Тахмурас умер своей смертью.

Престол арьев унаследовал его сын (по другим версиям – брат) Джамшед (авест. Йима).

¹ Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана / СПб. – М., 1998. - С. 170.

Правление Джамшеда (ок. 3250 - 2634 гг. до н.э.) — легендарный “золотой век” арьев, продолжавшийся более 616 лет. При его правлении арьи начали праздновать Навруз — главный народный праздник таджиков до настоящего времени:

*Пусть праздником приходит новый год,
В тот день земля от тягот отдохнет.
Во веки древний праздник не забудем,
Пусть он о трех царях напомнит людям.¹*

В начале своего правления Джамшед научил людей готовить воинские доспехи, ткачеству, швейному ремеслу. Теперь люди вместо звериных шкур носили одежду. Затем он провел социальную реформу, т.е. разделил людей на четыре сословия: священников (жрецов), воинов, земледельцев и ремесленников. Сам царь Джамшед (Йима) отклонил предложенные ему Богом жреческие обязанности (стать пророком), ограничившись выполнением светских дел. Богохульство или богоборчество присуще не только представителям легендарных династий, но и некоторым историческим царям таджиков. Этот легендарный факт, сохранившийся в зороастрийской традиции, свидетельствует о том, что у арьев с самого начала сосуществовали светские учения с религиозными, иногда взаимодополняя друг друга или противореча друг другу.

Джамшед (Йима) воздвиг в стране Арьяна Вейджа — на прародине арьев, Вару - убежище для людей и скота от суровой зимы. Нам представляется, что первые поселения арьев (конец III тыс. до н.э.) необходимо искать севернее от Каспийского и Аральского морей (возможно, одно из первых Вар - поселение Аркаим на Урале). В пользу такой локализации свидетельствует рассказ о суровой зиме в “Видевдате”, когда на созданную Ахура-Маздой первую страну Арьяна Вейдже его противник (злой бог) Ахриман ниспосылает суровую зиму.

¹ Фирдавси. Шахнаме. — М., 1957. — С. 57.

Из всех территорий исторического расселения арьев только территория к северу от Каспийского и Аральского морей (Поволжье и Северный Казахстан) выделяется суровостью зимы, в отличие от Средней Азии, Афганистана, Ирана и Индии.

Вара, согласно Авесте, состояла из трех концентрических кругов стен, во внешнем из которых было девять проходов, в среднем шесть и во внутреннем три. Подобные по планировке поселения древних арьев были обнаружены археологами от Южного Приуралья до Северного Афганистана. Этот маршрут продолжающегося во время правления Джамшеда на юг переселения арьев иносказательно изложен в "Авесте": Царь Йима (Джамшед) "выступил к свету в полдень на пути Солнца", т.е. повернувшись в южную сторону в три раза расширил землю. Возможно, на рубежах III-II тыс. до н.э. усилилась массовая миграция индоиранцев - арьев на юг. Индоиранцы уже самостоятельно передвигались по обоим берегам Амударьи на юг, а индоарии, в юго-восточном направлении уже вторглись на Индийский полуостров.

Джамшед правил 616 лет (по одной версии - 600 лет, по "Шахнаме" - 700 лет), и к концу своего царствования он настолько возгордился, что бросил вызов богам, объявив себя «творцом мира». Этим он навлек на себя гнев богов, и в его народе началась смута. Воспользовавшись моментом, иноземный царь Заххак сверг его с престола Пешдодов. Джамшед еще 100 лет жил в изгнании, скрываясь от преследований воинов Заххака, которые все же схватили его в Чине (Китайском Туркестане).

Заххак (авест. Ажи-Дахак) - четвертый, иноземный царь Пешдодов правил 1000 лет (ок. 2634—1634 гг. до н.э.). Его арабское происхождение, о чем писали ученые, вызывает у нас ряд серьезных возражений: во-первых, территория расселения древних арьев не соприкасалась с местонахождением семитских племен (предков арабов). Между ними располагались могущественные в ту пору государства - Шумер, Ассирия и Вавилон. Во-вторых, уже арабское, иноземное происхождение тирана Заххака в «Шахнаме» (и в пахлевийской литературе) было во многом обусловлено стремлением дискредитировать исламскую религию

соотносимую с арабским игом.

Мы считаем, что Заххак был вождем (правителем) одного из индоарийских племен (или союза племен), которое, соседствуя с царством Пешдодов или находясь с последним в вассальных отношениях, из-за ослабления этого государства перешли в контрнаступление и захватили власть. Об этом свидетельствуют сведения, касающиеся многовекового правления Заххака: во-первых, как сообщается в «Шахнаме» (и других источниках), Заххак перенес свою столицу не в Аравию, как это ожидалось от иноземного узурпатора власти, а в Индию; во-вторых, в сказании о Зале и Рудобе (в «Шахнаме»), восходящем к ранней (доарабской) фольклорной традиции, говорится, что Рудоба была дочерью царя Кабулистана (совр. Кабул), потомка Заххака. Нахождение у власти страны потомка индоарийского правителя, по нашему мнению, ближе к исторической реальности, чем потомка арабского (или семитского) правителя.

В-третьих, включение иноземного захватчика, узурпатора власти в перечень правителей Пешдодов (хотя и без божественного фарна) говорит о существовании какого-то единства (или близкого родства) между ним и арийским народом (возможно, индоиранская общность).

В-четвертых, родословная Заххака, по зороастрийской традиции, ведет к Фраваку и Фравакиён – родителям Хушанга – отца арьев, т.е. предок Заххака Таза был братом Хушанга.

В-пятых, уподобление Заххака трехглавому дэву (в «Махабхарате» образ Аги Бидастья) восходит к началу противопоставления дэвов и ахуров у арьев. Возможно, во времена легендарных царей начался и во время героических царей усилился антагонизм между богами индоиранцев. В «Ригведе» дэвы – благие божества индоариев, побеждают злых асуров (ахуров), а в «Авесте», наоборот, ахуры – благие божества, уничтожают злых демонов – дэвов, которые уподоблены страшным многоглавым, многооком чудовищам (или великанам), пожирающим людей.

На наш взгляд, образ Заххака и его тысячелетнее правление отражают реальность долголетнего правления чужеземных правителей из его рода, которые правили именем

основателя династии (как Ахемениды, Аршакиды, Сасаниды, Саманиды и др.). Поэтому под 1000-летним правлением Заххака можно подразумевать долгое правление не одного царя, а целой династии (Заххакидов).

Во время многолетнего иноземного правления, вероятнее всего, политический центр арьев переместился на юг, к исторической Ариане (совр. Таджикистан, Афганистан и Восточный Иран), но страна была разорена, скот разграблен, поля были заброшены и на них росли сорняки. Деревни и поселения были в руинах и представляли собой пепелища. Это то, что осталось от первого чужеземного правителя Арианы.

Фаридун (авест. Тразтаона) - потомок Джамшеда, сверг с престола Заххака и стал пятым правителем Пешдодов (1552-1134 гг. до н.э.).

Заххак во время своего правления преследовал не только Джамшеда, но и всех его потомков. Этот чужеземный правитель хорошо понимал, что наследники престола с помощью народного восстания против иноземного гнета свергнут его. Только Фариду удалось избежать преследования и казни, и в итоге во время народного восстания во главе с кузнецом Кавой он вернул себе престол предков. Это народное восстание - первое историческое сведение (хотя и мифологическое), о первом проявлении любви арьев - предков таджиков, к своей Родине, о борьбе против чужеземных захватчиков, свержении иноземного ига и защите Отчизны от произвола и поруганий, о стремлении к восстановлению этнонациональной династии у власти. Это восстание - пример не классовой борьбы между "угнетателями" и "угнетенными", как это трактовалось ранее, это была народно-освободительная борьба за утверждение собственного национального (выраженного в единстве народа и его изгнанного правителя) достоинства. Взаимопонимание и взаимодействие между народом и его правителем привело, в конечном счете, к уничтожению чужеземного ига.

Такого единого патриотизма народа и его правителей, проявленного в легендарной истории предков таджиков, очень не хватало в его многовековой жизни, особенно в последние столетия. Подобное единение между народом и властью (возвращение от-

ца-правителя в родной дом и изгнание «отчима») превращается в праздник. Фаридун венчается на царство в первый день месяца Мехр, и в память о победе над чужеземным тираном и восстановлении законной власти Пешдодов учреждается праздником Мехргон.

*«Так месяц мехр настал и в день счастливый
стал государем витязь справедливый.*

Освобожденный мир забыл о зле

и правда воцарилась на земле.

Забыли о раздорах, о коварстве,

был новый праздник установлен в царстве»

(«Шахнаме», с. 94).

Мехргон - один из значительных народных праздников (наряду с Наврузом и Сада), он отмечается в дни осеннего равноденствия (21-22 сентября) в таджикских селениях.

Царь Фаридун женится на дочери Джамшеда - Шахрноз (авест. Сахнавак), а Эрनावаз (авест. Арнавак), на бывших женах Заххака. Перед этим он наставляет их на путь истинный, т.е. возвращает их в «родную религию (веру)». Во время совместной жизни с Заххаком, под его давлением они стали дэвопоклонницами, отойдя от родной религии - почитания божественных ахуров. Через 50 лет правления Фаридуна у него родилось трое сыновей: старшие - Сейрима (в «Шахнаме»-Сельм) и Тура (в «Шахнаме»-Тур) от Шахрnaz и младший - Арья (в «Шахнаме»-Ирадж) - от Эрनावаз. После женитьбы сыновей Фаридун разделил свое царство следующим образом: Запад достался Сайриму, Чин (Восточный Туран) и Туран - Туру и собственно историческая Ариана - Арье.

Древние арьи (времен царствования легендарного царя Фаридуна - XVIII-XIII вв. до н.э.) распространились на огромной территории, охватывающей Южный Урал и Западный Казахстан на северо-западе, Южный Казахстан и Китайский Туркестан - на востоке и низовья Амударьи - земледельческие оазисы Средней Азии, Афганистана и Восточного Ирана - на юге. После раздела

царства Сайриму досталась территория Южного Урала и Северо-Западного Казахстана, Туру - степные просторы Средней Азии и Казахстана и, возможно западная часть Китайского Туркестана (Чин), а Арье - земледельческие оазисы широкого русла Амударьи. Провести границу между владениями Сайрима и Туры невозможно, так как на их территориях преобладал кочевой образ жизни, т.е. границы были подвижными. Между этими братьями сохранялся мир, и впоследствии, в многовековой войне с Арианой, они объединились. Туран - владения Туры (возможно, Туран - страна, берет свое название от имени первого правителя, как и Ариана, -от имени Арья), доминировал в этом многовековом противостоянии "степь-оазис". Название Туран постепенно распространилось и на владения Сайрима, род которого прекратился после его казни. Подтверждение этому мы находим в сведениях, касающихся правления царя Арьи. Зороастрийская литература ("Бундахишн" и др.) сообщает, что наследие царей Парадата (Пешдодов), воплощенное в хварне (фарн), низшло к Арье, сыну Траэаони (Фаридун) еще при жизни его отца. Лишь двенадцать лет успел процарствовать Арья на благо Арьяна Вейджа и всех семи каршваров (тадж. кишвар-страна). И.В. Рак в своем монографическом труде отмечает, что центральная власть арьев находится не в Хванирате ("страна доблестных колесниц"), а в Арьяне Вейджа ("Арийский простор"), откуда правитель царствует не только в центральном (срединном) кишваре, но и над "семи каршварами" (владения Туры, Сайрима и др.).¹ В "Шахнаме" также сообщается, что верховная власть была передана Арье ("и трон верховный дал ему отец").²

Ко времени царствования Арьи (ок. 1564-1552 гг. до н.э.) территория расселения древних арьев настолько расширилась, что первоначальная "срединная страна" - Хванирата - превратилась в периферийное владение. Роль политического центра перешла к Арьяна Вейдже.

¹ Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана./ СПб. - М., 1998. - С. 199.

² Фирдавси. Шахнаме. - С. 102.

Где же находилась столица Пешдодов времен Арьи (и Фаридуна)? Из существующих источников известно только, что Заххак - чужеземный царь, перенёс столицу в Индию. Речь идет не о самой Индии, так как туда ушли близкие родственники — индоарии. Тем более оттуда не только невозможно было бы контролировать степные просторы Средней Азии, но и своевременно отражать постоянные набеги кочевников. Столица поздних Пешдодов была, вероятнее всего, в Харойве (гр. Ароя - совр. Герат). К этому времени общеиндоиранская мифо-географическая модель места обитания (Хванирата-степные просторы севернее от Каспийского и Аральского морей, куда впадала Вахви-Датъя — Амударья) заменялась арийским представлением об Арьяна Вейдже (та же самая Амударья (Вахви-Датъя) в центре мироздания, только без связи с Рахой (Волга), которая впадала в Ворукашу (Каспийское море) с севера.

Подтверждение такому историческому передвижению арьев по направлению и времени мы находим у знатока Арианы проф. И.В. Пьянкова, который в своих изысканиях опирается на археологические данные. Он пишет, что эти данные относятся прежде всего к западным вариантам *андроновской* культурной общности. Самый ранний из них, представленный яркой и самобытной *петровской* культурой (XVII-XVI вв. до н. э.), ограничивается в основном степями Западного Казахстана и Южного Урала. Следующий, в лице *алакульской* культуры (XV-XIII вв. до н. э.), вырастающей из петровской, широко распространяется и в Средней Азии: памятники ее находят в районе Ташкента, в долине Зеравшана, в Фергане и т. д.; вбирая по пути элементы соседней срубной культуры, этот вариант создавал смешанные типы, например *тазабагыбская* культура (XV-XI вв. до н. э.) в низовьях Амударьи. Надо думать, что в памятниках всех этих культур и в их распространении на юг и запечатлена история протоиранских арьев Хванираты, страны колесниц: не случайно колесницы сопровождали носителей петровской и ранне-алакульской культур даже на тот свет, составляя характерней-

шую принадлежность их погребальных сооружений.¹

После двенадцатилетнего правления Арьи (ок. 1564-1552 гг. до н. э.) старшие братья, правители кочевых племен, организуют заговор против этого верховного правителя (царя царей). Они были недовольны тем, что верховная власть досталась не им, а младшему брату. В это время грозный победитель Заххака (Фаридун) состарился, а Арья, согласно зороастрийской традиции, был не боец, не богатырь, жизнь вел тихую, дни проводил в молитвах и проповедовал смирение.² Сайрима и Тура, объединившись, отправляют послание отцу с требованием лишить Арию верховной власти и отправить его в отдаленные земли царства, иначе они пойдут войной против Арианы. Разгневанный отец отказывается выполнить требование взбунтовавшихся сыновей. Но Арья, узнав о притязаниях братьев, приезжает к ним на переговоры без сопровождения войска. Он готов сложить с себя властные полномочия, но брат Тура убивает его. Это братоубийство станет причиной многовековой вражды Турана и Арианы (трансформировавшейся в сасанидскую эпоху в Иран).

Братья убивают и сыновей Арьи - Анидара и Анастаба, а позже и его дочь - Гузак. Фаридуну удается спасти внучку - дочь Гузак. Взбунтовавшие сыновья не осмеливаются идти против отца, вернувшего к царствованию, и возвращаются в свои владения.

Фаридун, встав у власти ок. 1552 г., опекает потомков Арьи. Он живет вблизи далекой горы Мануш, и здесь в десятом поколении рождается Манучехр (авест. Манушчихра - «рожденный на горе Мануш») - наследник престола (по «Шахнаме», Манучехр - правнук Фаридуна, внук его любимого сына). С достижением совершеннолетия Манучехр объявляется соправителем Фаридуна, и на торжестве, приуроченном к этому дню, присутствуют двое сыновей кузнеца Кавы и другие прославленные богатыри Арианы. Это свидетельствует о всенародной поддержке назначения Манучехра на высокую должность в государстве. Но

¹ Пьянков И.В. Этническая история Средней Азии//Восток. - 1995, №6. - С. 35.

² Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана./ СПб. - М., 1998. - С. 198.

Сайрима и Тура отказываются участвовать в торжественной церемонии. В своем послании к отцу они просят его прислать к ним Манучехра, и тогда они признают его сюзеренитет (верховную власть):

*Пусть Манучехра с воинством огромным
Пришлет он к нам, просящим, робким, скромным.
Чтоб мы пред ним стояли как рабы,
- Мы не хотим теперь иной судьбы*
(«Шахнаме», с. 125)

Но Фаридун догадывается о заговоре, и обе стороны готовятся к войне. Манучехр отправляется в бой. Начинается многовековая война между Тураном и Арианой. Манучехр разбивает туранское войско, убивает сначала Туру, затем Сайриму и отправляет их головы Фаридуну. Фаридун, насладившись свершением праведного возмездия, передает престол Манучехру и умирает (ок. 1134 г.). Завершается 500-летняя эпоха его правления, включая 12 лет правления Арьи.

В первые годы царствования Манучехра (ок. 1134 г. до н.э.) туранские войска напали на Ариану. Предводителем туранских войск был царевич Афросиаб (авест. Франграсйан), сын Пишанга, потомок Туры. В первом сражении в горах Падашхвар (локализация неизвестна, возможно, это Восточный Иран или Северный Афганистан) туранские войска окружили и разбили боевую дружину Манучехра. Манучехр вместе со своими военачальниками попал в плен. Но, по неизвестным нам причинам, Агрерат, брат предводителя туранцев (туров), освободил Манучехра и его военачальников из плена. Разгневанный этой вестью, Афросиаб убивает своего брата. Вероятнее всего, после разгрома передовых дружин во главе с царем вблизи Моуру (Мерв) Афросиаб, развивая военный успех, оставил пленных под надзор брата и ушел в глубь страны на юг. Освобожденный Манучехр со своей военной свитой удалился на восток, в сторону Вэкеры (Кабул) или Бахди (Балх), чтобы удержать хотя бы часть своих владений для подготовки к контрудару. Ему понадобилось 12 лет, чтобы

собрать новые силы для изгнания захватчиков, (зороастрийская традиция отводит 12 лет на правление туранца из 120 - летней эпохи правления Манучехра). Хотя Афросиаб и захватил большую часть Арианы, но ему не удалось добиться верховной власти, так как Манучехр был жив и готовился к решающей битве в одной из подвластных ему стран, куда он перенес и свою столицу.

Зороастрийские источники сообщают, что Афросиаб "свой царский чертог" воздвиг на той самой горе, в долине которой Йима некогда построил множество селений и городов. Вероятнее всего, свой царский шатер он установил в низовьях Амударьи, вблизи Хорезма. Здесь он творил не только зло, но и множество добрых деяний: провел каналы, чтобы морские корабли могли заходить в города, отстоящие далеко от моря, и основал много селений. Его деятельность у озера Кансава (совр. Хамун в Систане), от которого он отвел соленую воду, указывает на тот факт, что его владения простирались от степей Приаралья на севере до озера Хамун на юге, включая оазисы Хорезма, Мерва, Арею и Дрангиану. У Манучехра же остались территории Бахди (Балх), Ишката (Бадахшан), Вэкерты (Кабул) и, возможно, Согд.

Афросиаб не включен в перечень царей Пешдодов, в отличие от другого чужеземного царя - Заххака, так как ему не удалось захватить верховную власть, и его неоднократные попытки заполучить божественный фарн не увенчались успехом:

*Нельзя достать мне Хварну,
Которой завладели
Грядущие и бывшие
Цари арийских стран.¹*

В это время во владениях Манучехра восторжествовал земледельческий закон, и была провозглашена маздаяснийская вера.

¹ Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. / СПб. - М., 1998. - С. 206.

По истечении 12 лет, воспрявший духом, царь Манучехр начал контрнаступление против туранцев, чтобы изгнать их из Арианы. После первого сражения обе стороны поняли, что силы равны. Начались переговоры, и они пришли к соглашению: пусть самый искусный лучник из войска Манучехра выпустит стрелу с горы Арьяхшут(?), и там, где упадет стрела, отныне и будет проходить граница между арийскими и туранскими землями. Выбор стрелка из арийского войска, который должен был стрелять в направлении противника, говорит о том, что, несмотря на равные силы воюющих сторон, психологическое преимущество было на стороне арьев. И лучник Эрахш, из всех сил натянув тетиву, выстрелил и пал замертво, от напряжения. Стрела упала у горы Падахшвар, и арьи ликовали, так как по договору туранцы возвращали захваченные земли. Призыв к богу Митре во время заключения договора свидетельствует о том, что обе конфликтующие стороны почитали одних и тех же богов.

После изгнания туранцев Манучехр посвятил последние годы правления мирному труду. У него были сыновья: Фриш, Новзер, (авест. Наотара) и Дурасроб (предок пророка Заратуштры). Умер он ок. 1014г. до н.э.

Трон Манучехра унаследовал Новзер (ок. 1014 г. до н.э.). Новый царь быстро забывает предсмертные наставления отца. Он стал притеснять права жрецов и воинов. Его царствование было коротким и неудачным, и оно практически не освещается в зороастрийской традиции и богатырском эпосе. Только благодаря народному фольклору сведения о нём сохранились до времён Фирдави и вошли в «Шахнаме».

Обеспокоенный ростом недовольства жрецов и воинов в столице, Новзер призвал Сама, одного из преданных богатырей своего отца, получившего от последнего за доблестную службу одну из подвластных ему стран:

*Восславил Манучехр богатыря
И одарил он Сама, как царя*

(«Шахнаме», с. 139).

Ариана и Туран в древности

Прибывшего в столицу для защиты престола Сама встречали вельможи Новзера, которые предложили ему самому занять трон. Он гневно отверг уговоры о захвате трона и призвал их вновь присягнуть царю Новзеру, обещая вернуть царя на правильный путь. Ему это удастся, он возвращается на Родину, где вскоре умирает.

В это время весть о смерти грозного Манучехра и недовольстве народа и войска поведением его преемника доходит до Турана. Правитель Турана Пешенг снова отправил царевича Афросиаба в поход против Арианы. В многодневном, кровопролитном сражении туранцы разгромили войско Новзера и взяли в плен самого царя. В этом сражении не участвовали дружины Сама, сын которого Заль был занят похоронами отца. Афросиаб на короткое время становится царем Арианы. Но вскоре против него выступили дружины Залья с остатками войска царя Новзера. Полководец Заль разгромил туранское войско. Тогда, отчаявшись, Афросиаб обезглавил Новзера и отступил к Турану.

У Новзера было двое сыновей: Темасп и Тус. Хотя туранцы и отступили к своим владениям, они все же не прекращали набегов на Ариану. Нападали на мирные села и города, грабили людей и угоняли скот. И на защиту Родины встал сын Новзера - царевич Тус. Он освобождает крепость Кангдеж, захваченную туранцами.

Но наследником престола стал Зов - внук Новзера. Зов (авест. Узава) процарствовал всего пять лет (ок. 1007-1002 гг. до н.э.). В начале его царствования на землю приходит засуха. Ожесточаются сражения между военными дружинами Турана и Арианы. Силы обеих сторон истощаются. Начались мирные переговоры. В итоге границу между этими двумя странами определяют по Амударье-Вахшу: левобережье до Китайского Туркестана (поздний Восточный Туран) остается у Арианы, а правобережье - у Турана. Установив мир на границе, Зов возвратился в свою столицу и занялся обустройством страны: он проводит новые каналы, осваивает целинные земли, расширяет пахотные земли и т.д.

Через пять лет царь Зов, уже 86-летний старик, умирает.

Царем становится его сын, последний Пешдод — Гаршасп (ок. 1002-993 гг. до н.э.). Сведения о его царствовании очень скудны. Известно, что он царствовал 9 лет, продолжая традицию Пешдодов по охране границы и давая отпор туранским набегам. Со смертью Гаршаспа наступили тревожные времена. Пешенг очередной раз отправляет Афросиаба в поход против Арианы. Арийские войска возглавляет временно Заль, который выступает против Афросиаба. Перед сражением Заль убеждает военачальников, что без царя не может быть победы, и призывает их избрать нового царя. Выбор пал на Кей Кубада (авест. Кави Кавата), потомка Фаридуна по Арье. В младенческом возрасте он был брошен на берегу реки. Его нашел и воспитал отец Гаршаспа — Зов. Юный богатырь Рустам отправляется за Кей Кубадом и приводит новоизбранного царя в военный лагерь арьев. Так заканчивается короткий период междоцарствия, и на престоле Арианы воцаряется новая династия — Кейаниды (авест. Кавии).

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КЕЙАНИДОВ

Кей Кубад (авест. Кави Кавата), основатель новой героической династии Кейанидов, сменил на престоле Арианы династию царей-первозаконников Пешдодов. Название династии происходит от названия жреческого сословия — *кави*. С воцарением Кей Кубада слово "кави" было переосмыслено как царский титул.

Возможно, в последний период правления Пешдодов различные полукочевые арийские племена, расселяясь в исторической Ариане (в основном в широком бассейне великой реки Амударьи), постепенно переходили к оседлому образу жизни. В итоге чувство племенной общности стало слабнуть. Племенное единство предопределяло жесткую вертикаль власти. Здесь же, в исторической Ариане, взамен племенного самоутверждения арьев появилось и постепенно укреплялось чувство территориальной общности, так как арийские племена заселяли свою новую Родину компактно, по племенному принципу. Территориальная само-

идентификация, укрепившаяся в общественном сознании оседлых арьев, в географических условиях Арианы (оазисы, горы и реки), затруднявших создание централизованного унитарного государства, обусловила зарождение центробежных сил в государстве. При исследовании политической истории династии Кейанидов выявляется следующее: ранее божественный ("огненный") фарн (хварна) ниспосылался только выдающимся представителям династии Пешдодов (Яшт XIX, 26-39), которым приписывались иногда деяния и поступки многочисленных, менее заметных правителей, царствовавших до и после них, теперь же фарн стал распространяться на всех представителей дома Кейанидов, включая и второстепенных, параллельно царствующих:

Сильное Кавиев Хварно...

Которое пристало Царям Кави-Кавату и Кави-Апивоху,

Всем Кавиям - и Усану,

И Аршану, и Пишину,

И Бьяршану с Сьяваршаном

Так, что они все стали

Могучие и смелые,

Отважные и мудрые

Всесильные цари.

(Яшт XIX, 70-72).

Теперь божественная хварна (фарн) стал называться "хварной Кавиев".

Передача верховной власти от Пешдодов Кейаниду Кубаду, в обход многих прославленных богатырских родов (Рустам, Гударз и др.), продемонстрировала всем, что представители этой династии являются законными правопреемниками прежнего правящего дома. После прекращения рода Пешдодов у власти вновь встал воспитанный в этом доме представитель древнего царского рода (рода Арьи — родоначальника оседлых арьев).

Государство Кейанидов, в отличие от Пешдодов, был союзом самостоятельных земель (стран), типа, возможно, конфедерации, с политической гегемонией одной из арийских стран (земель), правитель (кей) которой одновременно являлся общеарийским политическим лидером. Оазисный характер Арианы предопределял слабость внутренних связей государства, так как обжитые людьми места (долины, города) граничили с высокогорьем, безлюдными пустынями или горными реками, которые являлись природной преградой для развития более тесных отношений в общественно-политической жизни всех арьев.

Несмотря на то, что во внутриобщественной жизни арьев был силен регионально-территориальный сепаратизм, в международных сношениях, направленных, главным образом, на нейтрализацию или отражение набегов кочевников-соплеменников (туранцев) и других внешних врагов, они действовали консолидированно.

Где же находилась столица героических (ранних) Кейанидов?

Родина ранних Кейанидов, где новоизбранного царя всей Арианы (Кей Кубада) нашел богатырь Рустам, находилась в Дрангиане (совр. Систан). В Авесте (Яшт XIX, 66) содержится указание на это место происхождения Кей Кубада ("тому, кто воцарится из озера Кансава, реки Хаэтумант, там где гора Ушида, среди разлива вод, стекающих с горы"). Исследователи единодушно идентифицируют авестийское озеро Кансава с озерами Хамун и реку Хаэтумант с рекой Хильменд в современном Систане (нынешний юго-запад Афганистана и восточная окраина Ирана). Археологи обнаружили в этом районе (вблизи селения Надиали) развалины древнейшего города с дворцовой постройкой, которую исследователи отождествляют со столицей ранних (героических) Кейанидов.

Кей Кубад (ок. 993-978 гг. до н.э.) после воцарения на престоле сразу же приступил к отражению очередного набега туранцев, возглавив местных правителей – героев и доблестных воинов. Война закончилась разгромом туранского войска. Прави-

тель туранцев попросил у Кей Кубада мира, на что он согласился. За свое 15-летнее правление Кей Кубад укрепил центральную власть, расшатавшую при последних Пешдодах, и объединил арийские земли (в "Шахнаме" сообщается о столетнем царствовании Кей Кубада).

После Кей Кубада к власти пришел его сын Кави Аливеха. О времени его правления ничего не сообщается в зороастрийских текстах, кроме того, что он также владел хварной и сопровождал отца во время военных походов. Возможно, его правление было очень кратковременным (меньше года). В "Шахнаме" о Кави Аливехе нет ни строчки. Он имел четырех сыновей: Кей Арша (авест. Кави Аршан), Кей Биярша (авест. Кави Бьяршан), Кей Пишина (авест. Кави Пишина) и Кей Кавуса (авест. Кави Усан), которые стали правителями арийских стран. Среди них на первенство претендовал Кей Кавус, который получил "правление во всех семи каршварах", т.е. гегемонию в Ариане. Остальные братья правили в качестве его наместников удельными княжествами.

Кей Кавус (ок. 978-828 гг. до н. э.) не только отражал военные походы кочевого севера, но и нападения с востока, со стороны бывших соплеменников-индоариев. Строки в "Шахнаме" о походе Кей Кавуса против мазандаранских дивов и его сражении с Белым дивом, Ардженгом и царем страны во многом совпадают с действиями ведических ариев в эпической поэме "Махабхарата". В последней пишется о походе брата царя легендарного рода Пандавов Арджуны на запад. Начиная поход от Индрапрастхи (совр. Дели), он постепенно покоряет своих западных соседей, среди которых оказываются камбоджи (народ государства Кейанидов) и бахлики (бактрийцы). В «Шахнаме» говорится о пленении Кей Кавуса (Кавья Ушанас у ведийских ариев) Ардженгом. Кей Кавуса спасает герой Рустам. Исследователи датируют эти исторические события X-IX в. до н. э., что совпадает с эпохой правления Кей Кавуса.

Сын Кей Кавуса, царевич Сиявуш (авест. Сьяваршан) из-за придворных интриг попадает в немилость отца и покидает его. Он отправляется к правителю туров Афросиабу, который тепло

встречает его и отдает ему в жены свою дочь Фарангис. Сиявуш строит город Сиявушгерд (Бухару — согласно Нишапури) и становится удельным владельцем. Но вскоре интриги брата правителя туров Гарсиваза привели к тому, что Афросиаб приказывает убить своего зятя. Фарангис же со своим сыном Хусравом возвращается в Ариану. Его дед Кей Кавус объявляет своим преемником не своего сына Фарибурза, а Хусрава (авест. Хаусрава). Удельные князья (богатыри) арийских земель после некоторого колебания признают Хусрава правителем Арианы. В наследнике Сиявуша Кей Хусраве течет кровь арьев и их соплеменников — туранцев, и, по традиции, он становится мстителем за невинно убитого туранцами отца. Именно во время правления Кей Хусрава (828-768 г. до н.э.) происходят основные ожесточенные войны между арьями и туранцами. Он посылает одного из выдающихся своих полководцев — Туса во главе авангардных сил против Турана, затем сам выступает с основными силами. Тус сражается против отборных частей Турана, против знатных богатырей рода Вазсака недалеко от туранской столицы, в проходе Хшатросука (Яшт V, 52-59). А Кей Хусрав осаждает и берет штурмом столицу туров — город Кангху и пленяет правителя Афросиаба и его брата Гарсиваза. Археологи обнаружили в местности Тагискен у Аральского моря обугленные развалины древнего города (примерно IX в. до н.э.), который отождествляют с древней столицей туров. Наконец, в Ариане воцаряется мир, но не в результате примирения воюющих соплеменников, а в результате разгрома туров и казни их упорных предводителей.

Кей Хусрав освобождает из плена Джихну — сына Афросиаба и вручает ему Туран. Теперь северная земля, откуда постоянно исходила угроза нашествия, становится лояльной (возможно, вассальной) страной кейанидской Ариане.

Кей Хусрав в последние годы своего правления по непонятным причинам (в “Шахнаме” говорится о терзаниях Кей Хусрава по поводу того, что он недостойн Ирана, т.е. тогдашней Арианы, так как в нем течет не только арийская кровь, но и кровь туров) отказывается от трона, несмотря на уговоры своих васса-

лов-удельных князей Арианы. Своим преемников он называет своего родственника Лухраспа – внука Кави Пишина. После этого он чудесным образом исчезает в горах во время снежной бури со своими верными соратниками – героями Арианы.

Эта история о самовольном отречении от верховной власти последнего представителя героической династии Кейанидов свидетельствует о том, что и эта династия так же, как и первая, была ярким выразителем народных стремлений и чаяний. Эта очень редкая практика (самоотречение от власти) в политической истории таджиков (и всего Востока) показывает, что ради стабильности и благополучия страны и народа Кей Хусрав пожертвовал тронem.

Лухрасп (авест. Арватасп) - представитель боковой линии рода Кейанидов (род Кави Пишина – внука основателя династии), правил в Балхе. Теперь политический центр Арианы в очередной раз переместился в новое место, в Бактрию (авест. Бахди). Все местные правители признали верховную власть Лухраспа и новую столицу Арианы:

*И все князья, склонившись до земли,
Царем своим Лухраспа нарекли.*

(Шахнаме)

Кей Лухрасп (768-648г. до н.э.) - последний представитель героической династии Кейанидов, согласно источникам, продолжает традицию предшественников по охране границ от нашествий и по укреплению государственной власти в Ариане.

Кей Гуштасп (гр. Виштасп), который в 648 г. до н. э. получил престол Кейанидов, уже историческое лицо. В 30-й год своего правления он принял новую религию от чужеземца (согдийца) пророка Заратуштры.

КУЛЬТ И БОЖЕСТВА ИНДОИРАНЦЕВ ДО ЗАРАТУШТРЫ

Основными объектами культа у кочевников-индоиранцев были огонь, вода и плодородная земля.

Огонь – основной объект культа, был очень значимым для жителей степей. Возжигание огня было трудным делом, и древние кочевники старались, чтобы в их очагах постоянно горел огонь. Основной пищей кочевников являлось мясо домашних и диких животных, которое готовилось на огне, огонь же был источником тепла в ненастные дни и зимние морозы. Они видели в горящем пламени нечто сверхъестественное, божественное.

Индоиранцы совершали приношения огню из трех элементов – сухих чистых дров, благовоний (обычно из сухих трав и листьев) и животного жира (обычно во время приготовления пищи).

Осознание кровного родства между человеком и животным являлось причиной некоторого трепета и страха, когда человек убивал животное. Поэтому и кочевник, и охотник, отнимая жизнь у животного, читали освятельную молитву.

Вода – следующий объект культа. Благодаря воде (дождю) в степях стала возможной жизнь – вырастала зеленая трава и увеличивался скот – основное богатство людей.

Индоиранцы обожествляли воды рек и озер, как богинь, молились и совершали им возлияния (зоатра. – М. Бойс). Возлияния совершались старшим в семье возле ближайшего водоема или речки в виде молока, сока из листьев растений. Растение, которое толкли для получения сока, называлось по-авестийски хаома (то, что выжимают) (древнеиндийское сома). Древние иранцы считали, что это растение (эфедра) имеет ценные свойства, оно богато алкалоидом, применяющимся в качестве допинга.

Плодородная земля – очередной объект культа, почитался в двух ипостасях: земля как почва и земля как богиня: Мать Зем и Отец-Небо Асман выступали как прародители всего сущего.

Понятие «арта» (или «аша»), одно из основополагающих

понятий зороастрийской религии, уже существовало у индоиранцев до Зороастра. Согласно «аша» («истина»), в мире функционируют как законы природы, так и законы человеческого общества. «Истиной» для индоиранцев был глобальный закон мироздания: движение небесных светил, смена времен года, жизнь и смерть растений, животных и людей, изменение погоды и климата, а также деление людей на три сословия — *жрецов*, *воинов* и *скотоводов-пастухов*.

В отличие от постулатов других религий, миропорядок индоиранцев не был неизменным и навечно нерушимым. Существовали злые (или темные) силы, которые обрушивали на землю бедствия — засуху, болезни и всячески мешали спокойной жизни людей. В этой борьбе сил Добра и Зла победа первых не считалась предопределенной, а зависела от усердия людей в содействии тем или иным силам.

У индоиранцев жило поверье, что нет ничего нейтрального, всё сущее надделено «духом» (майной), который относится или к стану Добра или Зла (Истины или Лжи). Постепенно у индоиранцев укрепилось верование в два враждующих стана богов — *ахуров* и *дэвов*.

В разных племенах благими божествами, хранителями Истины-Аши выступали как ахуры, так и дэвы. Но по мере территориального разделения и удаления друг от друга происходило и религиозное размежевание между иранскими арьями и индоариями. Племенные культы, до этого единые, постепенно разделились, божества других племен стали восприниматься враждебно и противопоставляться собственным богам. В пантеоне богов иранцев появляется Бог Победы — *Вертрагна*, заменивший аналогичного индийского бога *Индру*. До прямой противоположности расходились представления о благостном и злом: например, ад у ведийских арьев был расположен на юге, а у авестийских арьев там находился рай, а ад — на севере. В «Ведах» индийцев дэвы были богами, а *асуры* (ахуры) — демонами (служителями силы Лжи (или Тьмы), а в арийской традиции дэвы считались порождением Тьмы (или Лжи), а *асуры* (ахуры) — богами Истины (и Добра).

Даже погребальные обряды стали отличаться. Индоарии избрали трупосожжение, а иранские арьи практиковали обычай выставления трупов в определенных местах. По обычаю, умершего выставляли в дахме, прикрепив за волосы и ноги, чтобы хищники не смогли утащить его части по земле к водоему, считавшемуся у арьев священным. После уничтожения плоти солнечными лучами и с помощью хищников кости собирали и погребали в оссуарии (костехранилище).

В племенах почитались верховными разные боги. У индоариев главой пантеона выступал Индра – воинственный Бог Войны и Победы, метатель громов и молний. Верховный бог Индра носил эпитет «виртрахан» – «поражающий Виртру (гигантского змея)». У иранских арьев ему противопоставляется Вертрагна, получивший имя по этому эпитету Индры. Но у иранских арьев верховным богом был Митра – Бог договора.

Скотоводы не могли жить в хаосе. Все их передвижения и смена места заранее обсуждались в совете старейшин у вождя и согласовывались с соседями. Постоянные перегоны скота на новые пастбища, опасность набегов и грабежей со стороны сильных соседей вынуждали вести переговоры с последними и заключать договоры о мире и о границах пастбищ. Клятва Митре считалась священной, и клятвопреступников сурово карали.

Митра, бывший сначала олицетворением верности договору, стал почитаться как бог войны, сражающийся на стороне праведного (*ашавана*) и безжалостно уничтожающий нарушителей соглашения, договора (*друдвант*). Ему же поклонялись и как великому судье, беспристрастно оценивающему поступки людей, и как солнечному божеству.

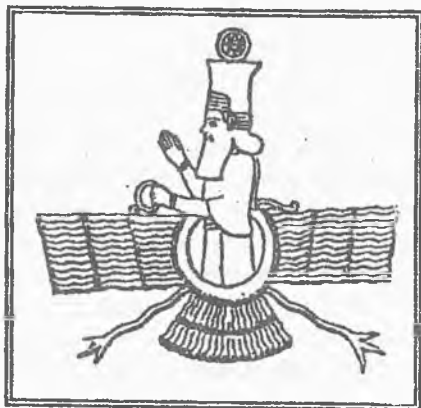
Вокруг Митры находились меньшие божества: *Варуна* – «Божественная клятва»; *Аришат* – «Справедливость»; *Аирйаман* – «Дружба»; *Хамварэти* – «Доблесть»; *Сраоша* – «Послушание»; *Хварэна* – «Божественная благодать» и др.

Среди божеств, покровительствующих вселенским водам, в религии иранских арьев главная роль отводилась *Ардвисуре Анахите* (букв. «Влага чистая») – богине в облике прекрасной девы (единственное божество в облике человека). Считалось, что

Анахита живет на вершине мировой горы Хукарьи у источника Ардви. Вершина Хукарьи достигает небесной обители богов, и оттуда, с высоты неба пречистый поток по склону горы низвергается в мировой океан Ворукашу — далеко на востоке.

Каждый год в надлежащий срок с небосвода к океану спускается бог Тиштрия (Сириус) в облике белого златоухого коня. Его неизменно встречает уродливый черный конь — Апаоша. Три дня и три ночи бьются они без отдыха. Апаоша временно выигрывает битву и гонит Тиштрия прочь от водоема. Благодаря вмешательству человека, который молится и делает возлияния хаомы в честь Тиштрия, последний набирается сил и одолевает противника (олицетворение засухи). Тогда он погружается в воду и пьет ее днем и ночью. Затем, насытившись, он снова поднимается на небо и по всей Земле разливает обильные дожди.

Глава II

ПРЕДКИ ТАДЖИКОВ В ЭПОХУ ЗОРОАСТРИЗМА

- Заратуштра – пророк Арианы.
- Распространение зороастризма на запад.
- Греко-Бактрийское государство.
- Смутное время на рубеже новой эры.
- Ариана во времена Кушан.
- Сосуществование зороастризма с другими религиозно-идеологическими учениями мира и его влияния на них.

ЗАРАТУШТРА - ПРОРОК АРИАНЫ

Пророк Заратуштра, сын Порушаспы из рода Спитама, является основателем самой древней и благородной религии откровения — зороастризма (в греческой передаче имени Заратуштра - Зороастр).

Согласно зороастрийским преданиям, Заратуштра достиг тридцати лет, возраста зрелой мудрости, когда он получил Откровение. Однажды, участвуя в весеннем празднестве, он отправился на рассвете к реке за водой для приготовления хаомы (ритуального напитка). Он вошел в реку и постарался взять воду из середины потока. Когда он возвратился на берег (в этот момент он сам пребывал в состоянии ритуальной чистоты), перед ним в свежем воздухе весеннего утра возникло видение. На берегу он узрел сияющее существо, которое открылось ему как *Воху-Мана*, т.е. «Благой помысел». Оно привело Заратуштру к *Ахура-Мазде* и пяти другим излучающим свет персонам, в присутствии которых пророк «не увидел собственной тени на земле из-за их яркого свечения». От этих семи божеств Заратуштра и получил Откровение.

Определение родины и времени жизни этого исторически реального человека было и остается объектом горячих споров среди исследователей. Его родословие, изложенное в «Денкарте», убедительно доказывает не только реальность его существования, но и принадлежность к великим царям Арианы (Манучехр).

Вот как выглядит родословная Заратуштры:

Заратуштра был сыном Порушаспы (среднеперс. Порушасп).

Порушаспа был сыном Падирагтараспа.

Падирагтарасп был сыном Уругдхаспа.

Уругдхасп был сыном Хаечадаспа.

Хаечадасп был сыном Чихшнуша.

Чихшнуш был сыном Паетраспа.

Паетрасп был сыном Ареджадхаршна.

Ареджадхаршн был сыном Хардхара.

Хардхар был сыном Спитама (среднеперс. Спитам).

Спитама был сыном Ваздишта.
Ваздишт был сыном Ниязема.
Ниязем был сыном Аирика.
Аирик был сыном Дурасроба.
Дурасроб был сыном Манушчихра, царя Ирана.¹

Постараемся определить родину пророка. Для этого обратимся к Авесте - священной книге зороастризма. В главе «Видевдата» (дословно - «Закон против дэвов-демонов») перечисляются «лучшие из областей и стран» новой религии. Здесь называются «Арьянам Вайджа» (Арийский простор), «Гава, обитель согдийцев», «Моуру (область Маргиана) могучая, правоверная», «Бахди (Бактрия) прекрасная, с высоко поднятыми знаменами», «Нисайа, что между Моуру и Бахди» и др. Судя по приведенным названиям, родину пророка необходимо искать, скорее всего в древних историко-культурных районах Средней Азии и прилегающих к ней районах (Восточный Иран - Хорасан и Афганистан).

В авестийском «Гимне Митре» также содержится не только перечисление, но и характеристика в основном древних кишваров (оазисов) Арьянам Вайджа:

*Где храбрые владыки
Собираются на битвы;
Где на горах высоких,
Укромных, полных пастбищ,
Пасется скот привольно;
Где на озерах волны
Вздываются глубоких
И где рек судоходных
Широкие потоки
Стремят свое течение
И к Ишкате Парутской,
И к Мерву, что в Харайве,*

¹ Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана./ СПб. - М., 1998. - С. 249.

*И к Гаве, в Согдиане
Или текут в Хорезм.¹*

На наш взгляд, описанные в этом отрывке области должны рассматриваться как территория, где возникла и распространилась новая религия – зороастризм. Естественно, одна из этих областей (стран) является родиной пророка. Б. Гафуров допускает мысль, что «Бактрия, с высоко поднятыми знаменами» «была если не первой, то одной из стран, на территории которой очень рано распространился зороастризм».² Из истории известно, что «первой страной» возникновения и первоначального распространения зороастризма была, естественно, родина пророка, которая отвергла его проповеди (новую веру принял только его двоюродный брат). Тогда, отчаявшись из-за нескольких лет бесплодных усилий, пророк покидает родину («нет пророка в своей Отчизне») и отправляется в другие кишвары Арианы. После долгих скитаний он попадает в страну царя Виштаспа (в «Шахнаме» – Гуштасп). Здесь он добивается благосклонности царицы Хутаосы и ее мужа царя Виштаспы. Обращение в новую веру Виштаспы рассердило соседних правителей, которые потребовали его возвращения к старой вере. Когда царь отказался, началась война, в которой победил Виштасп. Эта победа, естественно, усилила веру в преимущество новой религии над старой, что послужило скорейшему принятию народом Виштаспы новой веры и ее распространению среди соседних, включая побежденные народы.

Учитывая гипотезу Б. Гафурова о Бактрии, «где одним из первых очень рано распространился зороастризм»,³ возможно считать Бактрию тождественной стране могучего царя Виштаспа. Родиной же пророка, на наш взгляд, является соседняя с Бактрией страна – Согд. Так, И.В. Пьянков, известный знаток Арианы, тщательно и убедительно обрисовал маршрут поиска Заратуштрой страны (и правителя), в которой можно было бы проповедо-

¹ Стеблин – Каменский И.М. Авеста. - Душанбе. 1990. – С. 57.

² Гафуров Б. Древняя, древнейшая и средневековая история. – М., 1972. – С. 52-53.

³ Гафуров Б.Г. Там. же. С. 65.

вать новую веру. Покинув Согд, скитаясь по странам Арианы и преодолевая труднопроходимые водные и горные преграды, он, наконец, прибывает в Бахды (совр. Балх), ко двору кави (правителя) Виштаспы. Здесь он находит и приют и покровительства.¹

Нет единства среди исследователей не только в определении родины пророка, но и во времени его деятельности. Известный знаток зороастризма М. Бойс склонна датировать жизнь пророка серединой II тыс. до н.э.² Каждый серьезный исследователь аргументирует свою датировку жизни пророка.

Предпочтительнее, на наш взгляд, точка зрения И.В. Пьянкова, опирающегося на критическое осмысление зороастрийской традиции. «Наиболее развернутые сведения на этот счет, - пишет он, - сохранились в «Книге Арда-Вираза». Религия, которую распространял Зороастр, сохранялась в чистоте в течение трехсот лет, пока не пришел Александр, убивший правителя Ирана и разрушивший его столицу и царство. Наряду с цифрой 300 в зороастрийской традиции в том значении и другая - 258 лет. Производный её характер от первой очевиден: 300-42 (возраст пророка, когда был обращен в его религию кави Виштаспы) = 258». По мнению этого исследователя, зороастрийское летоисчисление вело счет времени не со дня (года) рождения или смерти пророка, а со дня первого божественного Откровения, полученного им. Исходя из этого, по современной системе летоисчисления, ученый предлагает следующие даты: 660 г. до н.э. - рождение Заратуштры, 630 г. до н.э. - Откровение, 618 г. до н.э. - обращение кави Виштаспы, 583 г. до н.э. - смерть Заратуштры.³

Так, примерно, с начала VI в. до н.э. зороастризм начинает распространяться в Бактрии и других странах Арианы - родине авестийских арьев.

Как стало известно, Бактрия являлась со времен поздних (исторических) Кейанидов политическим центром всей Арианы,

¹ Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: Проблема места и времени // Вестник древней истории. - 1996. №6. - С. 11-16.

² Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. - М., 1988. - С. 27.

³ Пьянков И.В. Указ. раб. С. 16-17.

которая, кроме Бактрии, включала Согд, Моуру (Мервский оазис), Харайву (Гератский оазис), Харахвати (Кандагар), Зранку (Систан), Гандариту (Гандхара) и другие более мелкие оазисы, находящиеся между вышеназванными каршварами (странами). Ариана представляла собой не политическую общность, а культурно-историческую и эко-хозяйственную целостность, связанную единым языком (многочисленные восточно-иранские диалекты), единым эпосом (деяния Йимы, войны с турами-кочевниками Франграсяна и т.д.) и единой религией (вера в земледельческие божества - Митру, Анахиту и другие во главе с Ахура - Маздой и культ огня, воды и плодородной земли и т.д.).

Нам предстоит исследовать политическую историю Арианы (VII в. до н.э. - VII в. н.э.), на территории которой в VII-X вв. формировался таджикский народ. Как справедливо пишет И.В. Пьянков, «Арианой в древности называли страну, территория которой довольно точно соответствует территории формирования в более позднее время, уже в начале средневековья, таджикского народа. Ариана и вопрос о сущности и формировании исторической общности Арианы теснейшим образом связаны с предысторией таджикского народа».¹

Бактрия «с высоко поднятыми знаменами» была политико-административным центром всей Арианы. Она оставалась таковой в течение всего существования Арианы, несмотря на то, что она быстро потеряла свою роль религиозного центра, так как зороастризм (или шире маздеизм), видоизменяясь, распространился очень далеко - доходя до центра Римской империи в виде митраизма на западе и как религия бон в труднодоступном Тибете на востоке, и под именем Хурмуста арийский бог Ахура Мазда занял положение верховного бога у монголов. Она не потеряла своего значения и тогда, когда была завоевана могущественными империями (Ахеменидами и Сасанидами), которые создали здесь наместничество во главе с царскими особами правящего дома.

¹ Пьянков И. В. Ариана по свидетельствам античных авторов. // Восток. - 1995, №1. - С. 39.

Территория Бактрии охватывала обе стороны верхнего течения великой реки Арианы Амударьи-Вахша, доходя на севере до Каратегина. На востоке Бадахшан входил в состав Бактрии, в восточной части которого Бактрия соприкасалась с сакскими (т.е. турами) племенами Памира и восточного Турана (позднее Китайский Туркестан - Синьцян). На западе Северная (т.е. правобережная) Бактрия граничила с Согдом по западной части бассейна Сурхан-дарья, а на северо-западе граничила с ним через Туркестанский хребет. Левобережная Бактрия на западе доходила до восточных окраин Мервского оазиса и Герата. Горы Хиндукуш являлись южной, естественной, границей Бактрии.

Согд, вторая страна Арианы, родина пророка Заратуштры, имел особое положение в Ариане. Это особое положение было обусловлено не только тем, что он дал Ариане пророка, но и тем, что являлся северным форпостом, т.е. первым из стран Арианы принимал бесконечные удары со стороны соплеменников — кочевых племен Турана. Согд также не был единым. Он состоял (по крайней мере) из четырех частей: Северного Согда (левобережье Сырдарьи до Ферганы), Самаркандского Согда (верховья Зеравшана), Бухарского Согда (низовья Зеравшана) и Южного Согда (бассейн Кашкадарьи). Согд на севере и северо-западе граничил с беспокойным Тураном, на юге и юго-западе Амударья отделила его от остальной части Арианы, на востоке горные отроги отделили его от Северной Бактрии.

Политическим центром Согда был город Мараканда (совр. Самарканд). Согд чаще других из стран Арианы переходил из рук в руки во многовековом противостоянии Арианы и Турана.

Зранка (гр. *Дрангиана* - совр. *Систан*)- родина ранних (легендарных) Кейанидов, столицей которых был, видимо, город Надиали, обнаруженный археологами вблизи озера *Хамун* (авест. *Кансава*) у реки *Хильменд* (авест. *Хайтумант*), третья страна Арианы.

Роль Зранки, позднее Систан, в Ариане велика не только потому, что она была родиной легендарных царей (ранних Кейанидов), но и потому, что «в озере Кансава, оберегаемом 99. 999 *фраваш* (*ангелы-хранители*), пребывает семя Заратуштры, из

которого родится Саошьянт «Грядущий Спаситель». (Яшт XIII. 62.).¹

Вообще, в возрождении и новом расцвете арийской (зороастрийской) религиозной, эпико-мифологической традиции после разгрома Ахеменидской державы Александром Македонским и доминирования эллинизма при Селевкидах и Греко-Бактрийском царстве роль Систана, особенно его новых жителей-саков, огромна. Если Ахемениды подхватили идущее с востока (из Арианы) религиозное движение (зороастризм) и приспособили его для государственных нужд империи (пример Дария I), то Сасаниды также обратились к возрожденному в Ариане зороастризму и возвели его в уровень государственного культа. Но Систан продолжал творчески развивать сако-согдийское эпическое творчество. Здесь интересовались не только религиозными творениями своих предков, но и их ратными подвигами. Яркий пример: образ народного героя Рустама Сагзи («сак»-по происхождению) в великой «Шахнаме», воспевающей славное прошлое Арианы и Турана. Даже после завоевания Систана арабами в этой стране сохранялась самая крупная зороастрийская община, теперь уже в составе Ирана.

Арея (авест. Харайва, совр. Гератский оазис) находилась на перекрестке дорог, откуда разошлись передвигающие с севера индоиранские племена. Индоарии ушли на юг, западные иранцы (персы и мидийцы) - на запад и восточно-иранские племена расселились в Ариане. Возможно, в Арее была столица поздних Пешдодов.

Маргиана (авест. Моуру, совр. Мервский оазис) - территория бассейна реки Мургаб, расположенная между Бактрией и Парфией, более тяготеет к последней.

Парфия (или Нисайа), самая западная страна Арианы, является вторым ярким примером редкого, но плодотворного сотрудничества народов Арианы и Турана. Если сако-согдийская традиция в Систане оставила нам в наследство великий эпос о мифических деяниях и легендарных подвигах народных богаты-

¹ Авеста в русских переводах (1861-1996). - СПб., 1998. - С.336.

рей Арианы и Турана (Рустам, Сиявуш, Тус, Гударз, Афросиаб и др.), то дахи, западные кочевники Турана, совместно с парфянами и маргианами прославились как могущественные противники Рима. Они, в отличие от Ахеменидов, не пропустили авангард Запада (в лице римлян) на Восток. Парфянский царь Вологез I впервые провел кодификацию (запись) «священной книги» зороастризма - Авесты. Название царской резиденции - *Михрдаткерт* (городища *Старая* и *Новая Ниса* у Ашхабада) и имена могущественных царей Парфии *Митридат I*, *Митридат II* и *Митридат III* (буквально «данное Митрой») свидетельствуют об особом их почитании Бога договора - Митры.

Политическая история Парфии была более тесно связана с Переднеазиатской Месопотамией, чем с самой Арианой.

После уточнения места (Ариана) и времени деятельности пророка Заратуштры (660-583 гг. до н.э.) мы переходим к исследованию его реформы в религиозной сфере.

Заратуштра происходил из жреческого сословия и по достижению возраста совершеннолетия (пятнадцати лет) был посвящен в младший жреческий сан. Стихотворные проповеди Заратуштры (позже собранные в 17 гатах Авесты) свидетельствуют о его незаурядном поэтическом мастерстве. Несомненно, он обучался сложению молитвенных гимнов и декламировал их во время служб. К тридцати годам он уже стал заотарем - полноправным жрецом, допущенным к знанию сокровенных религиозных таинств. После этого он был озарен «истиной праведной (мазда-яснийской) веры». Его призвал на служение себе Ахура Мазда («Господь Мудрый»). Так Заратуштра стал пророкам.

Учение Заратуштры проповедовало дуалистический монотеизм - особую разновидность единобожия, теологическая система которой отрицает существование иных богов, кроме одного, но вместе с тем признает существование сверхъестественной силы, антагонистичной богу.

Конечно, дуализм был присущ и другим монотеистическим религиям (представления о дьяволе в католицизме, шайтане (или иблисе) в исламе, нечистая сила в русских поверьях и др.).

Образ единого благого бога - Ахура-Мазды - это творче-

ское переосмысление Заратуштрой культа ахуров, существовавших до него.

Ахура-Мазде противостоит злой дух Анхро Майнью (Ахриман). В «Гатах» пророка он не называется по имени. Оба духа никем не сотворены и существуют от начала времен.

Ближайшее окружение Ахура-Мазды составляют шестеро *Амеша Спента* («бессмертные святые», в поздней традиции *высшие божества* – «махраспанды»): *Воху Мана* («Благая Мысль»), *Аша Вахишта* («Лучшая Истина»), *Хшатра Вайрья* («Власть Желанная»), *Спента Армайти* («Святое Благочестие»), *Хаурватат* («Целостность», «Здоровье») и *Амертат* («Бессмертие»).

Все старые индоиранские боги – *Митра*, *Индра*, *Вертрагна*, *Ардвисура Анахита* и др. – были отвергнуты пророком и причислены к дэвам. Бог только один, и он сотворил мир и все, что есть благого в мире. Осуждается им и хаома, как «омерзительное зелье».

Ключевая идея зороастризма это - идея об активном участии человека в борьбе двух начал. Идея о включении человека в борьбу Добра и Зла существовала и до Заратуштры, но эта идея не была оформлена и осознана. Заратуштра же идею об участии человека в этой борьбе провозглашает как один из фундаментальных постулатов веры. Человек должен иметь теперь более активную гражданскую позицию. Он должен помогать Богу не только «благими мыслями» путем соблюдения обрядов и чтений молить, но и своими «благими словами» и «благими делами». Нравственность в зороастризме ставилась во главу всего. *Истина* – *Аша* в зороастризме это - персонификация праведности, справедливости и благочестивой приверженности «ахуровскому» учению. За *Истиной* – *Ашой* сохраняются все функции по поддержанию миропорядка. Морально-этическая триада «*благомыслие, благословие и благодеяние*» противопоставляется «*зломыслию, злословию и злодеянию*». Эта триада неразделима: мысль и слово без дел – ничто, и зороастризму чужды идеал пассивной праведности и созерцательное самоуглубление.

Все сущее вовлечено в борьбу двух начал: Ахура Мазды

(Истины) и Злого духа (Лжи). С окончательной победой Ахура-Мазды завершится история. Вселенная будет очищена огнем, который испепелит всех другвантов (лжецов) и дэвов, но ашаваны (праведники) пройдут сквозь него невредимыми; мертвые восстанут, облекутся в новую плоть – и все истинное отныне и вовеки будет пребывать в светлом царстве Ахура Мазды, а Злой Дух (Ахриман) навсегда сгинет в небытие.

Такова была общая концепция раннего «гатического» зороастризма, которая распространялась по Ариане.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗОРОАСТРИЗМА НА ЗАПАД

Проследить распространение зороастризма из Арианы (Восточный Иран) на западные племена очень трудно. Западные иранцы (мидийцы, персы) были близкими, родственными племенами авестийских арьев, ушедших во времена великих переселений на запад и юго-запад Иранского плато. Нам кажется, именно этническое родство играло решающее значение в распространении зороастризма на запад. «В любом случае миссионеры зороастризма обнаружили, - пишет известный знаток зороастризма Мэри Бойс, - что легче всего распространять новую веру среди собратьев - иранцев и из-за отсутствия неодолимого языкового барьера, и из-за наличия общего религиозного наследия, облегчающего принятие новой веры. Это соображение усиливалось также еще и присущей иранцам национальной гордостью, которая у них, как у завоевателей, только увеличилась. Для иранцев все неиранцы или *анарйа* (на пехлеви *анер*), были такими же презираемыми созданиями, как варвары для греков. Неиранцам поэтому позволялось следовать той вере, какой они хотели, если, конечно, она миролюбива. Когда многочисленные иранские народы постепенно приняли учение Зороастра, они стали смотреть на него как на часть своего национального наследия, которое со-

ответственно нужно бережно хранить, а не как на всемирное откровение о спасении всего человечества».¹

В те времена не только восточные, но и западные земледельческие племена стали подвергаться опустошительным набегам ираноязычных кочевников-скифов. Эти набеги создавали ту психологическую атмосферу, которая послужила, на наш взгляд, почвой для принятия зороастризма, который воспевал (в своих "гатах") мирное скотоводчество и проклинал кочевнический разбой (как проявление сил зла и тьмы).

Маги одного из шести племен Мидии, находящихся на самом востоке и граничащих с западными странами Арианы, первыми из западных племен приняли зороастризм.

В это время (конец VII - начало VI в. до н.э.) Мидия из страны, платившей дань (Ассирии, скифам), превращается в могущественную державу. Возможно, ведя трудные войны со скифами Киаксар - царь Мидии (624/23 - 585/84), через магов познакомился с новой религией, такой необходимой для него и его армии идеологической поддержкой против врагов - кочевников. Вероятно, в этот период зороастризм и начал делать успехи среди западных иранцев. С течением времени Рага (совр. Рей вблизи Тегерана), самый восточный из мидийских городов, становится священным центром зороастризма.

Религия ранних Ахеменидов уже давно является предметом научных споров и дискуссий, и в наше время трактуется по-разному.

Нам известно, что у иранских народов, включая персов и мидийцев, были одинаковые культы и божества. Пророк Заратуштра проповедовал не какую-то новую чуждую религию (идеологию), а только реформировал и совершенствовал в сторону монотеизма старую религию. Поэтому-то зороастризм был понятным и близким всем иранским народам, включая правящие династии Ахеменидов.

Ранние Ахемениды (Кир II и Камбиз), будучи гибкими политическими деятелями, являясь поклонниками религиозных

---

¹ Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. - М., 1988. - С. 60.

воззрений иранских племен (народов), терпимо относились к чужим религиям. Кир II, например, назвал одну из своих дочерей Хутаосой, а этим именем звали одну из непоколебимых адептов (последователей) зороастризма, жену царя Виштаспы, покровителя пророка. Будучи великим правителем, Кир II, вынужденный вести бесконечные войны для расширения своей огромной империи или ликвидации опасности угрозы со стороны соседей, не пытался навязать зороастризм, постепенно ставший общеиранской религией, своим инонациональным подданным, имевшим уже развитые религии (Вавилон, Египет, Иудея).

Веротерпимость Кира, доходящая иногда до благосклонности к религии и культу своих подданных, служила не только гарантом относительной стабильности обширной империи, но и восприимчивости к влиянию зороастризма. Например, освобождение иудеев из вавилонского изгнания (разрешение Кира на их возвращение на родину) и восстановление храма в Иерусалиме послужили прославлению (объявлению) иудеями Кира "вторым Исаией" (пророком периода изгнания), мессией.

Кир погиб в войне со своими соплеменниками — массагетами Турана на северо-востоке своей империи. Здесь его империя доходила до Кирэсхаты (нынешний Куркат, возможно от "Курушкат" - город Кира, Науский район Таджикистана, на левобережье Сырдарьи). Его тело было выкуплено у кочевников и привезено в Пасаргады. Тот факт, что его тело было положено в гробницу, а не выставлено первоначально на открытом месте на съедение хищникам, послужил поводом к сомнению о принадлежности Кира к зороастрийской вере.

"Однако, - пишет известный знаток зороастризма Мэри Бойс, - не только Ахемениды, но и их преемники - Аршакиды и Сасаниды придерживались обряда бальзамирования трупов царей и оставляли их в скальных и каменных склепах. Предписаний для такого похоронного обряда нет ни в Авесте, ни в литературе на пехлеви, напротив, о гробах для мертвых там всегда говорится с безусловным осуждением. Поэтому можно только предположить, что отказ Ахеменидов от обычая выставять трупы явился прецедентом для царей, которые стали с тех пор рассматривать себя

как неподвластных этому частному религиозному закону».¹

Это не единичный случай ревизии зороастрийской веры, позднее Ахемениды в пантеон богов зороастризма включают Митру и Анахиту, отвергнутых ранее самим пророком.

Пропаганда оседлого мирного образа жизни, сильной власти и монотеизма (культ единого верховного бога) была очень симпатична Ахеменидам, стремившимся к абсолютизации, к установлению культа правящегося дома. Постепенно усиливаясь, поддержанный империей (после Дария I), зороастризм стала догмой, на которую, как на идеологическую базу, опирались Ахемениды. Зороастризм Ахеменидов теперь резко отличается от первоначального (восточноиранского). Это отличие ярко охарактеризовал выдающийся востоковед В.И. Абаев. "Контраст между Западным и Восточным Ираном, - пишет он, - в высшей степени поучителен, потому что он отражает общую тенденцию в истории мировой культуры: на одном полюсе концентрируются воля к власти, военная сила, грубый материализм, государственная гигантомания, подавляющая всякое нравственное начало, на другой - поиск духовной пищи, расцвет мифологического и эпического творчества, религиозные озарения. В то время, как мидийцы и персы создавали громадные деспотические государства, строили помпезные дворцы и грандиозные колоннады, восточные иранцы творили мифы, эпические циклы, создавали религиозные системы, которыми они питали и Западный Иран, страдавший духовным бесплодием».²

Первоначально благородное высоконравственное религиозное учение (проповедующее благомыслие, благословие и благодеяние) стало орудием оправдания злодеяний и произвола правителей-деспотов.

Упомянув (обращаясь) 69 раз имя божественного Ахура-Мазды в своих *Бехистунских* надписях, Дарий I (522-480 гг. до н.э.) оправдывается за свои злодеяния по отношению к своим взбунтовавшимся, но уже плененным врагам — вождям народов и

¹ Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. - М., 1988. - С. 65.

² Абаев В.И. Два зороастризма в Иране // ВДИ. - 1990. - №4. - С. 198.

сатрапий. Здесь заслуживает внимания такой интересный факт: переворот самого Дария против Бардии (или Лже-Бардии - Гаутамы) и его убийство - это следование аше (арты) - высшей правде, а бунт народов и сатрапий против него самого - это следование драуги - злу. Далее, жестокое (даже зверское) отношение к пленным (сдирание кожи с живого человека, сажание на кол, отрезание конечностей (уха, носа) выкалывание глаз), вместо милосердия и гуманизма, является для «царя царей» следованием «Высшей Правде». Так цинично правители-деспоты высокие моральные ценности зороастризма приспособляли к личным, династийским интересам.

Мы проанализировали действие только одного правителя, лихорадочно искавшего освящение своей власти (легитимизации власти) народным учением (зороастризмом) и опоры в нем. Теперь посмотрим, как укрепившаяся власть не только опирается на идеологию, но и искажает одно из ее основных понятий - следование Аше (Высшей Правде). Судя по надписям преемника Дария I Ксеркса (486-465 гг. до н.э.), человек может рассчитывать на обретение Аши только после смерти. Это суждение идет вразрез с сущностью самого учения, призывающего человека к активной жизни в настоящем реальном мире. Переориентация стремлений и усилий людей из этого реального мира в другой (находящейся или в будущем (впереди) или в божественный (наверху) мир) деспотичной государственной властью является первоначальным средством отвлечения людей от решения насущных проблем и сковывания их активной (гражданской) позиции в поиске Правды, которая может поколебать государственные устои.

Усиление зороастризма, проповедующего правильный образ жизни (следование аши) при поздних Ахеменидах, не сопровождалось, к сожалению, усилением воздействия на их моральный облик. История этой могущественной династии - династийные распри, самоистребление. Если убийство своего единоутробного брата Бардии Камбизом привело к прекращению главного рода Ахеменидов (от Кира I) и передаче власти боковой линии Ахеменидов - Дарию (сыну Вистаспа, сатрапа Кира II из рода Ариярамны), то истребление 80 своих братьев Артаксерксом II

Ох (359-338 гг. до н.э.) в борьбе за престол (у его отца царя царей Артаксеркса II (404-359 гг. до н.э.) было 366 жен и наложниц и 150 сыновей) привело империю к моральному банкротству. Прекратился род великого Дария после убийства Артаксеркса и его сына Арсеса (338-336 гг.) придворным евнухом Багоем. Блистательный трон великих Кира II и Дария I евнух поручил малодушному Дарию III Кодоману (336-330 гг. до н.э.), представителю одной из дальних боковых линий ахеменидского дома. В этих кровавых семейных распрях и интригах иссяк и могущественный воинский дух Ахеменидов, служивших не только твердым заслоном натиску Запада на Восток, но и самих способных нанести контрудар. Малодушный Дарий III, имея многочисленные войска, проиграл стратегическую битву при Гавгамелах (1 окт. 331 г. до н.э.) малочисленному греко-македонскому войску под предводительством доблестного Александра (Великого).

Несмотря на смуту в царской семье при последних Ахеменидах, империя оставалась централизованной и относительно стабильной (исключение составлял непокорный далекий Египет, который при всяком удобном случае стремился отделиться от империи). Метрополия (административная столица Ахеменидов - Сузы) была тесно связана со своими (более 20) сатрапиями, разбросанными от Египта на далеком юго-западе до Гандхары на далеком юго-востоке и от Ионии — на северо-западе до Согда (Кирэсхаты) на северо-востоке, благодаря разветвленной сети дорог, самой известной из которых является, конечно, царская дорога от Суз до Сарды (на Запад) и "Лазуритовый путь" до Бадахшана. Хорошо налаженная почтово-курьерская служба привела в восторг даже "отца истории" Геродота, который пишет: "Нет во всем мире смертного, который проделал бы путь быстрее, чем эти гонцы, хитроумное изобретение персов. Рассказывают, что вдоль дороги расставлено столько людей, сколько дней занимает все путешествие — конь и всадник на каждый день пути, и ни снег, ни дождь, ни зной, ни ночная тьма не могут помешать им пройти на полной скорости предназначенный отрезок пути. Первый всадник передает донесение второму, второй — третьему, и так оно переходит из рук в руки, подобно факельному бегу у гре-

ков на празднестве в честь Гефеста. Эта верховная почта называется в Персии - *angareion*".

Почтовая служба, ассирийская по происхождению, предназначалась, прежде всего, для административных (государственных) нужд, для отправления приказаний царя царей и его двора, а затем частных лиц, письма которых подлежали цензуре.

По этим великолепно устроенным дорогам с 334 года до н. э. начало передвигаться войско Александра Македонского, нанесшего не только смертельный удар Ахеменидам, но и существенный урон зороастризму, приведший к эллино-зороастрийскому синкретизму (или симбиозу?).

К этому времени (вторая половина IV века до н.э.) зороастризм, благодаря покровительству Ахеменидов, прочно утвердился в иранском мире, приобретя огромную власть и колоссальную собственность. Несмотря на то, что молодой, веротерпимый Александр Македонский не преследовал никаких религиозных целей, а стремился к «слиянию народов» или «мировой империи», он проклинается в зороастрийских сочинениях («ненавистный Александр») как ненавистный Ахриман (бог Зла и Тьмы).

Идея о мировой империи с политической интеграцией и слиянием культур и религий Востока и Запада не принадлежит Македонскому. Здесь он является преемником великих царей Ахеменидов (Кира II, Дария I). Несмотря на то, что и Александр и великие цари были веротерпимы и могущественны, способны к насильственному захвату чужих территорий и установления относительной стабильности, им было не суждено достигнуть не только слияния, но и примирения Востока и Запада. Противоречия между ними существуют даже в наши дни.

• Обе стороны стремились к реализации благородной мечты, будучи воспитанными на идеях этнического (культурного) превосходства. При Ахеменидах – самоидентификация «арьи - неарии», равносильна греческому «эллины - неэллины» (т.е. варвары), не позволяла ведению равноправного диалога между равноправными участниками. Например, когда А. Македонский, увлеченный восточными обрядами, хотел ввести в своем придворном церемониале ритуал

проскинеза (гр. *proskynein* - «целовать»), он получил, несмотря на свой непререкаемый авторитет, мощное сопротивление. Согласно ритуалу, верноподданные благородного происхождения с легким поклоном, губами прикасались к кончикам своих пальцев и посылали воздушные поцелуи царю, после чего получали поцелуи от царя. Те, кто стоял ниже по социальной иерархии, отвешивали более глубокий поклон, подгибая колени и даже становились на них. Падали ниц и ползком приближались к царю лишь те, кто попадал в опалу. Этот восточный ритуал восходит, на наш взгляд, к сакрализации персоны правителя как «наместника Бога на земле», относящегося к своим подданным по принципу «отец – несовершеннолетние сыновья». Он был чужд грекам, воспитанным по традициям «равноправный гражданин». На их взгляд, хотя Александр и был царем, но был одним из них, равным по праву и достоинству. Каждый грек был готов стоять на коленях перед Богом, но не становился на колени перед человеком, равным себе, несмотря на то, что он выдает себя за «сына Бога-Зевса».

• Обе стороны стремились к реализации благородной цели насильственными, политическими методами. Ахемениды стремились завоевать Элладу и включить ее в состав своей империи путем угроз, подкупов по принципу «разделяй и властвуй», а А. Македонский стремился удержать насильственно завоеванные империи главным образом с помощью катойкии-военных поселений, в страхе удерживающих мирное население от бунтов и волнений.

За пять лет военных походов А. Македонского (331-325 гг. до н.э.), ожесточенные сражения которого проходили в основном в восточных сатрапиях Ахеменидов (Ариане) и Индии, его воины грабили храмы и святые места зороастрийцев, зороастрийские жрецы погибали в столкновениях с ними, защищая святыни религии от насилия и разграбления.

В Ариане (особенно в Бактрии и Согдиане), где народ поднялся против нашествия и насилия чужеземных иноверцев,

тогда горели не только святыни религии, но и целые поселения, тогда погибали не только жрецы, но были истреблены и проданы в рабство защитники целой страны – Согдианы. Древние согдийцы называли А. Македонского самым худшим грешником в истории человечества.

Символично и то, что А. Македонский, стремившийся, как «великий Кир», к созданию мировой империи, вынужден был из-за отчаянного сопротивления свободолюбивых согдийцев и их племенников остановиться на том месте, куда дошел с огнем и мечом и его предшественник.

Он основал (328 г. до н.э.) свою Александрию Эсхату (крайняя!), примерно на том месте, где и Кир свой Кирополь, на левом берегу Яксарт (нынешняя Сырдарья) и изменил направление своего похода в сторону Индии.

Именно в Согдиане, на родине пророка зороастризма, Александр Македонский нашел себе достойного противника – Спитамена, сатрапа Согдианы, возможно, выходца из рода самого Заратуштры (род Спитама). Такое предположение подтверждается, хотя и косвенно, историческими фактами. Так, в 324 г. до н.э. была отпразднована грандиозная свадьба. На этой пышной свадьбе в Сузах А. Македонский, возвратившийся из трудного похода против Арианы и Индии, не отказавшийся от своей великой мечты – слияния народов, и 89 наиболее влиятельных соратников и 10 тысяч воинов женятся на персиянках и дочерях Арианы. Усиление А. Македонского, укрепление его разноплеменной и разнородной империи узами кровнородственных связей не увенчались успехом после его преждевременной кончины. Через год (323 г.) 88 его гетайров, покидают своих персидских (восточных) жен, доверенных им их царем. Только Селевк, полководец А. Македонского, женатый на дочери Спитамена – Апаме, не развелся со своей женой. Они начинают кровопролитную войну диадохов (т.е. полководцев), несмотря на то, что македонское собрание объявляет двух преемников Александра: его душевнобольного брата Арридея и Александра, новорожденного его сына от Роксаны, дочери бактрийского аристократа Оксиарта.

Селевк, активный участник войны за престолонаследие

А. Македонского, в 312 г. до н.э. сумел утвердить свою власть над восточной частью государства. Построив новую столицу — Селевкию на Тигре в Вавилоне, он начал оттуда управлять страной.

Апама, жена Селевка и мать Антиоха I, пользовалась уважением и почетом с их стороны. Они, видимо, прекрасно понимали, что Апама, дочь героя Согдианы из почитаемого рода Спитамена и его жены из Ахеменидского дома, придает Селевкидскому государству видимость продолжения традиции государства Ахеменидов и зороастрийской религии. Поэтому, на наш взгляд, произошло разделение полномочий, когда Селевк I, уделяя основное внимание западной части своего государства (где не прекращалась борьба с другими диадохами — Антигоном в Сирии и Птолемеем в Египте), назначил старшего сына Антиоха I (293 г.) своим соправителем на Востоке (в Иране и Ариане).

Для удержания огромного государства, простиравшегося от Евфрата до Инда и Окса, в повиновении Селевкиды вынуждены были приглашать греческих переселенцев в большом количестве селиться в катойкиях (греческую колонизацию на Востоке Р. Фрай сравнивает с массовой эмиграцией из Европы в США во второй половине XIX в.) — оплоте селевкидской власти. Среди греческих переселенцев было немало представителей гражданских и творческих профессий. Общеизвестно, что и А. Македонского в его походе сопровождали не только его талантливые полководцы — Парменион, Пер, Евмен, Кратер, Неарх, Птолемей, Селевк, Филота, но и не менее талантливые скульптор Лисипп, художник Апеллес, историк Каллисфен (племянник Аристотеля), поэты, актеры, философы и т.д.

Нехватка бюрократических кадров вынудила Селевкидов вербовать и из местной среды образованных людей для ведения административно-хозяйственных дел, которые должны были проживать в городских полисах и поселениях и осваивать греческий алфавит (и постепенно греческий язык). Именно здесь, в греческих полисах (основанных А. Македонским, Селевком и Антиохом), с участием греков и местного населения, привлечен-

ных для бюрократических нужд, шел в основном процесс взаимопрониновения культур (эллино-зороастрийского синкретизма).

Зороастрийские же общины, находящиеся вдали от редких греческих поселений, жили своей жизнью. Селевкиды, завоевавшие политическую власть в Иране и Ариане, вынуждены были вести бесконечные войны на западе и не пытались вмешиваться в религиозную жизнь, довольствуясь своевременным поступлением налогов и податей, так необходимых для ведения войн. Это дало возможность зороастрийским общинам постепенно оправиться от шока, вызванного истреблением жречества во время походов и войны диадохов. Результатом последнего стала безвозвратная потеря части зороастрийского учения, так как зороастрийские жрецы, считая письмо изобретением дэвов (темных сил природы), не зафиксировали письменно учение Заратуштры, а передавали его из поколения в поколение в устной форме, поэтому с убийством жрецов зороастризм был нанесен тяжелый урон.

Горькое историко-политическое наследие Селевкидов для таджикского народа состоит в том, что Селевк I первым из чужеземцев правителей-завоевателей начинает торг землями, населенными предками таджиков (т.е. Арианы). Ведя бесконечные войны за престолонаследие А. Македонского в конце IV в. до н.э. (311-302 гг.), Селевк, утвердившись в Вавилоне, завоевав восточные сатрапии и разгромив мидийского сатрапа Никанора, начинает поход в Индию.

Для восстановления владений А. Македонского в Индии он начинает войну с упорным противником Чандрагуптой (греч. Сандракотт), но в это время осложняется военно-политическая обстановка на западе его владений. Он, вынужденный заключить мирный договор, идет на существенные территориальные уступки. Индийский царь Чандрагупта (династия Маурья), согласно договору, «получит значительные территории, которые когда-то Александр Македонский «отнял у арианов» (Страбон, XI, 2,9)».¹

Исходя из этого и других сообщений (Плиний, VI, 78), а также учитывая эпиграфические находки, считают, что речь шла

---

¹ История таджикского народа. – Душанбе, 1998. – Т. I. – С. 324.

о Парапамисадах (район Кабула. — М.А.), Арахосии (район Газни-Кандагара. — М.А.) и Гедросии (Зап. Белуджистан — М.А.).

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Изучение истории династии Кейанидов и Ахеменидов и военного похода А. Македонского на Ариану показало, что Бактрия, как стратегический центр всех арийских стран, занимает особое положение среди них. Как мы уже знаем, именно благодаря усилиям правителя Бактрии кави Виштаспа зороастризм завоевал большую популярность не только в странах Арианы, но и, продвигаясь на запад, стал государственной религией первой мировой державы — государства Ахеменидов. Ахемениды, в свою очередь, осознавая исключительную роль Бактрии на востоке империи, сатрапами этой страны назначали только из среды авторитетных членов царского рода. Противник и преемник Ахеменидов А. Македонский тоже, впервые встретившись с ожесточенным сопротивлением своему военному походу на самом востоке империи — в Согдиане, выбрал Бактрию временным штабом не только для подавления сопротивления на севере, но и для контроля над всей Арианой и подготовки к дальнейшему походу в Индию. В Селевкидский период мы не встречаем в источниках упоминания о должностях сатрапа (или иных) на север от Бактрии. Только историк Плиний сообщает о военном походе селевкидского полководца Демодама на правобережье Сырдарьи против кочевников-саков. Исходя из этого сообщения, можно предположить, что Согдиана входила в сатрапию Бактрия и традиционно оставалась ареной набегов воинственных кочевников Турана.

В самой Бактрии все больше усиливались военно-гражданские поселения — катойкии, оплот эллинского господства в завоеванных землях. История возникновения Греко-Бактрийского государства, одного из многочисленных эллинических государств, образованных в результате упорных кровопро-

литных войн диадохов (полководцев и сатрапов А. Македонского) за его наследство, мало освещена в греческих источниках. Причиной тому служат не только географическая удаленность этого царства от остальных эллинистических государств, но и неустойчивость в правящем доме (частая смена власти) и в международных сношениях (частые военные победы и неудачи). Исходя из этих обстоятельств, реконструкцию данного государства исследователи проводят, опираясь в основном на нумизматические источники. Даже зороастрийская литература (включая «Шахнаме»), которая служила основным источником реконструкции двух первичных династий — Пешдодов и Кейанидов, ничего не сообщает о чужеземных правителях. В «Шахнаме» Александр Македонский провозглашается «последним кейанидом — Искандаром», после смерти которого наступает «смутное время» Ашканидов (парфянская династия Аршакидов) — это двести лет правления, поэтому «Шахнаме» не может служить надежным источником.

Отпадение восточных владений Селевкидов, лежащих к северу от Хиндикуша, и провозглашение греческим сатрапом Диодотом независимости Греко-Бактрийского царства происходят примерно в 246 г. до н.э. одновременно с отложением Парфии. Отпадение Парфии происходило при сатрапе Андрагоре, который чеканил собственную монету, что означало независимость от Селевкидов. Но правление Андрагора в Парфии продолжалось недолго. Он потерпел поражение от кочевников-парнов под предводительством Аршака, который, по одной версии, восстал против бактрийских греков, и ушел на запад, чтобы создать свое царство. Этот неподтвержденный исторический факт говорит о могуществе Бактрии по отношению к Парфии, где восставшее племя смогло свергнуть ее сатрапа и обосновать свое государство. Но, усилившись, парфяне передвинулись на запад (в Месопотамию). Они стали главной силой отражения вторичного натиска Запада в лице римлян на Восток. Политические процессы в Ариане их почти не интересовали. Основным же объектом нашего исследования будут именно исторические процессы в Ариане, где в это время доминируют Греко-Бактрийские царства.

Подлинным основателем Греко-Бактрийского царства был царь Эвтидем. Он пришел к власти между 235/230 гг. до н.э., свергнув преемника Диодота I и уничтожив всю его родню. В это время Селевкиды, поправив дела на западе, во время чего (при правлении Селевка II) потеряли восточные сатрапии, перешли в контрнаступление, чтобы восстановить свое господство в этой части государства. Энергичный Антиох III в 209 г. до н. э. начал военные действия против Парфии. В результате нескольких сражений парфяне признали верховную власть Селевкидов. Затем (в 208 г.) Антиох III выступил против Эвтидема. В битве на р. Герируд конница Эвтидема была разбита, а царь с остатками армии укрылся в своей столице – Бактрах. В результате длительной (2 года) осады был заключен (в 206 г.) мирный договор, по которому Эвтидем также признал верховную власть Селевкидов. Потом Антиох, перейдя через Хиндукуш, отправился в долину Кабул, где встретился с индийским царем Сандракотом (греч. Софагасеном) и заключил с ним дружественный союз, продолжая традиции своих предшественников-эллинов. После чего вышел к побережью Персидского залива и вернулся в свою столицу в Антиохию (Сирия).

Возможно, (номинальную, видимую) верность Антиоху III Бактрия (и Парфия) сохраняли до 190 г., когда он потерпел поражение от римлян (в битве при Магнесии в Сирии). После этого Эвдидем предпринял походы на север и северо-восток, а его преемники Деметрий I и Антимак I начали завоевание Индии, дружественной страны их бывшего сюзерена – Селевкидов.

Около 171 г. до н. э. Эвкрагид, начальник греческого гарнизона, восстает против Деметрия II и провозглашает себя правителем Бактрии. А к югу от Хиндукуша (в Гандхаре) к власти приходят другие греки из рода Эвтидема. В это время происходит дробление Бактрийского государства, появляется множество греко-бактрийских царей на территории Северо-Западной Индии. После завоевания Гандхары они распространили свою власть в глубь Индии. Около 130 г. до н. э. он даже предпринял рейд на Паталипутру (на реке Ганг), в самую восточную местность, куда когда-то дошла греческая армия.

Время укрепления власти Эвтидема в Бактрии совпало с закатом могущественной империи Маурья, правители которой принимали послов от Селевкидов и даже Птолемеев из Египта. Империя Маурья достигла своего могущества во время правления Ашоки (273 – 236 гг. до н. э.), власть которого распространялась и на Арахосию. При Ашоке государственной религией стал буддизм, и под его покровительством в Паталипутре в 253 г. состоялся буддийский собор, канонизировавший основные догматы вероучения.

После Ашоки империя Маурьев начинает постепенно приходить в упадок. Становятся независимыми Гандхара, где чеканилась своя монета, и Кабулистан, где правил Софагасен, который заключил дружественный союз с Антиохом III Селевкидом. Сюда и направил свои завоевательные устремления Эвтидем.

О завоеваниях в Северо-Западной Индии сообщает Страбон. "Бактрия, – пишет он, – обширна и производит все, кроме оливок. Эллыны, отделившие эту страну, достигли такого могущества благодаря плодородности почвы, что подчинили себя даже Ариану и индийцев, как утверждает Апполодор Артемидан, и покорили большее число народов, чем сам Александр. Отличился больше всех Менандр, который на востоке перешел Гипанис и дошел до Имая; одни завоевания он совершил сам, другие же – сын бактрийского царя Эвтидема, Деметрий. Они овладели не только Паталеной, но также так называемым царством Сараостра и Сигердиды на остальной части морского берега" [Strabo, XI, 11, 1]. *Паталена* – это в древности низовья Инда, и греко-бактрийцы, судя по этому источнику, захватили обширные территории.

Возможно, эти завоевания начались после поражения Селевкидов от римлян (190 г. до н. э.), когда они не смогли прийти на помощь правителям Кабула, с которыми имели договор о дружбе.

Увлечение завоеваниями в Индии привело к потере трона Бактрии преемниками Эвтидема, где военачальник Эвкратид около 171 г. до н. э. захватил власть. Во владения Эвкратиды входили также правобережная часть Бактрии и, видимо, южная часть Согда. Нумизматические материалы свидетельствуют, что в это

время Бухарский Согд остался верен Эвтидему, где продолжали чеканить монету по образцу тетрадрахм Эвтидема, а в южной части Согда (Кашкадарья) был найден единственный в Средней Азии клад, содержащий в основном монеты Эвкратита.

Утвердившись в самом государстве, Эвкратид выступил в поход на юг, где за Хиндукушем армия царя Греко-Бактрии Деметрия вела успешные завоевания. Эвкратиду удалось расширить свои владения за счет Паропамисады, Арахосии и части (западной) Гандхары. Страбон пишет о тысяче городов Бактрии времен Эвкратита. Гордый царь получает титул «Великий».

Но вскоре расцвету Греко-Бактрийского царства пришел конец. Эвкратид после возвращения из одного из индийских походов (около 155 г. до н. э.) был убит своим сыном Гелиоклом. Пока греко-бактрийский престол переходил из рук в руки на западе страны укреплялось Аршакидское государство, превратившееся во время правления Митридата I (171 – 138 гг. до н. э.) в Великую Парфию.

Несмотря на то, что внимание Парфии в основном привлекало политическое наследие Селевкидов, они не упустили возможности присвоить себе и часть территорий ослабевшей из-за дворцовых переворотов Бактрии.

После Эвкратита в Бактрии наступила полная политическая разобщенность, и даже обильный нумизматический материал не дает точной хронологии правления последних правителей Греко-Бактрии (включая время падения этого государства под ударами кочевников). Существуют монеты около двадцати правителей и правительниц Бактрии. Вероятнее всего, после противостояния Эвтидема и Эвкратита, Бактрия, расширившаяся за счет индийских земель, распалась на несколько самостоятельных государств, где правили не только их преемники, но и многочисленные честолюбивые военачальники.

Имеющиеся монеты можно разделить на две категории: по месту нахождения и по языку легенд на монетах.

Монеты Антимаха Теоса были найдены в Бактрии и Согда, их легенды написаны на греческом языке, что говорит о том, что он правил в какой-то из этих областей.

Монеты Архибея, Актиалкида, Антимаха, Никефора, найденные в восточной части Арахосии, с греческими и индийскими легендами, и это свидетельствует о том, что их владения находились в бывших греко-индийских сатрапиях Греко-Бактрийского царства.

Греко-Бактрийское государство состояло, как государство Селевкидов, из сатрапий. Эти сатрапии, в отличие от сатрапий Ахеменидов, занимали значительно меньшие территории. Во главе сатрапии находились должностные лица с титулом стратега.

Государственный строй Греко-Бактрии был также схож со строем Селевкидской державы - верховная власть монарха и совещательный орган из так называемых друзей царя - ближайших родственников и приближенных, в отличие от Парфии, где уже правила местная династия, царская власть которой не была ограничена родовой аристократией.

Несмотря на это, Греко-Бактрия, как и другие эллинистические государства на Востоке, подвергалась сильному влиянию восточного политического учения, утверждавшего божественную сущность власти (благословение от бога - фарн). В государстве обожествлялись правящие лица, что, несомненно, приводило к усилению единоличной царской власти (наподобие шаханшаха Ахеменидов).

Антимах I (первая половина II века до н. э.) был первым из эллинистических правителей, запечатлевшим на монетах свой божественный титул («Бог»). Антимах стремился обосновать традиционную преемственность своей божественной власти (легитимность) и выпустил памятную серию монет с портретами Диодота и Эвтидема, также получивших культовые имена «освободителя» и «бога». Подобную практику продолжил Агафокл.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУБЕЖЕ НОВОЙ ЭРЫ

В последние полтора века до христианского летоисчисления и в первые десятилетия новой эры в исторической Ариане прослеживается разобщенность почти во всех сферах жизнедеятельности людей.

Два крупных государственных образования Арианы - Греко-Бактрия и Парфия - все свое внимание обращали не на укрепление внутренних связей региона, а на решение внешних проблем.

Если греко-бактрийские цари стремились распространить свое могущество на юго-восток (на Индию), то аршакиды Парфии были в основном заняты отражением постоянного натиска римлян с запада.

Преемники Аршака, превратившие одну из скромных провинций Арианы в могущественную мировую державу - «Великую Парфию», простиравшуюся от гор Хиндукуша до Евфрата, вели свою деятельность вне Арианы, тем не менее, они решали несколько стратегических вопросов, касавшихся и этой страны. Во-первых, они стали серьезной преградой военных рейдов с запада (римлян) в глубину Азии, в первую очередь в Ариану; во-вторых, парфяне обескровили греко-македонскую верхушку, сокращая дни их политического господства в Греко-Бактрии (и в других индийских владениях), отрезав их от античных государств Восточного Средиземноморья и древней Греции и разгромив Селевкидов; в-третьих, они сохранили и развили зороастрийское учение, расширив его ареал, что способствовало и расширению самой Арианы - на Гирканию, Мидию, Атурпатакену, и, наконец, в Персиду, собственно изменив название Ариана (Вейджа) на Иранвеж (Ираншахр при Сасанидах).

Как наследники своих предшественников (Пешдодов, Кейанидов, Ахеменидов и т.д.), они отражали набеги своих соплеменников - кочевых иранских племен Турана.

Но на этот раз натиск из Великой степи (владения туров) был смертельным для чужеземных правителей Бактрии. Туры окончательно покорили главную провинцию Арианы, угрожая

Аршакидам на западе. Аршакиды, предприняв огромные усилия и неся потери (гибель двух царей аршакидов – Фраата II и Артабана I в сражении против Кушан), остановили дальнейшие продвижения этих кочевых племен на запад.

Аршакидский царь Митридат II (ок. 123- ок. 88 до н.э.), решив кушанский вопрос (отбросив кочевников от границы своей державы), вел активную внешнюю политику в Закавказье, особенно в Армении. Он открыл новую страницу во внешней (западной) политике Арианы (Парфии) – непосредственный контакт с могущественным Римом, отправив к императору диктатору Сулле посольство (92 год до н.э.).

В последующие 300 лет эти отношения имели не только мирный характер, так как Парфия, как выше было подчеркнуто, превратилась в серьезный барьер, препятствующий продвижению римлян на восток (повторению похода А. Македонского). Парфяно-римское противостояние, как и предшествовавшее греко-ахеменидское, было испытанием жизнестойкости как западных, так и восточных ценностей. Это противостояние (или конкуренция) после Аршакидов осталось в наследство их идейным преемникам – Сасанидам.

Незадолго до установления дипломатических отношений Парфии с Римом во внешнеполитической жизни Арианы произошло еще одно важное историческое событие – посольство посланника китайского императора Уди (140-86 гг. до н.э.) – Чжан Цяна в Бактрию в 128 г. Это историческое посольство, предпринятое сразу после завоевания Бактрии кочевниками не только Средней, но и Центральной Азии, послужило не только установлению прочных связей Арианы с Дальним Востоком, но и со всеми мировыми цивилизациями древности благодаря рождению и бурному развитию Великого Шелкового пути (от ханского Китая до императорского Рима).

Великий Шелковый путь, возникший на рубеже эры, являлся преемником сразу двух великих торговых путей древности: Лазуритового - от Арианы на Запад (в Месопотамию), и Нефритового - от Турана (Восточного) в Китай.

Уже с III тыс. до н.э. из Арианы (вернее, из ее восточной части - Бадахшана) в Переднюю Азию вывозили великолепный лазурит, который украшал столицы древних государств (Вавилон, Шумер и др.).

Примерно, в это время (III тыс. до н.э.) в Восточном Туране возник Нефритовый путь: нефрит, добывавшийся в Хотане и Яркенде, доставлялся в Китай, где его широко использовали, особенно в эпоху Чжоу. По этому пути доставляли не только нефрит, но и через него древние цивилизации знакомились с достижениями друг друга. Как пишет известный исследователь Е.Е. Кузьмина, «изучение взаимоотношений Китая со степями Евразии (где доминировали восточноиранские племена – туры - М.А.) имеет принципиальное значение для решения проблемы происхождения цивилизации в Китае. Китайские археологи отстаивают гипотезу автохтонного развития культуры. Большинство же европейских и американских исследователей полагают, что блестящий взлет китайской культуры в эпоху Инь обусловлен появлением трех важнейших инноваций – колесного транспорта, доместикации лошади и металлургии, распространившихся под влиянием западного импульса. Эта гипотеза была высказана М.Лером и С.В.Киселевым и поддерживается сегодня».¹

Древние арии уже с III тыс. до н.э. укрощали диких лошадей и изобрели боевые колесницы. Легендарная история Арианы и Турана времен Пешдодов и Кейанидов – это настоящий героический век, где культ лошади (вспомним коня Рустама - Рахша) чрезвычайно высок. Символично и то, что возникновению Великого Шелкового пути предшествовал китайский военный поход в Фергану (кит. Давань), через которую в Ариану чуть раньше ходили кочевые племена Восточного Турана, за «небесными конями». Таким образом, приход кочевых племен Восточного Турана в Ариану связал древний Нефритовый путь с Лазуритовым, и новый путь (Лазуритово-Нефритовый) получил название «Великий Шелковый путь».

¹ Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути: контакты населения евразийских степей и Синьцзяна в эпоху бронзы. – М., 1999. – С. 163.

Если учитывать то обстоятельство, что в древности (и в средневековье) посольства снаряжались очень пышно и с богатыми подношениями для правителя принимающей стороны, то можно предположить, что шелк, в начале появившийся в Ариане (Фергане), Дахе (Бактрии), Аньси (Парфии) с посольством Чжан Цяна или непосредственно после него, через 36 лет попал в столицу могущественной Римской империи благодаря посольству Митридата II. Таким образом, Ариана, служившая связующим звеном между западной и индийской цивилизациями, теперь превратилась в перекресток мировых цивилизаций.

Снова на политическую арену вернулись кочевники Турана (владение туров-соплеменников Арианы), которые во времена А. Македонского и Селевкидов откочевали далеко на север и северо-восток, устанавливая контакты с кочевниками Центральной Азии и ханского Китая. В середине II века до н.э. в засушливые годы в степи ожесточалась борьба между восточной частью туров (по-китайски - юэчжи) с хуннами, под натиском которых они вернулись в Ариану. Во время продвижения на запад туры столкнулись с одним из сакских племен (по-китайски - «сэ»), которые вынуждены были отступить и через «висячий мост» (нынешнее Каракорумское шоссе) по юго-восточной части Памира уйти в Северную Индию и завоевать Кашмир. А юэчжи (восточные туры), пройдя через Фергану, завоевали Бактрию. Здесь они попали в поле зрения западных авторов, один из которых (Юстин) сообщает интересный факт: Фраат II, аршакидский царь, приглашает скифов (массагетов) помочь ему в войне с селевкидом Антиохом VII. Но ему самому удастся разбить селевкидское войско, до подхода скифов (т.е. туров), поэтому он отказывается платить им обещанные награды (военную добычу). Озлобленные скифы начинают грабить земли своего союзника (Парфии). В борьбе с ними погибает и сам парфянский царь. Несмотря на плачевный итог этого союза, само его достижение говорит о наличии сходства или родственных (возможно, культурно-исторических) отношений между парфянами (Аршакидами) и кочевыми племенами Турана. Только кочевники - дахи (греч. даи) были союзниками Александра и принимали участие в его индийском походе. Пере-

селение дахов к границам Парфии произошло, возможно, с согласия Селевкидов.

С установлением международных связей Арианы с Китаем благодаря началу функционирования Великого Шелкового пути появилось больше сведений о северных и северо-восточных соседях авестийских арьев – о Кангюе и Фергане.

Кангюй – китайское название кочевого государства Турана, ведущего свое начало от Туры, сына Пешдода Манучехра. Китайское название «Кангюй», на наш взгляд, совпадает со столицей легендарного предводителя туров Франграсьяна «Кангха». Хотя нам известно, что Кей Хусрав сжег столицу туров – Кангху во время пленения Франграсьяна (в «Шахнаме» – Афросиаб). Позже им был отпущен на свободу его сын Джихна, которому он вручил Туран.

Естественно, новый правитель построил новую столицу – на Средней Сырдарье. Преемники Туры-Афросиаба-Джихны, саки-массагеты остановили мощную экспансию Ахеменидов на восток. Последние завоевали всю историческую Ариану и хотели подчинить Туран. Тогда массагеты под предводительством мужественной царицы Томирис не только остановили продвижение Ахеменидского войска во главе с прославленным полководцем Киром, но и наголову разбили их. Кочевники Турана не забывали о своей исторической общности с оседлыми соплеменниками, с которыми они боролись за историческое наследие. При появлении общего врага они протягивали им руку помощи. Так, саки-массагеты помогли Спитамену, боровшемуся за освобождение Согдианы и Бактрии от Александра Македонского, тем самым сохраняя и собственную независимость. Объединенные сако-согдийские отряды нанесли серьезные удары войскам прославленного полководца.

Преемников Македонского – Селевкидов – также беспокоила консолидация оседлых и кочевых племен Арианы и Турана. По сообщению Страбона, сын Селевка Антиох при основании одного из своих городов – Антиохии Маргианской, приказал обнести оазис Маргианы высокой стеной, длиной более 250 км. Селевкиды не ограничились строительством стены, но и организо-

вали карательные экспедиции в глубь степи (экспедиция стратега Демодама — начало III в. до н.э.).

Образовавшиеся из восточных владений селевкидского государства, Парфия и Греко-Бактрия также имели успех, расширяя свои владения, первая - на запад (Месопотамия), вторая - на юго-восток (Индия). Этот отрезок времени политической истории Кангхи (кит. Кангюй) античные авторы почти не освещают, в центре их внимания находились Парфия и Греко-Бактрия.

С возвращением же восточных туров (кит. юэчжи) в Ариану и созданием ими Кушанского государства (по имени лидирующего племени - кушан) политическая жизнь Кангхи стала освещаться в китайских источниках.

Падение Греко-Бактрийского государства явилось началом нового периода в истории народов Арианы. Кочевники Турана начали очередную широкомасштабную экспансию и поочередно захватывали независимые владения Арианы и становились правителями ее земледельческих оазисов.

Возможно, во II в. до н. э. правобережная часть Арианы - Хорезм, Согд, Фергана и часть Бактрии, захваченные кочевниками, находилась под влиянием политического центра Турана — Кангхи. Левобережная же часть Арианы еще больше была политически раздробленной: в одних областях господствовали вожди завоевателей-кочевников, в других власть еще сохраняли последние эллинские правители, а в третьих распространялась политическая власть укрепляющейся Парфии. Страбон сообщает о составе кочевников, захвативших Бактрию, следующее: «Наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно асии, пасианы, тохары, сакаравалы, вышедшие с того берега Яксарта, что подле саков и согдианов и занят сакамы» (Strabo, XI, 8, 2).

Группа сакских племен потерпела поражение от парфян и отступила в Дрангиану. Значительная часть древней Дрангианы была занята сакскими племенами, по имени которых стала называться вся страна — Сакистан (совр. Систан).

В этот период происходит процесс оседания кочевников и их включения в состав оседлого населения не только в Сакистане,

но и в Согде, Северной Бактрии и Бадахшане. При этом значительная часть кочевников сохраняет кочевой образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством.

Примерно в это время наблюдается усиление политического влияния Парфии, которой удалось присоединить к своим владениям Арею, Маргиану, и возможно, Арахосию.

Античные сведения (Исидор Харакский, Плутарх и др.) не называют Сакистан в числе арийских стран, попавших в парфянское подчинение. Сакистан со столицей городом Сигал был, скорее, вассальной страной, могущественные представители которой (род Суренов) привлекались в центральную администрацию Парфии. Например, из этого рода происходил полководец, разбивший прославленную римскую армию в 53 г. до н. э. при Каррах, которого сопровождала 10-тысячная сакская конница.

Самая восточная часть Арианы – Гандхара, подпала под власть саков, перешедших через «висячий мост» в юго-восточной части Памира в Северо-Западную Индию. Они получили у нумизматов наименование индо-сакских правителей. Первым индо-сакским правителем Гандхары был Мавак (греч. Мауэс, инд. Мого), монеты которого были выпущены в этом районе в середине I века до н. э. Монеты Мауэса (греческая легенда в монетах Мавака) позволяет проследить процесс постепенной централизации индо-сакского государства. В начале своего правления он выпускал монеты со скромным титулом «царь Мауэса» (типа чекана греческого правителя Деметрия). Затем, вероятнее всего, распространяя свою власть на всю Гандхару и прилегающие южные области, он выпускает разнообразные монеты с громким титулом «великий царь царей» (наподобие Ахеменидов и соседей – Аршакидов).

Основатель индо-сакской державы Мавак, судя по обилию монет, царствовал долго и ему наследовал его преемник Аза. Расцвет этого государства приходится именно на время правления Аза (примерно вторая половина I в. до н. э.). На всех монетах этого царя неизменный титул – «великий царь царей».

В период правления Аза границы индо-сакского царства были расширены: на западе в состав государства была включена

Арахосия, независимый царь (от Парфии) которой Спалирис упоминает Аза «великим царем» на реверсе своих монет. Позже, возможно, после его смерти, страна переходит во владение индосакских правителей.

Правление последних правителей династии Мауэса Азилиса и Аза II относится, вероятнее всего, к первым годам нашей эры. Вскоре эта династия уступает Гандхару другой династии, возвышенной в Сакистане, состоящей в родстве с Аршакидами, и в исторической науке именуемых индо-парфянскими правителями.

Правление Гондофара, первого представителя новой династии, относится, вероятнее всего, ко второй четверти I в. н.э. Он происходил, видимо, из семьи владетельных домов, управлявших парфянским Сакистаном. Усилившись, он распространил свою власть на Арахосию и Гандхару, что подтверждается монетами, найденными на территории Гандхары, Арахосии и Сакистана. Объединив три области Арианы, он стал претендовать на остальные арийские владения Аршакидов, которые охватили внутренние смуты и войны (первая половина I в. н. э.).

Выпуск драхм аршакидского типа этого периода, скорее всего, объясняет его претензии к восточным владениям Парфии.

Именно к Гондофару, как царю Индии, приезжал апостол христианства Фома, но сведения о результатах его миссионерской деятельности очень скудны.

Гондофар правил до 50 г. н. э. После него государство распалось на несколько частей. Нумизматы предполагают, что после Гондофара в Арахосии и Сакистане правил Пакор (возможно, его сын), а правителем Гандхары стал Абдагас, именуемый себя сыном Гада, брата Гондофара. Надвигающаяся с севера новая политическая сила, постепенно вытеснила этих мелких правителей. Последний из династии Гондофара, Санавбар, управлял Маргианой, куда его вытеснили основатели кушанской империи (80 год н. э.).

Эта новая держава коренным образом изменила облик Арианы.

АРИАНА ВО ВРЕМЕНА КУШАН

К началу нашего летоисчисления во всем древнем мире наблюдается создание крупных государственных образований имперского типа, поэтому I-IV вв. н.э. исследователь Средней Азии С.П. Толстов удачно назвал «имперским периодом древней истории».

Владения республиканского Рима простирались не только по всему побережью Средиземного моря, но и на далеких британских островах на западе и в Закавказье на востоке.

В Парфии (достойном противнике Рима) произошел переворот, в результате которого была свергнута проримская партия во главе с царем Фраатом IV. К власти пришел представитель боковой ветви парфянского правящего дома Артабан (12 г. н.э.), воспитанный в среде кочевых племен.

В древнем Китае в 25 г. н.э. произошла очередная смена династий. Поздняя Хань сменила Старшую Хань.

Приблизительно в это время (I в.н.э.) в Ариане одно из пяти кочевых племен Турана — Кушаны, разгромившие Греко-Бактрию, усилившись, создают свою державу.

Политическая история Кушанского государства исследована неполно. Малочисленность собственно кушанских источников, заметки античных авторов, китайские источники, заключения нумизматов и даже буддийская традиция не дают достаточных оснований для определения абсолютной хронологии кушанской эпохи.

Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху (Душанбе, 1968 г.), открытие Рабатакской бактрийской надписи Канишки (Афганистан, 1994 г.), исследование бактрийских документов из частной коллекции доктора Давида Халили (Лондон) и другие только сужают большой разброс временных рамок кушанской хронологии, не внося полной ясности в эту проблему.

Несмотря на спорность хронологии, общие черты становления этой могущественной державы выглядят следующим образом.

В конце I в. н.э. среди пяти кочевых племен выделяется Кушанское владение. Кушаны во главе со своим правителем, который носит титул ягбу, объединяют разрозненную Бактрию (включая Северную, т.е. Правобережную) в единое политическое целое. В «Истории династии Поздняя Хань» («Хоуханьшу») после завоевания Бактрии сообщается: «По прошествии с небольшим ста лет Гуйшуанский (Кушанский) князь Киоцзюко (Кудзула Кадфиз) покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием Гуйшуанского (Кушанского). Он начал воевать с Аньси (Парфия), покорил Гаофу (Кабул), уничтожил Пуду (Арахозия) и Гибинь (Кашмир) и овладел землями их. Киоцзюко жил более 80 лет».¹

Здесь китайский источник сжато рассказывает о первых военно-политических шагах Кушанской державы времен Кудзулы Кадфиза. Изменения в титулатуре и типах монет Кадфиза I также свидетельствуют об усилении его политической власти. Ранние его монеты выпущены (чеканены) не от собственного имени, там (на лицевой стороне) — портрет одного из последних индо-греческих правителей Гермея с легендой «Царя-спасителя Гермея». Возможно, владения Кадфиза I в силу каких-то обстоятельств находились в положении подчиненных греческому правителю Паропамисаду (район Кабула). Вскоре Кадфиз I не только освободился от этого владычества, но и подчинил себе владения Гермея и других индо-греческих и индо-парфянских правителей. Вскоре он принял громкий титул «Царь царей».

Царствование Кудзулы Кадфиза было весьма продолжительным: он правил не менее 60 лет (примерно 20 г. до н. э. — 40 г. н. э.). В «Ханьшу», охватывающей события до 25 г. н. э., еще не сообщается о сложении Кушанского государства. В хронике же «Хоуханьшу» (составленной в 424 - 446 гг.) имеются сведения о становлении государства Кушан, о последних годах правления основателя государства и о его преемнике (Виме Такту). Открытие недалеко от Сурх-Котала (Афганистан) Рабатакской бактрий-

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. — М.;Л., 1950. — С. 183-184.

ской надписи Канишки, напоминающей по стилю монументальную надпись Дария Великого в Бехистуне и посвященной событиям первого года правления, имеет принципиальное значение в исследовании Кушанской державы.

Канишка в надписи перечисляет четырех царей: Куджулу Кадфиза, своего прадеда, Виму Такту, своего деда, Виму Кадфиза, своего отца и самого себя.¹ Эта надпись впервые свидетельствует, что преемником основателя Кушанской империи Кадфиза I был не Вима Кадфиз (его внук), а Вима Такту (его сын), больше известный по монетам анонимный царь «Сотер Мегас» («Великий освободитель»).

Именно Вима Такту и его полководческий талант способствовали расширению границ Кушанской державы за счет Индии. Вот что сообщает китайская хроника о политических событиях после смерти Кадфиза I: «Его сын Яньчаогжень (т.е. Вима Такту) получил престол и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С его времени Юэчжи (Кушаны) сделался сильнейшим и богатейшим домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский двор удержал прежнее его название – Большой Юэчжи».²

Возможно, Вима Такту, завершив завоевания в Индии и вручив управление своему полководцу, свои захватнические устремления направил в Северную Ариану (т.е. на правобережье Амударьи). Его монеты с надписью «Царь царей – великий спаситель» найдены от Ашгабада на западе до Ташкента на севере.

На наш взгляд, наибольшее распространение Кушан в Северную Ариану (Среднюю Азию) приходится на время правления Вимы Такту и, возможно, его преемника Вимы Кадфиза, когда столица Кушан еще находилась в Бактрии.

Господство же Канишки, когда Кушанская держава достигла своего расцвета, распространялось уже Южнее Хиндукуша, его столица находилась в Пешаваре. Существование таких горо-

¹ Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы// ВДИ. – 1997. – № 3. – С. 10.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. – М.: Л., 1950. – С. 228.

дов, в названиях которых упоминаются кушаны - Кеш (Кушания?) в Южном Согде, Кушания в Центральном Согде (в Зеравшане) и Касан (Кушан?) в Фергане, наводит на мысль о пребывании кушан в Северной Ариане. Исследователи, к сожалению, не определили, в какой период появились эти города – или это было время передвижения кушан в составе кочевых племен из Восточного Турана, или время сложения и расцвета Кушанской державы, или период ее краха.

Необходимо учесть, что китайские источники при освещении событий I и II вв. н.э. всегда упоминают о Кангюи, независимом и сильном государстве, находящемся на берегах Сырдарьи. В этих источниках говорится о породнении кангюйского правителя с кушанскими царями. Вполне возможно, что результатом этой брачной дипломатии была какая-то договоренность о разделе сфер влияния на процветающем Великом Шелковом пути, о поступлениях дани (или податей) из земледельческих оазисов региона и решении других военно-политических и торгово-экономических вопросов.

Страны Северной Арианы (*Фергана, Согд, Хорезм*) составляли группу буферных стран, лояльных (возможно, вассальных) к правителям Кушанской державы, граница которой проходила по «Железным воротам» Дарбандского прохода (совр. Хатлон).

Часть кочевников-туров (кит. юэчжи) при своем продвижении из Восточного Турана, вероятнее всего, осела в Фергане. Но они сохраняли тесные связи с другими кочевыми племенами, которые при гегемонии кушан создали Кушанскую державу. Тем более, что владения остальных племен находились недалеко от Ферганы, в Бадахшане, Шугнани и Читрале.

Переброску крупной 70-тысячной армии для борьбы с китайцами, на наш взгляд, кушаны осуществили не через свои труднопроходимые горные земли, а из Бактрии через Каратегин и Алай, через Фергану, в Кашгар. Пропуск крупной армии Кушан через территорию Ферганы свидетельствует о наличии между ними достаточно дружественных отношений.

Согд не входил в состав Кушанского государства, он традиционно оставался разобщенным, и мелкие владетели чеканили

свои монеты. Кушанские монеты здесь встречались очень редко. Скорее всего, в Согд они попали в ходе торговых операций.

Из Бактрии в Хорезм проходили не только сухопутные торговые пути, но и водный путь по Амударье. Хорезм отличается от Согда обилием кушанских монет, которые, правда, имеют свою местную специфику - надчеканы. Хождение медных кушанских монет с надчеканом в виде *тамг* местных хорезмских правителей свидетельствует о разрешении местных властей хождению в их владениях иностранной валюты, приспособленной к местным требованиям. Вима Такту (правил в пр. 40 - 60 гг. н. э.), максимально расширив свои владения на западе (до границ Парфии), создав буферные зоны из лояльных стран Северной Арианы и заключив династический брак с Кангюем (политическим центром Турана), стал подумывать о своей прародине (Восточный Туран). Здесь у Кушан появился серьезный противник в лице могущественной династии Хань. Так как китайская хроника «Хоуханшу» упоминает только имена Куджулы Кадфиза и его сына-преемника Вима Такту, а в событиях времен столкновения войска Кушан с войсками Бань Чао (70 - 80 гг. н. э.) сообщается только имя наместника Сэ, то можно предположить, что это время правления Вимы Кадфиза (или Кадфиза II), сына и преемника Вимы Такту. Возможно, к этому времени Кушаны, закончив в основном территориальные приобретения, стали стремиться теперь к укреплению внутренних связей своей неоднородной и обширной державы. На данном этапе развития государства новый царь был более занят внутренними проблемами, отправляя в дальний и трудный поход своего полководца. В 84 г., продвигаясь на запад, китайские войска Бань Чао осадили город Кашгар, жители которого призвали на помощь кангюйский отряд. Оказавшись в трудном положении, китайский полководец обратился к кушанскому царю за дипломатической помощью, зная, что он установили брачные связи с Кангюем. Царь отправляет в Кангюй посольство с многочисленными дарами из парчи и шелка. Кушаны оказывают «внушение» правителю Кангюя, и он отзывает свой отряд, который покидает город, захватив Чжуна, правителя Кашгара.

Кашгар подчиняется китайцам. Кушаны помогают китайцам и в захвате города Турфан. После этого (87 г.) кушанский царь отправляет к ханскому двору посольство с целью просить в жены ханскую принцессу. Бань Чао, задержав посольство в Синьцзяне, отправляет их домой. Это послужило поводом к ухудшению отношений между бывшими союзниками, и в ответ кушанский царь отправляет во главе с наместником Сэ 70-тысячную армию против Бань Чао. Из-за трудностей в обеспечении отряда продовольствием этот поход кушан потерпел неудачу. Сэ, вступив в переговоры с Бань Чао, вывел свои войска из пределов Синьцзяня. Несмотря на эту неудачу, Кушаны не прекратили борьбы за Восточный Туран (кит. Синьцзян) с Китаем. Борьба эта велась с переменным успехом.

Имя третьего кушанского царя Вимы Кадфиза более известно благодаря не военным завоеваниям, а реформе денежного обращения. Кадфиз II провел ряд мероприятий по укреплению кушанской государственности. Денежная реформа была самым значимым из них. Денежное обращение при предшественниках Кушан, при индо-сакских и индо-парфянских правителях пришло в расстройство. Они, как и их греко-бактрийские предшественники, чеканили серебряную монету по местному стандарту с весом основных номиналов в 10, 36 г и весом в 2,59 г выпускалась медная монета. Основой обращения была серебряная монета, которая со временем стала неполноценной, так как в нее добавлялось все больше лигатуры (биллон или платина). Видимо, экономическое положение этих правителей было крайне шатким, что вынуждало их к стремлению получить дополнительные доходы путем выпуска недоброкачественной монеты с принудительным курсом.

Естественно, основание крупного централизованного государства, обусловившего рост городов и развитие товарного хозяйства, договоренность с соседями о контроле Великого Шелкового пути толкали кушан к проведению реформы монетного дела. Эту миссию Кадфиз II выполнил успешно.

Монетная система стала основываться не на серебре, а на золоте. Величина нового золотого номинала была определена на основании римских монет, которые вывозились в большом коли-

честве из Римской империи. Новые золотые монеты весили 8,03 г, были монеты и весом в 16,07 г и реже 2,01 г. Однако основной монетой повседневного обращения была не золотая монета (статера), а медная монета, которая стала проникать в сферу мелкого и розничного оборота. Котировка кушанских монет (правда, с местным надчеканом) в Хорезме, о чем мы упоминали выше, ярко иллюстрирует успех денежной реформы Кадфиза II.

Новые монеты свидетельствуют также об изменении в идеологии правящего дома. Если на прежних кушанских монетах на лицевой стороне был помещен погрудный портрет царя, а на обороте часто изображались греческие божества, то после реформы на лицевой стороне царь изображался уже стоящим во весь рост перед алтарем, а на оборотной стороне располагались различные божества. Среди этих божеств доминировали боги зороастрийского пантеона: бог огня Аташ, солнечный бог-Мииро (Митра), божество реки Вахш-Охшо, бог победы-Орлагно (Вертрагна), богиня Нана, встречались индуистское божество Шива и очень редко изображение Будды, чеканы греческих богов были единичны.

Наличие множества богов из различных пантеонов говорит в пользу существования веротерпимости в правящем доме Кушан. Рабатакская надпись Канишки также подтверждает эту мысль. Так, надпись начинается следующими словами: «... Великий спаситель, Канишка Кушан, Праведный, Справедливый, Автократор, Бог, достойный поклонения, получивший царство от Наны и всех богов, положивший начало первому году так, как это нравилось богам. И он издал эдикт (по) гречески, (и) затем перевел его на арийский язык».¹

Канишка (конец I в. - начало II в.) - наиболее известный кушаншах. Он проявил себя в идеологической деятельности (политике) Кушанской империи. Его нововведения не только укрепляли внутренние устои государства, но и на несколько столетий пережили само Кушанское государство. При Канишке, как стало известно из вышеупомянутой Рабатакской надписи, официаль-

¹ Симс- Вильямс Н. Новые бактрийские документы. - С. 10.

ным языком Кушанской державы стал бактрийский (т.е. арийский) язык, с использованием греческого алфавита (24 буквы) и добавочного знака, звука «ш», несвойственного греческому языку. Теперь бактрийский (арийский – по Рабатакской надписи) язык стал одним из важнейших языков древнего мира. Будучи языком кушаншахов, он, несомненно, был понятен народам всей Арианы и Индии. Даже после распада Кушанской империи побактрийски продолжали писать, по крайней мере, еще шесть столетий, что доказывается бактрийскими фрагментами буддийских и манихейских рукописей из долины Точи в Пакистане (в коллекции доктора Давида Халили – поздняя дата документов 863 г.).

Буддийская традиция приравнивает Канишку к Ашоке, царю индийской династии Маурья, объявившему буддизм государственной религией и построившему якобы несколько тысяч монастырей. Он является инициатором буддийского церковного собора (около 100 г. н.э.), сыгравшего решающую роль в оформлении догматики северного буддизма (Махаяна), распространившегося позднее в Китае, Монголии, Тибете и Японии.

О покровительстве буддизма некоторыми из кушаншахов ярко свидетельствуют остатки многочисленных буддийских монастырей, монументальных сооружений – ступ и храмов, построенных в кушанское время в Ариане, Индии и Восточном Туране. Знаменитый китайский путешественник Сюань Цзан, распространитель буддизма в Китае, видевший великолепную ступу вблизи столицы Канишки Пурушапуры (совр. Пешавар), построенную по его приказу в VII в., описывает ее как одно из чудес света. Но считать, что буддизм был государственной религией Кушанской державы нельзя, даже перечень божеств в Рабатакской надписи Канишки («получивший царство от Наны и всех богов ...») говорит о том, что богиня среднеазиатского происхождения Нана, проникавшая в эпоху эллинизма в Бактрию, имела особый (возможно, доминирующий) статус.

Время правления Канишки было временем наивысшего расцвета Кушанской державы, доходившей до городов глубинной (Восточной) Индии: Сакета, Каусамби, Паталипутры и Чампы (согласно Рабатакской надписи).

К сожалению, сведений об истории Кушанской державы после смерти Канишки чрезвычайно мало. Нумизматические материалы не только не дополняют её, но даже вносят большую путаницу в установление хронологии. Рабатакская надпись Канишки дает только имена и последовательность правления его предшественников. Поэтому наши предположения имеют гипотетический характер.

По индийским надписям, наследником Канишки был Васишка, но нумизматы говорят, что монет с надписями этого правителя нет. В.М. Массон предполагает, что Васишка был соправителем Хувишки, без права выпуска собственных монет. Монет же Хувишки найдено так же много, как и монет Канишки. Они тоже имеют на оборотной стороне-реверсе изображения самых различных богов. Подражание чекана монет Хувишки монетам Канишки приводит многих исследователей к мысли, что Хувишка наследовал престол кушаншахов после Канишки.

Дальнейшая династийная история Кушан еще сложнее для изучения. Исследователи (и нумизматические данные) сообщают о правлении кушаншаха по имени Васудева, правившего около 24 лет (примерно вторая половина I в. — начало II в. н.э.). Он в своих монетах возрождает традиции Кадфиза II и на оборотной стороне помещает изображение стоящего Шивы.

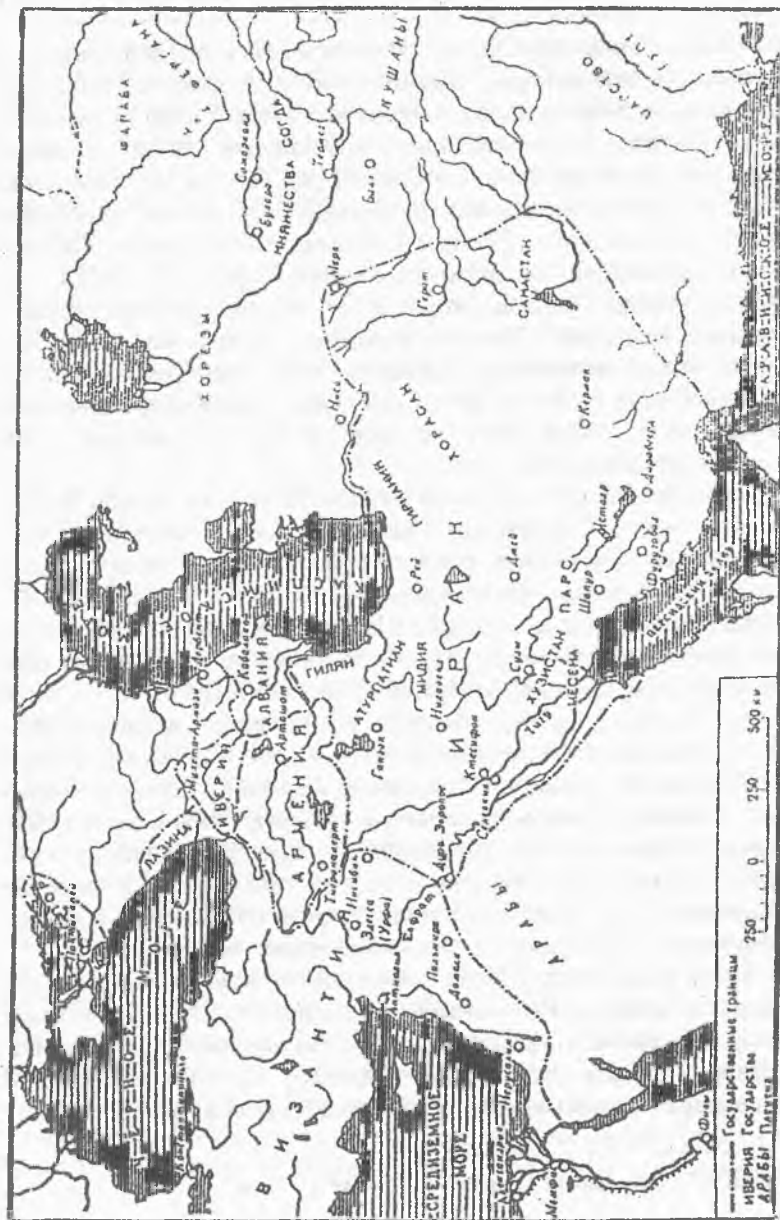
Среди его преемников были правители, носившие имена Канишки (II), Васудевы (II), но время их правления и последовательность этих правителей во времени остаются предметом серьезных научных дискуссий. В этот период на западных границах Кушан создается могущественное государство Сасанидов, которое в 227 г., разгромив некогда грозную Парфию, стало угрожать целостности Кушанской державы.

Средневековая историческая традиция («История царей и пророков Табари», «Карнемаг» и др.) сообщает, что Арташир Папакан, основатель Сасанидской державы, завоевал Систан, Гурган, Мерв, Балх и Хорезм. Затем к нему прибыли посольства царя Кушан, царей Турана и Мекрана «с выражением своей покорности». Это сообщение ат-Табари тщательно проанализировал известный иранист В.Г. Луконин, который пришел к выводу, что эти сообще-

ния больше основываются на традиционной позднесасанидской трактовке ранней истории Сасанидского государства. Е.В. Зеймаль, также тщательно проанализировав хронологию первых походов Арташира I, направленных в основном на северо-запад, подвергает достоверность сообщения ат-Табари о завоевании Балха Сасанидами сомнению. Возможно, в то время произошло какое-то приграничное (вблизи Систана) столкновение Сасанидов с Кушанами после захвата первыми Парфии (227-228 гг.). Серьезная угроза с запада, скорее всего, подтолкнула последнего кушаншаха Васудеву (?) искать союзника на востоке в лице Китая. Китайские источники («Записки трех династий», охватывающие события с 220 по 265 г.) сообщают о прибытии посольства от Кушан 5 января 230 г. ко двору Вэй. О результатах этого факта нам ничего не известно.

Анализ надписи Шапура I (241-272 гг.) на «Каабе Зороастризма» показал, что наряду с центральными и западными частями державы Сасанидов здесь перечисляются и её восточные владения (или вассальные государства). В надписи пишется: «Я – поклоняющийся Мазде, владыка Шапура, царь царей Ирана и не Ирана, происходящий от богов, сын поклоняющегося Мазде владыки Арташира, царя царей Ирана, происходящего от богов, внук владыки Папака, царя. Я – господин Ираншахра и владею я шахрами: *«Мадом, Врканом, Мервом, Харивом и всем Апаршахром, Карманом, Сакастаном, Туграном, Маркураном, Партаном, Хиндом, Кушаншахром, вплоть до Пашкабура и дальше до Каша, Тогда и границ Чача ... И все эти многочисленные шахры и шахрдари и владельцы областей – все мне платили дань и подвластны были»*.¹ В перечне нет Хорезма и Балха, но под Кушаншахром, возможно, Сасаниды подразумевали Бактрию. Предположительно, между 245-248 гг. царь царей (шахиншах) Ирана предпринял крупный поход для завоевания Арианы. Результатом успешного восточного похода явилось основание «царского» города Нишапура, ставшего впоследствии центром восточных владений Ирана, резиденцией принцев царствующего дома вплоть до 20-х годов IV в.

¹ Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на востоке. С. 22-44.

Потеря первоначального оплота (Бактрии) оказалась для Кушан весьма ощутимой. Но в это время появляются независимые владения и в Северо-Западной Индии, ранее подчинявшиеся Кушанам, которые позже способствовали образованию сильного индийского государства – империи Гупта. В этой сложной обстановке происходит кратковременный подъем Кушанского государства с правителем Кидарой (кит. Цидоло).

Согласно сообщениям византийского историка Аммиана Марцелина, в 356-357 гг. шахиншаху Шапуру II (309-379 гг.) пришлось сдерживать на востоке удары воинствующих племен, грозящих вторжением в Иран. В 358 г. после кровопролитных сражений Шапуру II удалось заключить договор с хионитами. Хиониты были, видимо, одним из последних туранских племен, обитавших в Восточном Туране, которые во время «великого переселения народов» под натиском гуннов покинули свое место обитания. Согласно дружественному договору, хиониты на следующий год (359 г.) приняли участие в западном походе Шапура II, отряд хионитов под руководством царя Грumbата участвовал в осаде крепости Амида.

Через некоторое время сасанидское войско возвращается на восток и наносит сокрушительный удар по Кушанам.

На завоеванных восточных землях был образован новый удел – Кушаншахр («царство Кушан»), получивший право выпуска золотой и серебряных монеты. Чеканились эти монеты как по образцу сасанидских монет, так и по типу монет кушанских царей, а титулы правителей, выпускавших эти монеты, содержали легенды (надписи) на среднеперсидском и бактрийском языках: «царь Кушан», «великий царь Кушан» и даже «великий царь царей Кушан». Золотые монеты кушано-сакских царей выпускались в Мерве, Герате и в Балхе.

В конце IV в. движение хионитов в Бактрии способствовало усилению позднекушанского правителя Кидары, который вступил в союзнические отношения с ними и нанес чувствительный удар войскам Шапура II. Кидаре удалось на время захватить Бактрию и продвинуться на юг за Хиндукуш, распространив свою власть на Гандхару. Его сын был правителем в Пешаваре.

Но это были последние годы правления некогда могущественной Кушанской державы. Вскоре (40-е годы V в.) шахиншах Йездигерд II снова завоевал утраченный кушано-сасанидский удел.

Самих Кушан уничтожили их соплеменники, последние кочевники Турана – эфталиты.

К IV-V вв. Великий Туран, простиравшийся от Северного Приазовья до Западного Китая, более известный у греко-римских авторов как «Скифия», «страна саков, массагетов, дахов, савроматов», в китайских источниках как «Кангюй», «Юэчжи», позднее у арабских авторов как «Туркестан», прародина арийских племен (туров), постепенно стал терять свою доминирующую роль в Евразии. В течение многих веков из Турана, в силу действия экологических, демографических, военно-политических факторов многочисленные восточноиранские племена передвигались в близлежащие земледельческие страны, в первую очередь, в родственную Ариану. Здесь они основывали могущественные, а иногда и мировые империи (Парфянская и Кушанская).

В это время происходит аридизация (усыхание) дельт Амударьи и Сырдарьи. Постепенно и неуклонно прекращается сток амударьинских вод по всем протокам левобережной части Хорезмского оазиса. Огромные территории забрасываются, источников воды не хватает даже для скотоводов. Потомки некогда грозных и могучих племен Турана – массагетов, напоивших кровью непобедимого Кира и дахов, создавших Великую Парфию и успешно отражавших натиски Запада, написавших мечом славные страницы в очень насыщенной древнейшей и древней истории всего Востока, постепенно покидают свои привычные места обитания. Из низовий они переправляются в верх по течению двух великих рек Арианы и Турана (Амударьи и Сырдарьи) и расселяются в земледельческих оазисах Северной Арианы - в Ча-че, Согде, Бактрии и Бадахшане.

Последние из могикиан Турана – эфталиты, в союзе с хионитами, кидаритами и тюрками, которые в будущем становятся преемниками великого наследия Турана, создали последнее мощное государство Арианы.

К 457 г. царь эфталитов Вахшунвар (букв. «защитающий

царство») уже владел Бадахшаном и Тохаристаном (Правобережная Бактрия). Вскоре, завоевав Согд и объединив Северную Ариану, он пересек Амударью и столкнулся с Сасанидским шахиншахом Перозом. В многолетнем противостоянии за Южную Ариану между эфталитами и сасанидами Пероз трижды выступал в поход и трижды терпел поражение.

В первом походе Пероз попал в плен к эфталитам, но был выкуплен императором Византии Зеноном. Он обещал не переходить установленных мирным договором границ. Выступив во второй поход против эфталитов, как сообщают средневековые источники, Пероз велел передвигать перед войском при помощи слонов пограничную башню. Потерпев поражение и на этот раз, Пероз был вынужден оставить победителям в качестве заложника малолетнего сына Кавада, а страну свою обложить тяжелой подушной податью для выплаты дани, которую Сасаниды платили в течение 60 лет (вплоть до 545 г.). Наконец, в 484 г. Пероз третий раз напал на эфталитов, попал в скрытые волчьи ямы и погиб со значительной частью своего войска.

Эфталиты, нанеся сокрушительный удар Сасанидам, не стремились овладеть ими, а, повторяя пути своих предшественников, начали наступление на южные области Арианы. К 460 г. эфталиты овладели самой юго-восточной областью Арианы — Гандхарой, все больше отделявшуюся от нее. Индийские источники сообщают о столкновении последних правителей Гупта с гуннами (т.е. эфталитами).

В конце V в. эфталитский правитель Торамана (490 - 515 гг.), сломив оборону империи Гупта, завоевывает Синд, Раджастан и Джамну — Гангскую долину. Здесь эфталитское объединение (южное), возглавляемое Тораманой, возможно, обособилось от северной группы племен. Нумизматы сообщают об отличии местного чекана от чекана Бактрии, где появляются индийские надписи.

После смерти Торамана ему наследовал его сын Михиракула (515 - 544 гг.), который обосновался в древнем центре Менандра (индо-бактрийский царь), в Сагала-Сиалкоте. Вскоре (533 г.) войска коалиции индийских правителей нанесли сущест-

венные поражения Михиракуле, который, однако, смог сохранить в своих руках Гандхару.

Одновременно с военными походами в Индию эфталитское государство распространило свою власть и на Восточный Туран. В период между 493-508 гг. эфталиты подчинили Кашгар, Хотан, Турфан и Карашар. В 522 г. один из вождей племен центральноазиатских (вероятнее всего тюркских) кочевников просил у эфталитов покровительства, а его три сестры вышли замуж за царя эфталитов.

Период с 484 по 545 г., когда Хосров I (531-579 гг.) прекратил выплату Ираном дани, был периодом наивысшего могущества эфталитов. Эфталиты оказывали значительное влияние на внутренние дела Сасанидов. Именно с их помощью после смут, вызванных маздакитским движением, на трон Сасанидов вззошел Кавад (488 - 531 гг.), женатый на дочери эфталитского царя. В 502 - 506 гг. эфталитские войска помогали Каваду в походе против Византии.

Но на северо-востоке уже создавалось совершенно новое политическое объединение – Тюркский каганат. Кочевые тюркские племена, продвинувшиеся из степей и гор современных Монголии и Сибири на запад, подчинили себе многочисленные племена евразийских степей, включая потомков туров (ираноязычные арийские племена), и земледельческих оазисов, и создали могущественную кочевую державу – Тюркский каганат.

Тюркский каганат, «самый могущественный из всех кочевых империй домонгольского периода» (Бартольд В.В.), стал угрожать государству эфталитов. Воспользовавшись этим, сасанидский шахиншах Хосров I не только прекратил выплату дани последним, но и перешел в наступление. Оказавшись между двумя могущественными империями – Сасанидами и Каганатом, между «молотом и наковальней», эфталитское государство прекратило своё существование (563-567 гг.) как централизованное государство. Вместе с ним перестали существовать и два крупных конгломерата – Туран и Ариана, ведущие свое начало от двух сыновей-соперников арийского правителя Фаридуна – Арьи и Туры.

Земледельцы оазисов Арианы и скотоводы пустынь Тура-

на ровно два тысячелетия (с 1564 г. до н.э. и 563 г. н.э.) жили бок о бок, нередко воевали, но больше торговали между собой, совместно создавали могущественные империи, дали миру пророка Заратуштра и священную Авесту.

Теперь за их территорию и за их богатейшее культурно-историческое наследие стали воевать тюрки и персы. Тюрки захватили Туран и Северную (Правобережную) Ариану, дав этому региону название Туркестан, а Южная (Левобережная) Ариана, присоединенная Сасанидами, стала называться Хорасан.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ЗОРОАСТРИЗМА С ДРУГИМИ РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИМИ УЧЕНИЯМИ МИРА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НИХ

За свое более тысячелетнее развитие (с VII в. до н. э. по VII в. н.э.) до прихода ислама зороастризм превратился в мировую религию. Его развитие происходило нелегко, но в итоге это учение сильно повлияло на все последующие религии мира - иудаизм, буддизм и ислам.

Зороастризм распространял свое влияние медленно и последовательно. Вначале его идеи продолжали разрабатываться лишь немногими общинами единоверцев. Древнейшие авестийские тексты - «Ясна семи глав» (Ясна 35-41)- семь коротких литургических молитв, прославляющих Ахура-Мазду, Амеша Спенту и благие творения, были созданы ближайшими последователями пророка. Постепенно, охватив все страны Арианы, зороастризм приблизился к границам Мидии, где последователями нового учения стали маги. Психологическая атмосфера мидийцев благоприятствовала принятию религию, воспевающей мирное скотоводство и проклинающей кочевье и разбои. Дальнейшая разработка «Авесты» магами стала причиной появления двух теорий происхождения «Авесты» среди ученых - «мидийской» и «восточной». Сторонники «мидийской» теории утверждают, что родиной Заратуштры является долина реки Аракс или мидийский

город Рага (совр. Тегеран), и зороастризм был воспринят впервые мидийским племенем магов. Но в «Авесте» названия мест Западного Ирана и имена их царей вообще не упоминаются, нет здесь и слов из западных диалектов, включая слово «маг». Поэтому в науке господствует сейчас «восточная» теория, согласно которой родиной «Авесты» (и, естественно, зороастризма) считается Ариана, где родился (в Согде) и творил (в Бактрии) пророк. Несомненно, маги внесли большой вклад в распространение зороастризма, особенно в период существования Ахеменидской империи, правители которой благосклонно отнеслись к зороастризму (или, шире, маздаизму). Веротерпимость ранних Ахеменидов, политические границы которых простирались от Арианы на востоке до Египта на западе, обеспечивала положительный контакт зороастрийцев с представителями иных идеологических доктрин. Иудаизм, интенсивно разрабатывавшийся во время вавилонского пленения иудеев, испытал сильное влияние зороастризма благодаря Киру Великому.

Религия Ахеменидов насковзь политизирована. Персидский Ахура Мазда - не абстрактное божество, он имеет антропоморфный (символический) облик, и в этом облике изображается (Бехистунский рельеф Дария I). Он благословляет шахиншахов Ахеменидов на царствование. Пантеон строго централизован по образцу самой империи: царь стоит выше всех своих подданных, Ахура Мазда, величайший из богов, также возвышается над всеми другими богами - над Митрой, Вертрагной, Анахитой (арийские боги) и над богами Греции, Египта и Вавилона. Зороастрийские понятия “Аша Вахишта” (“Лучшая Истина”) и “Хшатра Вайрья” (“Наилучший порядок”, “Власть желанная”) в религии Ахеменидов утрачивает своё этическое содержание и означает только существующий государственной порядок. Теперь неподчинение государству является греховным делом, трактуется как нежелание поклоняться Ахура Мазде, что ведет в лагерь другвандов (лжецов).

Таким образом, Ахемениды искореняют всякое инакомыслие (т.е. оппозицию). В “Антидэзовской” надписи Ксеркса говорится, что человек, который следует тому закону, который

установлен Ахура Маздой, и чтит Ахура Мазду и Арту небесную, он и при жизни будет счастлив и по смерти приобщится к «Арте».¹

После Ахеменидов, в эпоху Александра Македонского и Селевкидов для зороастризма наступили тяжелые времена. Зороастрийская традиция передает, что Александр сжег «Авесту», написанную на 12 тысячах коровьих (бычьих) шкур. Поэтому зороастризм считает Александра заклятым врагом своей веры и сравнивает его с Ахриманом.

Конечно, зороастрийские храмы и святилища, обогатившиеся за более чем 200 лет существования благодаря покровительству шахиншахов Ахеменидов, среди которых были ярые поклонники этой веры (Дарий I, Ксеркс и др.), стали объектов грабежа и разрушения греко-македонскими войнами и их диадохами (полководцами). Многие жрецы погибли, защищая свои святыни. Это была невосполнимая утрата зороастризма. Храмы и святилища зороастрийцы со временем смогли восстановить, но многие религиозные произведения, которые передавались изустно от поколения к поколению жрецов, были утеряны. Жрецы были живыми книгами священной религии.

Бывшая Ахеменидская империя, включая Ариану, стала наполняться греко-македонскими колонистами, которые привезли с собой свою культуру. Греческая культура стала активно распространяться, и греческая письменность стала смешиваться с арамейским языком. В результате произошло слияние зороастрийских мифов, преданий и культов с античными. Возник греко-зороастрийский синкретизм: греческие и арийские божества стали отождествляться (Геракл с Вертрагной, Аполлон и Гелиос с Митрой, Деметра и Кибела с Анахитой и т.д.). Зороастрийцы начали изображать авестийских богов, перенимая каноны греческой иконографии.

С распадом империи Ахеменидов распалась и централизованная духовная власть. В зороастрийских общинах наступило время разочарований. После кратковременного шока, постепенно

¹ Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. / СПб., 1998. - С. 428.

зороастрийцы приходили в себя, но появление различных государств на месте империи не позволяло им иметь тесную связь в духовной сфере, и зороастрийские общины, как обособленные островки, начали вырабатывать каждая собственный цикл преданий. Постепенно образовались два центра - Мидия (позднее Атропатакана) и Систан. Несомненно, Систанская школа, находящаяся в Ариане, сделала больше для возрождения зороастризма, чем Мидийская школа Атропатаканы, которая в основном занималась сочинением легенд для укрепления своих претензий на получение гегемонии в авестийском мире. В Селевкидское время верховный маг со своими жрецами, забрав с собой священный огонь, удалился в северо-западную часть Мидии, где наместником был перс Атропат (благодаря последнему эту область стали называть позже Атропатакана - позднее Азербайджан). Новая область находилась к самому северу от остальной части расселения зороастрийцев, что давало им повод выступить с притязанием на отождествление Атропатаканы с Арьяна Вейджей — древней прародиной арьев и родиной самого пророка. Такое притязание не угрожало государственным устоям Селевкидов, и они не обращали внимание на стремление мидян захватить первенство.

В отличие от амбициозных мидян, сакские племена Дрангианы (позднее Систан) внесли большой вклад в возрождение зороастризма после 200-летнего правления чужеземцев. Они не только возродили религиозные верования у разочарованных последователей зороастризма, но и подняли их дух, обогащая религию мифологическими и героико-эпическими традициями.

Аршакидская династия, превратив свое государства в одну из процветающих империй своего времени, стала осуществлять государственную программу по разработке и установлению единого религиозного канона, т.е. возрождения зороастризма. Первая письменная фиксация «Авесты» - главный священной книги зороастрийской религии («Коран зороастризма»), была осуществлена во время правления парфянского шаха Вологеза I. До этого «Авеста» сохранялась только в изустной передаче. Печальная трагедия жрецов во время нашествия А. Македонского

показала уязвимость такого положения веры, которое и стремились исправить парфяне. Но со времени устного сложения текстов «Авесты» прошло не одно столетие, и письмо парфян искажало правильную передачу священных изречений. Последнему же жрецы придавали особое значение. Поэтому они всячески сопротивлялись кодификации «Авесты». Но горький опыт прошлого все же вынудил их предпринять письменную фиксацию «Авесты». По приказу шаха начали собирать не только религиозные тексты, но и героические сказания, сочинения по медицине и астрологии и многое др. В это время сложилась важнейшая часть «Авесты» — «Видевдат» («Закон против дэвов»). Даже злейшие враги парфян — римляне ощущали огромное воздействие зороастризма, под влиянием которого в восточных провинциях Рима стал распространяться культ Митры. Восхищенные парфянами, оставшимися верными клятве (Митре), легионеры после восточных походов (I век до н. э.) стали распространять этот культ по всей империи. Воитель Митра — патрон (опекун) воинов, отождествлялся в рамках митраизма то с Ахура-Маздой и божеством солнца, то с Юпитером, то с иудейским мессией — спасителем. В честь Митры устраивались мистерии, строились ритуальные сооружения — митрейоны, создавались изображения и скульптуры. Ежегодно в день 25 декабря отмечали день рождения Митры (позже христиане-католики в этот день стали отмечать Рождество Христово).

Активен был зороастризм и на восточном направлении, где под влиянием саков, почитавших зороастризм (или родственные ему культы и божества), тюрки и монголы поклонялись богу солнца. Религия бон в Тибете также имела зороастрийские (маздайснийские) корни.

Сасанидская держава, одна из могущественных империй доисламского Востока, объявила зороастризм официальной государственной религией.

Здесь необходимо сказать о том, что, несмотря на такое победное шествие зороастризма, в нем самом уже зародились религиозно-идеологические течения еретического характера.

Так, с точки зрения ортодоксального зороастризма, манихейство представлялось еретическим извращением истинной религии.

Манихейство — синкретическая религия, представляющая собой соединение элементов иудео-христианско-гностических, зороастрийского, митраистского и буддийского учений. Мани, основатель вероучения, сумел соединить все эти элементы в сложную, но логичную и внутренне непротиворечивую систему. При этом он, по всей вероятности, основывался на мысли, что существует единая, изначальная истинная религия, посылаемая божеством на землю в виде откровения, а все существующие религии представляют собой позднейшие искажения истинной веры.

Основатель манихейской религии Мани — лицо историческое, и в повествованиях о нем гораздо меньше эпизодов с чудесами и сверхъестественными явлениями, чем можно было бы предположить. В целом разнородные биографические источники дают достаточно полную картину жизни и деятельности Мани. Мани родился 14 апреля 216 г. н. э. в Вавилонии, в одном из небольших селений. Имя его отца — Патик, мать, судя по большинству источников, звали Мариам. Родители были иранского происхождения; возможно, мать происходила из армянского рода. Незадолго до рождения Мани его отец Патик, до того исповедовавший, очевидно, зороастризм, переселился в район г. Месены, в устье Тигра, и вступил в одну из многочисленных иудео-христианских сект, распространенных тогда на Переднем Востоке. Позже, когда Мани исполнились четыре года, Патик забрал в эту общину и его.

По легенде, первое божественное откровение Мани получил на тринадцатом году жизни, и последующие 12 лет он готовился к роли основателя новой, истинной религии. В 24 года, т. е. в 240 г. н.э., он впервые выступил как религиозный реформатор. С первыми проповедями он обратился к элхасаитской общине, в которой вырос; в проповедях критиковались некоторые обычаи элхасаитов. Пресвитеры общины изгнали Мани, но некоторые его единоверцы пошли за ним и стали его первыми учениками; в их

числе был отец Мани – Патик. Началось первое миссионерское путешествие Мани (240 – 242 гг.) – на северо-запад, в Мидию, потом в Армению. Затем он повернул назад и водным путем прибыл в Северную Индию. Возвращаясь из Индии, он морем вернулся в Парс и достиг Месены, а в Индию послал миссию, возглавляемую его учениками. Его миссия имела некоторый успех; в частности, источники передают, что он обратил в свою веру правителей некоторых городов и областей, в том числе родственников Шапура I (240 – 272 гг.). После вторичного посещения Парса и Мидии Мани явился ко двору шахиншаха, причем первая его проповедь при дворе относится к дате коронации Шапура I. Первоначально деятельность Мани имела успех. Шапур приблизил вероучителя к себе, слушал его проповеди и позволил ему вести миссионерскую деятельность на территории всей державы Сасанидов, несмотря на противодействие со стороны ортодоксального зороастрийского жречества. Возможно, Шапур I видел в Мани будущего основателя своей государственной религии – реформированного зороастризма, и Мани, несомненно, постарался оправдать эти ожидания.

После смерти Мани положение манихейской церкви в Иране в разные периоды было более или менее сносным. В течение пяти лет за место духовного главы манихеев боролись два ученика Мани – Мар Габриаб и Сисинний. В конце концов последний одержал верх. Около 289 г. началась новая волна преследований. Сисинний погиб мученической смертью, после чего главой церкви стал Иннай. По манихейскому преданию, он вылечил царя (Бахрама II ?; 276-293 гг.) от болезни, после чего в течение трех лет манихеев в Персии не преследовали. Новые гонения возникли при Хормуде II (302-309 гг.) и продолжались на протяжении всей сасанидской эпохи, что привело к массовому бегству манихеев в Ариану и к практическому исчезновению этой религии в Иране.

В манихейской доктрине, как было сказано выше, соединены элементы почти всех известных Мани религиозных доктрин. Мани стремился к созданию универсальной мировой религии, призванной заменить все, до сих пор существовавшие. Это

вытекало из его идей реинкарнации великих вероучителей, изначального единства истинного вероучения и религиозного плюрализма как результата искажений истинной веры на разных стадиях ее развития и в разных странах. Самые общие положения манихейства должны были соответствовать основным догматам зороастризма, буддизма, митраизма, христианских и гностических течений. Вместе с тем Мани утверждал превосходство своей религии над всеми предшествующими, которые, будучи истинными, все же носили локальный характер и не располагали каноническими книгами, принадлежащими их основателям; за вероучителями проповеди записывали их ученики, что не могло не привести к позднейшим разночтениям и искажениям. Манихейство же призвано было стать религией всех времен и народов, а его доктрина была зафиксирована в книгах, написанных самим Мани.

Манихейство, объявляя окружающий мир воплощением зла, содержало значительный заряд социальной критики – особенно это проявилось, когда религия стала гонимой. Манихейская доктрина объявляла воплощением злого начала все социальные институты, начиная с царской власти. Вместе с тем манихейскому мировоззрению свойствен пессимизм, подобный пессимизму гностиков: поскольку зло извечно, его уничтожение невозможно, пока существует материальный мир. Согласно этому учению, люди, приверженные мирским благам, неизбежно перерождаются и попадают в геенну. Мотивы социального протеста делали манихейство привлекательным для многих слоев общества.

Преследования всех незороастрийских общин повлекли за собой в VI в. массовое бегство иранских манихеев на восток и северо-восток. С этого периода история манихейской церкви предстает по преимуществу как история центральноазиатского манихейства. К VII в. официальным языком восточной церкви стал согдийский, на который к тому времени был переведен манихейский канон, – согдийцы переписывали священные книги на среднеперсидском, сопровождая их версией на своем языке. С конца VI по VIII в. арианская манихейская община существовала

автономно, но затем она признала духовный авторитет вавилонского учителя Михра (710-740 гг.). Вплоть до арабского завоевания манихейство играло важную роль в религиозной и культурной жизни Арианы. Арабские авторы перечисляют немало областей и городов, где существовали манихейские общины.

В начале VIII в. верховный глава манихеев под давлением арабов перенес резиденцию в Тохаристан, позже (с начала X в.) - в Самарканд.

Пути развития зороастризма в Персии и Ариане не были одинаковы. Канонизация зороастрийской религии в Иране при Сасанидах сопровождалась яростной борьбой с другими религиозными воззрениями. Многие манихеи и христиане, изгнанные из Ирана в это время, нашли приют в Ариане, откуда часть их продвинулась за восточные пределы региона. Вместе с тем распространение зороастрийского канона в Сасанидской державе оказало влияние на области Арианы, входившие в неё - прежде всего на Маргиану. В эпоху раннего средневековья здесь широко распространяются наусы с поставленными в них оссуариями (костехранилищами). Этот обряд захоронения известен в это время и в Согде, и в областях, куда проникало согдийское культурное влияние. Несколько видоизменяются формы оссуариев в Хорезме, где этот обряд был известен много раньше. С зороастризмом стали связывать разные типы склепов на севере Арианы, где либо совершался обряд выставления умершего, либо помещались очищенные от мягких тканей кости скелета. Обряд этот восходит к более древним эпохам. Он был распространен в разных областях и не может быть однозначно признан зороастрийским. Вызывает возражение и расхожее утверждение о связи с зороастризмом любой формы культа огня или погребений с золотыми украшениями и предметами инвентаря (о том, что персы не кладут золота в погребения, так как оно символизирует огонь, а его нельзя осквернять трупом, писал еще Страбон).

Расхожее представление, что в Ариане повсеместно был распространен только зороастризм, явно ошибочно. Археологические исследования показали, что нормы социального поведения (прежде всего отражавшиеся в массовом материале - погребаль-

ном обряде) определялись традиционными народными верованиями, специфическими, как правило, в каждой историко-культурной области и являющимися в силу этого своего рода этнодифференцирующим признаком. Эти традиционные верования, как показывают даже немногие дошедшие до нас изображения, облакаются часто в мифологическую форму и восходят к весьма архаическим религиозным представлениям индоиранской и даже индоевропейской общности.

Проповедь Заратуштры и местные верования очень трудно согласуются, хотя, вероятнее всего, зороастризм уже в ахеменидское время как-то «наложился» на них, так как к этому периоду относится появление зороастрийского календаря не только в Иране, но и в Согде, и в Хорезме.

Широкое распространение в начале новой эры в южных областях Арианы получил буддизм.

Ариана явилась основным посредником распространения буддизма в ряде стран Центральной Азии. Только перешагнув границы Индии, буддизм достиг своего всемирно-исторического значения, получил свою цивилизирующую силу и превратился в действенную фактор политического могущества. Из Арианы учение Будды, а вместе с ним идеи и произведения индийских и арийских ученых, художников, ремесленников распространились в Восточный Туран и далее на Восток, обогатив материальную и духовную культуру народов Арианы, Китая, Кореи и Японии.

В середине III в. до н. э., при царе Ашоке, буддизм проникает, в частности, в южные области нынешнего Афганистана. Проповедники этой религии, действуя достаточно энергично, уже во II – I вв. до н. э. выходят на рубежи Арианы. Есть косвенные свидетельства о распространении в это время буддизма в Маргиане. Однако лишь с первых веков новой эры буддизм получил широкое распространение в центральных и северных областях региона. В это время значительная часть Арианы входила в состав Кушанского государства, которому временами подчинялся и Восточный Туркестан. Буддизм занял в Кушанском государстве очень сильные позиции. Судя по всему, величайшей из кушанских царей, Канишка покровительствовал буддизму и даже пред-

седательствовал на одном из буддийских соборов. На его монетах встречается (наряду с другими) изображение Будды.

О распространении буддизма в регионе, прежде всего, свидетельствуют обнаруженные в Марыйской области Туркменистана, в Сурхандарьинской области Узбекистана и в Хатлонской области Таджикистана многочисленные археологические памятники той эпохи. Наиболее известны обнаруженные остатки двух монастырей, расположенных в г. Термезе. Один из них — Каратепе. Это огромный пещерно-наземный комплекс. В толще горы вырублены камеры, состоящие из центрального каменного устоя и обходного коридора. Устой обычно не монолитный — внутри него также имеется помещение. Снаружи, на примыкающей площадке, располагались наземные части монастыря, состоявшие из дворов, ступ, ниш с культовыми изображениями. Сооружения эти находились на разных уровнях. При раскопках в Каратепе обнаружены буддийская настенная живопись (в том числе очень ранние изображения Будды), каменные и алебастровые буддийские скульптуры. Наиболее ценными находками являются индийские надписи на керамике, выполненные письменностью кхарошти и брахми, а также бактрийские надписи греческой письменностью. Все надписи — буддийского содержания. Найдено свыше 70 одних лишь индийских надписей, их анализ позволил прийти к заключению, что Каратепе — это Кхадевакави-хара, «царский монастырь».

Ранний буддийский монастырь Уштурмулло раскопан¹ Т.И. Зеймаль в Кобадиянском районе (Южный Таджикистан). Здесь на плоской верхней площадке холма, неподалеку от Амударьи в кушанское время был выстроен однодворовый монастырь. Двор окружало каре построек. Святилище находилось на продольной оси, стены помещений украшены настенной живописью. Нижний ярус — звездчатый в плане, уступчатая ступа облицована каменными плитами с высеченными буддийскими рельефами. Позже, в VI — VIII вв., ступа была перестроена. К кушанскому же времени относится каменная скульптурная голова Буд-

¹ Зеймаль Т.И. Буддийская ступа у Верблюжей Горки. — Прошлое Средней Азии. — Душанбе, 1987. — С. 70-78.

ды, найденная в долине Вахша, близ Колхозабада. В малой пластике (терракоты) тоже нашли отражение буддийские образы.

Письменные источники связывают с Арианой, точнее с Бактрией, деятельность крупных буддийских богословов. Так, Гхошака, участник буддийского собора в Пурушапуре, принимал активное участие в распространении в Бактрии учения вайбхашиков. Последователем их учения был и Дхармамитра, выходец из Тарамиты-Термеза. В индийских источниках есть намеки на приезд в Ариану из Индии мастеров буддийского искусства.

После распада Кушанского государства судьба буддизма была достаточно сложной. В V – VI вв. некоторые правители Эфталитского государства относились к буддизму с неприязнью. Например, в 519 г. китайский путешественник Сон Юнь писал об эфталитах Бадахшана: «(Большинство их) не признают буддизма»; об эфталитах Гандхары он сообщал, что те вообще «не верят в Будду». Сопоставляя эти сведения Сон Юнь с приводимыми им и другими источниками данными о религиозных верованиях в Ариане, японский исследователь Еноки приходит к заключению, что сами эфталиты не были последователями учения Будды. Сообщения же, например, в «Суйшу» и «Бэйши» о многих буддийских монастырях и ступах в столице эфталитов, по его мнению, свидетельствуют лишь о верованиях определенной части местного населения. Более сложную концепцию об отношении эфталитов к буддизму развил А. Геррман. Он считает, что первоначально эфталиты не были буддистами, но терпимо относились к исповеданию этой религии. Позже, после разгрома Эфталитского государства тюрками, возникло небольшое эфталитское княжество, центр которого был перенесен в Химоталу. Правители его приняли буддизм с целью укрепить свои позиции в борьбе против тюрков.

На смену эфталитам в 60-е годы VI в. в Ариану пришли тюрки. Когда в 630 г. в Хафтруде (Семиречье) побывал Сюань Цзан, большинство тюрков не было знакомо с буддизмом. Он читал здесь буддийскую проповедь кагану западных тюрков Таншэ-ху. Было бы рискованно считать, что именно знаменитый путешественник посеял семена буддизма в Семиречье; скорее всего и до него, и после него там бывали буддийские проповедники, сумевшие обратить в буддизм часть населения края. Очевидно, не-

льзя исключить и той возможности, что буддийские миссионеры в Хафтруд (и Фергану) направлялись из центральных и северных районов Арианы вместе с очередной волной согдийского колониционного потока. Именно это предположение согласуется с архитектурным обликом семиреченских буддийских храмов, представляющих одну из наземных вариаций планировочной схемы, зафиксированной в Каратепе, Хадде, Пенджикенте и проникшей дальше на восток — в Центральную Азию. Разумеется, происходил и приток миссионеров в эти области из Восточного Турана и Китая.

В конце VI или, скорее, в первой половине VII в. некоторые правители западных тюрок становятся буддистами или покровительствуют буддистам. Во всяком случае, такая ситуация, судя по запискам Сюань Цзана, сложилась в Тохаристане в первой половине VII в. Наместником княжества был старший сын кагана, в стране процветал буддизм. Сменивший вскоре умершего наместника, сын его главной жены пригласил Сюань Цзана посетить Балх и осмотреть тамошние буддийские святыни.

В Северном Тохаристане и в других областях Арианы буддизм не был единственной религией. Со второй половины III в. здесь все возрастающую роль играли манихейство и христианство.

Судя по сообщениям буддийских паломников, в столице Тохаристана — Балхе — в VII — начале VIII в. функционировало около ста монастырей, в которых подвизалось около тысячи монахов; монастыри располагали разнообразными буддийскими святынями. Значительная часть населения исповедовала хинаянское учение. Сюань Цзан упоминает, что в Термезе в его время было около десяти монастырей, в которых жила примерно тысяча монахов. Имелись также ступы и изображения Будды. Он же сообщает, что в Чаганиане было пять монастырей с некоторым числом монахов; в Шумане — два монастыря и немного монахов; в Кобадане — три монастыря и около ста монахов.

Христианству, как одной из мировых религий, всегда был свойствен активный прозелитизм. Однако проникновение его на Восток было вызвано не только целенаправленной деятельностью

миссионеров. Укоренению его способствовали торговцы-христиане – сирийцы и персы. Появление ираноязычных христианских общин в Ариане и Восточном Туране, возможно, связано с периодическими гонениями на них в сасанидском Иране.

Христианство ко времени распространения его в Иране и Ариане уже не было единым учением. С первых десятилетий существования христианской церкви в ней наместились отдельные течения, развитие которых впоследствии привело к расколам и к выделению тех основных направлений в христианстве, которые известны и в настоящее время. За разногласиями в толковании Священного Писания, теологическими спорами и различиями в церковных обрядах, как правило, скрывались реальные политические и социальные противоречия между отдельными группировками, возглавившими в будущем секты и самостоятельные церковные организации. Немалую роль играли также различия в культурной традиции народов, среди которых распространялось христианское учение.

В ходе борьбы, последовавшей за расколом восточной сирийской церкви, верх взяли монофизиты. Несториане бежали от преследований в Нисибин, традиционный центр сирийской культуры, в то время принадлежавший сасанидскому Ирану. Им удалось утвердить свое влияние среди христиан Ирана, и в 484 г. персидская церковь, приняв на своем соборе нестоиранское вероисповедание, окончательно отделилась от западной сирийской церкви. Резиденцией несторианского патриарха стал Ктесифон. Единодушия среди христиан Ирана, впрочем, не было – некоторые общины остались в лоне православия или примкнули к монофизитам.

Дальнейшая христианизация стран Арианы и Турана осуществлялась в основном несторианами. Им принадлежат, по – видимому, все известные по находкам в Восточном Туркестане христианские памятники и литературные произведения, относящиеся к раннему периоду христианской пропаганды. По масштабам миссионерской деятельности на Востоке монофизиты уступали несторианам, хотя в первой половине VII в. Яковитские митрополии утвердились на востоке Ирана – в Систане и Герате.

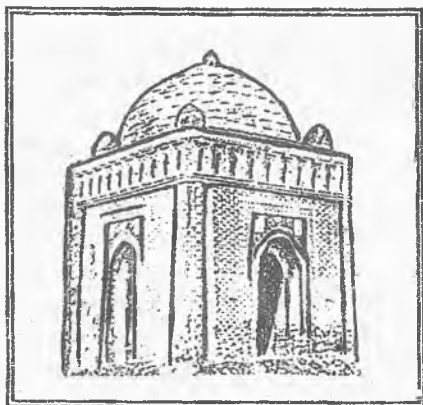
Многочисленные яковитские церкви в Восточном Туркестане, о которых пишет Марко Поло, возникли здесь в более позднее время, не раньше X–XI в.¹

Миссионерская деятельность несторианской церкви распространялась преимущественно по двум направлениям – в Индию, страны Юго–Восточной Азии и в Ариану и Туран. Сведения о несторианской миссии на Востоке, содержащиеся в сирийских источниках, весьма разрознены и, судя по обилию фантастических подробностей, не всегда достоверны. Распространение христианства в целом стало результатом стихийного процесса, связанного с возникновением торговых колоний на пути в Китай, переселением какой-то части христиан из Ирана в периоды гонений. Прибытие священников и монахов часто только завершало оформление церковной организации в тех местах, куда христианское учение проникло задолго до них.

О гонениях на христиан Ирана при Шапуре II (309 – 379 гг.) и о переселении христиан на Восток сообщает армянский историк V в. Егише. Бегство христиан, сирийцев и персов в Ариану имело место также во время гонений при Йездигерде II (438 – 457 гг.) и при других сасанидских правителях. В 549г. христиане Арианы, находившиеся в тот период под властью эфталитов, просили несторианского патриарха Мар Аббу (540 – 552 гг.) назначить им епископа. Вероятно, в V – VI вв. христианство проникает в Согдиану. Сведения об учреждении митрополии в Согде противоречивы – несторианская традиция приписывает её разным патриархам – Ахаю (410 – 415 гг.), Шили (505 – 523 гг.) и Йешуябу II (628 – 643 гг.). О христианах в Самарканде и Бухаре в VII – IX вв., а также в Хафтруде упоминают мусульманские авторы. Наличие в этих районах несторианских общин подтверждается археологическими материалами, находками сирийских, согдийских и тюркских надписей.

¹ Марко Поло. Книга о разнообразии мира./СПб., 1999. – С. 70–82.

Глава III

ИСЛАМ

В МАВЕРАННАХРЕ

И ХОРАСАНЕ

Возникновение ислама и его распространение на восток.

Этногенез таджикского народа в лоне ислама.

Отчуждение таджиков от политики (власти) под гнетом чужеземных кочевников:

Хорасан и Мавераннахр от Газневидов до Монголов.
 Мавераннахр и Хорасан во времена Монголов.
 Чагатайское государство Тимура и Тимуридов.
 Мавераннахр и Хорасан от Узбеков до Мангытов.
 Бухарский эмират.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ВОСТОК

Кочевое общество пустынной Аравии жило не обособленно, а в окружении древних восточных земледельческих цивилизаций Месопотамии, Передней Азии и Египта. Время от времени огромная пустыня из-за экологических, демографических и иных факторов выбрасывала в земледельческие оазисы Месопотамии и Передней Азии аравийских семитов. Так появились в политической истории мира аккадцы в Шумере под предводительством легендарного Саргона Древнего (2316 - 2261 гг. до н.э.), амореи, арамеи и халдейцы во главе со знаменитым Навуходоносором (605-562 гг. до н.э.) в Вавилоне. Однако такие всплески были эпизодическими. Кочевые племена семитов, которых позднее стали именовать бедуинами, мирно бродили со своим скотом и небогатым скарбом по бескрайней пустыне Аравии. Часть из них возделывала земли оазисов, тем самым содействуя транзитной торговле между земледельческими цивилизациями. Торговые пути между ними пересекали степную Аравию, как с севера на юг вдоль Красного моря или Персидского залива, так и с запада на восток из Южной Аравии (Йемен) к Нижней Месопотамии.

По маршруту следования торговых путей создавались и развивались города и торговые центры, и кочевое население вольно или невольно оказалось задействованным в товарно-денежных отношениях.

На западном побережье Аравии находился город Мекка со своим знаменитым храмом Кааба. Роль этого города в транзитной торговле была весьма ощутима. Два военно-политических события радикально изменили судьбу Мекки: 1) захват Йемена в 570 г. Сасанидским правителем Хосровом I и его включение в Сасанидский Иран прервали южноаравийскую торговлю, направив основной поток кратким путем через Двуречье, контролируемое Ираном; 2) уничтожение арабского государства Лахмидов в Северной Аравии Сасанидами из-за стремления к независимости вассала, последнего правителя ан-Нумана (начало

VII в.) и назначение здесь (как и на юге) сасанидского наместника. Вследствие этих событий город Мекка оказался в двойственном положении. С одной стороны, упадок торговли из-за изменения пути следования грузов грозил не только благосостоянию города, но и самому его существованию. С другой стороны, уничтожение арабских государств (Химьяритского государства на юге, Лакмидского княжества на севере) создало здесь политический вакуум, что могло бы подтолкнуть к возвышению Мекки не только как торгового и религиозного, но и политического центра всей Аравии. Необходим был выход, иначе городу суждено было медленное умирание. И этот выход был найден – спасти город могла новая монотеистическая религия. Мекка сложилась вокруг древнего святилища арабов – Каабы, четырехугольной постройки, в один из углов которой был вмурован черный камень. Камень Каабы уже в те времена был особенно почитаем среди арабских святилищ. Неподалеку от этого святого места находились другие – колодец Зам-Зам, долина Мина и холм Арафат, где также были объекты поклонения.

Мекка, как и вся языческая Аравия, наряду с верховным божеством Аллахом и триадой женских божеств (Ал-Лат, ал-Уzza и Манат) почитала Солнце, звезды, Луну и множество земных объектов. Кроме того, существовали родовые, семейные и племенные идолы-хранители.

В Мекку, как целому комплексу святых мест, совершали паломничество (хадж) со всей Западной Аравии (иногда в сезон до более десятка тысяч арабов). Идея создания новой монотеистической религии у жителей Мекки, активно торговавших с окружающими их иудеями (особенно иудеями Ятриба) и христианами, буквально витала в воздухе. Необходим был лишь один шаг – объявить Аллаха единственным богом и властелином Каабы и устранить племенных идолов, уже не обеспечивающих крепких внутренних уз из-за расслоения общества.

Эту великую религиозно-историческую миссию выполнил Мухаммад (570–632 гг.), сорокалетний курейшит из аристократического рода хашим. Другой курейшитский род, богатый омейя, играл в это время доминирующую роль в Мекке. Мухаммад рано

остался сиротой и познал лишения. В юности он пас скот своего дяди Абутолиба. Позже он поступил на службу к богатой вдове и вел ее торговые операции. Лишь женитьба на этой богатой вдове Хадиче улучшила положение Мухаммада, брак был вполне удачным. У них родилась дочь Фатима, давшая жизнь потомству пророка.

Примерно в 610 г. во время ухудшения торговых операций Мухаммаду стали являться какие-то видения. Сначала он испугался, приняв эти видения за козни злых духов-шайтанов. Постепенно, общаясь с иудеями и христианами и просто с соплеменниками, знакомыми с монотеистическими религиями, заимствуя от них тезисы, доктрины и иные представления, он пришел к выводу — эти видения являются откровением, посланным ему свыше.

В проповедях и спорах с оппонентами у Мухаммада постепенно вырабатывалась четкая система взглядов: Аллах сотворил весь мир на благо людей, но неблагодарные люди в гордыне забыли об этом. Поэтому Аллах открывает истинную религию Ибрахиму (Авраам), затем Мусе (Моисей) и Исе (Иисус), но каждый раз люди сходят с истинного пути. За это они не раз наказывались, и им снова посылался новый пророк. Теперь с увещеванием к арабам послан он. Арабы вместо того, чтобы думать о спасении души, занимаются накоплением богатства, обирают сирот и бедняков, обмеривают и обвешивают покупателей, берут огромные проценты за долговые суммы. Нужно наставить их на правильный путь. Мухаммад должен освободить людей от многобожия и идолопоклонства и указать им правильный выход — раскаяние, праведный образ жизни, помощь беднякам, сиротам, вдовам, вера в милосердие единственного и всемогущего бога.

Все его проповеди вызвали вначале враждебность мекканской верхушки, их особенно привели в ярость слова Мухаммада о том, что все их языческие предки будут гореть в аду. Даже сильная многолетняя поддержка своего рода не смогла уберечь Мухаммада от преследований. После смерти главы Хашимитов, Абутолиба, поддерживавшего его и его любимой жены Хадичи, он был вынужден с группой близких последователей, которых стали называть мусульманами («муслимуна» — «вручивший себя

богу»), уйти из Мекки и поселиться в городе Йасрибе, на родине матери. Жители этого города, давно соперничавшие с Меккой, не только тепло встретили гонимого пророка (нет пророка на своей Родине), но и переименовали город в его честь, дав ему название Мадина (город Пророка).

Год переселения (622 г.) стал началом нового летоисчисления для всех мусульман мира, а первая группа переселенцев во главе с пророком получила почетное наименование мухаджиров, совершивших хиджру (переселение). Именно мухаджиры Мекки и ансары Мадины составляли костяк новой религиозной общины — мусульманской уммы. В ходе шестилетней борьбы пророка с иудейскими племенами Мадины (ан-надир, курайза и др.) Мухаммад стал все отчетливее формулировать постулаты новой веры — ислама и оформлять его обрядность. Первоначальная ориентация при намазе (молитве) в сторону Иерусалима была заменена ориентацией на Каабу, праздничным днем стала пятница, был установлен новый месяц поста — Рамазан, в течение которого всем мусульманам предписывалось воздерживаться от еды и питья в светлое время суток, четырехразовая молитва была дополнена еще одной молитвой, были введены ограничения в употреблении некоторых видов пищи (особенно свинины), запрещение вина. Постепенно вырабатывались основы мусульманского права (шариата): порядок раздела добычи, права наследования, семейные отношения и уголовное право.

Все эти религиозно-общественные мероприятия цементировали внутренние связи мусульманской уммы и аккумулировали такой силу энергии, которая не только сумела сокрушить языческую Мекку, но и также могущественные империи как Византия и государство Сасанидов.

Теперь наиболее дальновидные мекканцы поняли, что будущее за Мухаммадом. Они стали принимать ислам (среди них особенно выделялся лучший военачальник курейшитов Халид ибн ал-Валид, впоследствии принявший титул «Меч ислама»). Мекка с Каабой становилась религиозным центром ислама. В 630 г. Мухаммад торжественно въехал в Мекку, и после уничтожения идолов в Каабе изложил основные положения мусульман-

ского права и этики (мораль), которые стали обязательными для всех жителей города. Триумфальным шествием ислама по всей Аравии стал 631 г., важной вехой которого было паломничество (хадж) в 9-й год хиджры (март). Предводителем паломников был назначен Абу-Бакр – друг и тесть пророка, получивший подробные наставления о новых обрядах. Затем к нему присоединился двоюродный брат и зять Мухаммада – Али, которому поручили огласить новое откровение пророка.

Это откровение от предыдущих отличается своей решительностью и практичностью. Согласно ему, многобожники последний раз допускаются в Мекку, и язычникам дается четыре месяца на размышление. После чего тем, кто не принял ислам, объявляется война. Ислам также размежевывался с «людьми писания» (иудеями и христианами). С ними также предписывалось вести войну – пока они не покорятся и не заплатят подушную подать – *джизью*.

Созданию и укреплению мусульманского государства в сердце Аравии способствовали по меньшей мере четыре фактора.

Во-первых, его могущественные соседи – Византия и Иран, – контролировавшие только периферийные (северные, восточные и южные) части Аравии, не обращали внимания на внутренние ее регионы (Хиджас, Йамама, Тихама и др.), и здесь возник вакуум власти.

Во-вторых, в Западной Аравии существовала система договоров между торговой верхушкой курейшитов и бедуинскими шейхами, обеспечивавшими безопасность передвижения торговых караванов и получавшими свою долю от торговых операций. Эта система регулировала баланс интересов значительной части аравийских племен при гегемонии торгового и религиозного центра Мекки. Захватив последнюю, Мухаммад стал во главе этой системы.

В-третьих, и это, возможно, самое главное, свободолюбивые бедуины, не признающие никакой чужой власти (ни соседнего племени, ни, тем более, чужих (инородных) государств) впервые консолидировались вокруг ислама – религии, проповедующей не власть человека, а власть надчеловеческого божества.

Мухаммад не претендовал на обожествление своей личности. Он всегда говорил, что он - обычный человек, как и все остальные, отмеченный лишь благодатью откровения. Тем более его разрастающаяся община еще не была оформлена в государственную структуру, и поэтому племена еще не чувствовали тяжелой руки централизованного государства.

В-четвёртых, генеральный принцип распределения военной добычи ($\frac{4}{5}$ её шло воинам, принявшим участие в сражении, а $\frac{1}{5}$ оставалась для распределения среди нуждающихся сородичей) среди мусульман стимулировал простых кочевников-бедуинов не к постижению сложных религиозных доктрин и постулатов, а к новым сражениям и победам.

Тем временем 8 июня 632 г. пророк Мухаммад умер в возрасте 63 лет, что повергло его общину (умму) в шок и состояние смятения. Смятение охватило не только простых мусульман, но и их руководителей, так как перед ними встала трудная задача: кто возглавит эту стремительно развивающуюся религиозную общину, превращающуюся в подлинное государство. У Мухаммада не было сына — наследника, как не было и постоянного заместителя или помощника. Остро встал вопрос о новом религиозно-политическом вожде правоверных мусульман. Выбор руководителя намаза (имамы) халифом (заместителем) пророка, т.е. главой общины, предопределил дальнейшее развитие исламского учения — слияние политики и религии воедино (идея о халифате). Предпочтение тестя пророка (Абу Бакра) зятю (Али) и мухаджира (сородича) ансару (чужаку) говорит о сохранении сильных позиций семейно-родственных отношений в новом государственном образовании — Арабском халифате.

За недолгие годы правления первого халифа Абу Бакра (632-634 гг.) арабы-мусульмане не только сумели подавить недовольство и восстания в арабских землях, но и вести успешные завоевания соседних территорий (Ирана и Сирии). Во время правления второго халифа Умара ибн ал-Хаттаба (634-644 гг.), назначенного Абу Бакром перед смертью своим преемником, мусульманские войска нанесли ощутимые удары своим могущественным соседям: 20-22 августа 636 г. мусульмане разгромили бо-

лыбую армию византийцев во главе с императором Ираклием вблизи реки Йармук (по которой в настоящее время проходит граница Сирии и Иордании), что решило судьбу Палестины и Сирии. В конце того же года мусульмане под предводительством талантливого полководца Саад ибн Абу Ваккаса разгромили сасанидскую армию под Кадисией, насчитывающей 40000 воинов с 30 боевыми слонами. Развивая успех, арабы в марте следующего года (637 г.) заняли столицу Сасанидов – Ктесифон. Завоевание Ктесифона и Иерусалима (638 г.) было огромной моральной победой мусульман – они становились хозяевами столицы зороастрийцев и священного города иудеев и христиан, что казалось в их глазах превосходством новой религии над другими религиями мира.

При третьем выборном халифе, Усмани (644-656 гг.), завоевания шли уже далеко от Аравии: в Северной Африке (Магрибе) и далеком Хорасане. Последний сасанидский правитель Йездигерд III погиб под Мервом (652 г.), и арабы вплотную подошли к Амударье.

Чрезмерное расширение Арабского халифата вело к неустойчивости внутреннего положения, несмотря на то, что Умар, обладающий неоспоримым авторитетом, предпринял ряд мероприятий: объявил все завоеванные земли иноверцев коллективной собственностью мусульман, налог с них должен был поступать в распоряжение халифа, воины и все заслуженные мусульмане стали получать жалованья, для учета которых учреждались реестры-диваны, были упорядочены налоги. Так формировалось настоящее мусульманское государство.

Новый халиф Усман не отличался особыми заслугами перед религией. В крупных арабских колониях (во главе с наместниками) возрос сепаратизм, а ведь именно там теперь создавались ударные силы арабов (из жителей Ирака, Сирии, Египта и др.). Действия же Усмана по поддержке всей родни в ущерб старой гвардии ислама создали кризисную ситуацию.

В мае 656 г. группа недовольных из Египта и Ирака осадила дом Усмана, требуя его отречения. 17 июня они ворвались в

дом и убили Усмана. Возглавил все это Абдаллах, сын первого халифа Абу Бакра.

Убийство третьего выборного халифа Усмана положило конец короткому периоду (около 25 лет) единства мусульманской общины. Между основными течениями ислама начались многовековая вражда и междоусобные войны. Избрание Али четвертым халифом было сразу же оспорено двумя политическими группировками: с одной стороны, верными сподвижниками пророка Талхой и аз-Зубайром, поддержанными младшей и любимой женой Мухаммада Айшей, и, с другой стороны, наместником Сирии Муавиейей, сыном Абу Суфйана и родственником Усмана, который неверно обвинил Али в попустительстве убийству Усмана.

Али пришлось вести борьбу на два фронта.¹

9 декабря 656 г. он разгромил Талху и аз-Зубайра под Басрой (Ирак), которые пали в сражении, и Айша была отправлена с почетом в Медину.

На следующий год халиф всю свою военную мощь направил против наместника Сирии Муавийи, и летом (июль) оба войска встретились в урочище Сиффин. Небольшое войско Муавийи не могло противостоять ударным силам халифа. В решающий момент сражения наместник пошел на хитрость: его воины подняли на своих копьях листы священного Корана, тем самым призывая своего противника не к военному, а религиозному решению спора. Нерешительность Али позже стоила ему трона и жизни. В итоге ранний ислам раскололся на три течения. Сразу после заключения перемирия и назначения третейского суда (из двух почтенных сподвижников) 12 тысяч воинов Али, решительные противники Муавийи, осудили вождя за компромисс и покинули его. Они стали называть себя хариджитами («ушедшими», «вышедшими»).

Хариджиты защищали взгляды рядовых мусульман, недовольных усилением социальной несправедливости в своей общине. Они заявили, что халифом может стать любой достойный мусульманин.

¹ Большаков О.Г. История халифата. Т. 3. – М., 1988. – С. 29-90.

Али был вынужден опять вести борьбу на два фронта. Чтобы обезопасить тыл, он повел свои войска в Ирак. Ему удалось разгромить хариджитов. Но он не успел подготовиться к решающему сражению с Муавией, вокруг которого уже сконцентрировались все его противники. 22 января 661 г. один из хариджитов нанес ему смертельную рану в мечети в Куфе. Халифом стал Муавийа, основавший династию Омейядов (661-750 гг.). Откупившись от претензий на власть старшего сына Али-Хасана, он расправился с его мятежным младшим братом Хусейном. Муавийа энергично взялся за укрепление собственной власти. Единая прежде мусульманская община раскололась теперь на партию Али (шиа Али) - шиитов, и остальных мусульман - суннитов.

И прежде у каждого влиятельного общественно-политического деятеля, включая «праведных» халифов, была поддерживающая именно его партия (например «шиа Усмана» или «шиа Талхи»), но именно после гибели Али его сторонники превратились в религиозно-политическую партию, объединенную идеей, а не конкретной целью. Сторонники (шиа) Али ратовали за наследственную власть потомков Али над мусульманской общиной. Учение шиизма возникло и развивалось вдали от Мекки и Медины, жители которых знали этих имамов, как обыкновенных людей с самого рождения. На востоке же Халифата (Куфа, Басра, Ктесифон и др.), в основном в Иране, имеющем колоссальный опыт религиозной жизни, эти имамы были наделены сверхчеловеческими чертами.

Гибель младшего сына Али-Хусейна (10 октября 680 г.), завершила окончательное оформление идеологии шиизма, которому не хватало образа мученика, одного из столпов религии. Его мученическая гибель (от многократно превосходящего противника, страдание от жажды перед смертью) стала для его почитателей примером того, как надо бороться с безбожными правителями, ради земной власти уничтожающих прямых потомков пророка (сына, внуков и других близких родственников).

Именно оформление своеобразного соотношения политики и религии в учении о халифате и возникновение новой шиит-

ской теории об имамате стали причинами раскола мусульманской общины.

Рассмотрим полувековую историю (630-680 гг.) раннего ислама: правление пророка Мухаммада полностью соответствовало строгому определению теократии: Аллах - абсолютный обладатель султани — властью повелевать и распоряжаться (в современном понимании законодательная власть), мулка — владение, управление (исполнительная власть) и хукма — принятие решения, суд (судебная власть). Он непосредственно управлял общиной — государством через ниспосланный им Коран и через своего посланника, имевшего с ним непосредственный «контакт».

Халиф (араб. «заместитель, преемник») — качественно иная фигура в мусульманской схеме высшей власти. Он был только заместителем пророка, не унаследовавшим от него права связи с Аллахом. Его задача весьма скромна — следить за тем, чтобы жизнь общины шла в соответствии с законом бога.

Четыре праведных халифа — Абу-Бакр, Умар, Усман и Али — провозглашаются не только по воле пророка и предшествующих халифов, но и с одобрения мусульманской общины. Это своего рода отпечаток практики родоплеменного общества домусульманской Аравии. В данном случае халифат — это синтез духовной (религии) и светской (политика) жизни. С одной стороны, правление праведных халифов-преемников и близких родственников Мухаммада, — это «божественная воля», выбравшая представителя рода курейшитов для ниспослания ему священного Корана. С другой стороны, воля самой мусульманской общины — это передача власти близким соратникам создателя их новой общины (уммы). Здесь необходимо отметить примечательный факт: примерно в 19 году хиджры (641 г.) Умар к своему титулу халиф прибавляет дополнительный титул амир аль-муминин (повелитель правоверных), первый признак обособления светской власти от духовной.

Омейядский халиф Муавийа (661-680 гг.) вводит два важных политических новшества: переносит столицу халифата из священного города Мекка в северный форпост Дамаск (в свое на-

местничество), пренебрегая волей мусульманской общины и уничтожая восставших в самом священном городе. Он и закрепляет халифат за своим потомством. В религиозно-политическом учении халифата теперь политический аспект доминирует над религиозным, так как доминирует воля правителя, а не воля Аллаха или пророка. Яркий пример: крупный военный отряд сына Муавии – нового халифа Йазида в Ираке, безжалостно расправляется с малочисленной группой сторонников реального претендента на пост халифа – внука пророка Мухаммада, сына Али – Хусейна.

Политические противники Омейядов – сторонники рода Али, в противовес им формируют религиозно-политическую теорию – шиизм (теория об имамате). Согласно этой теории, верховное руководство над общиной в силу «божественного установления» должно принадлежать потомкам Али и Фатимы, дочери Пророка, которых Аллах избрал непосредственными выразителями своей воли. В этом учении религиозный аспект доминирует над светским (политическим), так как божественная воля непрекаема. Большинство мусульман – сунниты – осталось верным традициям и склонялось к точке зрения законоведов/богословов Мекки и Медины, ближайших сподвижников Пророка, утверждавшим, что угодным общине в качестве его главы – халифа – может быть только человек из племени курейш – племени Пророка. Эта позиция и стала позднее господствующей в государственно-правовой теории халифата.

С таким непростым идейным багажом ислам все более приближался к землям, где жили предки таджиков: бухарцы, согдийцы, бактрийцы и др. Все земли Восточного Ирана были объединены в наместничество Хорасан (652-653 гг.), и оттуда арабы рвались на другой берег Амударьи, на территорию, которую они называли Мавераннахром («то, что за рекой»).

В это время Мавераннахр был политически разобщен: правители Бухары, Самарканда, Хорезма, Чача, Ферганы, Уструшаны, Чаганиана, Хутталя и другие, носившие титул типа бухархудат, ихшид, тутук, афшин, правили самостоятельно, чеканили монеты и имели небольшие военные дружины, часто используе-

мые в войне со своими соседями. Такая политическая раздробленность, углубленная распространением в северо-восточной части Мавераннахра инонационального тюркского военно-политического влияния, мешала местным правителям консолидированно выступить против арабской экспансии.

Завоевание Мавераннахра арабы начали (70 г. VII в.) не планомерно и последовательно, а путем грабительских набегов, что ввело местных правителей в заблуждение. Они восприняли походы арабов, как обычные набеги тюрок с северо-востока, которые не вмешивались во внутренние дела земледельческих стран, а довольствуясь выкупами и добычами, уходили назад в свои степи. Но кочевники с юга, воинствующие арабы, благословенные самим Пророком и его халифами, не только не ограничивались богатыми военными добычами, но и усердно утверждали в завоеванных землях новую религию — ислам.

Хорасанский наместник Убайдулло ибн Зияд (673-675 гг.) первым из арабов совершил набег в Мавераннахр. В 673 г. он, перейдя Амударью и захватив несколько населенных пунктов, подошел к Бухаре. Мать малолетнего бухархудата Тахшада Хотун призвала на помощь тюрок, и их объединенные силы встретили арабов под Бухарой. Вскоре Хотун заключила мир с арабами, и Убайдулло, довольный выкупом и плененными в единственной стычке с врагом (около 2 тыс. лучников), вернулся в Мерв. Новый хорасанский наместник Саид ибн Усмон (675 - 677 гг.) повторил набег в Бухару в 675 г. Заключив мир в очередной раз и взяв 80 заложников, он не вернулся домой, а двинулся дальше в Самарканд. Здесь он встретил серьезное сопротивление, вынужден был заключить мир и вернуться в Мерв.

Очередной поход в Мавераннахр совершил в 680 г. новый наместник Сальм ибн Зиёд (680-683 гг.). В свое наместничество Сальм приехал в сопровождении отборного войска из иракских и сирийских арабов, которые составляли его ударную силу. В Хорасане он увеличил свое войско за счет местных арабов и союзников. Вначале Сальм завладел Хорезмом, а затем направился в сторону Бухары. Получив очередной раз выкуп у правительницы Бухары и разгромив уже в который раз союзнические силы Согда

и тюрок (из-за неслаженности действий), он пошел в Самарканд. Овладев Самаркандом, Сальм отправил военные отряды в Худжанд, но они были разгромлены. Несмотря на это, арабы все же получили еще больший выкуп, чем в прежние походы, и вернулись в Мерв.

Через 19 лет новый наместник Хорасана Мухаллаб (699 г.) с большим отрядом перешел Амударью и направился в южные земли Согда (нынешняя Кашкадарья). Во время передвижения войск к наместнику обратился один из братьев хуттальского правителя, чтобы он помог ему в борьбе за трон. Воспользовавшись очередной междоусобицей, Мухаллаб немедленно снарядил большой отряд во главе со своим сыном Йазидом. Хуттальскому правителю Сабалу удалось схватить и казнить предателя – претендента на престол, но он был вынужден заключить мир с арабами и дать выкуп. Мухаллаб в течение двух лет оставался в городе Кеш, организуя набеги на южные города Мавераннахра. Несмотря на все возрастающую угрозу со стороны арабов, в Мавераннахре не прекращались междоусобицы. В начале 700 г. в вооруженную борьбу группировок в крепости Термез были вовлечены правители Самарканда, Бухары, Хутталя, Чаганиана и другие, что умело использовали в своих целях арабы. Отправив 15-тысячное войско против одной из воюющих группировок укрепленной крепости Термеза, они призвали к совместным действиям согдийцев, хутталцев и других местных правителей и благодаря их поддержке ликвидировали серьезного противника.

К началу VIII в. Омейяды ликвидировали все очаги внутренней оппозиции и недовольства. Укрепив легитимность своей власти в Дамаске, они обратились к решению задач, относящихся к внешним сношениям, т.е. они активизировали свою экспансию и на магрибе (западе) и на машрике (востоке). Наместником Хорасана был назначен один из самых деятельных, жестоких и опытных военачальников мусульман Кутейба ибн Муслим (705 - 715 гг.), который и завершил завоевание Мавераннахра.

Кутейба, завершив все подготовительные мероприятия (собрал информацию о состоянии дел в Мавераннахре; призвал местных правителей-союзников к совместным действиям), в 706г.

начал уже традиционный для арабов поход на Бухару. По дороге они овладели торговым городом Пайкенд, несмотря на сопротивление жителей города и пришедших на подмогу согдийцев. Но когда арабы покинули город, оставив здесь малочисленный гарнизон, жители восстали и перебили арабов. Кутейба был вынужден вернуться и после месячной осады овладел городом. Арабы разграбили и до основания разрушили Пайкенд, перебив всех его защитников.

Жестокость арабов и разрушение купеческого города было демонстрацией для всех правителей Мавераннахра того, что арабы больше не будут довольствоваться набегами и выкупами. Они пришли покорять их земли. Более дальновидные и трезвые правители объединили свои силы для отпора захватчикам. В 707-708 гг. военные силы Мавераннахра, во главе с согдийцами, дали отпор арабам, заставив их вернуться в Мерв. Такое состояние дел не устраивало наместника восточных земель халифата Хаджаджа, который строго приказал Кутейбе ускорить завоевание Мавераннахра. После основательной подготовки Кутейба в 709 г. напал на одного из сильных владетелей Бухарского оазиса варданхудата (правителя Варданы). Варданхудат призвал на подмогу согдийцев и тюрок, которые подросли и окружили арабов под Бухарой. Спас арабов Кутейба, посеяв рознь между тюрками и согдийцами. Согдийский правитель Тархун заключил мир с Кутейбой и, оставив у него несколько заложников, отступил в Самарканд. Тюрки, опасаясь объединения арабов с согдийцами, также отступили и, возвращаясь к себе, разграбили придорожные согдийские селения в отместку за сепаратный мир согдийцев с арабами. Нейтрализовав основные силы сопротивления Мавераннахра - согдийцев и тюрок, арабы быстро захватили Шуман (совр. Гиссар), Кеш и Нахшаб и обложили данью все завоеванные земли.

Но в 710 г. когда арабы прибыли за очередной данью, согдийская знать свергла Тархуна и провозгласила правителем Согда Гурека. Тархун покончил жизнь самоубийством в темнице. Кутейба готовился отомстить за смерть своего союзника Тархуна, но хорезмийские дела отодвинули осуществление его замысла на год.

Хорезмшах призвал его прийти на помощь против восставшего брата Хурзода. Кутейба сразу вышел в поход и помог Хорезмшаху разбить брата. За военную помощь Кутейба составил неравный договор с Хорезмшахом, по которому последний обязался платить ежегодную дань и поставлять арабам войско (10 тыс. воинов), что означало вассалитет Хорезма от Арабского халифата.

Вскоре после ухода Кутейбы жители Хорезма, недовольные уступчивой политикой шаха, восстали и убили его. Кутейба был вынужден вернуться и поставил правителем Правобережного Хорезма сына убитого хорезмшаха. Для упрочения власти халифата в Хоразме (с центром в г. Ургенч) он назначил своего брата Абдаллаха соправителем Хорезмшаха.

В 712 г. Кутейба вышел из Хорезма, притворяясь, что направляется с военной добычей в Мерв, но на половине дороги он резко повернул в сторону Самарканда, отправив обоз по назначению (в Мерв). Защитники Самарканда поднялись на защиту своего города и обратились к правителю Чача и Ферганы за помощью. Арабская разведка узнала о передвижении подмоги к Самарканду, и Кутейба отправил отборных 400 воинов, которые ночью напали на отряд и разгромили его.

Отрезанному от всех Самарканду пришлось положиться только на свои силы. Арабы же при осаде города применили 300 стенобитных орудий (манджаник). После месячной осады арабы, пробивая новые и новые бреши в стенах города, все же ворвались в него. Защитникам города пришлось принять кабальные условия. Здесь арабы потребовали не только выкупа и ежегодной дани, но и построили мечеть, собрали и уничтожили идолов зороастрийцев. Завоевав Согд, Кутейба устремился на северо-восток, в сторону Уструшаны, Чача и Ферганы. В 713 г. он совершил поход на северо-восток, предварительно потребовав от завоеванных владений Мавераннахра выставить вспомогательный отряд (20 тыс. воинов). По дороге к Худжанду он отправил часть своего войска к Чачу, а сам с основными силами начал штурм Худжанда. Жители города отчаянно сопротивлялись, но в силу превосходства военных сил арабов и их союзников им пришлось сдаться.

После этого Кутейба направился в г. Касан, политический центр Ферганы, куда подспела вторая часть арабской армии из Чача. Арабы захватили город. В 715 г. Кутейба совершил поход в Кашгар. В этом же году на трон халифата взошел Сулейман, злейший враг Кутейбы. Боясь преследований со стороны халифа, Кутейба намеревался поднять восстание и отделиться от него. Но войско Кутейбы осталось верным халифу, который, уничтожив своего полководца со всеми его родственниками, вернулся в Хорасан. Несмотря на печальный исход похода, необходимо подчеркнуть, что именно походы полководца Кутейбы были решающими в завоевании Мавераннахра и Хорасана. Теперь перед арабами стояла проблема не менее важная, а именно - удержание завоеванных земель.

Распространение ислама среди покоренных народов шло достаточно успешно. Зороастрийцы Ирана и Мавераннахра видели в новой религиозной доктрине нечто родственное: сложившаяся на доктринах христианства, зороастризма и иудаизма, мусульманская религия была близкой и понятной тем, кто уже привык верить в единого великого бога, символизирующего собой все светлое, доброе и справедливое. Кроме того, экономическая политика арабов, согласно которой принявшие ислам платили в казну халифата только десятину (*ушр*), тогда как немусульмане были обязаны выплачивать более тяжелый поземельный налог — *харадж* (от 1/3 до 2/3 урожая) и унижительный подушный налог — *джизью*, генетически восходившая к реформам сасанидского правителя Хосрова I (*хараг* и *гезит*). Многие были уверены в том, что победа мусульманского оружия доказывает истинность мусульманского учения, которое отличалось своей простотой (в отличие от отягощенного многочисленными обрядами зороастризма). Но отметим, что некоторые важнейшие представления ислама (вера в рай и ад, в конец мира и Судный день) и его главные обряды (пятикратная ежедневная молитва, идолоборчество (отрицание изображений) и обязательность подаяний и др.) были заимствованы из зороастризма.

Несмотря на близость ислама и зороастризма, последний никак не уступал места новой вере. Ислам был чужд населению

завоеванных государств, грубые кочевники-завоеватели навязали его подчиненным регионам. Он принес непривычные для местного населения обычаи: обрезание, законы о чистом и нечистом мясе, воздержание от вина, поклонение чужому и далекому священному камню – Каабе, взамен поклонения родному вечному огню. К тому же и Коран был написан на чужом для земледельцев языке. Но новая вера имела существенное преимущество: светская власть поддерживала именно ее, горячие дискуссии о преимуществе той или другой религии решительно пресекались ударом меча в пользу ислама.

Следующим важным фактором усиления власти халифата (арабов) была арабизация. В ходе завоеваний и быстрого расширения захваченных территорий арабы расселялись часто целыми племенами на новых местах. Новоназначенный наместник приводил с собой чуть ли не все свои племена, которые занимали ключевые позиции и брали себе в жены элитных представительниц местного населения (в качестве добычи), часто в немалых количествах, что было законно, санкционировано Кораном, одобряющим многоженство. Принявшие ислам местные жены арабов и, естественно, их дети арабизировались. Арабский язык повсюду вводился в качестве обязательного в делопроизводство. Правда, из множества провинций Арабского халифата, простирающегося от Испании до Китая, только Иран и Мавераннахр (земли предков таджиков) успешно противостояли полной арабизации населения. Эти земли (древняя Ариана) древнейшей культуры и развитой независимой политической и религиозной традиции дали, как это ни парадоксально, второе дыхание исламу, способствуя кристаллизации и развитию всего комплекса этого политико-религиозного учения.

Важнейшей особенностью халифата и вообще всех мусульманских стран (до наших дней) является монолитность (синтез) религии и политики (или, наоборот, политики и религии), о чем мы говорили выше. Ислам был идейно-институциональной основой власти халифов, особенно на начальном этапе, он играл важнейшую роль в сложении новой политической структуры.

Халиф обладал всей полнотой власти - и религиозной

(имамат) и светской (эмират, султанат). В столице Дамаске чеканились золотые динары и серебряные дирхемы с именем халифа, его имя произносилось в торжественных пятничных намазах в мечети. Центральная власть эффективно управляла всей огромной страной, для чего была налажена регулярная почтовая связь с периферией, реорганизованы войска, которые получали жалованье и земельные наделы — *катиа*, по иранскому образцу были созданы полицейские отряды, строились дороги и караван-сарай.

Единственным собственником всех земель халифата было государство (формально все мусульманские земли были собственностью Аллаха, а халиф распоряжался ими от его имени).

Практически все земли были во владении эмиров (наместников). Существовали различные категории землевладения. Наиболее распространенным было общинное землевладение на землях государства с выплатой в казну ренты-налога в форме хараджа или ушра. Ушр выплачивали владельцы частных отчуждаемых земель (*мулк*). Земли халифа и членов его семьи (*савафи*) и религиозных учреждений (*вакфы*) налогами не облагались, но и не могли отчуждаться.

Отношение Омейядов к мусульманам-неарабам, число которых все время росло при уменьшении числа арабов в ходе гражданских войнах, все чаще возникающих после смерти очередного халифа, было непостоянным. Вначале всех их освобождали от хараджа и джизьи, но со временем заставляли выплачивать то одну, то иную формы налога. Недовольство в халифате росло, чем искусно воспользовались Аббасиды, соперники Омейядов, опиравшиеся в первую очередь на Иран и другие восточные провинции Халифата, недовольные засильем арабов.

Аббасиды спровоцировали восстание в Хорасане (747 г.), отправив туда своего представителя Абу Муслима, чтобы он возглавил его. Прибыв в Мерв, Абу Муслим стал вести пропаганду в пользу анонимного «имама из семьи Пророка», «угодного Аллаху», который будет «следовать книге Аллаха (Корану) и обычаю Пророка». Этот расплывчатый тезис устраивал и шиитов, и хариджитов, и всех остальных, недовольных правлением Омейядов. Они сплотились вокруг Абу Муслима и вели успешные сражения

с регулярными войсками, захватив столицу Дамаск (750 г.) и устранив последнего Омейядского халифа Марвана на западе халифата (Египет).

Плодами успехов, в первую очередь, воспользовались Аббасиды, создав свой халифат - от Синда на востоке до Западной Африки (только Андалусия в Испании, отделенная морем от остального халифата, не признала нового халифата, приняв у себя внука Омейядского халифа Хишама (755 г.) и создав Кордовский эмират). Неарабы, в первую очередь, иранцы получили несколько преимуществ стратегического значения.

Во-первых, арабы лишились привилегированного положения и монополии на власть. Мусульмане (арабы и неарабы) сравнялись в правах, что способствовало быстрой исламизации восточной части халифата. Халифат из арабской империи превратился в исламское государство, где вероисповедание (конфессиональная принадлежность) было важнее, чем этническая принадлежность.

Во-вторых, резиденция халифа была переведена на восток. Здесь был построен грандиозный и великолепный город - Багдад (762-763 гг.), первоначально на иранской земле. В огромной администрации города было очень много иранских и среднеазиатских представителей, которые стали опорой новой династии.

В-третьих, в новых политических условиях, когда в основном прекратились успешные завоевательные походы, новой власти пришлось обратиться к навыкам, умению и опыту управления огромным государством, которыми владели иранцы. Это было время замены острого меча араба на острое перо иранца. Скоро иранцы (и хорасанцы) из ближайшего окружения халифа начали воссоставлять традиции сасанидской государственности. В Багдаде рядом с халифом появляется фигура *везира* - главы административного аппарата государства (аналог Сасанидского *вузург фрамандара*). Символично, что первыми великими везирами Аббасидов становятся Бармакиды, потомки Бармака, верховного жреца зороастрийского храма в Балхе (Тохаристане).

Выделение гражданской администрации способствовало созданию диванов (канцелярий) по роду занятий (сбор налогов, содержание армии и т.д.) с многочисленным штатом, исполняю-

шим повседневные задачи государственной важности. Постепенно складывается влиятельный слой гражданского чиновничества, считавшего себя опорой государства. Военная знать оказалась на втором плане.

В-четвёртых, была проведена реформа в армии. Была создана профессиональная наемная армия из числа хорасанцев, бактрийцев, согдийцев, тюрок и берберов вместо воинов-арабов. Это окончательно разрушило монополию арабов на власть в халифате.

В-пятых, и это самое главное, замена меча на перо обусловила наивысший расцвет мусульманской культуры. Свой вклад здесь внесло все население громадного пространства халифата: арабы, иранцы, египтяне и, конечно, предки таджиков: согдийцы, бактрийцы, хорасанцы и др.

Многие заговорили о Возрождении Аджамы (неарабские иранские земли), кульминация которого пришлась на время правления таджикской династии Саманидов. Весьма примечательны в этом отношении слова известного востоковеда Л. Гумилева: *«На Востоке ... было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре.... Именно таджиков возглавляла местная династия Саманидов и созданная ими культура блистала – как алмаз, по сравнению с которой все прочие – оправа»*.¹

ЭТНОГЕНЕЗ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В ЛОНЕ ИСЛАМА

В Арабском халифате иранский этнос (иранский в широком смысле слова) со своими богатыми политико-религиозными традициями занимал особое место. Именно благодаря их усилиям халифат превратился из арабской империи в исламское государство. Если арамейское население Леванта довольно быстро ара-

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1992. – С. 208.

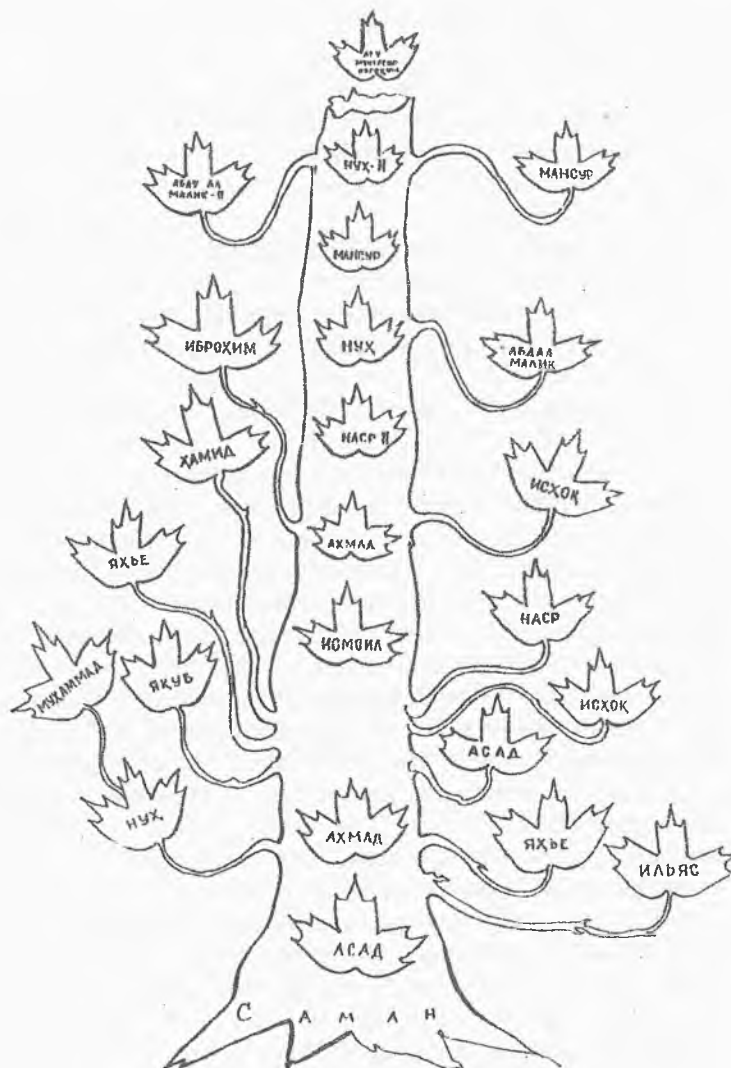
бизировалась, то иранцы и предки таджиков (бактрийцы, согдийцы, хорасанцы и др.), принимая ислам, оставались устойчивыми в этнокультурном плане. Они получили новое общее название «таджик». В первые годы ислама иранцы и таджики поддерживали выгодные им династии (Аббасидов взамен Омейядов) и их представителей (Мамуна, иранца по матери, взамен Амина), но постепенно стала проявляться тенденция к обособлению их от империи. Средоточием подобных устремлений стал Хорасан, превратившейся в то время в этнокультурный центр Аджамы. Здесь начал активно распространяться язык фарси-дари из Западного Ирана, вытеснивший позже большую часть местных языков и наречий иранцев Хорасана и Мавераннахра.

В Хорасане сложилось и первое полусамостоятельное государство – государство Тахиридов (821-873 гг.). Основателем государства был Тахир ибн Хусейн, выходец из знатного дехканского (т.е. аристократического) дома Хорасана. Он получил наместничество в Хорасане за вооруженную поддержку аббасидского халифа Мамуна в его борьбе с братом Амином. Перед смертью (821 г.) он пошел на неординарный и смелый шаг – приказал опустить имя Мамуна в общенародном пятничном намазе, что означало отказ от признания верховной власти халифа. Несмотря на это, халиф был вынужден объявить его преемником Талху, сына Тахира. Талху и его наследники правили Хорасаном до 873 г., признавая номинальную власть халифа и самостоятельно управляя делами государства. Имя халифа упоминалось в пятничном намазе и чеканилось на монетах, ему выплачивалась дань.

Династия Тахиридов была свергнута Сафаридами (867-900 гг.). Основатель новой династии Якуб ибн Лайс, оставив мирную профессию поденщика, в качестве гази служил у правителя Систана. Затем он захватил власть. Якуб и его брат Амр на почве шиизма вели борьбу с халифом. Они овладели Хорасаном. Преемник Якуба, Амр, примирился с халифом, но дани Багдаду не платил. Усиление налогового гнета над населением привело к недовольству Сафаридами. Их войска были разгромлены правителем Мавераннахра эмиром Исмаилом Самани.

Основателем династии Саманидов был дехканин (т.е. аристократ) из Балха Саман-худот, принявший ислам и находившийся под покровительством арабского наместника Хорасана. Его внуки, дети его сына Асада, — Нух, Ахмад, Яхья и Ильяс, первоначально также находились на службе у Хорасанского наместника ал-Мамуна и помогли ему стать халифом (в Багдаде), участвуя в нейтрализации его противников. За особые заслуги перед халифом в 819 г. они были назначены правителями: Ахмад — в Фергане, Ильяс — в Герате, Яхья — в Чаче и Уструшане и Нух — в Самарканде. Среди братьев своей энергичностью особенно выделяется Нух, который, собрав ополчение, совершил походы на север, против тюрок. Последние своими набегами и грабежами нарушали спокойную жизнь землевладельцев Мавераннахра. В 842 г. умирает Нух ибн Асад, и его владения переходят к дому старшего брата Ахмада. У правителя Ферганы Ахмада было семеро сыновей: Наср, Якуб, Яхья, Асад, Исмаил, Исхак и Хамид. Старший сын Ахмада Наср становится владельцем Самарканда, а после смерти отца (864 г.) фактическим главой дома Саманидов. Халиф Мутамид, боровшийся с непокорными Саффаридами, назначил Насра ибн Ахмада (875 г.) правителем той части Хорасана, которая была вне сферы Саффаридов (Мавераннахра, Герата и Балха). Исмаил становится правителем Бухары, и его энергичная политико-административная деятельность приводит к возвышению его удела. Усиление позиции Бухары не устраивает главу дома Саманидов Насра, и военное столкновение братьев (888 г.) заканчивается победой Исмаила. Он помиловал старшего брата, признавая его верховную власть, но власть самого Исмаила усилилась. После смерти Насра (892 г.) Исмаил становится единоличным правителем Мавераннахра, а после разгрома Амра Саффарида (900 г.) — и правителем Хорасана. Таким образом, в начале X в. государство Саманидов включало Мавераннахр (Фергана, Уструшана, Согд, Чаганиян, Вашгирд, Хуталлян, Бадахшан, Кумед и другие мелкие владения), Хорезм, Хорасан (Нишапур на западе, Мерв на севере, Балх на востоке и Герат на юге) и Систан. Так Саманидам удалось второй (и последний) раз собрать воедино все земли древней Арианы (то есть все культурно-исторические земли рас

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО САМАНИДОВ

селения предков таджиков). Исмаил Самани (892-907 гг.) является не только фактическим основателем обширного государства Саманидов, но и великим государственным деятелем-реформатором и талантливым полководцем. Он реформировал государственную систему управления, укрепляя центральную власть (учреждения диванов – центральных министерств), укрепляя боеспособность армии (создание наемной армии взамен ополчения). Он заботился о бесперебойном функционировании международной торговли по Великому Шелковому пути (основной источник пополнения казны), покровительствовал людям науки, искусства и литературы, обеспечивал внутреннюю и внешнюю безопасность страны (усмирив воинствующие племена тюрок на севере).

Его сын Ахмад ибн Исмаил (907-914 гг.) больше отличался мусульманским благочестием. Он, в отличие от отца, мало заботился о возрождении иранских традиций, больше увлекался распространением арабского языка и его использованием в делопроизводстве. Эти его действия привели к недовольству придворных кругов, которые при помощи гвардии составили заговор и убили эмира. Его восьмилетний сын Наср II был провозглашен новым эмиром, и от его имени правили поочередно два выдающихся везира из уважаемых таджикских родов – Абуабдуллох Джайхани (914-918 гг.) и Абулфазл Балъами (918-943 гг.). Эти великие везиры предприняли колоссальные усилия по поддержанию политической стабильности в государстве.

Во время правления Насра II (914-943 гг.) в Хорасане и Мавераннахре активизировалось карматское (шиитское) движение. Лидер движения Мухаммад Нахшаби был принят в ближайшее окружение эмира, что, естественно, привело к яростному недовольству суннитского духовенства во главе с шайх-ур-исломом (духовным главой мусульман) двора.

На этой почве созрел заговор, куда была вовлечена и дворцовая гвардия. Сын Насра II Нух, наследник престола, раскрыл заговор, но недовольным политикой Насра II все-таки удалось добиться отречения его от престола в пользу сына, которого никто не подозревал в увлечении карматством.

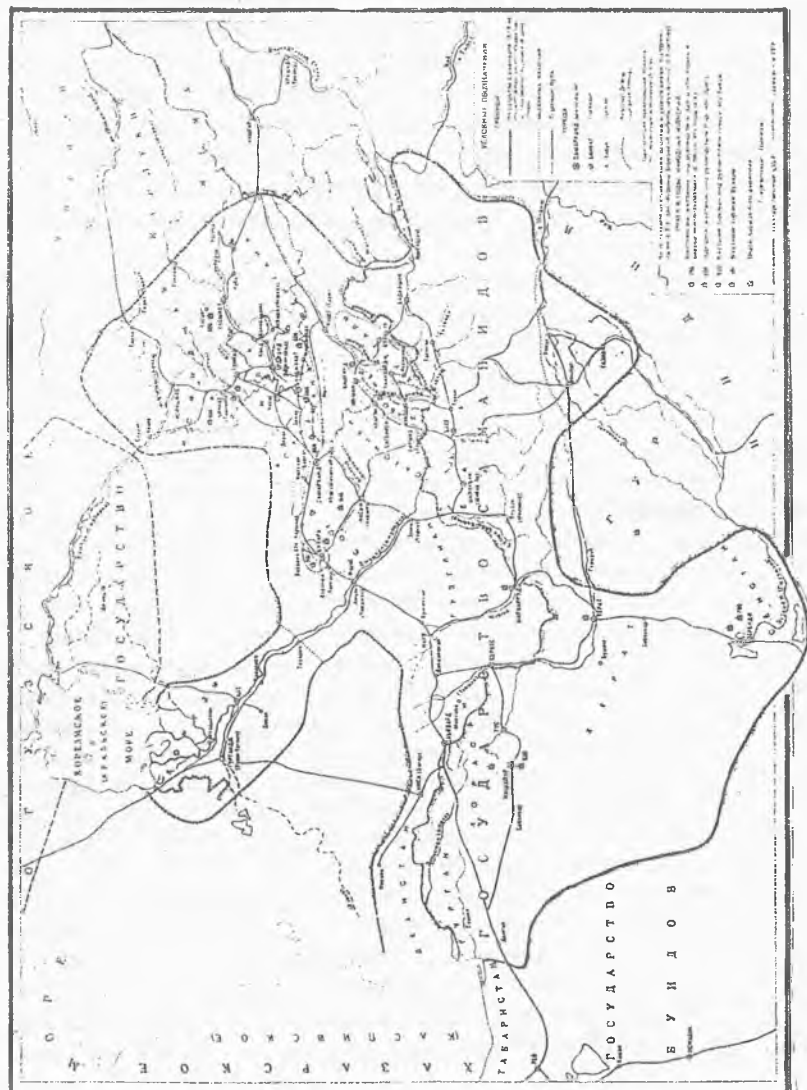
Несмотря на это (идейно-религиозное отвлечение), правление Насра II считается периодом расцвета экономической и культурной жизни Саманидов. Вклад великих везиров здесь также несомненен. При правлении эмиров *Нуха I* (943 - 954 гг.), *Абдумалика* (954 - 961 гг.), *Мансура I* (961 - 976 гг.), *Нуха II* (976 - 997 гг.), *Мансура II* (997 - 999 гг.) и *Абдумалика II* (999 г.) главное место занимала борьба с сепаратизмом местных владетелей (Абуали Чагани, Абуали Симджури др.). Дало о себе знать и недовольство иноязычной дворцовой гвардией (Фаик, Сабук-тегин и т.д.), военачальники которой для достижения своих корыстных целей опирались даже на чужие враждебные силы (Караханиды на северо-востоке). Объединение внутренних и внешних врагов, при равнодушии населения и духовенства, привело к крушению государства Саманидов, столица которого в 999 г. была занята караханидским войском Богра-хана. Последний представитель Саманидов Абуибрагим Исмаил ибн Нух вел отчаянную шестилетнюю борьбу за восстановление Саманидского государства, на короткое время овладев даже Бухарой. Он проявил храбрость и талант полководца, но в конечном итоге все же потерпел поражение от крупных государств Караханидов и Газневидов.

Несмотря на нестабильность в государстве, усилившуюся во второй период правления Саманидов, во многом обусловленную слабостью правителей, возрождение этнокультурных ценностей и их институциализация в этногосударственных образованиях во время ранних эмиров (пусть и на почве ислама) дали неожиданный колоссальный результат. Феномен Саманидов имеет для таджикского народа судьбоносное значение. Это тот момент истины, о котором никогда не следует забывать. Всестороннее изучение наследия таджикского государства Саманидов имеет не только историческое, но и футурологическое значение для народа, ищущего оптимальные пути для своего мироустройства, отвечающего устремлениям каждого обитателя страны.

ФЕНОМЕН САМАНИДОВ СОСТОИТ В СЛЕДУЮЩЕМ:

1. Саманиды – единственная историческая таджикская правящая династия, которой удалось собрать все земли таджиков

ГОСУДАРСТВО САМАНИДОВ (IX-X вв.)

и их предков и создать мощное централизованное государство, воссоздать в реальности легендарные государства Пешдодов и Кейанидов. Все 16 стран – кишваров, перечисленных в священной Авесте и составлявших Ариану, были объединены воедино. Если в эпическом периоде и в начале исторического периода политическим центром Арианы был Балх – царство Кейанида Виштаспы, то политическим центром Саманидов стал город Бухара (в древности Сиявушгирд, основанный Сиявушем Кейанидом).

2. Именно военная победа Исмаила Самани над «законным» наместником Мавераннахра – Амром Саффаридом (900 г.), стала определяющим фактором дальнейшей эволюции государственно-политической идеологии ислама и появления соотношения «халиф-эмир (султан)». Возникновение соотношения «халиф – эмир (султан)» породило проблему соотношения духовной и светской власти. Эта дилемма является идейно-политическим воплощением взаимодействия и соперничества между халифами, олицетворяющими духовную власть – теократию, и светскими правителями – эмирами (султанами). Население новообразованного государства Саманидов тоже составляли мусульмане-сунниты, пережившие смену суннитских халифов Омейядов на Аббасидов. Именно сунниты усилили политический аспект в учении о халифате. Возвышение эмира Исмаила Саманида, местного светского правителя, наперекор воле халифа, нанесло ощутимый удар всевластию Аббасидского халифа, олицетворяющего в себе и духовную и светскую власть. Дальнейшие политические события – создание Фатимидского халифата в Северной Африке (910 г.), приведшего к распаду единства халифата и вторжению Буидских султанов в столицу халифата – Багдад (940 г.), возникновение двоевластия – привели к пересмотру учения о халифате. В такой политической ситуации халифам пришлось защищать свою власть и свои права ссылками на религиозную освященность поста халифа. Они внесли изменения в само понятие халиф, теперь халиф – заместитель Аллаха (халифат Аллаха). Так халиф стал наместником Аллаха на земле. Этому посту был придан действительно теократический характер – духовный вождь мусульман.

В это время (X-XI вв.) в политической теории суннитского

ислама, наряду с работами по халифату, появляются учения о *султанате* (учения о светской власти).

Здесь мы вкратце рассмотрим эволюцию учения о *султанате* в трудах трех крупнейших политических мыслителей суннитского ислама – Аль-Маварди, Аль-Джувайни и аль-Газали.

Басриец Аль-Маварди (974-1058 гг.) после долгой службы в качестве кадия (судья) и кади аль-кудата (верховный судья) удостоился уважения не только халифа, но и буидских султанов. Среди его работ наиболее известными являются «Аль-Ахкам ас-султания» и «Адаб ад-дунья ва-д-дин», где он первым попытался приспособить идеальные нормы шариата к изменившимся историческим условиям. Главная идея этой работы заключается в теоретическом обосновании разграничений сфер деятельности и влияния имама (халифа) и султана. Он придает большое значение сану халифа – единственного носителя авторитета, детализации условий его избрания, его качествам и функциям. Правитель же находится под его религиозным авторитетом. Аль-Маварди допускает делегирование халифом части своих функций, в особенности по защите государства и сохранению в нем порядка, султану (или эмиру).

Аль-Джувайни (1028-1085 гг.) - руководитель медресе Низамия в Нишапуре, пошел еще дальше. В отличие от Аль-Маварди, он основывался на идее законности власти султана для всех, кто способен и желает поддержать мир и единство.

Политическая теория аль-Джувайни изложена в трудах «Аль-Иршад» и «Гияс». Главное в ней - разделение сфер влияния между имамом и султаном. Деятельность первого, по его мнению, связана с ответственностью за «благополучие» религии, а второго – за единое государство. Здесь мы обнаруживаем четкое разделение властей: религиозной и светской. Джувайни отошел от классической теории, согласно которой имам является единственным религиозным и светским лидером общества. Взамен он попытался обосновать реальную значимость светской власти султана и улемов как двух органически взаимосвязанных элементов исламского государства.

Основные идеи политической доктрины аль-Джувайни получили развитие в работах известного теолога и философа аль-Газали (1058-1111 гг.). Как трезвый политик, принимающий активное участие в государственных делах под руководством Низам-уль-мулька, Газали не только не надеялся на возрождение былой мощи халифа, находящегося под давлением могущественных сельджукских султанов, но и был уверен, что будущее мусульманского государства связано с султаном. Аль-Газали нашел иной аспект соотношения авторитета и власти, который лег в основу его политической теории, изложенной в его главном труде «Ихйа улум ад-дин»: «Религия и власть - близнецы». У него речь идет уже не о единстве религиозного и светского в мусульманском государстве, а о союзе религии и власти.

Реальное воплощение союза религии и власти в султанате можно видеть во взаимодействии между светским правителем — Саманидом, и *уламо* во главе с шайх-ур-исламом (или устомом). Гармония (взаимопонимание) между светским султаном и устомом, религиозным главой мусульманской общины, являлась, наряду с тюркской гвардией и функционированием Великого Шелкового пути, главной опорой государства Саманидов. Именно увлечение чуждой религией (карматским учением шиизма) Саманидскими правителями стало поводом для серьезного недовольства суннитского духовенства, которое привело не только к отречению одного представителя (Наср II) Саманидов от власти, но и нарушению гармонии между ними. В конечном итоге потеря лояльности со стороны духовенства, усугубленной изменой инонациональной гвардии, стала главной причиной упадка первого таджикского государства Саманидов. Факихи запретили жителям Бухары сражаться на стороне Саманидов, аргументируя это тем, что вера Караханидов безупречна.

Очень горький исторический урок.

Таким образом, во время существования государства Саманидов, как нераздельной части целого исламского мира, можно наблюдать определенную двойственность в соотношении светских и духовных авторитетов. С одной стороны, существует определенный первоначальным исламом принцип неразделенности

(монолитности) светского и духовного, к которому восходят все специфические политические институты исламского общества. Вместе с тем теория признает, а практика показывает реальное обособление двух сфер власти, причем развитие в целом идет именно в этом направлении. Яркий пример: после уничтожения монголами последних Аббасидов, мамлюкские султаны нашли дальнего их отпрыска и признали его халифом, чтобы поднять авторитет своей власти инвеститурой от этой марионетки. Эту практику продолжили Османские султаны, перевезя последнего из этих халифов после завоевания Египта в Стамбул. Все государства, в которых жили таджики после Саманидов до присоединения к России, были государствами типа султаната.

На наш взгляд, в суннитском исламе ханифитского толка идея о светской власти (султанат) стала окончательно доминирующей над идеей о духовной власти (имамат).

3. Постепенное расхождение в политическом аспекте вероисповедания между таджиками и иранцами, недавними зороастрийцами, имеет доисламские корни. Таджики, несмотря на то, что Пророк Заратуштра вышел из их среды, были носителями светских сако-согдийских традиций, возвеличивая народных богатырей (Рустама, Сиявуша, Туса и т.д.), из среды которых часто выходили основатели различных династий. Символично и то, что Саманиды свою родословную возвели к Сасанидскому полководцу Бахраму Чубину. Иранцы-шииты, наследники религиозных традиций персидского жречества, предпочли имамат — теократию, то есть доминирование жречества теперь уже в лице улемов. Это принципиальное различие во взглядах подтолкнуло два народа — таджиков и иранцев, имеющих общие корни, к дальнейшему самостоятельному развитию каждого.

4. Создание единого централизованного государства способствовало быстрому распространению общенационального языка дари-фарси (таджикского). Снятие внутренних барьеров и преград, усиление общения и контактов между различными провинциями и необходимость универсального языка делопроизвод-

ства в рамках обширного государства привели к быстрому распространению языка дари-фарси и вытеснению восточноиранских языков и наречий. Именно на языке дари-фарси был воспроизведен богатый эпос «Хвадай-намаг» зороастрийцев, предтеча «Шахнаме» великого Фирдавси. Последним произведением не перестают восхищаться не только таджики и иранцы, но и все человечество.

5. Превращение языка дари-фарси в язык делопроизводства (иными словами, в государственный язык) Саманидами, как показала дальнейшая история, справедливо будет оценить как вручение таджикскому народу охранной грамоты (или талисмана) на выживание. В последующие девять столетий (1000 - 1920 гг.) на таджикских землях было создано и исчезло более десяти инонациональных (преимущественно тюркских) государственных образований, склонных к междоусобицам и непрекращающимся военным походам. В большинстве из которых язык дари-фарси был государственным языком. Поэтому таджикский народ, как носитель языка, был необходим для делопроизводства и для обустройства новых государств, что, в конечном итоге, спасло его от полного истребления.

6. Усиление цивилизаторской миссии таджиков в эпоху Саманидов в силу их местонахождения между великими цивилизациями Востока. Выработывая собственные ценности (зороастризм), знакомясь с цивилизациями запада (иудаизм, христианство, манихейство), юго-востока (буддизм в Индии), предки таджиков традиционно передавали свои или заимствованные ценности северу и северо-востоку, где находилась Великая степь. В эпоху Арабского халифата Саманидское государство превратилось в восточный форпост ислама, находясь в авангарде передачи исламских ценностей языческим и воинственным племенам Великой степи (в первую очередь, соседям-карлукам, чигили и ягма и другим тюркским племенам). Обеспечение безопасности торговых караванных путей внутри государства и усмирение воинственных кочевников Саманидами позволили купцам-таджикам не

только активизировать торговые операции, но и усилить культурные связи со степью.

7. Меценатство Саманидов над наукой, литературой и искусством стало хорошей традицией у последующих правителей (до наших дней) не только Хорасана и Мавераннахра, но и во всем мусульманском мире.

8. Государственное устройство Саманидов, опирающееся на слаженное функционирование (10) диванов и разделение полномочий между центром и регионами, послужило образцом для многих государств.

9. Горький опыт Саманидов показывает, что правитель всегда должен учитывать и уважать религиозные чувства своих подданных. Увлечение Саманидов «еретическими» (карматскими) учениями нарушило гармонию между светским правителем и его подданными во главе с «шайх-ур-ислом» (или устод), духовной главой мусульман государства. Такое охлаждение во взаимоотношениях между властью и обществом (население во главе с духовенством) привело к поражению этнонационального государства со стороны чужого, но единоверного государства.

10. На опыте Саманидов мы можем говорить о том, что государство должно опираться на свою этнонациональную армию, которая выступит в тяжелые времена внешней агрессии подлинным защитником государства. Наемная (тюркская) армия, как показала история, показывает свою наибольшую эффективность не в обороне страны, а в захватнических войнах.

ОТЧУЖДЕНИЕ ТАДЖИКОВ ОТ ПОЛИТИКИ (ВЛАСТИ) ПОД ГНЕТОМ ЧУЖЕЗЕМНЫХ КОЧЕВНИКОВ

ХОРАСАН И МАВЕРАННАХР ОТ ГАЗНЕВИДОВ ДО МОНГОЛОВ

Первым послесаманидским государством в Хорасане (бывшей Южной Ариане) было княжество Газни, основателем которого был гулям (раб-гвардеец) саманидского войска Алп-тегин. При эмире Абдулмалике Саманиде он стал одним из влиятельных военачальников и богатых людей в государстве и получил назначение управлять Балхом и командовать войсками всего Хорасана. После смерти эмира Абдулмалика при дворе стала доминировать соперничавшая с Алп-тегином группировка. Он поднял мятеж, затем отступил со своим войском в отдаленные от столицы районы Газни.

После четырехмесячной осады города 12 января 963 г. Алп-тегин овладел крепостью. Газни формально входил в состав государства Саманидов. Утвердив свою власть в городе и отразив натиск войск, посланных новым эмиром Мансуром Саманидом, он стал независимым правителем Газни. После смерти Алп-тегина (963 г.) в основанном им княжестве правили его преемники-гулямы, среди которых выделялся Себук-тегин, провозглашенный эмиром Газни в 977 г. Его сын Махмуд (998-1030 гг.) превратил свое маленькое княжество в могущественное государство за счет захвата Хорасанских владений Саманидов, включая город Нишапур. В 1001 г. ему удалось присоединить и Систан из-за разгоревшейся здесь междоусобицы.

В XI в. начинается процесс быстрой тюркизации населения Мавераннахра и Хорасана, обусловленный проникновением на их территории значительных масс тюркских кочевников: огузов, карлуков, чигили, ягма и многих других. В X-XI вв. в различных местностях Мавераннахра и Хорасана начала утверждаться власть тюркских династий - Караханидов и Сельджукидов, которые начали жесткую борьбу с уже существующей тюрк-

ской династией Газневидов.

Государство Караханидов первоначально сложилось в Восточном Туркестане и Хафтруде (Семиречье). Тюркские племена карлуков, чигили и ягма составляли ядро государства. Из среды последних и вышла правящая династия — Караханиды. Приняв ислам в середине X в., они стали готовиться к захвату ослабевшего государства Саманидов. В 999 г. Богра-хан Харун захватил Бухару. В 999-1005 гг. его преемник Наср I стал владыкой всего Мавераннахра.

Государство Караханидов не было централизованным. Оно делилось на уделы, в которых правили выходцы из царствующего рода — илек-ханы (ханы племен). Столицами государства Караханидов были города Кашгар, Баласагун и позднее Узгенд. Это слабое государство стало добычей для других более сильных тюркских объединений. Оно распалось под ударами Сельджукидов в 1060-1080 гг. с запада, а затем под ударами каракитаев в 1130-1140 гг., пришедших с востока. Караханиды смогли сохранить лишь свои мелкие княжества, которые в 1212 г. полностью ликвидировал хорезмшах Мухаммад II.

Создав мощное государство в Хорасане, Махмуд, как и все его предшественники, начал поход в Индию.

Но Махмуд Газневид, в отличие от своих предшественников, свои завоевательные походы вел под пропагандистскими лозунгами типа «священной войны» против иноверцев. Для этих целей он широко привлекал в армию газиев- («борцов за веру»)-добровольцев из безземельных крестьян и городской черни. Но костяк его войска составляла конница из хорошо обученных и вооруженных рабов-гвардейцев (прототип гулямов Тимура и янычар Османов). Гвардия гулямов, оторванных от родных и близких, не знавших ни родства, ни племени и с детских лет воспитанных в военных лагерях деспотических правителей, стала играть существенную роль в последующей политической истории Хорасана и Мавераннахра (возможно, и в других частях мира: мамлюки Египта, нойоны Чингиза и т.д.). Гулямы превратились не только в надежную ударную армию для внешних войн, но и

мощным орудием для стабилизации внутренней жизни государства.

Махмуд покровительствовал лицам, пользовавшимся религиозным авторитетом у мусульман, оказывая знаки почтения известным своей набожностью вероучителям, а видных руководителей в делах веры и шариата из числа казиев, факихов и сайидов, большинство которых было из таджикских родов, привлекал к участию в придворных совещаниях (маджлисах) для решения важных государственных вопросов. Однако, не желая ограничения своей авторитарной власти, Махмуд давал им ясно понять, что его уважение к ним зависит исключительно от их покорности ему – светскому правителю-султану. Учитывая влияние Аббасидского халифа на своих подданных, он подчеркивал, что действует в качестве исполнителя воли багдадского халифа.

Как сторонник Багдада, он вел также беспощадную войну со всякими отклонениями от суннизма – ортодоксального ислама, с «ересями», в которых в религиозных формах выражалось недовольство различных слоев населения существующими порядками. Особенно яростно он обрушивался на карматов и исмаилитов, распространившихся в это время в Хорасане и Мавераннахре. Их тесную связь с Фатимидскими халифами Египта, противниками Аббасидов, он считал весьма опасной для государственных устоев Багдадского халифата и своего государства.

Во времена правления Махмуда город Газни превратился в крупный административный и торговый центр Среднего Востока и Южной Азии. Подражая своим предшественникам – Саманидам, которые прославились по всему мусульманскому миру своим покровительством поэзии, науке и искусству, он хотел превратить Газну в центр науки и культуры. Но в отличие от Саманидов, при дворе которых выдающиеся поэты, ученые и мыслители проживали добровольно, Махмуд многих из них, после распада государства Саманидов, насильно привез в Газну. Например, покорив в 1017 г. Хорезм, он приказал, чтобы местных ученых, среди которых был и великий ученый Абу Райхон Беруни, привезли в его столицу. Но Газни не смог затмить вели-

чия Бухары и Самарканды, так как присутствие при дворе Махмуда крупных мыслителей своего времени, это было ещё не все.

Было здесь и много поэтов, писавших в жанре — оды («касыда»). Этот жанр был особенно развит при дворе Махмуда. И это вполне понятно, потому, что в касыдах всячески восхвалялся государь и превозносились его достоинства и деяния. Главой поэтов — малик-аш-шуаро — при во дворе Махмуда был одописец Абулкасим Унсури из Балха.

Великий Фирдавси, закончивший в 1010 г. вторую редакцию своего великого творения «Шахнаме» и считавший, по распространенному мнению, Махмуда истинным покровителем искусства и поэзии, преподнес свой труд эмиру. Но Махмуд отверг великое произведение, так как главный мотив книги, воспевающей славную историю Арианы (включая и Сасанидское время) и ее религию — зороастризм, не мог вызвать симпатии у фанатичного мусульманина и тюркского правителя, каковым был Махмуд. Результатом этого воспевания стало то, что умершего поэта муллы запретили хоронить на мусульманском кладбище. Великий поэт был захоронен в своем саду.

В годы правления Масуда I (1030-1041 гг.), сына Махмуда, стала обнаруживаться внутренняя слабость государства, созданного в результате жестоких войн и удерживаемого насилем и террором, твердой рукой грозного правителя. В 1034 г. в Южном Хорасане вспыхнуло крупное восстание, центром которого был город Тус. В этом же году отложился Хорезм.

Пока Масуд I находился в индийском походе, где ему удалось подчинить Лахор и земли поблизости от Дели, на северо-западе его государства возник сильный противник — туркмены-сельджуки. Война Масуда с сельджуками продолжалась пять лет (1035-1040 гг.).

Кочевники-огузы до начала завоевательных походов на Среднем Востоке жили на Сырдарье и в Приаралье. У них были распространены культы сил природы, войны, зороастрийские

верования, манихейство. С продвижением же их к культурным областям Хорасана происходит исламизация племен.

В конце X - начале XI в. часть огузов, получивших наименование сельджукиды, по имени своего предводителя, ушла через владения илек-ханов в Северный Хорасан. В постоянных столкновениях с эмирами Хорезма, Бухары и Газны они смогли расширить свои владения. В 20-х годах XI в. они закрепились на землях в предгорьях Копетдага и оттуда стали угрожать Газневидам.

Победа у крепости Данданакана ознаменовала рождение Сельджукидского государства. В отличие от Саманидов и Газневидов, держава Сельджукидов возникла в результате крупных завоеваний, сопровождавшихся переселением больших масс кочевых племен из Дешти Кипчака, Мавераннахра и Хорасана в страны Ближнего и Среднего Востока и Передней Азии. За полвека огузы и родственные им туркменские племена не только установили контроль над большинством стран Мавераннахра и Хорасана, но и смогли завоевать обширную территорию, включающую Иран, Ирак, Кавказ, Северную Сирию, часть Палестины и достичь расцвета в правление султана Маликшаха (1072-1092 гг.) и его великого везира Низам-уль-мулька, автора известного трактата об управлении «Сиесат-наме». Основы государственного устройства были заимствованы ими у Саманидов, своих бывших сюзеренов и союзников в борьбе против Караханидов. Особенностью этого устройства было деление правительственных учреждений на диваны.

Великий везирь, концентрировавший в своих руках всю внутреннюю политику, руководил деятельностью верховного государственного дивана (*дивани ала*). В состав этого дивана входил ряд отраслевых учреждений: государственная канцелярия (*дивани иниша*), высший финансовый орган (*дивани истифа*), контрольно-инспекционный диван (*дивани ишраф*), армейский (*дивани джайш*) и другие диваны. Существовал и верховный султанский диван (*дивани хасс*), который одновременно заведовал всем коронным имуществом, включая земли.

Сельджукиды на западе (в Передней Азии) стали истори-

ческими преемниками дахов и парфян. Теперь после десяти столетий перерыва кочевники Туркестана (бывшего Турана), как и прежде, стали надежным заслоном перед натиском на восток запада в лице крестоносцев, получивших благословение в Риме. В 1071 г. сельджукидский султан Али Арслан нанес сокрушительное поражение византийскому императору Роману IV Диогену в битве под Манцикертом.

Затем Сельджукиды, воспользовавшись междоусобицей в Византии, овладели Никеей. Никея, находившаяся в сотне километров от Византии, стала политическим центром и столицей Сельджукидского государства в Малой Азии — Румского султаната. В 1097 г. крестоносцы захватили Никею, но Румский султанат смог сохранить самостоятельность, хотя потерял большую часть земли. Но победа в 1176 г. султана Клыч Арслана над византийской армией в битве при Мариокефалии дала ему возможность расширить свои границы в Малой Азии.

После гибели Низам-уль-мулька и внезапной смерти Маликшаха в 1092 г. обширная Сельджукидская империя вступила в полосу междоусобиц и раздоров. В XII в. образуется ряд мелких княжеств в Западном Иране, Сирии, Ираке и Палестине, в большинстве которых у власти стояли туркменские (и огузские) вожди (эмираты Мосула, Дамаска, Антиохии). Туркменские военачальники, положившие начало новым династиям Артукидов, Зангидов, Салгуридов и других, вели упорные войны с крестоносцами, основавшими в Передней Азии графства, княжества и королевства.

Некогда обширная Сельджукидская держава распалась на Хорасанский (Восточно-сельджукидский), Иранский (Западно-сельджукидский) и Румский (Малоазиатский) султанаты. В Хорасанском султанате к власти пришел Санджар ибн Маликшах, выдающийся представитель Сельджукидов.

Уже в 1035 г. Сельджуки вторглись в Хорасан и летом 1038 г. овладели Нишапуром. После ожесточенных сражений 1038 - 1039 гг., в которых газневидские войска одержали несколько побед, военная удача отвернулась от них, и в мае 1040 г. в битве у Данданакана (вблизи Мерва) основные силы Масуда

были наголову разбиты. Потеряв свое войско, включая боевых слонов, казну и походную канцелярию, Масуд бежал через Гур в Газни. Он намеревался направиться в свои индийские владения, чтобы собрать там войско для продолжения войны. Однако султан был убит заговорщиками, которые посадили на трон его слепого брата Мухаммада. Маудуд, узнав о гибели отца, прибыл в Газни и объявил себя султаном. Он разбил войска Мухаммада и убил его самого.

Газневид Маудуд (1041-1048 гг.) сумел добиться некоторых успехов в борьбе с восточными Сельджукидами, но он сам не смог восстановить былого владычества Газневидов в Хорасане. После него газневидские правители смогли удержать под своей властью Газни и некоторые владения в Северной Индии. Их граница с сельджукидами на севере проходила по Хиндукушу, они уступили Балх сельджукидам.

В 30-е годы XII в. в состав обширного государства Восточно-сельджукидского султана Санджара (1119-1157 гг.), центром которого был Хорасан, входили Балх и Герат, а в качестве вассалов ему подчинились владельцы Систана, Хорезм, Караханиды. Сильный удар по политическому могуществу Санджара был нанесен кара-китаями, которые вторглись в Мавераннахр в 30-е годы XII в. из Северного Китая. Борьба с ними за Мавераннахр решилась в битве при Катване в 1142 г., закончившейся полным поражением восточных сельджукидов.

После смерти Санджара его государство распалось.

Вассалы Санджара перестали повиноваться мервскому правительству. Первым из таких мятежников был хорезмшах Атсыз, сын Кутбиддина Мухаммада (1097-1128 гг.), которого брат Санджара Беркйарук, сельджукидский султан, назначил своим наместником в Хорезме. Этот тюркский гулям начал править Хорезмом и принял древний титул местных правителей – хорезмшах. Аладдин Атсыз (1128-1156 гг.) является основателем государства хорезмшахов, хотя до конца жизни был непокорным вассалом Санджара. Его преемник Иль-Арслан (1156-1172 гг.) стал вполне независимым правителем и продолжал политику своего предшественника по расширению территорий, поставив в

зависимость кочевников-соседей и создав из них наемную гвардию.

Но основным грозным врагом Санджара были кара-китаи, победители в Катванской битве, ознаменовавшей закат и гибель Восточно-сельджукидского государства. Кидани, составляющие одну из ветвей монгольских племен, создали в X в. в Северо-Западной Маньчжурии и Северной Монголии кочевую империю Ляо, которая пала в начале XII в. под напором чжурчженей — народов тунгусского происхождения. Кочевые племена киданей под предводительством Елюй Даши ушли на запад. Дойдя до границ Мавераннахра, он включил в свой состав многочисленные тюркские племена, и уже западные кидани получили наименование кара-китаев. В 1137 г. недалеко от Худжанда они встретились с войском караханидского правителя Махмуда ибн Арслан-хана. Караханиды потерпели жестокое поражение от кара-китаев, в рядах которых сражалась часть карлуков Хафтруда, враждовавших с Караханидами.

После разгрома у Худжанда Махмуд обратился за помощью к «непобедимому» Санджару, который двинулся с огромной армией в Мавераннахр. Когда Санджар потерпел полный разгром, Елюй Даши принял титул гурхана, подчинил своей власти Самарканд и Бухару.

Длительная борьба между Газневидами и Сельджукидами способствовала усилению князей Гура — таджикской области, расположенной в верхнем течении р. Герируд, между Гератом и Бамианом. В X в. в Гуре были высоко развиты горное дело и обработка металлов. Воинские доспехи и оружие из Гура славились в соседних странах, куда они вывозились в большом количестве. Население Гура разделялось на многие племена, поэтому их могущество определялось сплочением племен.

Племена Гура до усиления газневидских племен не знали крупных вторжений со стороны соседних государств. Султану Махмуду удалось (1009-1014 гг.) установить свою верховную власть в большей части Гура, правители которого вынуждены были подчиняться его преемникам.

В первой половине XII в. правители Гура значительно усилились, а после упадка Газневидов и ослабления Сельджукидов они образовали обширное и могущественное государство. Решающий этап длительной борьбы между Гуридами и Газневидами пришелся на время правления Бахрама Газневида (1118-1152 гг.). В 1149 г. гурский правитель Сайфиддин, сын Иззиддина, взял Газни, но затем был разбит и умерщвлен Бахрамом.

Мстителем за смерть Сайфиддина выступил его брат Алаадин Хусейн (1149-1156 гг.). В 1151 г. он захватил Газни и почти целиком сжег и разрушил этот город, пощадив лишь гробницы султана Махмуда и его сына Масуда.

Из-за разгрома процветающего города Алаадин получил прозвище «Джахон-суз» («Сжигатель вселенной»). Бахрам бежал в Лахор, и последние представители Газневидов сохранили до 1186 г. лишь индийские владения своих предшественников.

Одержав верх над Газневидами, Гуриды стали хозяевами обширного государства, центром которого был Гур.

В годы правления Сайфиддина Мухаммада Гурида (1156-1162 гг.) значительная часть балхских гузов и халаджей, во главе с их вождем Бахтияром, двинулись за Хиндукуш. Они захватили Газни, затем проникли в Индию. В 1162 г. в битве с огузами был убит гуридский эмир Сайфиддин.

В Балхе в это время правила династия огузов - Зенгиды, пришедшие к власти после восстания (1153 г.). Огузам в течение нескольких лет принадлежал и Газни. В 1173 г. гуридский султан Гиясиддин Мухаммад со своим братом Шахобиддином изгнали огузов из Газни. Султан Гиясиддин Мухаммад (1163-1203 гг.) в 1175 г. подчинил Герат, чуть позже верховную власть султанов Гура признал малик Систана Таджиддин Харб. Город Фирузкух в Гуре стал резиденцией Гиясиддина, а его брат Шахобиддин правил в Газни. Шахобиддин проявил себя как крупный полководец. Ему удалось завоевать значительную часть Индии. В 1175 г. он предпринял поход в Мульта и овладел городом исмаилитов и покорил их. Его поход в Гуджарат был неудачным, но затем он покорил Пенджаб, где создал прочную базу для даль-

нейших вторжений в Индию.

В 1179 г. Шахобиддин разбил войска газневидского правителя Пешавара и занял этот город. В 1186 г. этот гуридский султан вновь вторгся в Пенджаб, захватил Лахор и сверг последнего газневидского правителя Индии Хусрава Малика. Продолжая военные походы на юг, Шахобиддин и его полководцы к концу XII в. подчинили Дели, Бенарес, Гвалиор и многие другие области Индии.

В состав же владений северной ветви (бамианской) династии Гуридов, которыми управлял Фахриддин (дядя Гиясиддина и Шахобиддина), входила часть Тохаристана, Шугнан, Вахан и другие горные области Хиндукуша и Памира.

Обширное государство Гуридов просуществовало недолго (1151-1217 гг.), что отчасти объясняется существованием у них на северо-западе сильного противника в борьбе за преобладание в Хорасане и Мавераннахре-Хорезмшахов. В начале борьбы все-таки некоторые преимущества были на стороне Гуридов. У Гуридов были талантливый полководец Шахобиддин и прекрасное войско, состоявшее в основном из отрядов воинственных горцев-таджиков.

Гуридам удалось нанести несколько поражений войскам хорезмшаха Текеша (1172-1200 гг.). Гуридские султаны Гиясиддин и Шахобиддин одержали победу на реке Мургаб над войсками Султаншаха, брата хорезмшаха.

Однако хорезмшах, воспользовавшись противостоянием Гуридов с кара-китаями за Тохаристан, заключил военный союз с последними. В 1198 г. хорезмшах выступил в г. Тус с дальнейшей целью захватить Герат, а войска кара-китаев выступили с правобережья Амударьи, но они были разбиты Гуридами после переправы через реку.

В дальнейшем султан Шахобиддин Гурид (1203-1206 гг.) попытался решить исход соперничества с хорезмшахами, совершив поход в Хорезм, но поход был неудачным.

После смерти Шахобиддина один из его военачальников – Айбек, создал из завоеванных индийских областей самостоятельное государство – Делийский султанат. В 1206-1207 гг.

хорезмшах Мухаммад II (1200-1220 гг.) присоединил к своим владениям Балх и Герат.

Городом Газни завладел тюркский эмир Таджиддин Юлдуз, один из военачальников Шахобиддина. Последним правителем бамианской (северной) ветви Гуридов был султан Джалалиддин Али (1210-1217 гг.).

В 1215 г. хорезмшах Мухаммад II неожиданно для султана Таджиддина Юлдуза появился с большим войском у стен Газни. Султан бежал в Индию. Под властью хорезмшаха оказались Гур, Газни и все остальные владения Гуридов, кроме Бамиана. Поручив эти земли своему сыну Джалалиддину, хорезмшах вернулся в свою столицу. В 1217 г. Мухаммад II хорезмшах, направляясь с войсками в Ирак, внезапно повернул к Бамиану, и, захватив последнего султана Джалалиддина Али врасплох, взял его в плен и предал смерти.

Таким образом, Гуридское государство просуществовало в Хорасане более полувека, в основном оно удерживалось благодаря талантам военачальников-султанов и превосходной армии. Боевыми знаменами в войске Шахобиддина служили черный штандарт (знамя) для тюркских эмиров, выступавших на правом крыле, и красный штандарт для маликов и эмиров Гура, выступавших на левом крыле, костяк которого составляли храбрые ополчения горных таджиков Гура. Войско гуридских султанов было многоплеменным. Тюрки играли в нем значительную роль, среди них выдвинулись многие крупные военачальники Гуридов, которые после распада государства претендовали на лакомый кусок этих земель (Айбек в Делийском султанате).

Но тюркская конница не всегда была грозным оружием правителей Гура, она была подвержена подкупу и вероломству. Например, в 1152 г. Гурид Алаадин Хусейн потерпел поражение в битве с сельджуками Санджара при Оба из-за предательства, массового дезертирства и перехода на сторону врага 6 тысяч конников-тюрков.

В столице Гиясиддина Гурида в Фирузкухе жило и работало много поэтов, среди которых выделяется поэт Муборак-

шах Марваруди. Писали они на таджикском и арабских языках. Поэт Марваруди возглавлял специальное учреждение, где собирались поэты и ученые. Здесь имелись библиотека и зал, в котором ученые работали над книгами и развлекались игрой в шахматы (*шатранж*). Среди них был и автор «Табакати Насири» Джузджани. Его произведение - основной источник по истории Гура и Гуридов.

Из всех городов Гуридов наибольшее значение имел Герат, крупным торговым городом был Кабул.

В это время на юго-востоке Хорасана, у Сулаймановых гор начали складываться афганские племена, которые, постепенно ассимилировав тюркские племена (халаджей, карлуков и др.), стали играть заметную роль в политической истории Хорасана. Афганские вожди начали служить в войсках Гуридов, их стали замечать средневековые историки, по сообщениям которых, они приняли активное участие в походе Шахобиддина Гурида в Индию.

Самым могущественным государством Хорасана и Мавераннахра после Саманидов до монгольского нашествия было государство хорезмшахов. Хорезмшах Мухаммад II сокрушив господство кара-китаев в Мавераннахре, уничтожив династию Гуридов в Хорасане и Северной Индии и присоединив многие области Ирана, создал обширное государство. Владения хорезмшахов до монгольского вторжения простирались от Кипчакских степей (бывший Западный Туран) и от западных склонов Тянь-Шаня на севере до пустынь Белуджистана и берегов Инда на юге. Политическим центром государства был Хорезм, а столицей – город Ургенч.

В столичном дворце Мухаммада II (1200-1220 гг.) была введена торжественная церемония («науба» - буквально «очередь»), символизировавшая его завоевательные успехи и могущество государства хорезмшахов. В церемонии наряду с музыкантами участвовали 27 юных заложников, сыновей покоренных владетелей.

Эта церемония называлась «науба» Зулкарнайна, т.е. хорезмшах Мухаммад II хотел уподобить себя Александру

Македонскому. Он привык к восхвалениям, когда его называли «вторым Искандером» или «вторым Санджаром» (Санджар - знаменитый сельджукидский султан). Но это внешне столь могущественное государство подтачивалось острыми внутренними противоречиями.

В борьбе за укрепление шахской власти Мухаммад, в отличие от Саманидов, опиравшихся на диваны, пытался опереться на родовую знать кочевых племен. Он не только сохранил, но и усилил созданное своими предшественниками войско из ополчения кипчаков, туркменов и других кочевников. При дворе хорезмшаха разгоралось соперничество враждующих группировок знати племен (особенно кипчаков и туркмен).

Наиболее влиятельную придворную группировку составляли кипчакские ханы. Они опасались усиления власти хорезмшаха и поддерживали интриги Туркан-хатун, его властолюбивой матери, происходившей из кипчакского племени. Против Туркан-хатун и кипчакской группировки выступали вожди туркмен, опиравшиеся на сына хорезмшаха — принца Джалалиддина, мать которого была туркменка.

Попытка Мухаммада II Хорезмшаха свергнуть халифа и посадить на этот священный престол своего ставленника, восстановила против него большинство мусульманского духовенства. И оказалось, что это внешне могущественное государство в час опасности (нашествия Чингизхана) было колоссом на глиняных ногах.

Но, несомненно, создание обширного централизованного государства способствовало развитию международной торговли (в основном по трассе Великого Шелкового пути), росту городов, подъему сельского хозяйства и ремесел.

МАВЕРАННАХР И ХОРАСАН ВО ВРЕМЕНА МОНГОЛОВ

Нашествие Чингисхана было катастрофой, сопровождавшейся огромными разрушениями и истреблением земледельческого и городского населения Мавераннахра и Хора-

сана, основную массу которого составляли таджики. Скотоводством занимались различные иранские и тюркские племена. Горные барьеры - отроги Памира, Хиндукуша и Туркестанских и Зеравшанских хребтов, населяли горные таджики, а Сулеймановы горы на юге - афганцы.

Основателем монгольского государства был Тэмучин, сын Есугея, одного из вождей монгольских кочевников. Тэмучин (род. ок. 1150 г.) в результате многолетних ожесточенных междоусобных войн разгромил и подчинил улусы (крупные объединения племен) своих соперников. В 1206 г. на реке Онон в Монголии состоялся курултай (съезд знати кочевников), на котором Тэмучин был провозглашен великим ханом и принял почетный титул «Чингисхан».

Он правил с 1206 по 1227 гг. и проводил жесткую внутреннюю и внешнюю политику, неустанно организовывая и совершая многочисленные походы. Чингисхан завоевал полмира (от Желтого моря до Адриатического) Старого Света.

Весь XIII в. был веком максимального распространения монголов. Всего этого Чингисхан достиг путем тотальной милитаризации монгольского народа.

Соответственно военной организации, принятой в государстве Чингисхана, весь монгольский народ рассматривался как войско. Каждое объединение племен (улусы) должно было составлять определенное число вооруженных всадников.

Тумены были самыми крупными военно-административными группировками, состоящими из 10 тыс. всадников. Эти отряды делились на тысячи, сотни и десятки.

Такая военная организация была известна и раньше, но при Чингисхане она стала основой иерархического устройства огромного государства и была закреплена в «Великой Ясе» (в своего рода «Конституции») Чингисхана. Благодаря ей, в войске поддерживалась чрезвычайно крепкая и жесткая дисциплина. Нарушение «Великой Ясы» каралось смертью и тяжкими телесными наказаниями. Например, за невыполнение приказа начальника (десятника, сотника и т.д.) в боевой обстановке полагалась

смертная казнь. Бегство с поля боя, дезертирство считались одним из самых тяжких преступлений.

Особую роль в войске и государстве Чингисхана играла его личная гвардия из 10 тыс. хорошо вооруженных всадников, костяк которого составляли воины из аристократических домов. Из их числа выходили многочисленные военачальники и одновременно наместники громадного государства монголов. Гвардия редко участвовала в сражениях, в бой вступала в случае крайней необходимости. Главная ее задача была обеспечить безопасность верховной ставки великого хана (Чингиза и его потомков). Она всегда была готова подавить любое восстание.

Войско монголов было конным, славилось оно и искусством стрельбы из лука.

Во время военных походов Чингисхан истреблял до последнего оказавших ему сопротивление кочевников, а подчинившиеся его власти многочисленные племена вовлекал в свои войска.

Его система военной организации давала ему возможность максимально эффективно использовать различные родоплеменные отряды кочевников, включенные в его огромную армию, спаянную железной дисциплиной, не допускавшую сепаратизма племенных вождей.

Единое руководство мобильной и дисциплинированной армией давало монголам большое преимущество перед сравнительно малоподвижными ополчениями и слабо организованными наемными отрядами земледельческих государств - соседей Чингисхана. В 1211 г. Чингисхан начал походы в Китай. Захватив в 1215 г. Пекин и получив огромную военную добычу, он начал готовиться в поход на запад. Использование китайского военного опыта, когда для осады городов и крепостей использовались стенобитные и метательные машины, сделало монгольское войско самой передовой и великолепно укомплектованной армией в мире.

В 1219 г. Чингисхан выступил против хорезмшаха с войском в более чем 100 тыс. всадников. У его противника Мухаммада Хорезмшаха сил было намного больше, но из-за дворцовых

интриг он выбрал неверную, пассивную тактику. В отличие от Чингисхана, державшего все войско «единым кулаком», хорезмшах разделил военные силы для защиты основных городов своего государства и разослал их в качестве гарнизонов городов. В итоге большое войско (превышающее по численности врага) оказалось без единого командования и стало прекрасной мишенью для концентрированного мощного удара монгольской конницы. Чингисхан громил отряды хорезмшаха, которые были разъединены между собой. Нередко тюркские наемники переходили на сторону монголов. В феврале 1220 г. пала Бухара, в марте — Самарканд, а в мае Чингисхан уже завоевал Мавераннахр. Из крупных городов только город Худжанд во главе с наместником хорезмшаха Тимур-маликом оказал достойное ожесточенное сопротивление завоевателям.

Устрашенный быстрыми успехами монголов, «второй Искандер» Мухаммад II Хорезмшах, находившийся в Балхе, бежал в Иран. Убегая от преследующих его по пятам монголов, он укрылся на одном из пустынных островов Каспийского моря, где и умер в декабре 1220 г. Борьбу с монголами продолжил его сын Джалалиддин. После смерти отца он прибыл в Хорезм и попытался возглавить сопротивление завоевателям. Однако местная кипчакская знать встретила его враждебно и воспрепятствовала его провозглашению султаном. Джалалиддин вынужден был уйти в свои владения. По дороге в Газни он с небольшим отрядом прорвался через Нису (бывшая столица парфян), занятую монголами, собирая по пути следования мелкие отряды из Герата, Нишапура и других областей Хорасана. К нему примкнули Тимур-малик, герой обороны Худжанда. Он прибыл в Газни во главе нескольких десятков тысяч всадников и стал готовиться к военным действиям против войск Чингисхана.

Завоевав Мавераннахр, Чингисхан решил остановиться в Самарканде. Оттуда он послал одно большое войско во главе со своим младшим сыном Тулуем в Хорасан, другое — для покорения Хорезма. Военные отряды Тулуя завладели Нисой и Сабзаваром. Затем он взял штурмом Мерв, захватил и разрушил Нишапур, подчинил Герат и ряд других областей Хорасана.

В конце 1220 г. Чингисхан во главе своих основных сил направился в Термез, захватил город и истребил его население. Потом переправился через Амударью и двинулся на Балх.

Когда Чингисхан подошел к Балху, старейшины города выступили навстречу со всевозможными дарами, выражая покорность.

Чингисхан повелел всем жителям Балха выйти на равнину, подсчитал их, разделил на сотни и тысячи, а потом приказал всех уничтожить. Город же был разрушен и сожжен. Затем, направившись в Талукан, войско Чингисхана задержалось у крепости Нусрат-Кух. Его мужественные защитники стойко оборонялись. Монголы, используя множество метательных машин, смогли взять крепость только после прибытия войска Тулуя, пришедшего на помощь отцу после завершения похода в западные земли Хорасана. Монголы истребили все население и разрушили все строения крепости.

В это время Джалалиддин, прибыв в Газни, стал собирать крупное войско для борьбы с монголами. К нему присоединились эмиры Гура, Амин-малик с 5 тыс. воинов и Сейфиддин Играк с 40 тыс. воинов. Джалалиддин, собрав крупные силы, состоящие из 60-80 тыс. конных и пеших воинов, летом 1221 г. выступил навстречу монголам. Он остановился лагерем возле селения Парван у притока реки Кабул. Он совершил успешный набег в Тохаристан, во время которого наголову разбил монгольский отряд, осаждавший одну из крепостей. Монголы, потеряв тысячи убитыми, спешно отступили через Панджшер к основным силам Чингисхана.

Встревоженный этим событием, Чингисхан направил против Джалалиддина сильное войско (около 40 тыс.) под командованием Шики Хутуху-нойона, одного из своих лучших военачальников. Через неделю монголы подошли к Парвану. В двухдневном ожесточенном сражении хорезмийским войскам удалось разгромить монгольский отряд. Это было первое поражение монгольских завоевателей за время вторжения в Мавераннахр и Хорасан. Известие о победе Джалалиддина в битве у Парвина всколыхнуло весь Хорасан. В Герате, Серахсе и

других городах вспыхнули антимонгольские восстания, однако они были жестоко подавлены. Чингисхан лично выступил во главе отборного войска против Джалалиддина. Но по дороге монголы стали встречать упорное сопротивление местных жителей. В Бамиане он натолкнулся на сильное сопротивление жителей. При осаде города погиб любимый внук Чингисхана — Мутуген (сын Чагатая). Гнев повелителя заставил монгольских воинов начать повторный отчаянный штурм. Когда монголы завладели городом, Чингисхан приказал истребить в нем все живое.

Разрушив Бамиан, монголы двинулись на юг.

Между тем после разгрома монголов в разноплеменном войске Джалалиддина начались раздоры. Как всегда, победители поссорились при дележе захваченных военных трофеев (особенно коней). Джалалиддин не смог установить порядок и дисциплину, и военачальники халаджей, гуров, афган и карлук покинули его. С оставшимися воинами он направился в Газни.

Потеряв более половины своего войска и оценив свои возможности, Джалалиддин покинул Газни и отправился на юг. Войдя в Газни, монголы перебили его жителей, разорили и сожгли город, а женщин захватили в плен. Продолжая преследование, монголы настигли Джалалиддина у берега Инда, неподалеку от переправы Нил-Об. Здесь 24 октября 1221 г., несмотря на перевес монголов Джалалиддин дал бой. Потерпев поражение и утопив весь свой гарем в реке, сам Джалалиддин бросился в реку и переплыл ее. Как сообщают средневековые историки, Чингисхан восхищенный мужеством и храбростью Джалалиддина, сказал своим сыновьям, стоявшим рядом с ним на берегу Инда: «Вот какими должны быть у отца сыновья!».

Нескольким тысячам воинов Джалалиддина тоже удалось переправиться через реку. Здесь он обратился за помощью к делийскому султану Шамсиддину Илтутмышу, однако не получил поддержки. Через некоторое время ему удалось вернуться в Хорасан. Затем он сам, в качестве жестокого завоевателя, вступил в Переднюю Азию и Кавказ. Здесь он

потерял многих своих воинов. В 1231 г. в горах Южного Курдистана Джалалиддин был убит.

Чингисхан, одержав победу на берегу Инда, стал уничтожать рассеянные отряды местных правителей. После этого он направился через горы на север. В октябре 1222 г. он переправил свое войско через Амударью и перезимовал в Самарканде. Весной 1223 г. ушел в Монголию. Одной из основных причин его ухода в Центральную Азию (Монголию) было восстание Тангута, упорного врага монголов.

Чингисхан передал дела управления (прежде всего налогового) Мавераннахром хорезмийскому купцу Махмуду Яловачу, наследники которого выполняли эти функции до начала XIV в. Резиденция их находилась в городе Худжанд.

Завоеватели поставили в покоренных краях своих представителей (*даруга*), в крупных городах и крепостях держали военные гарнизоны.

После смерти Чингисхана (1227 г.), (могила которого, по его завещанию, сравнена с землей под копытами десятков тысяч лошадей и не найдена до сих пор) на курултае 1229 г. на престол Монгольской империи (*Ехе Монгол улус*) был возведен его сын Угедей (1229-1241 гг.). Продолжая завоевательную политику своего отца, великий хан приказал отправить большое войско под командованием Чормагуна в Иран и Хорасан против Джалалиддина. Опустошив Хорасан, монголы вошли в Иран. После смерти Джалалиддина им открылась дорога в страны Ближнего и Среднего Востока.

В 1243 г. Хорасан и захваченные монголами области Ирана по распоряжению Великого хана были переданы эмиру Аргуну. Он был назначен *баскаком* (управителем) в опустошенных завоевателями землях. Аргун попытался наладить жизнь в разрушенных городах и поселениях Хорасана, что привело к недовольству привыкшей к грабегам монгольской степной знати. Варварство и вандализм монголо-татар ярко охарактеризовал средневековый историк Ибн аль-Асир, который писал: «Татары ни над кем не сжалились, а избивали женщин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародышей».

Огромные территории, завоеванные монголами, были поделены между сыновьями Чингисхана. Каждому из них был выделен улус с определенным количеством войск и зависимых людей. Монголия, по обычаю монголов, была отдана младшему сыну — Тулую. Он получил также 100 тыс. воинов из 130-тысячной регулярной армии. Угедею (третьему сыну) был выделен улус в Западной Монголии. После избрания Великим ханом он поселился в Каракоруме — столице Монгольской империи.

Наследники старшего сына, Джучи, получили земли к западу от р. Иртыш до Булгара (на Волге) и до тех мест, «куда доходят копыта монгольских коней». Действительно, Бату хан (Батый) довел монгольских коней до Адриатического моря (Центральная Европа). Разгромив все страны, встречавшие на его пути, он вернулся к берегам Волги. Здесь он основал Золотую Орду — центр улуса Джучидов.

Мавераннахр попал в улус Чагатая, второго сына Чингисхана, включавшего земли от Южного Алтая до Амударьи. Центром улуса был город Алмалык. Но фактически западными землями Чагатайского улуса управлял купец Махмуд Яловач, поставленный еще Чингисханом.

Положение оседлого населения Мавераннахра после опустошительных нашествий было очень тяжелым. Вскоре в 1238 г. народ восстал. Руководитель восставших ремесленников Махмуд Тараби вступил из окрестностей Бухары в город и занял дворец садров, управляющих по разрешению монголов городом. Однако вскоре повстанцы были разгромлены монгольской армией, а Махмуд Тараби погиб в сражении.

После этого Великий хан Угедей отозвал Махмуда Яловача в Каракорум и назначил губернатором Пекина, где тот и умер (1254 г.). Масудбек, сын Яловача, был назначен верховным правителем всех культурных областей от Уйгурии до Хорезма. Масудбек сохранил эту должность до своей смерти (1289 г.), несмотря на многочисленные междоусобицы и перевороты.

К середине XIII в. обширную монгольскую империю фактически делили потомки Джучи и Тулуя. К западу от Чуйской

долины была зона контроля Батыя (включая Мавераннахр), а на востоке началась сфера влияния Мункэ-хана. Полномочия Масудбека как правителя культурных областей признавались в обеих половинах империи. В 1250 г. Масудбеком было построено большое медресе в Бухаре, получившее его имя - «Масудийе». Такое же медресе было построено и в Кашгаре. Мать Великого хана Мункэ, христианка, также пожертвовала средства для строительства другого большого медресе (Ханийе) в Бухаре. В каждом из этих крупных медресе, обучалось до 1000 студентов.

Уже брат и преемник Батыя Берке принял ислам, чем было весьма довольны мусульманское духовенство, вставшее на его сторону в междоусобицах. Влияние мусульманского духовенства и мусульманской культуры было в Мавераннахре настолько сильным, что язычники-чингизиды уже во втором поколении правителей стали принимать ислам. Недовольные этим, правители Ирана в 1273 г. выступили против Чагатайского улуса и подвергли опустошению город Бухару, разрушив медресе «Масудийе». Это было самое бедственное время для славного города за всю его многовековую историю. Через три года Бухара снова пострадала, но уже от местных смут и еще семь лет оставалась в запустении. Всего за несколько лет до этих страшных дней знаменитый венецианский купец Марко Поло, который прожил в Бухаре 3 года (1262 - 1265 гг.), назвал его «самым лучшим городом во всей Персии». Хан Хайду (1269 - 1301 гг.) поручил Масудбеку восстановить город. При Хайду же был построен новый город Андижан, остававшийся до XVI в. главным городом Ферганы, как важный торговый центр.

После смерти Масудбека ему наследовали, один за другим, его три сына, первые два еще при Хайду, третий - при сыне и преемнике Хайду - Чапаре, с местопребыванием в Кашгаре.

Чагатай назначил своим наследником Кара Хулагу - сына своего брата. После смерти великого хана Угедея и Чагатая между чингизидами началась борьба за власть. В этой междоусобице победил Гуюкхан (1246 - 1248 гг.), который отстранил Кара Хулагу и правителем Чагатайского улуса назначил Есу Мункэ.

Однако после смерти Гуюкхана вспыхнула новая междоусобная война. В ходе ожесточенной борьбы к власти пришел Мункэхан, старший сын Тулуя. Многие представители из дома Чагатай и Угедея были казнены. Вдова Кара Хулагу Оркына стала правительницей Чагатайского улуса. После смерти Великого хана Мункэ (1259 г.) разгорелась очередная борьба за власть, в которой победил брат Мункэхана Хубилай (1260 г.). Он быстро превратился из монгольского Великого хана в китайского императора и перенес свою столицу в Ханбалык (Пекин).

Монгольская империя реально состояла из ряда полусамостоятельных улусов (уделов), правители которых получали доходы и подати из своих владений, но они не имели права вмешиваться в дела управления земледельческими областями, куда верховная власть назначала специальных чиновников (типа Масудбека). Последние были ответственны за своевременный сбор налогов и политическую стабильность в поселениях и городах. В некоторых случаях гражданское управление в Чагатайском улусе (государстве) осуществлялось местными владетельными домами. А даруга — монгольские наместники, были ответственны за состояние войск на местах. Постепенно круг их обязанностей расширился, они стали отвечать за перепись населения, устройство почтовых служб, взимание и доставку налогов в ханскую ставку.

Рядом с ханской ставкой главные кочевые роды также владели определенными территориями в Чагатайском улусе. Этих родов было четыре (по числу четырех туменов, данных Чагатаю Чингисханом) джалаиры - в Худжанде, барласы - в Кашкадарье, каучины - в бассейне Вахша-Амударьи и арлаты - в Балхе.

Последующие чагатайские ханы стремились укрепить власть и улучшить жизнь в государстве. Так, Кебекхан (1318-1326 гг.) наладил ирригационные системы, торговлю и восстановил городскую жизнь в Мавераннахре. В первые годы владычества монголов из-за угона ремесленников в Монголию для строительства столицы (Каракорум) и других работ,

завоеванные ими города оставались опустошенными, приходили в упадок. Теперь ситуация стала меняться в лучшую сторону.

Кебекхан в нарушение древних традиций кочевников отстроил себе дворец в долине р. Кашкадарья, вокруг которого вырос город Карши (монг. «дворец»). Он провел денежную реформу, аналогичную реформе Газанхана, правителя Ирана. При его брате и преемнике Тармашарине (1326 - 1334 гг.) был сделан решающий шаг к сближению с местной знатью — принятие ислама как государственной религии.

Вскоре (в 40 - 50 годы XIV в.) Чагатайский улус распался на ряд самостоятельных феодальных владений. Северо-восточные территории Чагатайского государства обособились в самостоятельное государство *Могулистан*, охватывающее территории среднего течения Сырдарьи на западе, на юге - Ферганскую долину, а на востоке - Кашгар и Турфан.

Основное население Могулистана состояло из смешанных тюрко-монгольских племен, которые в 1348 г. избрали Тоглук-Тимура в качестве своего верховного хана.

Тоглук-Тимур подчинил себе Хафтруд и часть Восточного Туркестана. Затем хан принял ислам, и, заручившись поддержкой мусульманского духовенства, начал борьбу за Мавераннахр. В Мавераннахре также правили различные ханы, которые опирались на тюрко-монгольские племена барлас, канглы, кераит, дуглат и др. В 1360 г. Туглук-Тимур вторгся из Хафтруда в долину Сырдарьи, но разногласия военачальников прервали дальнейший поход. Весной 1361 г. Туглук-Тимур снова выступил в Мавераннахр, где на его сторону перешел Тимур, получивший ранее от монголов в удел город Кеш (Шахрисабз). Туглук-Тимур взял Самарканд и, переправившись через Амударью, дошел до Хиндукуша. Вскоре он возвратился в Могулистан, оставив здесь своего сына Ильяс-Ходжи в качестве наместника. Против Ильяс-Хаджи выступил вчерашний его союзник Тимур вместе с правителем Балха, чагатайским эмиром Хусейном. Ильяс-Ходжа бежал в Могулистан, где также началась междоусобица после смерти Туглук-Тимура.

В 1365 г. Ильяс-Ходжа напал на Мавераннахр и одержал

победу над Хусейном и его союзником Тимуром в битве на берегу Сырдарьи. Его армия подошла к Самарканду, где оборону организовали не Хусейн и тем более не Тимур, а сами горожане-таджики. Ильяс-Ходжа вынужден был отступить в Хафтруд.

В это время Хорасан находился в руках множества тюрко-монгольских эмиров, признавших верховную власть илханов хулагуидов, владычество которых простиралось «от Аму до Мисра» («от Амударьи до Египта»). В Хорасане существовала *гурская династия Куртов*, таджикская по происхождению, которая не только сохранилась, но и со временем несколько усилилась. Местная династия Куртов пришла к власти в Гуре, затем столицей Куртов стал Герат. В Гуре, как и в других областях, населенных таджиками, монгольское нашествие сопровождалось массовым истреблением жителей. Однако благодаря неприступности ущелий Гур пострадал меньше, чем Герат, Балх и Мерв.

Родоначальник династии Куртов Рукнаддин, враг хорезмшахов, во время нашествия монголов согласился признать власть Чингисхана и был утвержден правителем Гура и Хайсара.

Рукнаддин было выходцем из гуридской династии, лишенной власти незадолго до монголов хорезмшахом Мухаммадом II, поэтому монголы признали преемственность Куртов от султанов Гуридов. После смерти Рукнаддина (1245 г.) к власти пришел подлинный основатель Гератско-Гуридского государства Куртов Шамсиддин Мухаммад (1245 - 1278 гг.), который, будучи вассалом монголов, все-таки смог использовать антимонгольские тенденции таджикского населения. Шамсиддин I с самого начала своего правления настойчиво стремился укрепить свое государство. Как преемник Гуридов, он предъявил претензии на земли, принадлежавшие его предшественникам, и добился признания монголами его власти до берегов Инда на юге. Он участвовал в походах монголов в Индию.

Во время прихода к власти великого хана Мункэ он выступил на его стороне. Великий хан пожаловал ему грамоту на управление более чем 20 городами и областями, среди которых

были Герат, Гур, Систан, Кабул, Буст, тогдашний Афганистан (район Сулеймановых гор) до «берегов Синда» (р. Инд).

Возвратившись из своей поездки в верховную ставку Мункэ-хана, Шамсиддин I Курт серьезно взялся за обустройство пожалованных ему городов и оазисов.

С 1222 по 1236 гг. Герат, разрушенный монголами, оставался мертвым городом. Его восстановление началось в 1236 г. после предписания великого хана Угедея, решившего, по советам своих приближенных — таджикских купцов, возродить этот старинный таджикский город.

В Герат были возвращены 100 семей гератских шелкоткачей, угнанных в Монголию после взятия города. После этого за счет переселенцев из других районов Хорасана население города стало быстро увеличиваться. В 1240 г. из Монголии были возвращены еще 200 семей шелкоткачей. В «Тарихномаи Хирот» сообщается, что в 638 г. хиджры (1240/41) численность жителей была определена (путем переписи) в 6900 душ. После того, как Герат, как столица быстрорастущего государства Куртов, стал интенсивно развиваться, Хулагуиды Ирана стали беспокоиться. Теперь куртские малики стали подчиняться не Великому хану, а Хулагу и его преемникам. Мункэ, Великий хан, отправил своего брата с большим войском Хулагу для завершения покорения Багдадского халифата (включая светских эмиров, получивших от него инвеституры). Выступив в 1253 г. из Каракорума и последовательно утверждая свою власть, Хулагу к началу 1258 г. подошел к Багдаду. 12 февраля 1258 г. Багдад был взят монголами, и государство, просуществовавшее около 500 лет и олицетворявшее правоверный ислам, перестало существовать. Последний халиф аль-Мустасим (1242-1258 гг.) выдал огромные сокровища Хулагу, после чего был казнен. В течение 40 дней город подвергался разрушениям и грабежу. Падение Багдада произвело парализующее действие на весь мусульманский мир и облегчило монголам дальнейшее завоевание.

Багдаду уже никогда не было суждено вернуть себе роль центра мусульманской политической жизни. Халифат был фор-

мально восстановлен мамлюками в Египте, которые приютили у себя выходца из дома халифов. Именно Египет, который был объявлен в курултае (1251 г.) в далеком Каракоруме владением Хулагу, остановил нашествие монголов, разбив их передовой отряд в Сирии.

Теперь владения Хулагу простирались от Амударьи до Сирии, его верховную власть признали сельджукские правители Малой Азии, а Иран, Ирак и Закавказье прочно вошли в состав державы Хулагуидов. Они стали враждовать со своими сородичами — с Золотой Ордой на севере и с Чагатайским улусом на востоке.

Шамсиддин I Курт пользовался расположением не только основателя государства Хулагу (1256-1265 гг.), но и его преемника Абака-хана (1265-1282 гг.), который возобновил жалованную ему Мункэханом грамоту на правление.

В это время Шамсиддин восстановил свою власть в Систане, выгнав оттуда монгольских эмиров и прекратил в 1258 г. посылать «дары» монгольским эмирам Бадгиса.

Он участвовал в войне Абака-хана с Беркэ-ханом (Золотой Ордой). Однако через несколько лет их взаимоотношения испортились. В 1269 г. стремления Шамсиддина к независимости проявились в поддержке им чагатайского хана Барака, врага Хулагуидов. Усиление куртского малика и его энергичная политика на достижение фактической независимости побудили Абака-хана принять репрессивные меры. В 1270 г. по его приказу все жители Герата были выселены из города. Однако в 1272/73 гг. город был вновь заселен по приказу хана. К тому же была произведена перепись населения.

Шамсиддин упорствовал и окончательно впал в немилость. В 1278 г. он был вызван в ханскую ставку, где и был отравлен (он съел отравленный арбуз).

После убийства Шамсиддина правителем Гератско-Гурского государства стал его сын Рукниддин (1278-1295 гг.), который, придя к власти, стал именоваться, как отец, Шамсиддином (II). В 1295 г. Шамсиддин II отошел от власти, и маликом стал его сын Фахриддин (1295-1307 гг.).

В начале 1300 г. Фахриддин оказал открытое неповиновение вступившему на престол ильхану Улджайту, отказавшись принять присягу. Ильхан направил войско в Герат.

Несмотря на это, начало XIV в. было временем усиления государства Куртов и началом упадка власти Хулагуидов, которые постепенно прекратили нападения на Герат.

В отличие от государства Хулагуидов (до Газан-хана), где господствующее положение занимала монголо-тюркская кочевая знать, в государстве Куртов с первых дней правления первенствующую роль играла местная таджикская знать. Будучи заинтересованными в процветании своей столицы, Курты предоставляли жителям Герата различные льготы. В 1298 г. малик Фахриддин освободил гератцев от уплаты чрезвычайных сборов в пользу ильханского дивана. Куртские малики, стремясь прослыть щедрыми повелителями, практиковали раздачу беднякам хлеба и денег (из военной добычи).

Фактической самостоятельности государства Куртов удалось добиться к концу правления Гияссиддину I (1307-1329 гг.).

В 1312 г. он был обвинен в измене и вызван в ставку ильхана, но после примирения с ильханом вернулся в Герат.

Вскоре после смерти ильхана Абу-Саида (1318-1335 гг.) государство Хулагуидов распалось, а государство Куртов, получившее полную независимость, просуществовало еще около полувека. После малика Гияссиддина в течение короткого времени правили его сыновья Шамсиддин III Мухаммад и Хафиз Мухаммад.

В 1331 г. Хафиз Мухаммад был убит гуридами из-за неспособности владеть государством, он больше увлекался искусством. После этого гурцы посадили на трон 14-летнего Хусейна, другого сына Гияссиддина, который правил около 40 лет (1331-1370 гг.) под именем Муъиззиддин Хусейн. К середине XIV в. он расширил свою власть на соседние области. Чтобы показать свою независимость, он ввел в своем дворе «наубу», торжественную церемонию, которая существовала и у хорезмшахов.

Монголы, несмотря на постоянные смуты, считавшие себя хозяевами всего мира, не могли позволить возвышению династии

из местной таджикской династии. При ослаблении Хулагуидов, чагатайский эмир Казаган (1346-58 гг.) начал войну с Куртами, презрительно отзываясь о Хусейне как «таджике, предъявившем притязания на султанство» (Шарафиддин Йазди). Казаган нанес поражение войску Хусейна, перед боем указав невыгодность позиции врага - «этот таджик не знает военного искусства», но он не смог взять укрепленный город Герат и отошел. Этот высокомерный эмир, как и многие монголы, был убит своим родственником – своим зятем.

В последние годы правления Куртские малики были в основном вовлечены в войну против сарбадаров, уничтоживших господство Хулагуидов в Хорасане. Муъиззиддин 18 июля 1342 г. разбил войска сарбадаров.

Упорную борьбу с сарбадарами вел и последний куртский малик Гияссиддин II Пир Али (1370-1381 гг.), который даже захватил Нишапур, но, увлекшись этим противостоянием, он не заметил появления с севера грозного врага – Тимура. В 1381 г. Тимур не только со страшной жестокостью подавил народное движение сардабаров, но и уничтожил последнее централизованное таджикское государство Куртов.

За полтора столетия - от нашествия Чингисхана до возвеличивания Тимура в Мавераннахре и Хорасане - произошли кардинальные изменения военно-политического и этнокультурного плана.

Одним из важнейших последствий монгольского нашествия в Мавераннахре и Хорасане было переселение большого количества монголо-тюркских племен. Переселение больших орд кочевников происходило при параллельном сокращении местного населения (таджиков), сопротивлявшихся и восстававших против чужеземного ига. Но из-за внутренней разобщенности они или истреблялись или угонялись в рабство в чуждые им степи.

В отличие от предшествующих эпох (Тюркский каганат, Караханиды, Сельджукиды и т.д.), когда пришлые кочевники расселялись в пустынях, степях и других местах, удобных для пастбищ, после нашествия монголов началось оседание ско-

товодов в поселениях, городах и крепостях. В это время некогда таджикоязычный город Хорезм стал преобладающим тюркоязычным. Строились и новые города, в которых преобладало тюркоязычное население (Андижан, Карши, Кеш и др.).

Пришлые народы отличались от местного своей сплоченностью, хотя и у них бывали многочисленные смуты. Эта сплоченность давала многочисленным тюркским и тюркизированным монгольским племенам прекрасную возможность создавать различные государства в этих краях вплоть до нашего времени.

Но, оставаясь государствообразующим народом, они не могли не признавать превосходства местного населения в государственном управлении и в различных областях культурной жизни. Уже первое поколение завоевателей, беспощадно истреблявших все сопротивлявшееся население, пощадило духовенство и ремесленников, которых они использовали для восстановления городов в своих уделах. Став хозяевами культурных областей Мавераннахра и Хорасана, осознав примитивность своего опыта хозяйствования, когда подать и дань принимались натуральным образом (вернее, скотом), они стали привлекать местную бюрократию с богатым опытом государственного управления. Благодаря этому была проведена денежная реформа (Газанхан в Иране и Хорасане, Кебекхан в Мавераннахре), способствовавшая восстановлению экономики, разрушенной во время нашествия и при последующих смутах.

Монгольские ханы и эмиры, как и их предшественники (особенно, как Саманиды), особенно благожелательно относились к духовенству и купечеству, абсолютное большинство которых составляли таджики. Земли, находившиеся в распоряжении мусульманского духовенства на правах вакфа, остались нетронутыми и даже увеличились. Таджикские купцы находились под покровительством монгольских ханов. Еще в Монголии, до завоевания Мавераннахра и Хорасана, они были весьма выгодными партнерами в международной торговле.

Поселившись в городах и обосновавшись в дворцах, монгольские ханы и тюркские эмиры порывали связи со степной

культурой.

Вероятнее всего, влияние буддизма, привнесенного монголами, способствовало появлению медресе — высшего духовного учебного заведения именно в Мавераннахре, впервые в исламском мире.

Однако таджикская литература — гордость таджиков всех времен, особенно сильно пострадала от нашествия монголов.

Изучение жизни и деятельности выдающихся представителей таджикской литературы и науки этой эпохи ярко свидетельствует, что они в основном творили на землях, не подвластных монголам.

Джалоллиддин Руми (1207-1272 гг.), выходец из Балха — одного из главных центров таджикской культуры, скитаясь по городам Нишапур, Багдад, Хиджас, остановился в Конии (Малая Азия). Получив прекрасное образование, он занимался преподаванием, увлекаясь суфизмом, и стал к концу своей жизни выдающимся мистическим поэтом и суфийским философом-дервишем.

Амир Хисрав Дехлави (1254-1305 гг.), родители которого бежали из Кеша во время монгольского нашествия, родился в одном из городов Северной Индии. Окончив обучение он переехал в Дели, не тронутом монголами, где создал «Хамсу» — диван стихов из пяти частей.

Абуумар Минходжиддин Джузджани (1193-1260 гг.), известный историк, автор «Табакоти Носири», сначала находился на службе у таджикских гурских маликов. В 1227 г. переселился в Индию, где позже занимал должность главного казия. Его сочинение дает ценные сведения о Газневидах, Гуридах, монгольском владычестве и об исмаилизме.

Только великому поэту Саади Шерози (?-1292 гг.) после долгих скитаний удалось вернуться в родной Шираз и заниматься творчеством. Здесь, помимо других произведений, он написал «Бустон» и «Гулистон» — любимые до настоящего времени сборники стихов таджиков.

Это было взаимопроникновение городской и степной культуры, так не схожих друг с другом. Противоречивость эпохи

ярко демонстрировал позже грозный Тимур: он был и безжалостным завоевателем, и выдающимся полководцем (образ Чингисхана) и ревностным поборником ислама. Он строил новые города, покровительствовал людям науки и литературы (образ Исмаила Самани). Две яркие характеристики, данные известным востоковедом В.В. Бартольдом двум великим представителям степной культуры - монголу Чингисхану и чагатаиду Тимуру, правившего 150 лет спустя после первого, красноречиво свидетельствует о роли таджикской городской культуры в тот период.

«Мировоззрение Чингисхана, – пишет В.В. Бартольд, – до конца было мировоззрением атамана разбойников, который ведет своих товарищей к победам и доставляет им добычу, делит с ними труды, в дни несчастья готов отдать им все, даже свою одежду и своего коня, в дни счастья испытывает вместе с ними величайшее из наслаждений – ездить на конях убитых врагов и целовать их жен. Гениальный дикарь применял свои редкие организаторские способности все к более обширному кругу лиц и не видел разницы между качествами, необходимыми для начальника отряда в десять человек, и качествами, необходимыми для управления империей».¹

«Тимур, напротив, – пишет далее академик, – был, прежде всего, царем-завоевателем, для властолюбия которого не было границ; ему приписывали изречение, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей. Чингиз-хан до конца жизни не знал другого языка, кроме монгольского; Тимур, оставаясь неграмотным, кроме своего турецкого (тюркского или чагатайского. – М.А.) языка владел персидским (таджикским. – М.А.), на котором беседовал с учеными, учредил при своем дворе должность «чтеца рассказов» (кисса-хан) и благодаря слушанию этих рассказов мог удивить своими познаниями в истории историка Ибн Халдуна, увлекался игрой в шахматы и достиг в ней редкого искусства; подробности мусульманского вероучения были усвоены им настолько, что он

¹ Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1964. – Т.2. – Ч.2. – С. 59.

мог следить за религиозными прениями и принимать в них участие. Все это, однако, не только не вызвало разлада между ним и той военной службой, из которой он вышел, но даже способствовало его военным успехам. Своими познаниями в истории он, как мы видим, пользовался для воодушевления своих воинов примерами из прошлого, религиозными доводами оправдывались избиения и грабежи, производившиеся им в покоренных областях, и конечно, доставлявшие его войску гораздо большее количество добычи, чем это было бы возможно при ином способе ведения войны».¹

В дальнейшем при рассмотрении чагатайского государства Тимура (и его наследников) мы еще раз убедимся в правильности характеристики личности (и его эпохи), данной одним и выдающихся востоковедов XX века.

ЧАГАТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО ТИМУРА И ТИМУРИДОВ

К середине XIV в. Чагатайский улус фактически был разделен на две части, на западе (в Мавераннахре) стали доминировать тюркские (или тюркизированные монголы) эмиры, жившие в городах или дворцах и опиравшиеся на мусульманскую бюрократию. На востоке, на территории, простиравшейся от востока Ферганы и Балхаша до р. Иртыш, несмотря на бесчисленные перевороты, еще правили монгольские ханы - чингизиды, опирающиеся на язычников - монголов. У них антипатия к исламу и мусульманской культуре была сильнее, несмотря на исламизацию их правителей.

Чагатаиды (западные монголы и тюрки) называли жителей Могулистана ругательным словом «джете» (разбойники), а они их - караунасамы (метисами). Таким образом, принятие ислама одними и, антипатия у других обусловили распад огромного чагатайского улуса на две части - Могулистан, который историки

¹ Бартольд В.В. Сочинения. - М., 1964. - Т.2. - Ч.2. - С. 60.

того времени называли «страна джете», и исламизированное Чагатайское государство. Отчуждение и враждебность обеих частей бывшего единого государства проявились и в военных походах Тимура, который больше преуспел именно в исламских государствах, чем на родине предков.

Чагатайское государство, созданное Тимуром, представляло собой своеобразное сочетание элементов тюрко-монгольской государственности, проявленной в назначении подставных ханов над властью эмира, тюрко-монгольского военного строя (деление на тумены и т.д.), но опиралось оно на таджикскую бюрократию и духовенство. Это было время борьбы «священного Корана» и «Великой Ясы».

Тимур, основоположник Чагатайского государства, сын Тарагая, бека тюркизированного монгольского племени барлас, до прихода к власти в Мавераннахр был владельцем небольшого удела в Кашкадарье. Это владение он получил от хана Могулистана Туглук-Тимура за военную помощь во время его вторжения в Мавераннахр в 1360 и 1361 гг. До этого он, как и многие другие амбициозные отпрыски тюркских родов, «в качестве атамана шайки разбойников» участвовал в бесконечных междоусобных войнах. Особенно тяжелы были для Тимура события, происходившие в 1362 г. Тимур и эмир Хусейн были взяты в плен туркменами на реке Мургаб и 62 дня провели в заключении в селении Махаи (вблизи Мерва). Местный правитель Алибек отпустил их, но не снабдил нужной для путников едой и припасами. В этой беде им пришел на помощь Муборакшах, представитель туркменского племени санджари.

Однажды, принимая участие в очередной междоусобице в Систане, он получил ранение, в результате чего остался хромым на всю жизнь, отсюда прозвище «Тимури-ланг», в передаче европейских авторов «Тамерлан».

После овладения Шахрисабзом Тимур действовал с правителем Балха эмиром Хусейном, врагом Туглук-Тимура, и стал его родственником, взяв в жены его сестру. Тем самым он изменил своему первому покровителю.

В 1364 г. эмиру Хусейну и Тимуру удалось отвоевать

Мавераннахр у хана Могулистана. Но преемник Туглук-Тимура Ильяс Ходжа не хотел лишаться такой богатой и культурной страны и начал военный поход. В 1365 г. оба войска встретились на берегу р. Арысь, и началась битва, которая происходила во время ливневого дождя. В этой «грязевой битве», когда лошади скользили и падали, Хусейн и Тимур потерпели поражение и, бросив Самарканд и Шахрисабз на произвол врага, бежали во владения Хусейна (в Балх). Уверенный в победе, Ильяс Ходжа направился в Самарканд, так как гарнизон города бежал следом за эмирами. Участь города могла быть позорной. Но впервые в политической истории таджиков (до сегодняшнего времени!) свой патриотизм и мужество показали учащиеся (студенты) медресе. Выше уже говорилось, что в середине XIII в. в Мавераннахре были построены медресе («Масудийе», «Ханийе» в Бухаре и др.) – первые университеты в исламском мире. После этого началось строительство медресе и в других крупных городах Мавераннахра, которые начали принимать на учебу молодежь. И уже через 100 лет, как видим, учащиеся медресе, как новое явление в общественной жизни страны, возглавили народное движение против завоевателей. Мавлонозода, руководитель движения учащихся медресе, прежде чем выступить против врагов, обратился в соборной мечети города к духовенству, испрашивая разрешения на оборону. Но получив отказ (в форме гробового молчания), он поднял студентов на оборону города. Ему активно помогали Мавлоно Хурдак Бухорои и трепальщик хлопка Абубакр Калави.

Уничтожив передовой отряд хана из засады на главной улице, защитники города стойко держались, не боясь угроз и не поддаваясь на хитрости осаждавших монголов. Через некоторые время в войсках кочевников, расположившихся вокруг города для длительной осады, вспыхнула эпидемия конской чумы. Завоеватели вынуждены были снять осаду и отойти, грабя окрестные города. После этого в городах, по сообщению мусульманских историков, начались «злодейства и смута». Это движение, получившее в исторической литературе «движение сарбадаров» (буквально «голова на виселице»), несколько раньше

возникло в Хорасане против монгольских ханов и их союзников — крупных землевладельцев. Нашло оно своих сторонников и в Самарканде.

Воодушевленные победой над грозным врагом и выдвинув лозунг «Лучше видеть нам свои головы на виселице, чем умереть от страха», учащиеся медресе, возможно, стали теснить духовенство, которое, обладая крупными вакфными землями и боясь потерять их, отказались от руководства обороной города. Такой «пацифизм» — характерная черта средневекового духовенства, которое под предлогом «общности веры» могло спокойно наблюдать за гибелью собственного этнонационального государства (пример Саманидов) или родного города (Самарканд, Бухара, Балх, Мерв, Герат и др.).

Не решаясь немедленно напасть на Самарканд, находившийся во власти сарбадаров, эмир Хусейн и Тимур учинили расправу сначала над их лидерами, пригласив их в свой лагерь якобы для вручения грамот, подтверждающих их права как законных правителей. Захваченный затем Самарканд стал владением эмира Хусейна. Тимур остался в Кеше (позднее Шахрисабз).

С 1366 по 1370 г. положение Тимура было весьма неустойчивым, он то сближался с эмиром Хусейном, то враждовал с ним. Его отношения с эмиром Хутталяна Кейхусравом, с которым он сблизился в войне против Хусейна, тоже оставляли желать лучшего. Еще в 1360 г. брат Кейхусрава — Кайкобад был казнен Хусейном. Тимур представил эмиру Хутталяна возможность отомстить за брата. Но позже (в 1372 г.) во время войны с Хорезмом Кейхусрав был обвинен в измене и убит по приговору воинами Хусейна, перешедшими на службу к Тимуру.

Формальным поводом разногласия между двумя союзниками стало решение эмира Хусейна укрепить город Балх, против чего возражал Тимур. Начавшаяся между ними война быстро закончилась благодаря энергичности Тимура, который в 1370 г. подошел к Балху и осадил его. Затем он штурмом овладел городом и казнил Хусейна. Город был отдан на разграбление

победителям.

В соответствии с почитаемой Тимуром монгольской традицией, ханом Чагатайского государства был провозглашен (номинально) Суюргатмыш, чингизид из чагатайской ветви.

Сам Тимур на курултае, созванном в Балхе, принял титул «Эмир сахибкIRON» (Эмир, обладающий счастливым сочетанием звезд). Позднее он добавил себе титул «гурган»- ханский зять, который он чеканил на своих монетах. История титула такова: захватив в Балхе гарем Хусейна, Тимур взял себе четырех из его жен, включая дочь монгольского хана Казана — Сарай-мульк-ханум. Благодаря этой жене, считавшейся старшей женой Тимура (его жена Улджай-Туркан-ага, сестра Хусейна, умерла до взятия Балха), он приобрел право на титул ханского «зятя». Этим он стремился продемонстрировать свою близость к Чингизу и чингизидам.

В 1370 г. Тимур перенес столицу в Самарканд. К этому времени ему удалось преодолеть политическую раздробленность в Мавераннахре, создать сильное и дисциплинированное войско. Он опирался на свой *улус-барлас*, который преданно служил своему вождю, но другой улус (или тумен), отданный Чингизом Чагатаю, — *джалаиры*, не признали верховенства Тимура, несмотря на клятву остальных на курултае в Балхе. В упорной борьбе Тимура с непокорными джалаирами ему удалось одержать верх и в 1376 г. расформировать улус, т.е. джалаиры, как народ-войско, перестали существовать самостоятельно, а были распределены по отрядам других эмиров.

В течение десяти лет, укрепив столицу, построив стену и цитадель, усмирив непокорных улусов и эмиров, подчинив Хорезм и разрушив его столицу Ургенч, он начал завоевательный поход за пределы Мавераннахра. В первую очередь он направился в Хорасан. В Герате правил малик Гиясиддин II Пир Али, пришедший к власти, как и Тимур, в 1379 г. До похода отношения Тимура с Куртским государством были вполне мирными. Тимур даже породнился с Пир Али, выдав за него в 1376 г. свою племянницу.

Однако, усилившись, Тимур потребовал, чтобы малик подчинился ему. Пир Али отказался, и Тимур в 1381 г. с крупными силами переправился через Амударью и двинулся в Герат.

Гиясиддин II Пир Али в это время воевал против сарбадаров в Нишапуре. Когда Тимур подошел к Серахсу, его правитель малик Мухаммад, брат малика Гиясиддин II Пир Али, перешел на его сторону. Тимур не сразу пошел в Герат, а двинулся в Бушенг, чтобы отрезать основные силы малика от горной области, откуда последний мог получить подкрепление. После взятия крепости Бушенга и истребления всех жителей, он подошел к Герату и осадил его. К этому времени малик был в Герате, но подкрепления гурских воинов не смогли прорваться в город.

Герат был сильно укреплен, цитадель «Ихтияриддин» считалась неприступной. После долгой осады одному из отрядов Тимура удалось проникнуть за стену внешних укреплений. Куртский малик со своими войсками отошел за следующее кольцо городских стен и засел в цитадели. Горожане не приняли сколько-нибудь активного участия в обороне Герата, так как Тимур обещал сохранить жизнь и имущество всем, кто прекратит сопротивление. Поэтому Гиясиддин был вынужден сдаться и явиться в ставку Тимура. Так в марте 1381 г. окончилась осада Герата. Однако Тимур не сдержал своего слова. На жителей Герата была наложена тяжелая контрибуция. Кроме того, он получил казну Куртов, а также породистых лошадей, предмет гордости и особых забот нескольких поколений куртских маликов. Многим именитым горожанам Герата Тимур приказал переселиться в Шахрисабз.

Последних представителей таджикской династии Куртов Тимур держал при своем дворе в Самарканде. В 1389 г. коварный и жестокий сын Тимура Умаршайх убил последних потомков этой династии, причем на пиру со смехом отрубил голову сыну гератского малика Пир Мухаммада, и этот свой поступок он объяснил опьянением. Так печальна была судьба одной из известных последних таджикских династий, много сделавшей для

возрождения Герата после разрушения города монгольским нашествием.

После взятия Герата Тимур отправил свой авангард под командованием эмира Джахан-шаха в Сабзавар, а сам с главными силами выступил в Келат. В пути к Тимуру прибыли для выражения покорности Алибек, правивший Келатом, Мервом и Нисой, и правитель государства Сарбадаров в Южном Хорасане Али Муайяд. Правитель Мазандарана и Хорасана эмир Вали (1353-1384 гг.) также обещал прибыть для выражения покорности, но не выполнил обещания. Когда Тимур отвел войска в сторону Самарканда, он подошел к Сабзавару и осадил его.

Номинальный правитель Хорасана Абу Муайяд обратился к Тимуру как сюзерену о помощи. Тимур охотно использовал удобный случай для уничтожения сарбадарского движения в Хорасане, которое он люто ненавидел со времен самаркандского восстания. Он двинул свое войско в Хорасан, прогнал эмира Вали и торжественно вступил в Сабзавар. Тимур, не доверяя Али Муайяду, предавшему сарбадарское движение, не оставил его в городе. Он держал некоторое время его при себе и позже казнил.

Жители Герата и Сабзавара не примирились с владычеством Тимура и подняли восстание. Первым в 1383 г. восстал Герат, активное участие здесь приняли гурцы. Горожанами руководил Абусаиди Испахбад, более известный под прозвищем Гурибача. Из Гура прибыл сильный отряд воинов во главе с маликом Мухаммадом. Должностные лица, назначенные Тимуром, были изгнаны, а гарнизон полностью уничтожен.

Подавление Гератского восстания Тимур поручил своему сыну Мироншаху. В ожесточенных сражениях под Гератом отряды гурцев были полностью разгромлены. Вступив в Герат, Мироншах разослал в разные направления отряды для уничтожения рассеянных отрядов гурцев.

Тимур избрал Герат центром управления Хорасаном, а при его преемниках город стал столицей большей части его владений. В этих новых политических условиях многовековая связь города с горным таджикским населением Гура была

прервана. После нанесения сокрушительных ударов Тимуром и его преемниками Гуру страна уже не смогла оправиться и играть существенную роль в дальнейшей политической истории Хорасана.

Позже, в 1383 г., осенью сарбадары во главе с шейхом Давудом Сабзавари подняли восстание против Тимура. Тимур направился сам к Сабзавару и осадил город. Восставшие сражались отважно, но силы были неравны. Тимур захватил город. Началась жестокая расправа с восставшими, 2000 сарбадаров были замурованы живыми в воздвигнутых по приказу жестокого правителя башнях, людей складывали друг на друга, перекладывая кирпичами, глиной и известью.

В Систане Тимур встретил того предводителя, который ранее ранил его и велел расстрелять его из луков. В Систане его войска начали опустошение и истребление защитников городов и крепостей. В числе городов Систана, разоренных войсками Тимура, был город Буст, который впоследствии потерял значение узла караванной торговли. Разрушив древнюю плотину «Рустама», воины Тимура нанесли огромный ущерб ирригационной системе Систана. Эта одна из древнейших славных таджикских областей (родина Рустама, Заля и Сама — таджикских эпических богатырей) после нашествия Тимура постепенно пришла в упадок. Первенство караванной торговли в Индию перешло к Кандагару, где усиливающиеся афганцы начали соперничать с таджиками.

Часть населения Систана, Кандагара и Кабула, прежде всего искусных ремесленников и знатных горожан, Тимур уводил в Мавераннахр, в центр своего государства. В это время были подчинены Систан и Кандагар. В 1386 г. Тимур захватил Тебриз, незадолго до этого разграбленный Золотой Ордой Тохтамышом. Огнем и мечом прошли воины Тимура по Закавказью, после чего (1387 г.) они напали на столицу государства Музаффаридов — Исфаган. Здесь, разгромив жителей города, он приказал своим войскам умертвить определенное число горожан и доставить головы убитых: из 70 тыс. отрубленных голов были сложены пирамиды.

В 1388 г. Тимур выступил в последний поход против Хорезма, одной из непокорных областей Мавераннахра. Он взял город Ургенч, главный торговый партнер Золотой Орды и запада, разрушил его. Городское население было уведено в Самарканд, а на месте разрушенного города (кроме мечетей) посеяли ячмень. Только в 1391 г. он разрешил восстановить город, и то только в размерах одного квартала.

С 1388 г. он начал ожесточенную борьбу с золотоордынским ханом Тохтамышем, которому он сам помог захватить престол. В 1392 г. Тимур вторгся в пределы Кавказа, разграбил и покорил Армению и Грузию. В 1395 г. его войска нанесли поражение Тохтамышу и, преследуя остатки его войска, дошли до русского города Елецк.

Вскоре Тимур захватил Золотую Орду – его столицу Сарай и разрушил ее. Тем самым он уничтожил величие государства, которое уже много лет брало дань с Руси и стран Центральной Европы. Окончательно включив Иран в свою империю – Чагатайскую державу, он совершил три грабительских похода в Индию.

В 1398 г. он захватил город Дели – столицу Делийского султаната, и овладел его огромными сокровищами. По сообщению историков, перед захватом Дели Тимур приказал перебить 100 тыс. военнопленных.

В 1400 г. Тимур нанес поражение в Сирии египетскому султану и завладел Сирией. Это привело к недовольству османского султана, считавшего, что земли к западу от Ирана находятся под его влиянием. Оба могущественных правителя готовились к войне, и в битве под Анкарой (1402 г.) Тимур наголову разбил войска султана Баязида и взял его в плен. Позже он отпустил его.

Вернувшись в 1404 г. в свою столицу Самарканд, Тимур усердно готовился к завоеванию Китая, оставаясь верным своему принципу – «мир не стоит того, чтобы иметь двух повелителей». Вокруг своей столицы – Самарканда – он построил несколько поселений, которые назвал Султания, Шираз, Багдад, Димишк (Дамаск), Миср (Египет), желая этим наглядно продемонстриро-

вать превосходство своей империи над остальными.

Здесь уместно, на наш взгляд, рассказать о символической встрече ярких представителей (тюрка и иранца) двух соседних народов – правителя Тимура и поэта Хафиза. Легенда рассказывает о том, что к Тимуру привели Хафиза, который прочитал ему свои стихи. В одном из них Хафиз, выражая свою любовь к турчанке, заявил, что готов за нее отдать лучшие города, в том числе и Самарканд. В ответ на гневное восклицание Тимура: «Как ты смеешь так просто раздавать мои города!», поэт, поклонившись, ответил, что из-за такого расточительства он-де и дошел до нищенского состояния. Горькая, но поучительная легенда.

Тимур, носитель исламской и степной культуры, следуя своему принципу, покорил все могущественные исламские государства – Иран, Хорасан, Османскую империю, Делийский султанат, а также Золотую Орду – политический центр степняков. Оставалась Минская династия Китая, пришедшая к власти вместо монгольской династии Хубилая (по-китайски династия Юань), которая, по китайской традиции, требовала дань от Тимура. В начале 1405 г. он двинул огромное войско на восток для завоевания Китая. Однако ему не удалось выполнить своего амбициозного намерения.

18 февраля 1405 г. Тимур скоропостижно скончался в Отраре. Сразу же после его смерти началась междоусобица между его сыновьями и внуками, которые не признали преемника Тимура – его внука Пир Мухаммада. Междоусобица продолжалась до 1409 г.

Империя, созданная ценой кровопролитных войн и тотального террора, быстро распалась. В этом же 1405 г. верховным главой тимуридского дома был провозглашен Шохрух, который правил в Герате и во время вторжения в Маве раннахр эмира Худодода разбил его и освободил тимурида Халил Султана, претендовавшего на Мавераннахр.

Шохрух быстро восстановил империю, подчинив Хорасан, включая Кабул, Газни и Кандагар, где правителем был его сын Суюргатмыш, захватил Мавераннахр и назначил наместником

своего сына Улугбека, а другого сына - Ибрахим-Султана, сделал правителем Шираза. Позже (1435 г.) он нанес поражение Джохоншаху, главе туркменского объединения Кара-Куюнлу в Западном Иране, который признал себя вассалом Тимуридов. Бойсункар, один из сыновей Шохруха, более всех других усвоивший таджикскую образованность, остался в Герате, где, помогая отцу, способствовал блеску его столицы.

В период правления Шохруха (1404-1447 гг.) Чагатайское государство Тимуридов, хотя и потеряло часть своих территорий, но оно сохранило в некоторой степени свое могущество. Это государство, как и у первых чагатайцев, не было централизовано, а, как прежде, сохраняло удельное деление, из которых особенно выделялось два — владения самого Шохруха в Хорасане со столицей в Герате и владения Улугбека в Мавераннахре с центром в Самарканде. В отличие от Тимура, Шохрух проводил политику, угодную не монголо-тюркской кочевой знати, а оседлой таджикской знати, благодаря которой почти столетний период правления Тимуридов, несмотря на междоусобицы, был временем блестящего расцвета в различных областях культуры и искусства. Он не вел завоевательных войн, а принимал меры к развитию земледелия, покровительствовал торговле, уделяя большое внимание расширению международных отношений. Шохрух не отличался особыми талантами, особенно военными, отец меньше всех доверял ему войска. Не был он и выдающимся государственным деятелем, и оставался с 1397 г. наместником Хорасана. Позже мусульманские историки, склонные к панегиризму (восхвалению), стали изображать его мудрым, справедливым и победоносным мусульманским государем.

Шохрух стремился придать Герату, своей столице, особые пышность и блеск, превратив её в культурный центр своего обширного государства. В годы его правления в городе сооружались величественные здания, приглашенные ко двору правителя знаменитые писатели и историки создавали свои труды, в специальных мастерских искусные мастера каллиграфии

переписывали, а художники украшали миниатюрами великолепные рукописи.

Расцвет культуры и искусства в Герате затмил славу Самарканда времен Тимура, так как Шохрух, в отличие от отца, достигал своей цели не использованием грубой силы и угроз, а своим покровительством и щедростью (традиция Саманидов) по отношению к ученым, поэтам, музыкантам, художникам, архитекторам и представителям других отраслей. От Шохруха не отставали его властолюбивая жена Гавхаршод и сын Бойсункар.

После смерти Шохруха (1447 г.) управление всей страной перешло к Улугбеку. В Хорасане Улугбеку пришлось вступить в ожесточенную войну с несколькими другими тимуридскими царевичами. С согласия Гавхаршод, вдовы Шохруха, во главе Хорасанского войска был поставлен Абдуллатиф, один из сыновей Улугбека. Против Улугбека выступили сыновья Бойсункара Абулкасим Бобур и Алаад-даула. Первый правил Мазандараном, а второй - Мешхедом. Весной 1447 г. Алаад-даула разбил войска Абдуллатифа, взяв его в плен. После вмешательства Улугбека он был отпущен в Самарканд. Улугбек, просвещенный эмир и крупный ученый, продолжил традицию Саманидов и Тимуридов по меценатству над людьми науки и литературы.

Эта его деятельность не устраивала сторонников степной культуры, которые, объединившись с реакционным крылом мусульманского духовенства, организовали заговор. Главой заговора стал Абдуллатиф, сын Улугбека, который убил отца (1449 г.) и захватил престол. Но, спустя полгода, он сам был убит военными заговорщиками. После этого династическая война разгорелась с новой силой. Междоусобицей воспользовались кочевые узбекские племена, которые, усилившись, стали проникать в Мавераннахр и вмешиваться в политическую жизнь страны. Во многом благодаря им Абусаид, потомок Мироншаха, установил свою власть в Мавераннахре.

В период правления Абусаида (1451-1469 гг.) развитие науки и искусства сменилось усилением религиозного фанатизма и степной культуры, во многом благодаря узбекским кочевникам.

Постепенно Самарканд, Бухара и другие города стали терять значение центров передовой культуры на востоке.

Гератом в середине XV в. завладел Абулкасим Бобур, который правил Хорасаном до самой смерти. Позже Хорасан был присоединен к Мавераннахру Абусаидом. Против него начал воевать Хусейн Бойкара, тимуридский царевич, которому удалось после гибели Абусаида в Иранском походе (1468 г.) разбить наследников Абусаида, которые отказались от претензии на Хорасан и Герат. 24 марта 1469 г. Хусейн Бойкара торжественно въехал в Герат, вскоре он подчинил весь Хорасан и правил до своей смерти.

В укреплении власти Хусейна Бойкары немалую роль сыграл его выдающийся сподвижник Алишер Навои.

В годы правления султана Хусейна Бойкары (1469-1501 гг.) еще более возросла роль Герата, окончательно затмившего славу Бухары и Самарканда. Герат превратился в ведущий культурный центр мусульманского Востока.

Как пишет Захириддин Мухаммад Бабур, последний тимурид Мавераннахра, скитавшийся на чужбине и посетивший этот город, «в обитаемой части земли нет такого города, как Герат. Во время султана Хусейн мирзы вследствие его умелого управления и стараний Герат стал еще в десять и даже двадцать раз красивей и прекрасней».¹

Но это были последние дни возрождения и расцвета таджикской культуры. Начавшийся при Саманидах, этот расцвет продолжался до покорения Мавераннахра и Хорасана узбекскими кочевыми племенами. Долголетие расцвета таджикской культуры и искусства (X – XVI вв.) было обеспечено несколькими объективными положительными историко-политическими причинами:

1. Наличие крупных централизованных государств в регионе.
2. Меценатство со стороны просвещенных монархов как этнонациональной, так и чужой династии, освоивших наследие Саманидов.

---

¹ Бабурнома. - Ташкент, 1958. - С. 206.

3. Доброжелательное отношение городского мусульманского духовенства к культуре и искусству.
4. Слабость в общественно – политической жизни позиций реакционного духовенства.
5. Преобладание городской культуры над степной.
6. Процветание международной торговли (Великого Шелкового пути), как источника развития городов и финансирования культуры и искусства.

МАВЕРАННАХР И ХОРАСАН ОТ УЗБЕКОВ ДО МАНГЫТОВ

В отличие от большинства тюрко-монгольских народов, совершавших свои передвижения по территории Мавераннахра и Хорасана от степей Монголии и предгорий Алтая, узбеки явились в Мавераннахр с северо-запада, с территорий Золотой Орды. Их предки (как и предки казахов) пришли туда во времена появления этого государства (Золотой Орды) также с далекого северо-востока Азии.

Вызванный походами Тимура упадок экономической (особенно торговой) деятельности Золотой Орды, способствовал и политическому раздроблению ее территорий. На северо-западе усилилось и постепенно приобретало независимость Московское государство. На нижнем и среднем течении Волги образовались Астраханское и Казанское ханства, на юго-западе появилось Крымское ханство. А Хорезм, южная часть Золотой Орды, перешел во власть Тимуридов. К востоку от Волги до Западно-Сибирской низменности (Туркестан или Дашти кипчак) обособилась в отдельную кочевую страну так называемая, Белая Орда, где правили полунезависимые династии монголов, родственных ханам Золотой Орды.

Границы обширного государства Белой Орды можно определить лишь приблизительно – от Волги на западе до р. Иртыш на севере –востоке, части Чагатайского улуса (государства), носившего в XIV-XV вв. название Могулистан.

Точные границы установить не представляется возможным, так как оба эти государства были населены кочевниками-скотоводами, постоянно совершавшими свои перекочевки и не соблюдавшими строго каких-либо политических границ.

Также трудно говорить о точных границах на юге. Здесь это государство соприкасалось с западной частью Чагатайского улуса, где правили Тимуриды. Можно лишь указать, что Сырдарья являлась, как и в прежние времена, естественной границей между ними.

В этом обширном пространстве было лишь несколько населенных пунктов, среди которых выделялись Сауран, Сыгнак и Туркестан, расположенные в низовьях Сырдарьи, ближе к культурным центрам Мавераннахра. Центром Белой Орды был город Сыгнак.

Видное место среди ханов Белой Орды занимал Эрзенхан, сын и преемник Сасы-Буки, современник знаменитого золотоордынского хана Узбека (1312-1340 гг.). Эрзенхан был посажен на престол Узбеком, верным вассалом которого он себя считал.

Подобно хану Узбеку, Эрзенхан заботился о распространении среди своих поданных ислама и строил с этой целью мечети и медресе в Сауране, Отраре, Дженде и других городах в низовьях Сырдарьи. Возможно, за эти услуги он получил мусульманское имя Муборакшах, так как по таблицам «Мусульманских династий» Лэн-Пуля, в 1320-1344 гг. в Белой Орде правил хан Муборак-ходжа.

После его смерти на престол взошел его сын Чимтай (1344-1361 гг.), современник и вассал хана Джанибека (1340-1351 гг.) и нескольких часто сменяющихся ханов Золотой Орды.

Часть враждующих между собой эмиров Золотой Орды приглашала на престол Чимтая, но он не соглашался.

Преемником Чимтая на престоле Белой Орды стал его сын Урус-хан (1361-1375 гг.), который, в отличие от отца, активно включился в междоусобицу в Золотой Орде. Урус-хан стал первым правителем, которому удалось объединить под своей властью Золотую и Белую Орду.

Во время его правления правитель Мангышлака оказал неповиновение и был убит, а его сын - Тохтамыш, будущий последний выдающийся хан Золотой Орды, сбежал к Тимуру. Тимур помог Тохтамышу в борьбе за власть в Золотой Орде, где вскоре началась борьба между Урусханом и его преемниками.

Тохтамыш, захватив и укрепив власть в Золотой Орде, оказал неповиновение Тимуру. Тимур совершил поход против Орды, и экономическая мощь ее пришла в упадок.

Теперь, постепенно утратив всякие связи с Золотой Ордой, находящейся в агонии, ее восточная часть - Белая Орда, вступила в более тесные взаимоотношения с Мавераннахром, снабжавшим продукцией высокоразвитого ремесленного производства степные районы Белой Орды.

Вместе с тем кочевники, учитывая политическую слабость Тимуридов, погрязших в династийной борьбе и междоусобице, при всяком удобном случае совершали нападения на их пограничные области. Захват кочевниками в 1405 г. Хорезма явился началом той упорной борьбы, которая началась между узбекским кочевым населением и тимуридскими правителями Чагатайского государства, и через сто лет эта борьба закончилась полной победой узбеков.

Этнический состав населения Золотой Орды (включая ее восточную часть) был разнообразен. Источники XIV в. называют много племен тюрко-монгольского происхождения: кипчаки, мангыты (восточная ветвь ногаев), кенегесы, кунграты, бебрики, найманы, джелаиры, уйшуны, хитай и др.

В качестве общего этнического термина, которым обозначалась масса золотоордынского кочевого населения, независимо от его родоплеменной принадлежности, употреблялось слово «узбек». Известный историк Тимура, Шарафиддин Али Йезди, рассказывая о посольстве 1397 г. от золотоордынского хана Тимур Кутлуга, называет прибывших послами узбеков.

Таким образом, можно считать, что термин «узбек» употреблялся иранскими и таджикскими историками во время правления Тимура и его преемников относительно массы золото-

ордынского тюркоязычного населения. В связи с этим и весь улус Джучи (Золотая Орда) назывался узбекским. Происхождение слова «узбек», по-видимому, (по Казвини), связано с именем Узбека, хана Золотой Орды, первым сделавшим ислам государственной религией своего государства. Этим «богоугодным делом» он особенно запомнился средневековым мусульманским историкам. Уже в 1416 г. началась борьба между правителем Чагатайского государства Улугбеком и узбеками Белой Орды за господство в низовьях Сырдарьи. Поводом для вмешательства Улугбека послужило прибытие в Самарканд одного из внуков Урусхана, Барака, который просил его оказать ему помощь против врагов.

Однако позже, утвердившись на престоле с помощью Улугбека, Баракхан начал предъявлять претензии на территории в низовьях Сырдарьи. Улугбек снова в 1426-1427 гг. начал поход против узбеков. Поход закончился полным разгромом войск Улугбека вблизи Сыгнака. Узбеки, преследуя тимуридские войска, проникли в глубь Мавераннахра, где произвели грабежи.

В отличие от Баракхана, занявшего узбекский престол с помощью посторонней силы, Абулхайр был избран на ханство при участии и поддержке господствующей верхушки узбекских племен. Местом избрания Абулхайра на ханство стал город Тура (Сибирь).¹ Узбекский хан Абулхайр (1428-1468 гг.) сумел в течение короткого времени подчинить себе весьма обширную территорию и удерживать ее длительное время, благодаря своим верным нукерам. *Институт нукерства* являлся основой ханской власти. Ханскими нукерами (дружина) становились разоренные войной кочевники, для которых военное ремесло становилось единственным источником существования. В качестве ханского слуги нукер получал лошадь, а также при благоприятных условиях наделялся скотом. В случае удачи каждый из нукеров получал часть военной добычи. Ханскими нукерами становились также некоторые предводители (беки, беи) отдельных племен, терпящие насилие со стороны более сильного соперника-соседа.

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992. — С. 673.

К концу 40-х годов XV в., несколько усилившись и воспользовавшись очередными смутами после смерти Шохруха, Абулхайр предпринял поход в Самарканд.

Не сумев овладеть хорошо укрепленным Самаркандом, Абулхайр ограничился ограблением окрестностей города и ушел обратно. Вскоре он вновь вторгается в Мавераннахр, причиной чему послужило обострение борьбы за власть в Чагатайском государстве после убийства в 1449 г. Улугбека.

Приглашенный на помощь Абусайдом, одним из претендентов на власть в 1451 г., он появляется под Самаркандом. Здесь он наносит поражение правителю Абдулле и помогает Абусaidu занять ханский престол, после чего с богатыми подарками и добычей возвращается снова в степь.

В Дашти Киичаке (современные степи Казахстана) у Абулхайра остались враги, среди которых особо выделялись сыновья его соперника Бараххана – Гирей и Джанибек.

Они, не имея возможности продолжать борьбу с Абулхайрханом и поддерживавшей его весьма значительной группой племенной знати, со своими родственниками и приверженцами вынуждены были в 50-х годах XV в. покинуть кочевое государство Абулхайра и переселиться в Могулистан, где правил Эсен-Бука-хан, один из потомков Чагатая. Такая откочевка населения из-под верховной власти неугодного хана являлась у кочевников своеобразной формой протеста против насилия. Хан Эсен-Бука радушно принял Гирея и Джанибека и предоставил им кочевья в долине реки Чу. После этого Гирей был объявлен ханом над всем подвластным ему населением, являясь вассалом хана Могулистана. Постепенно вокруг него стали собираться все «знатные лица», недовольные отношением к себе Абулхайра, со своими племенами или частью этих племен.

В это время (1468г.) распалось и узбекское государство Абулхайра, сразу после его смерти, так как его западная часть тяготела к низовьям Волги (Астраханское ханство), но восточная была тесно связана экономически с оседлыми оазисами Мавераннахра. Вскоре после смерти Абулхайра был убит и его сын и наследник Шайх-Хайдар-хан, что вызвало обострение борьбы

внутри степной знати за раздел территории.

Население начало разбегаться в разные стороны, часть его бежала в поисках безопасности во владения Гирея и Джанибека. Их стали называть «казахами» (собственно «казаки»), так в средневековой исторической литературе слово «казах» стало применяться к человеку, «отделившемуся от своего государства, племени и рода и принужденному вести жизнь искателя приключений».

Это слово «казах» относилось и к ханам Гирею и Джанибеку, а затем к большей части сгруппировавшихся около них людей, которые были беглецами, ушедшими от своих владык и одно время скитавшихся без приюта. В дальнейшем первоначальная этимология слова «казах» была утрачена, и слово приобрело значение этнического названия.

Этнический состав казахов и узбеков не имел особенно резких различий. В состав казахов и узбеков в значительной части входят одни и те же тюркоязычные племена, составлявшие массу населения кочевого «государства» Абулхайра (кипчаки, кунграты, найманы, уйшуны и много других). Различия наблюдаются отчасти в том, что удельный вес отдельных племен у обоих народов оказывается различным.

В то время значительная часть узбекских племен объединяется вокруг внука Абулхайра – Шейбанихана, и под его предводительством овладевает в начале XVI в. земельными оазисами Мавераннахра и Хорасана, начиная постепенно переходить здесь к оседлости и земледелию. Самоназвание племени распространяется на местное тюркское население. Казахи же под управлением ханов своей династии продолжают по-прежнему размещаться в степях, постепенно расширяясь на северо-запад и ведя жизнь скотоводов-кочевников.

Шейбани родился в 1451 г. еще при жизни своего деда. Он обладал исключительной энергией и большими военными и организаторскими способностями. Начавшиеся смуты после смерти деда, вынудили молодого Шейбани искать безопасности в Астрахани у Касым-Султана, племянника хана Золотой Орды Ахмеда. Однако вскоре Ахмедхан напал на Астрахань, и

Шейбани пришлось спасаться бегством. Собрав вокруг себя некоторое число нукеров Шейбани вступил в упорную борьбу с казахскими ханами за обладание низовьями Сырдарьи, которая в самом конце XV в. завершается его победой.

После этого Шейбани вторгся в Мавераннахр и направился в Самарканд. В это время Самаркандом правил Султон Али, племянник Абусаида, который возглавлял оборону Самарканда. После длительной осады войска Шейбани овладели городом (зима 1499/1500 гг.), и правитель был казнен.

Постепенно к узбекам переходят Бухара, Ташкент, Фергана, Дабусия, Каракуль и другие города и поселения. Наиболее активное сопротивление завоевателям оказывают *тарханы* (владельцы земельных уделов, пожалованных им за отличие на «вечное пользование» Тимуром и преемниками) вместе с представителями высшего духовенства. Обычная жизнь городов после занятия его узбеками не изменилась. Возможно, простые жители, в отличие от знати, не очень страдали от частой смены власти. Так как завоеватели тоже исповедовали ислам, население, надеясь на то, что новая власть создаст централизованное государство, прекратило междоусобицы и смуту и не принимало участия в смене власти. Даже Бабур, враг Шейбанидов, в своих мемуарах не сообщает о каких-либо восстаниях народа.

Однако вскоре недовольное духовенство Самарканда приглашает тимурида, правителя Ферганы, ведущего борьбу с завоевателями, в город. Бабур внезапно захватил город и вырезал узбекский гарнизон (500 человек). Падение Самарканда послужило сигналом к восстанию других захваченных городов. Население Карши, Дабусии и Гузара восстало, возглавленное прежними правителями. Однако восстание было подавлено, а Бабур, выйдя из осажденного Самарканда, направился в сторону Хорасана. Правитель Хорасана Хусейн Байкара, считавшийся главой тимуридского дома, занятый борьбой со своими сыновьями и вассалами, ничего не предпринимал для помощи тимуридам Мавераннахра. Укрепив свою власть в Самарканде, Шейбанихан одерживает затем победу над могулистанскими ханами,

родственниками, союзниками Бабура, угрожавшими Ташкенту и Фергане. После этого он подчиняет себе Гиссар, владения Хисрав-шаха, вассала тимуридов, кипчака, с прилегающими горными районами. Вскоре узбекские войска перешли Амударью и захватили город Кундуз. Наиболее упорное сопротивление войска Шейбанихана встретил и в Хорезме (1505 г.), где правил наместник Хусейна Байкары, опиравшийся на туркменскую конницу. Одновременно с завоеванием Хорезма узбекские войска продолжали военные действия на левобережье Амударьи. Только в начале 1506 г. султану Хусейну Байкаре удалось, помирившись с сыновьями, собрать крупные войска и выступить в поход против Шейбани. Но в пути престарелый правитель, страдавший плохим здоровьем, 5 мая 1506 г. скончался, и поход прервался.

На гератский престол эмиры возвели одновременно двух его сыновей: Бадиаззамона и Музаффара Хусейна. Государи-соправители клятвой на Коране скрепили свое единение. Однако отсутствие единства среди тимуридов оказалось губительным.

Вскоре узбекские войска совершили набег в сторону Мургаба. Отдельные отряды, доходя до Бадгиса, опустошили местности.

Шейбани отправил письмо, в котором требовал повиновения гератских правителей. Когда последние готовились к войне, сам Шейбани осадил Балх. Пока гератские правители стягивали войска и спорили, как воевать с узбеками, голод заставил защитников Балха сдаться Шейбани. Узбеки разграбили город, Шейбани, осторожный и опытный вождь, посчитал благоразумным уклониться от сражения с объединенными силами тимуридов, где особенно выделялись их упорные противники Захириддин Бабур, ставший правителем Кабула, и Зунун-бек Аргун, потомок монгольских ильханов. Он отвел войска назад (в Мавераннахр) под предлогом ухода на зимовку.

Разногласия между тимуридами в очередной раз помешали им использовать свои возможности. Вместо предложения Зунун-бека Аргуна немедленно начать поход в Мавераннахр, было решено отложить военные действия до весны.

Этим и воспользовался Шейбани, который в мае 1507 г. переправился у Керки через Амударью, и его передовые отряды 17 мая появились около Герата. Войск в столице было мало, только Зунун Аргун с небольшим отрядом выступил против них, но погиб в бою. Последние хорасанские правители бежали из Герата. Музаффар Хусейн бежал в Астрабад, оставив свою семью на произвол судьбы. Туда же позже прибыл и Бадиаззамон.

Герат, покинутый правителями и войсками, по решению духовенства и сановников был сдан завоевателю без боя. Шейбани получил от жителей города большую контрибуцию (выкуп) и разрешил воинам в течение нескольких дней грабить город.

В последующий довольно короткий промежуток времени Шейбани нанес окончательное поражение наследникам Хусейна Байкары и подчинил себе все области Хорасана от Кандагара до Мешхеда. Музаффар Хусейн умер до его похода в Астрабаде, а Бадиаззамон бежал в Османское государство и умер в Стамбуле.

Все завоеванные области Мавераннахра и Хорасана были распределены между родственниками и отличившимися полководцами Шейбанихана. Это, конечно, привело к недовольству определенной части правящей верхушки узбекских племен. Результатом этих разногласий явились ослабление военной мощи завоевателей и наступившие вслед за этим их временные неудачи.

Шейбани в 1510 г. встретил опасного соперника в лице молодого иранского шаха Исмаила (1502-1524 гг.), опиравшегося на тюркские кызылбашские племена, исповедующие шиизм. Шах Исмаил, основатель Сефевидского (или Кызылбашского) государства Ирана (европейские источники называли Сефевидское государство Персией), собрав воедино распавшиеся государства Ак Коюнлу и Кара Коюнлу и вассальные владения, стал претендовать на гегемонию в Хорасане. В сражении под Мервом (1510 г.) кызылбаши отошли назад, сделав вид, что отступают. И Шейбани совершил ошибку, непростительную для такого опытного полководца. Он, не дожидаясь подхода подкрепления из других владений, вышел из города, попал в окружение и погиб.

Весь Хорасан перешел под власть Исмаила, который, готовясь в поход в Мавераннахр, пригласил правителя Кабула Захириддин Бабура принять участие в нем. Участие Бабура способствовало успеху похода, в котором он вернул Самарканд (1512 г.). Однако грабежи кызылбашей, а также их шиитская проповедь привели к быстрой утрате симпатий населения Мавераннахра к Бабуру и поддерживающих его кызылбашских беков. Убайдулло-хан, племянник Шейбани, с небольшим трехтысячным отрядом вторгся в Бухару и нанеся решительное поражение войскам Бабура, захватил Самарканд, на этот раз навсегда. Шах Исмаил в помощь Бабуру отправил 60-тысячную армию во главе с полководцем Яр Мухаммадом Хузани (Наджми сони), который своими бесчинствами, вместе с Бабуrom, восстановил против себя все население Мавераннахра. Их объединенные силы захватили Карши, население которого было перебито. Около Гиждувана (вблизи Бухары) они встретились с узбекскими войсками Убайдулло-хана и потерпели жестокое поражение. Яр Мухаммад Хузани и многие другие кызылбашские полководцы погибли. Бабур бежал в Кабул, окончательно отказавшись от претензий на тимуридские владения в Мавераннахре. Прибыв в Кабул, он обратил свои помыслы на борьбу с афганскими (пуштунскими) племенами, усилившуюся в эти времена смуты и стал готовиться к походу в Индию, где также правила афганская династия (Лоди).

Шейбаниды восстановили свою власть в Мавераннахре. Вне власти Шейбанидов остался только Хорезм, где продолжали еще держаться наместники шаха Исмаила. Около 1511 г. знатные жители Хорезма, во главе с духовенством, недовольные правлением шиитских наместников, призвали к себе одного из степных узбекских ханов Ильбарса, который овладел всей страной (Хорезмом) и стал родоначальником династии (независимой от Шейбанидов), которая правила свыше двухсот лет.

Таким образом, завоевание Мавераннахра узбекскими племенами и присоединение Хорасана к Сефевидскому Ирану положили конец многовековой историко-культурной общности таджикских земель (наследие Арианы). Этот раздел единой

культурно-исторической общности таджикских земель (Ариана-Мавераннахр и Хорасан) коренным образом отличался от предыдущих по следующим причинам:

- до раздела в Мавераннахре и Хорасане доминировала развитая городская таджикская мусульманская культура, которая, взаимодействуя с культурой завоевателей, обогащалась сама и сильно влияла на культуру кочевников. Таким образом, создавалось этническое единство. Эта культура превосходила достижения народов других частей мусульманского Востока;

- после раздела из-за различий в официальной религии государств в Мавераннахре доминировал суннизм, который в Хорасане оказался оппозиционным шиизму, государственной религии Сефевидского Ирана, присоединившего Хорасан;

- распад торгово-экономического единства Мавераннахра и Хорасана, находящихся на оживленном перекрестке мировых торговых (сухопутных) путей, привел к превращению их в периферийную зону. Хорасан оказался восточной периферией Ирана, а Мавераннахр был приобщен к Дешти Кипчаку, а впоследствии - к России, обретшей гегемонию на Евразийском континенте. Кабул, Систан, Газни, Кандагар и другие прилегающие таджикские земли оказались западными перифериями государства Великих Моголов, у которых Дели и прибрежные города-порты занимали лидирующую позицию;

- если после распада оппозиционность религии (точнее, религиозного направления) сковывала дальнейшее развитие Хорасана, то в Мавераннахре победа степной культуры над городской культурой была выражена в доминировании «деревенских шейхов» (Ходжа Ахрор у последних тимуридов и джуйбарские шейхи у узбекских племен) и дервишских орденов, которые, в отличие от традиционно городского духовенства покровительствующего науке и искусству, стали предпочитать только благочестие и суровость религии;

- некогда великая река Амударья, играющая притягательную роль для этой общности, теперь стала разделять эту общность, по ней стали определять политическую карту последующих государственных образований.

Поэтому в нашем исследовании далее мы больше внимания уделяем началу (истоку) и правобережью Амударьи, где в настоящее время образовался независимый Таджикистан. Но это не означает, что мы игнорируем политическую историю других территорий, населенных таджикским народом.

Таким образом, уже в 20-е годы XVI в. все тимуридские владения в Средней Азии оказались под властью узбекских ханов - бухарских и хивинских. Бывшие хорасанские владения тимуридов отошли к Ирану.

Существующий при тимуридах взгляд на государство, как на частную собственность правящего дома, продолжал сохранять свое значение и при новых династиях, представителях степной культуры. Государство было разделено на уделы между представителями ханского рода (вроде пастбищ у степняков). Власть главы династии - хана часто являлась номинальной, так как каждый из его родственников управлял своим уделом независимо. Поэтому всякий раз централизаторские устремления верховной власти, в конечном итоге, заканчивались провалом, так как сепаратизм местных владетелей был настолько силен, что только сильным правителям удавалось на короткое время установить верховную власть. Удельная раздробленность пронизывала все области общественно-политической жизни общества. Институт земельных пожалований, существовавший до тимуридов (икта) и при тимуридах (суюргаль, тиюль), получил при узбекских ханах наибольшее развитие, явившись одним из факторов феодальной раздробленности Мавераннахра.

Таким образом, столетнее правление узбекских ханов рода Шейбани можно разделить на три этапа.

Первый этап (1507-1539 гг.) характеризуется относительным спокойствием внутри страны. Хотя удельные владетели были совершенно самостоятельны, внешнее признание единства государства соблюдалось строго.

Это способствовало проведению денежной реформы Шейбани-ханом, которая была оглашена сразу после взятия Герата (1507 г.) в пятничном намазе в мечети. Согласно реформе, серебряные монеты стали чеканить от имени одного человека (от имени Шейбани-хана). Эти монеты везде имели одинаковый вид, одинаковый вес и одинаковую пробу. Денежная торговля, таким образом, была унифицирована и стабилизирована. Последующие междоусобица и борьба с Бабуром несколько дестабилизировали денежное обращение, что потребовало проведения очередной реформы, которую провел хан Кучкунчи (1513-1533 гг.).

Узбекские ханы стремились вернуть Хорасан. Всего в это время было предпринято восемь походов. Инициатором их был Убайдулло-хан, сначала владетель Бухары, позже - хан всего Мавераннахра (1533-1539 гг.). Однако походы были неудачными и оканчивались кратковременными овладениями такими крупными городами, как Герат (три раза), Мешхед (четыре раза), Нишапур и др. Все они сопровождались грабежами населенных пунктов.

Второй этап (1539-1583 гг.), наставший после смерти Убайдулло-хана, характеризуется междоусобицей и смутами, в результате которых общегосударственное денежное обращение нарушилось, монеты чеканились, как прежде, от имени местных владетелей, но враждующие группировки провозглашали своих ханов, чем нарушали внешние формы государственного единства.

В это время заметно выделился Абдулло-хан, сын владетеля Мианкаля (район между Самаркандом и Бухарой) Искандара, который, в отличие от сына, старался держаться в стороне от большой политики. Абдулло-хан при активной помощи дервишских шейхов Джуйбари захватил власть в Бухаре (1559 г.), которая стала столицей государства. Ввиду своей молодости Абдулло-хан не считал целесообразным объявить себя ханом и посадил на трон сначала дядю Пир-Мухаммада, владетеля Балха, затем своего отца Искандар-хана (1561-1583 гг.), а на себя взял обязанности командующего всеми военными силами. С этого времени Абдулло-хан усиленно вел борьбу с другими султанами (хозяевами уделов) за централизацию власти. В этой 20-летней

борьбе он никого не щадил, методично уничтожая врагов и захватывая их города-уделы: в 1573 г. — Балх, 1574 г. — Гиссар, 1578 г. — Самарканд, в 1582 г. — Ташкент.

Во время правления Искандар-хана к нему бежал астраханский (Аштархан) хан Ёрмухаммад со своим сыном Джонибеком, после присоединения Иваном Грозным Астрахани к Русскому государству (1556 г.). Ёрмухаммад был последним аштарханидским ханом, потомком тех чингизидов, которые после распада Золотой Орды образовали ханство в Астрахани. Искандар-хан хорошо принял их и породнился с Джонибеком, выдав за него замуж свою дочь (от которых позже взяла свое начало новая династия — Аштарханиды или Джаниды в Мавераннахре).

Третий этап (1583-1598 гг.) в истории Шейбанидов начинается с момента, когда Абдулло-хан, объединив страну и сосредоточив в своих руках власть, провозглашается ханом.

Этот последний этап правления узбекских ханов характеризуется относительной централизацией власти, нормализацией хозяйственной жизни страны, удачными военными походами, расширившими границы государства.

Абдулло-хан не мог уничтожить удельного устройства государства, но при нем владельцы уделов фактически превратились в наместников. Это было крупным политическим успехом, имевшим ряд важных экономических последствий:

- унификация денежного обращения дала толчок к оживлению и развитию внутренней и внешней торговли. Предшествующий этому этап смуты, сопровождавшийся махинациями в чекане монет и обращении денег в удельных городах, действия удельных властей привели к появлению официального и рыночного курса, что тормозило торговлю.

Абдулло-хан сократил число монетных дворов, обеспечил равное обращение денег по всему государству, строго проверял деятельность монетного чекана и его пробу;

- строительство крупных ирригационных сооружений, которые могли быть реализованы с привлечением крупных ресурсов и централизованно. Сооружение крупных оросительных каналов, освоение целинных земель естес-

твенно привели к увеличению продукции сельского хозяйства, являющейся ведущей отраслью хозяйства в государстве.

Все эти успехи внутренней политики подтолкнули к активизации внешних сношений Шейбанидов, где наравне с внешней торговлей стали доминировать и завоевания.

Абдулло-хан, как и все его предшественники, утвердившись в Мавераннахре, стремился к расширению своего государства (в первую очередь, в сторону Хорасана). Еще 1584 г. он завоевал Бадахшан и ликвидировал власть последнего тимуридского правителя. Вместе с Бадахшаном были подчинены Куляб и ряд прилегающих районов.

В 1585 г. Абдулло-хан отправляет посольство в Индию, к Акбару Великому (1556-1605 гг.), императору Могольской империи, чтобы договориться о координации действий против Ирана (шаха Аббаса (1587-1628 гг.) и его преемника. Приступая к завоеванию Хорасана, он в первую очередь думал о спокойствии на границах своего государства. Приняв в 1587 г. ответное посольство от Акбара Великого, он в следующем году захватил Герат. Затем были завоеваны Мешхед, Нишапур, Исфераин, Сабзавар и другие, однако узбеки прочно владели только восточной частью Хорасана (Мешхед и Герат). В результате нескольких походов (7) он овладел Хорезмом и Ташкентом на севере.

Однако в 1586 г. наблюдается проникновение в Каратегин киргизов, живших тогда в Тянь-Шане в пределах Могулистана и вытесненных оттуда калмыками (ойратами).

К началу XVI в. относятся первые сведения о киргизах в восточных пределах Мавераннахра. В средние века киргизы жили на Енисее (по-киргизски «Эне сай - Мать-река»), откуда они постепенно передвинулись на юго-запад, и к началу XVI в. разместились в долине реки Или (озера Иссык-Куль). Свою новую родину киргизам приходилось защищать от нападений правителей соседнего Могулистана, а также казахских ханов. К середине XVI в. киргизы временно создают военно-политический союз с казахами (против правителей Могулистана), но вскоре этот союз распадается и в последующее время больше не восста-

навливается. Основным занятием киргизов традиционно было скотоводство. Позднее они под натиском ойратов переселяются из Могулистана к западу и обосновываются на тех местах, где живут и поныне.

В 1594 г. Абдулло-хан организовал внезапное нападение на Яркенд, столицу Могулистана, ослабленную междоусобицей между двумя ветвями ордена ходжагон (восточная ветвь накшбандия – основатель ордена Махмуди Азам (Ахмад Косони). Однако нападение было отбито.

К этому времени (XVI в.) также относятся первые сведения о появлении на северо-западе Мавераннахра каракалпаков. В конце правления Абдулло-хана они занимали территории низовья Сырдарьи, на севере Хорезма. Несмотря на территориальную близость с казахами, каракалпаки сохранили свой язык, политическую обособленность и некоторые хозяйственно-бытовые особенности.

После смерти Абдулло-хана в начале 1598 г. на бухарский престол вступил его сын Абдулмумин, который, будучи слабым человеком, не мог удержать государство узбеков, и был убит бывшими приближенными своего отца.

Со смертью Абдулмумина узбекская династия Шейбанидов прекратилась, так как мужское потомство правящего дома было уничтожено этим последним правителем. Власть фактически переходит в руки удельных правителей – племенных вождей – биев.

Обширное государство Абдулло-хана дробится на отдельные части. Иранский шах Аббас I изгоняет узбекских наместников из Хорасана, но ему не удается подчинить Балх. Хивинская узбекская династия при поддержке шаха Аббаса снова возвращает себе власть над Хорезмом и прилегающие районы, населенные туркменами.

Казахский шах Таваккал, сумевший объединить казахские племена, захватывает Ташкент и даже пытается овладеть Самаркандом (1599 г.).

ГОСУДАРСТВО АШТАРХАНИДОВ

В чрезвычайно напряженной обстановке в Бухаре, превратившейся в политический центр Мавераннахра, воцаряется новая династия, ведущая свое происхождение от последних ханов Астрахани, чингизидов Ёрмухаммада и его сына Джонибека, породнившихся с узбекским правящим домом. Динмухаммад Аштарханид, возведенный на престол узбекской знатью и духовенством, выйдя из своих владений, Абиверда, направился в Бухару, но был убит по дороге, так и не успев дойти до неё. Вместо него был возведен на престол его брат Боки Мухаммад (1599-1605 гг.). Аштарханиды вернули Балх, который и стал уделом и резиденцией наследников престола.

Еще более значительных успехов во внутренней и внешней политике Аштарханиды достигли при Имомкули-хане (1611-1642 гг.), который, победив в междоусобице своих родичей, длившейся более 5 лет, после смерти своего предшественника начал войну с соседями.

Он начал войну с казахами, которые, захватив Ташкент, стали совершать набеги. Имомкули-хан отнял у казахов Ташкент и предпринял походы для усмирения казахских, каракалпакских и калмыцких племен, дойдя до низовий Сырдарьи.

При Имомкули-хане его брат Нодир Мухаммад с сыновьями владел Балхом и подчинялся Бухаре. Когда ослепший Имомкули-хан (1642 г.) отказался от престола, его занял Нодир Мухаммад (1642-1645 гг.). В его правление опять усилился сепаратизм местных властей, которые организовали заговор против хана. Тем временем, используя междоусобицу, казахи, осмелившись, напали на Худжанд. В результате заговора бухарский престол перешел к сыну Нодир Мухаммада Абдулазиз-хану (1645-1680 гг.). Нодир Мухаммад вынужден был вернуться в Балх. Но и здесь он не чувствует себя в безопасности, так как Абдулазиз-хан назначил своего брата Субхонкули правителем Балха и отправил его туда с большим войском. Нодир Мухаммад, утратив поддержку со стороны жителей Балха, окончательно разоренного в междоусобицах, был отправлен в вынужденное паломничество в Мекку, но по дороге умер (1651 г.).

В это время усиливается Хивинское ханство. Хан Абдулгази (1643-1663 гг.) и его преемник Ануша-хан (1663-1687 гг.) предприняли опустошительные набеги в глубинные местности Мавераннахра, доходя до Бухары. О тогдашнем положении двора государства, некогда великого и славного, красноречиво свидетельствует следующий факт: когда хан Абдулгази задумал написать свое генеалогическое родословие, при дворе не нашлось ни одного человека, который бы знал письмо, поэтому хану, пробывшему десять лет в Иране и обучавшемуся там, пришлось самому писать свое родословие.

Набегами хивинцев воспользовался брат правителя Субхонкули, который вынудил после ряда столкновений своего престарелого брата уступить ему власть.

Новый правитель Мавераннахра Субхонкули-хан Аштарханид (1680-1702 гг.) также не мог преодолеть сепаратизм удельных владетелей, поэтому выбрал политику лавирования в борьбе против одного эмира (или султана), используя другого. Он изгнал хивинцев из Мавераннахра и взыскал большую контрибуцию с самаркандцев (как с побежденного врага) за добровольное признание власти хивинского хана. Многие эмиры (вожди узбекских племен) покинули Бухару и ушли к своим племенам (в Худжанд, Гиссар и другие места). Они не желали подчиниться центру.

Тем временем Субхонкули-хан назначил правителем Балха преданного ему *аталыка* (самый высший чин – первый министр Аштарханидов) Махмуд-бия и тем самым укрепил верховную власть в Балхе.

Махмуд-бий совершил из Балха в Бадахшан поход с целью полного подчинения этой области бухарским ханам. Отношения между Бадахшаном и Бухарой начали портиться еще в середине XVII в. После того как бухарские ханы завладели долиной Кундуза, они начали совершать набеги на территории Бадахшана. Бадахшанцы, избрав своим правителем Ёр-бека, стали оказывать упорное сопротивление. Непосредственной причиной похода Махмуд-бия был отказ Ёр-бека допустить бухарцев к разработке знаменитых рубиновых камней в

Бадахшане. Бухарские войска несколько раз осаждали город Файзабад, столицу Бадахшана, но не смогли взять его. Но все-таки Махмуд-бию удалось заключить договор с Ёр-беком, согласно которому он признал себя вассалом Бухарского хана и обязался сдавать хану добытые в течение двух лет рубины.

Фактически Ёр-бек оставался независимым правителем Бадахшана, и управлял страной самостоятельно.

В это время правитель Балха Махмуд-бий становится более независимым, проявляя неповиновение Бухаре. Субхонкули-хан опасался его чрезмерного усиления и добился его изгнания в Кундуз. Правителем Балха был назначен внук хана Мухаммад Муким-султан.

Субхонкули-хану также удалось добиться назначения правителем Хивинского ханства своего ставленника. Но его внешнеполитические успехи не изменили главного – внутреннего неустойства.

Последние годы правления Субхонкули-хана характеризуются усилением сепаратизма знати узбекских племен, междоусобицей племен и ослаблением ханской власти. Правление этой династии, как и прежней, чередуется этапами относительной стабильности и внутренними неустойствами и смутой. Но вторая тенденция усиливается. Междоусобная война вынудила Субхонкули-хана выступить с армией против собственных городов – против Самарканда, Гиссара, Термеза, Шахрисабза. Таким образом, верховная власть (власть хана) также участвует в междоусобной войне, порождая большие беспорядки и смуты в некогда цветущей стране.

После смерти Субхонкули-хана власть перешла к Убайдулло-хану (1702-1711 гг.), сделавшему попытку укрепить ханскую власть и пресечь своеволие крупных феодалов и племен. Тем временем правитель Балха Мухаммад Муким-султан объявил себя самостоятельным государем, вызвал из Кундуза Махмуд-бия (аталыка) и поручил ему командовать войсками. Тем самым фактическая власть перешла к Махмуд-бию, который вскоре убил Муким-султана и провозгласил себя ханом.

Под предлогом мести за своего племянника Убайдулло-хан

двинул войско в Балх. Война продолжалась 5 лет.

В конце концов, посланные против Махмуд-бия войска из-за сочувствия ему военачальников не пошли дальше Карши, и хан был вынужден пойти на уступки Махмуд-бию и предоставить ему полноту власти в левобережных владениях Бухары (Бадахшан, Балх, Кундуз, Шибирган, Маймене и др.), сохранив за собой лишь номинальную верховную власть.

Одновременно Убайдулло-хан, как и его предшественник, вел борьбу то против племени юз в Самарканде и Гиссаре, то против других племен в Шахрисабзе, Термезе и других землях ханства.

Он, в отличие от предыдущих правителей, сначала не использовал монетный чекан как источник пополнения казны, путем снижения на 5-10% пробы серебра. Хан даже наоборот, укрепил положение серебряной танги, повысив содержание серебра в ней до 36%. Зато в решительный момент, когда казна стала пополняться, собранную сумму решил сразу учетверить: тайно из каждой танга отчеканили четыре (по 9% серебра), а потом приравняли их курс. Но такая реформа потерпела крах. Купечество и ремесленники Бухары выразили недовольство этим мероприятием и в знак протеста закрыли свои лавки. В Бухаре прекратилась торговля, несмотря на угрозы хана (приказ казнить каждого, кто не откроет свои лавки).

Жители города подняли восстание и потребовали восстановить прежнее положение.

Попытка Убайдулло-хана отнять у дервишских орденов часть их огромных земельных владений лишила его поддержки духовенства. Посягательство на «святое» - земельные угодия духовенства, идеологической опоры государства, переполнила терпение эмиров, которые организовали заговор и убили Убайдулло-хана.

При последнем Аштарханиде Абулфайз-хане (1711-1747 гг.) центральная власть окончательно утратила свое влияние, и ханство распалось на части. Управление страной полностью перешло в руки аталыка Мухаммада Хаким-бия, опиравшегося на знать воинственного мангытского племени. Даже чины и

должности распределялись без ведома хана. В Фергане один из эмиров племени *минг* – Шахрухбий – основал самостоятельное владение (позже Кокандское ханство). То же произошло в Бадахшане и Балхе.

В это время ослабления Аштарханидского государства в Хорасане (и Иране) произошли серьезные военно-политические процессы с далеко идущими последствиями.

После создания Бабуrom и его преемниками империи Великих Моголов (1526-1707 гг.) в его владения, кроме индийских земель, входили территории к югу от Хиндукуша – Кабул, Герат, Газни, Нангархар, Систан и Кандагар. Именно область Кандагар, населенная таджиками, занимающимися торговлей, первой из таджикских областей (на юг от Хиндукуша) попавшей под контроль афганцев (пуштунов), стала яблоком раздора между могущественными государствами той эпохи – Сефевидским Ираном и Могольской империей.

В XVI – первой половине XVII в. Кандагар несколько раз переходил из рук в руки. В 1649 г. город был захвачен войсками сефевидского шаха Аббаса II (1642-1666 гг.). Племена гильзаев и абдали, селившиеся в окрестностях Кандагара, принимали участие в длительной борьбе за этот город. Их вожди примыкали то к Моголам, то к Сефевидам. Часть абдали переселилась в район Герата, другие, поддерживающие Моголов, направились в Индию и обосновались в Мултани; гильзаи укрепились в Кандагаре и Замандаваре. Вожди гильзаев, абдали и других афганских (пуштунских) племен, селившихся на территории Сефевидов, подчинялись сефевидским наместникам, назначавшимся иранским шахом.

Еще при Аббасе I (1587-1629 гг.) в 1597 г. абдалийский вождь малик Садо из клана *попользаев* получил титул «вождь афганцев» за содействие в борьбе за Кандагар. Племенному ополчению Садо было поручено охрана пути от Герата до Кандагара. Члены этого рода получили привилегии, их потомки-садозаи получили права выдвигать вождей всех абдали.

В эти годы среди афганских (пуштунских) племен происходили имущественные расслоения, оседания кочевников в

деревнях и позже в городах.

Положение афганских племен в составе Сефевидской державы в конце XVII-начале XVIII вв. было тяжелым. Только в течение 1698-1704 гг. налоговые ставки в Кандагарской провинции увеличились дважды, что совпало с резким сокращением транзитной торговли с Индией, дававшей прежде большие доходы. Афганские племена (и городское таджикское население) подвергались национальному гнету и религиозным преследованиям. Последнее было связано с усилением в Сефевидском государстве роли шиитского духовенства (афганцы и таджики исповедовали суннизм).

В Кандагаре начались народные волнения. В 1704 г. правителем (бегларбегом) Кандагара был назначен Гурген-хан, известный своей жестокостью. Его политика в городе еще более усилила недовольство жителей. Во главе их встал *калантар* (старшина) Кандагара, гильзай Мир Вайс, из клана *хотеки*. Он отправился в столицу Сефевидов – Исфаган, и воочию увидел признаки упадка государства Сефевидов. Совершив хадж в Мекку и получив фетву (благословение) суннитского духовенства против «еретического государя», исповедующего шиизм, Мир Вайс вернулся в Кандагар. Здесь он организовал заговор против Гурген-хана. Его поддерживали племена *насыр*, *бабури*, *тарин*, *какар* и другие пуштунские племена. Весной 1709 г., воспользовавшись отсутствием в Кандагаре значительной части войска Гурген-хана, Мир Вайс поднял восстание. Сефевидский наместник был убит, а его воины перебиты.

Кандагар стал центром гильзайского (пуштунского) государства под управлением Мир Вайса. Образование этого небольшого государства знаменовало собой один из первых этапов сложного процесса складывания афганского государства.

Сефевидам не удалось вернуть Кандагар, ни мирные переговоры, ни карательные экспедиции не увенчались успехом.

В 1716 г. восстали афганские (в основном абдали) племена, населявшие Гератскую область.

Вожди племени абдали вызвали в Герат Абдулло-хана садозая и его сына Асадуллу из Мултана. По дороге они были

схвачены, но им удалось бежать в Герат. Здесь наместник Герата кызылбаш Аббаскули-хан шамлу арестовал их, однако Абдулла-хану удалось сбежать из заточения и скрыться в горах. Сюда к нему стали прибывать тысячи сторонников. Восставшие заняли Исфизар, затем двинулись к Герату и осадили его. В сентябре 1717 г. при активной поддержке жителей города – таджиков и узбеков Герат был взят. Вскоре их власть распространилась на районы Мургаба, Бадгиса, Гура, а затем и Фараха, ранее захваченного гильзаями. В результате Герат стал центром самостоятельного государства под управлением абдалинских ханов из рода садозаев.

Первым правителем Герата стал Абдулло-хан. В 1719 г. он успешно отразил последнюю сефевидскую военную экспедицию, но потерпел поражение в войне с гильзаями. В ходе этой братоубийственной войны пал Асадулла, сын гератского правителя Абдулло-хана. Гильзайским войском руководил энергичный Махмуд, сын Мир Вайса, пришедший к власти в Кандагаре.

Обезопасив свои владения со стороны Герата, Махмуд организовал несколько набегов в приграничные районы Ирана, угрожая Мешхеду, главному городу Западного Хорасана. Сефевиды в 1719 г. предприняли последнюю попытку усмирить афганские племена, отправив 35-тысячное войско, оснащенное артиллерией. У крепости Кафыр-кала это войско встретилось с 15-тысячным ополчением афганцев. Стремительная атака афганцев решила исход битвы. Несмотря на численное превосходство и наличие пушек, шахское войско было разгромлено.

После битвы Сефевиды уже не смогли оправиться. В этом разнонародном государстве начались смуты и восстания народов, что развязало руки воинственным афганцам (пуштунам). Верхушка племени гильзаев организовала поход на Исфаган и после долгой осады (1722 г.) захватила столицу Сефевидов. Шах Хусейн явился в лагерь Махмуда и передал ему корону. Вслед за Исфаганом пали области Керман, Фарс, Восточный Иран. Сын шаха Хусейна – Тахмасп, бежал на север Ирана и там провозгла-

сил себя шахом. Османская Турция, используя смуты, оккупировала северо-западные области Сефевидского государства.

Махмуд стал шахом Ирана. Но иранское население, исповедующее шиизм, не потерпело чужеземной власти суннитов, и стало готовиться к восстанию. Единства не было и среди победителей. Враждебная Махмуду группировка гильзайской знати организовала заговор, в результате которого в 1725 г. Махмуд был убит, и шахом Ирана стал его двоюродный брат Ашраф. Кровавым террором он удержал власть над центральной частью Ирана, ему удалось остановить турок на подступах к Исфагану, но уступил Турции иранские земли по договору.

Убежавший на север Тахмасп, сын шаха, также уступил иранские земли Петру I. В это время сопротивление народа против афганцев росло, и вскоре нашелся руководитель этого движения. Им оказался некий Надир из кызылбашского племени афшар, который был переселен в Хорасан. Надир родился в 1688 г. в бедной семье, в 18 лет был даже угнан в рабство узбеками. Надир бежал от узбеков, затем поступил на службу к систанскому правителю, где проявил незаурядные способности военачальника. Позже он захватил Келат и сделал его своей резиденцией. В 1726 г. он поступил на службу к Тахмаспу и был назначен наместником Хорасана.

В короткое время Надир создал дисциплинированное и боееспособное войско и объединил большую часть Хорасана (иранскую часть), Астерабад и Мазандаран. Прежде чем выступить против Ашрафа, он хотел обезопасить свой тыл и предпринял поход против Герата. В городе в это время после смерти Асадулло-хана и Абдулло-хана шла борьба за власть. Вождем племени абдали был избран Аллаяр-хан.

В мае 1729 г. Надир Афшар с 20-тысячным войском и артиллерией выступил из Мешхеда в Герат. В районе Кафыр-кала в упорных сражениях с абдалийским войском Надир не смог явно одержать победу и заключил соглашение. Согласно договору, племя абдали должно было платить дань и освободить пленных; Аллаяр-хан в качестве правителя Герата и главы племени был

признан эмиром, но остался править как наместник Надира. По просьбе афганцев, Надир не вошел в Герат и не оставил в городе гарнизона.

Ашраф, шах Ирана, уже не получавший подкрепления из Кандагара, вышел навстречу Надиру Афшару в Хорасан. В решающей битве у реки Мехмондуст 30 сентября 1729 г. он потерпел поражение. Затем Ашраф был еще несколько раз разбит, оставил Исфаган, умертвив плененного сефевидского шаха Хусейна, пытался спастись бегством, но был убит одним из белуджийских ханов. Надир Афшар в начале 1730 г. изгнал афганских завоевателей из Ирана и стал фактическим правителем всей страны, оставив на престоле (в качестве подставной фигуры) шаха Тахмаспа.

Вскоре в Герате начались народные волнения, и, получив известие об этом, в начале мая 1731 г. Надир Афшар выехал из западных районов и направился в Хорасан. Население Герата, поддержанное духовенством, тем временем свергло Аллаяр-хана и изгнало его из города. Власть перешла в руки Зулфикар-хана, объявившего Герат независимым. Затем повстанцы двинулись в Мешхед, намереваясь распространить свою власть на весь Хорасан. В сражении под Мешхедом они разбили войска гарнизона, которые укрепились в крепости. Зулфикар осадил город, но, узнав о приближении войск Надира, отступил в Герат. Надир в мае 1732 г. подошел к Герату, опустошая по дороге селения, и осадил город. В городе деятельно готовились к отражению противника. Обороной руководил Сейдал-хан гильзай, прибывший из Кандагара с отрядом. Все горожане — афганцы, таджики, узбеки и другие, вместе с духовенством и вождями племен поклялись держаться до последнего. Осажденные днем и ночью совершали вылазки. Город держался стойко 10 месяцев, и в марте 1732 г. по решению *дурбара* (совета города) осажденные, заручившись обещанием Надира Афшара сохранить им жизнь и не разрушать город, открыли крепостные ворота. Войдя в Герат, он назначил правителем города своего военачальника Мухаммад-хана Мерви. Несколько тысяч семей абдали были переселены в Хорасан.

Надир Афшар стал привлекать абдалийских воинов на службу в свою армию и готовился их использовать в намеченном походе в Кандагар (и возможно, в Индию).

Весной 1736 г., после успешных войн с османской Турцией, Надир был избран шахом и, будучи шахом, начал свои завоевания на востоке. После тщательной подготовки он выступил в ноябре 1736 г. против Кандагара через Керман и Систан.

В состав его войска, кроме регулярных частей мушкетеров и артиллерии, входили ополчения из Хорасана, отряды курдов, грузин, бахтиаров и абдали.

В апреле 1737 г. Надиршах привел главные силы к Кандагару и начал его осаду. Кандагар, так же как Герат, мужественно оборонялся около года. В это время на месте ставки Надиршаха возник новый город. 23 марта 1738 г. башня Дада, один из важнейших пунктов обороны, была захвачена отрядом бахтиаров. Вход в город был открыт для штурма войсками Надиршаха, которые после непродолжительного боя овладели городом. После взятия Кандагара Надиршах отправил его правителя Хусейн-шаха с его семьей в Мазандаран, где ему был пожалован *джагир* — земельные угодья. Там шах и умер. Затем город был разграблен, многие жители перебиты, а оставшихся в живых заставили переселиться в Надирабад. Сам Кандагар, самый южный таджикский город со славным прошлым, был полностью разрушен по повелению Надиршаха. На старом месте город никогда уже не возродился.

Сокрушив Кандагарское государство гильзаев, Надиршах во многих городах бывшего государства назначил правителями абдалийских ханов.

Надиршах потребовал от могольского правителя Мухаммад-шаха выдать бежавших в пределы его владения гильзаев, своих врагов. Последний отказался. Надиршах начал готовиться к походу в Индию, находясь в Кандагаре. 21 мая 1738 г. он выступил оттуда в Газни, в середине июня завладел городом без боя, пошел на Кабул и завладел им 30 июня. Отсюда двинулся в Индию через Хайбарское ущелье. Ущелье было преграждено сильными отрядами, посланными могольским наместником

Пешавара. Но Надиршах провел свое войско обходным путем и завладел Пешаваром. В начале января 1739 г. он переправился через Инд, в конце февраля разбил войска Мухаммад-шаха и 20 марта вступил в Дели. Его войско разграбило город и перебило часть населения.

Мухаммад-шах остался на делийском престоле, но уступил Надиршаху территории, расположенные к западу от р. Инд и от Кашмира до впадения реки в океан.

Захватив огромную добычу, Надиршах 16 мая 1739 г. двинулся со своим войском из Дели в обратный путь. 2 декабря он прибыл в Кабул. В июне следующего года (1740 г.) он прибыл в Герат и оттуда через Балх направился в Мавераннахр.

В это время Абулфайзхан Аштарханид отправил Надиршаху своего аталыка Мухаммад Хакима для переговоров, который, прибыв к шаху (со своим сыном), начал действовать в его интересах. Вернувшись в Бухару, он добился того, что хан изъявил полную покорность шаху. Надиршах сохранил Абулфайзу престол и даже породнился с ним. Но фактическую власть он закрепил за Мухаммад Хакимбием. Его брат Мухаммад Дониёлбий получил Кермине. Его сын Мухаммад Рахимбий начал служить в армии Надиршаха. Таким образом, Бухара стала вассальным владением Надиршаха.

В этом же году Надиршах захватил Хиву, преодолев энергичное сопротивление Ильбарсхана. После завоевания этой страны Надиршах приказал казнить хана Ильбарса и посадил на трон его сына Абумухаммада.

И в Бухаре и в Хиве шах реквизирует продовольственные запасы и увел значительную часть воинов с собой в Иран.

В 1747 г. Надиршах, превратившийся из удачливого полководца в коварного и подозрительного монарха, был убит в итоге заговора военачальников в его лагере (в Хорасане). Несмотря на то, что его племянник Адилшах был здесь объявлен шахом огромной империи, простирающейся от Грузии до реки Инд на востоке и от Хивы до Индийского океана на юге, она тут же стала распадаться на самостоятельные государства.

Одним из непосредственных результатов убийства Надира явилось образование самостоятельного Афганского государства, первым правителем которого стал его абдалийский военачальник Ахмад-хан. В состав государства Ахмад-хана первоначально входили области Кандагара, Газни, Кабул и Восточный Хорасан (с центром в Герате). Хорасан и Систан две древние области, населенные таджиками, были разделены. Западная часть их осталась в составе Ирана. С той поры Афганистан никогда уже не находился в едином государстве с восточными историческими областями Ирана. Населенные таджиками области к северу от Гиндукуша (Балх, Кундуз, Бадахшан и др.) были завоеваны афганцами (пуштунами) позже. Ахмад-хан после его провозглашения шахом Афганистана на *джирге* (высший совет) переименовал свое племя из «абдали» в «дурани» для подчеркивания его привилегированного положения в государстве. Поэтому его государство называлось *Дуранийской державой*.

XV – XVII вв. характеризуются крайним раздроблением и политическим упадком Мавераннахра и Хорасана, что привело к резкому сокращению внешней торговли. Прекращение их торговых и дипломатических сношений с Китаем является одним из наглядных подтверждений этого положения.

Перемещение торговых путей, благодаря великим географическим открытиям, проходящих ранее через Мавераннахр и Хорасан и связывающих торговлю между Европой и Азией, отрицательно отразилось на их экономическом положении.

Это обстоятельство сказалось не только на упадке транзитного значения Мавераннахра и Хорасана, но и повлекло за собой нарушение экономических связей между отдельными их районами (Амударья стала не связывать регионы, а разъединять их) и общее сокращение производства и потребления. Произошел частичный возврат к натуральному хозяйству.

Однако изменившаяся таким образом международная геополитическая (и геоэкономическая) обстановка не смогла полностью нарушить традиционных торговых связей Мавераннахра и Хорасана с окружающими их странами. Торговые

караваны из Бухары, Хивы и Балха по-прежнему продолжали ходить в Индию, Иран, казахские степи (Дашти Кипчак), Сибирь и Кашгарию.

Караваны из этих стран приходили в Мавераннахр и Хорасан. Однако постепенно происходила переориентация Мавераннахра на север, а Хорасана - на западном и на южном направлении.

Значение Мавераннахра в снабжении казахских (включая приволжские) степей продукцией местной ремесленной, в особенности текстильной промышленности было чрезвычайно велико и имело решающее значение в экономической жизни степных районов.

Большую роль в XVI в. начинают играть бухарские купцы в Сибирском ханстве Кучума, который имел также дипломатические сношения с Бухарским ханством. Московское государство постепенно начинает приобретать главное значение во внешней торговле Мавераннахра. После завоевания Казани (1552 г.) и Астрахани (1556г.) Московским государством сношения с Хивой и Бухарой стали иметь более регулярный характер. Значительным толчком к расширению торговли между Московским государством и Мавераннахром послужило путешествие английского купца и путешественника Дженкинсона, явившегося в Москву в качестве представителя Лондонской торговой компании.

Хотя ещё в 1364 г. бухарские и хивинские купцы побывали в Нижнем Новгороде и других местах, тем не менее, менее путешествие Дженкинсона в Хиву и Бухару (1558-1559 гг.) имело большое значение для развития дальнейших сношений между Москвой и Мавераннахром, так как он имел специальную грамоту от Ивана IV Грозного и был первым официальным представителем Москвы в ханствах Мавераннахра, не вступавших до сих пор в непосредственные и официальные сношения друг с другом.

С Дженкинсоном впервые прибыли в Москву посольства из Хивы и Бухары для установления тесных торговых сношений с русским правительством. Главными предметами вывоза из Маве-

раннахра служили текстильные хлопчатобумажные изделия, производившиеся в большом количестве ремесленниками, также вывозились дорогие ткани: бархат, парча, ковры, шелковые изделия, драгоценные камни, дорогое восточное оружие и т. д.

Из Московского государства в Мавераннахр ввозились сукна, атласы, зеркала, меха лисиц и горностаев, выделанные кожи, серебро, панцири, деревянная посуда, гвозди, пуговицы, иголки, булавки и т. д.

Особое положение занимала царская (или ханская) торговля, предметами которой были товары, составляющие монополию правительства той или иной страны.

Из русских товаров, входивших в оборот царской торговли, наибольшим спросом пользовались золото, серебро, железо и олово, моржовые клыки, топоры, огнестрельное оружие. Потребители этих товаров ханы и другие крупные правители посылали со своими купцами московским царям драгоценные камни, шелк-сырец, дорогое оружие.

Размеры торговых оборотов между Мавераннахром и Москвой были довольно значительны.

Одним из первых русских послов, доставивших значительную информацию о положении Средней Азии, был Иван Хохлов, посетивший в 1619г. Бухарское ханство. Москва также интересовалась торговыми путями в Индию через Мавераннахр и Хорасан.

Расхождения между Мавераннахром и Хорасаном стали обнаруживаться не только в торгово-экономической сфере, но и в культурно-идеологической. Религиозная нетерпимость Исмаила, основателя Сефевидского государства в Иране, вылилась в форму ожесточенных преследований суннитов в Иране, в частности в Герате.

В результате этого значительное число гератских поэтов и ученых-богословов суннитского толка вынуждено было эмигрировать в Бухару, куда они принесли с собой и те культурные (особенно литературные) традиции, которыми так славился гератский двор последнего тимурида Хусейна Байкары. Это привело к быстрому упадку таджикской культурной традиции в

Хорасане (включая Герат) и усилению Бухары, ставшей культурным центром Мавераннахра. Но это культурное доминирование Бухары лишь на время задержало победу «деревенских шейхов» при покровительстве ханов-степняков над просвещенным городским духовенством.

Соперничество суннизма и шиизма в общественно — политической жизни Мавераннахра и Хорасана привело к расколу дальнейшей историко-культурной жизни таджиков по обе стороны Амударьи.

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ

Бухарское ханство после гибели Надиршаха (1747 г.) вернуло себе независимость. Мухаммад Рахимбий, незадолго до убийства Надиршаха вернувший в Мавераннахр в качестве «великого аталыка», убил в том же году Абулфайз-хана, а в следующем 1748 г. его сына Абулмумина и захватил власть в Бухаре. Он, подчиняясь старинной тюрко-монгольской традиции, все же продолжал возводить на престол подставных ханов (сначала Убайдулло-хана, потом Абулгази) и при поддержке мангытской знати, духовенства и купечества вступил в борьбу с местными удельными владельцами. Вопрос о провозглашении эмиром (ханом у тюрков) самого Мухаммада Рахима был поднят осенью 1758 г. бухарским духовенством. Этому предшествовала женитьба Мухаммада Рахима на дочери Абулфайз-хана. Тем не менее, он объявил, что вопрос должен быть решен всенародным собранием (в понимании того времени — собрание всей знати), в котором, кроме узбекской знати, военачальников и сановников, принимали участие сайиды, кази и ходжи и даже известные люди из ремесленников и купечества. Это был своего рода симбиоз степной и мусульманской политической культуры. Так, до прихода новой династии к власти, по древнему степному обычаю (вспомним Чингисхана и его всех преемников), избрание на ханство сопровождалось церемонией поднятия вновь избранного

на белом войлоке, куда допускались только вожди монголо-тюркских (включая узбекских) племен. Теперь, при Мухаммаде Рахиме, к поднятию эмира на белом войлоке допустили также представителей духовенства и городского населения. Возможно, Мухаммад Рахим не хотел с самого начала зависеть от вождей узбекских племен, потенциальных носителей политической раздробленности, которым было важнее сохранить свои пастбища и дворцы (или города), чем единство всей страны. Мухаммад Рахим, побывав за пределами своего ханства в составе армии Надиршаха, не только усвоил военные навыки, которые очень помогли ему в борьбе с сепаратизмом удельных правителей, но и осознал пагубность раздробленности государства. Он искал опоры у духовенства и горожан, которые были сторонниками усиления центральной власти и устали от продолжительных междоусобных войн и беспорядков.

Основоположник новой династии (мангытов) эмир Мухаммад Рахим (1756-1758 гг.) за короткое время своего правления подчинил Бухаре Шахрисабз, Ургут, Джизак, Ура-Тюбе, Гиссар и другие владения, считавшиеся при Абулфайзхане независимыми. Упорное сопротивление оказало узбекское племя юз, владевшее Гиссаром, куда эмир совершил два похода. Правителем области был Мухаммад Эмин, бий из племени юз, который после поражения бежал в Балх. С прекращением военных действий Мухаммад Рахим приказал всем жителям, переселившимся в Гиссар из Бухары, Самарканда и других центральных районов во время смут, возвратиться в свои прежние места. Жестокость Мухаммад Рахима доказывает Калла Минора («Минарет из голов»), сооруженный из голов казненных пленников в окрестностях города Денау. Эмир распространил свою власть до Кобадийна и прилегающих земель.

Однако Каратегин, Бальджуван, Дарваз, Шугнан, Вахан, Бадахшан и другие труднодоступные горные владения оставались независимыми и управлялись местными правителями.

В это время на севере и востоке от Бухарского эмирата происходили крупные военно-политические процессы,

изменившие коренным образом политическую жизнь в Восточном Туркестане, Хафтруде и казахских степях.

В начале XVII в. калмыки, создав могущественную Джунгарскую державу (1635 г.), распространили свою власть на большую часть казахских и киргизских степей до районов Ташкента включительно. В это время маньчжуры, завоевав Китай и создав там самое крупное феодальное государство в Азии - империю Цинь, вынашивали планы завоевания Джунгарии и Кашгарии. Маньчжурам удалось за короткое время завоевать Джунгарию (1755-1757 гг.) и Кашгарию (1757-1759 гг.) благодаря внутренним распрям в этих государствах. В результате этого завоевания из 600 тыс. ойратов (монгольских калмыков) китайские войска перебили почти всех, остальные (30-40 тыс.) бежали на север в Россию.

В Кашгарии было уничтожено теократическое уйгурское государство, которое было раздираемо религиозными распрями между двумя соперничающими группировками: «белогорскими» и «черногорскими» ходжами. «Белогорские» ходжи (Бурхониддин со своим братом Хан Хаджой), оказав упорнейшее сопротивление превосходящим китайским войскам, постепенно отступили на запад во владения бадахшанского правителя. Китайцы не пошли на запад.

Казахи после ухода узбекских племен из Дашти Кипчака (позднее казахские степи) стали распространяться от Хафтруда и прилегающих земель на запад и северо-запад. Постепенно в процессе расселения стали вырисовываться контуры будущего объединения групп племен в *джузы* (орд-улусы). Уже в XVII в. было три главных джуза — Старший, Средний и Младший. Несомненно, старшинство определялось первоначальной родиной (местом получения этнонима) казахов — поэтому Хафтруд был территорией Старшего джуза. Хан Малой Орды Абулхайр во время войны с калмыками в 1730 г. обращался к России с просьбой о получении подданства в расчете на военную поддержку. Российское правительство воспользовалось удобным предложением (обращение Абулхайра) для вмешательства в казахские (от Волги) дела, постепенно распространяя свою власть на

территории Младшего джуза, а позже Среднего (до Иртыша).

После смерти эмира Мухаммада Рахима в 1758 г. власть в Бухаре захватил его дядя Даниёлбий (1758-1785 гг.), который не принял титул хана, а номинально посадил на трон внука Абулфайз-хана Абулгази. Сам же занял должность аталыка. Даниёлбий опирался на духовенство и войско, для которых он ничего не жалел. Все его военачальники из мангытского племени получали большие земельные пожалования (*танхо*), которые наряду с огромными вакфными землями, которыми владело духовенство, и государственными землями (*мулки шохи*) составляли основу хозяйства Бухарского эмирата.

Усиление раздробленности проявилось в том, что Шахрисабз объявил себя независимым. В Фергане значительно усилилось еще одно владение (племени минг), вождь которого построил город Коканд на месте одноименного селения и сделал его своей резиденцией.

Преемник Даниёл аталыка, его сын Шохмурод принял не ханский титул, а титул эмира (в смысле *амир ал-муминин* — повелитель правоверных).

Эмир Шохмурод (1785-1800 гг.) за свою ревностность в отношении соблюдения норм шариата и заботу о строгом благочестии получил прозвище «*амири масум*» («безгрешный эмир»). Еще при жизни отца он резко отмежевался от своей семьи, вступил в число дервишей и сделался мюридом (учеником) известного в Бухаре шейха Сафара. Шейх сначала не принял его, так как он был сыном тирана, и потребовал от него в знак покаяния исполнять унизительные требования. Этим Шохмурод навлек на себя гнев отца. Его популярность была настолько высока, что его отец все же объявил Шохмурода своим преемником. Шохмурод провел некоторые реформы, отменил все налоги, сохраняя лишь те, которые были освящены шариатом. За казнокрадство и взяточничество он казнил первого визиря Давлати Кушбеги и верховного кази Бухары Низомиддина.

Укрепившись окончательно на престоле, Шохмурод начал завоевательные походы. Он присоединил к Бухаре области левобережья Амударьи (Мерв, Балх и др.). Мерв, остававшийся

после смерти Надиршаха под властью каджарских племен, был завоеван уже в 1785 г., при этом большинство жителей было переселено в Бухару. Наместником Мерва был назначен брат эмира Умар. Шахрисабз подчинился эмиру. Эмир Шохмурод, прикрываясь лозунгом «священной войны с неверными шиитами», предпринял несколько походов на Хорасан, доходя до Мешхеда.

Позже, ведя войну со своим братом, правителем Мерва, он разрушил Мургабскую плотину, основу водообеспечения Мургабского оазиса. Тем самым Шохмурод уничтожил основу жизнеобеспечения древнего таджикского города Мерва (и оазиса), который вскоре стал легкой добычей туркмен. Мерв все еще был тем городом, в котором о себе ярко заявляла культурно-историческая общность таджиков Мавераннахра и Хорасана.

Но этническое единство было принесено в жертву религиозной солидарности. Во время походов мангытские военачальники захватывали в плен все большее количество трудоспособного населения Хорасана и приводили его в Бухару. В благочестивой Бухаре, где, по некоторым данным, училось до 30 тыс. студентов — богословов, на пороге XIX в. чрезвычайно активно шла торговля рабами.

Преемник Шохмурода эмир Хайдар (1800-1826 гг.), не обладающий организаторскими способностями, проявил себя больше в мусульманском благочестии. В итоге усилились центробежные стремления местных владетелей, мало считавшихся с верховной властью в Бухаре. Эмир Хайдар превзошел своего «безгрешного» отца, он считался не только ревнителем, но и прекрасным знатоком шариата и читал лекции по богословию, на которых, по источникам историков, присутствовало до 500 слушателей. Эмир вместо того, чтобы предпринять меры, способствующие прогрессу своего отсталого государства, предавался гаремным наслаждениям, часто меняя четырех законных жен и приобретая новых наложниц для гарема.

Правление эмира Насруллы (1826-1860 гг.) ознаменовалось не только внутренними неустройствами, но и постоянными войнами с двумя другими государствами Средней Азии —

Кокандским и Хивинским ханствами. Все это довело хозяйственную и культурную (кроме религиозной) жизнь народов региона до такой степени, которую можно охарактеризовать как близкую к катастрофе.

Ко времени правления эмира Насруллы на северо-востоке в Фергане усиливается новое ханство — Кокандское, которое распространяло свою власть до низовий Сырдарьи, где в 1817 г. возникает кокандская крепость Ак-мачит (ныне Кызыл-орда). Восточнее неё строится город-крепость Авлие-Ата (ныне Джамбул), в позднее время на севере возводятся крепости Пешпек (ныне Бишкек), Токмак и другие, на востоке — Алай. Сарыкол (Восточный Памир — ныне Мургабский район Таджикистана). На юге власть кокандского ханства при хане Мухаммаде Али (Мадали) распространяется на Каратегин, Дарваз и Куляб.

В 20-30 годах XIX в. Дарваз и Каратегин были объединены под властью дарвазского *шо* (*шах*) Султона Махмуда, управлявшего Каратегином через своих наместников.

Поводом для отправки кокандских войск в Каратегин и Дарваз послужило покровительство, оказанное местным правителем одному из претендентов на престол — сыну кокандского хана. В 1834 г., успешно преодолев горные перевалы, кокандские войска появились в Каратегине, где нанесли поражение силам Султона Махмуда. Последний бежал в Дарваз, оставив Каратегин во власти кокандцев. Впоследствии, не сумев восстановить свою власть в Каратегине, Султон Махмуд подчинился кокандцам и остался их вассалом. Вскоре соседний Куляб, управлявшийся одним из узбекских беков, изъявил покорность кокандцам, возможно, из-за страха перед жестокостью Насрулло, безжалостно уничтожавшего население соседних областей. К юго-востоку от Дарваза были труднодоступные владения — Шугнан, Рошан, Вахш и ряд других мелких владений, управлявшихся своими наследственными правителями, носившими титул *шо* (*шах*).

Каждое такое владение представляло собой более или менее замкнутую хозяйственную единицу в пределах одной-двух

горных долин, отделенных почти непроходимыми горными хребтами от ближайших соседей, с господствующим натуральным хозяйством. Главной из малочисленных статей ввоза сюда из окружающих стран были хлопчатобумажные ткани и хлопок, посевы которого в горах не производились. В связи с недостатком земли и слабым развитием кустарной промышленности, большинство взрослого мужского населения Каратегина и других горных владений уходило на временные заработки в Фергану, Бухару и соседние страны. Из промыслов местного значения в Каратегине имела место кустарная промывка песочного золота, частью скупавшегося на месте приезжими торговцами, частью вывозившегося в Фергану.

Местные правители (шо) часто вели между собой войны, при которых победители нередко захватывали в плен местных жителей (соседнего владения) и продавали их в рабство в Бухару и другие соседние страны.

Выходцы из Дарваза, Каратегина, Шугнана и других горных таджикских владений составляли ядро кокандских войск со времен правления Олим-хана (1800-1809 гг.). Кокандский хан в противовес ополчениям узбекских племен, потенциальной силы в руках сепаратистки настроенных вождей племен, стал набирать значительный отряд из горных таджиков, который, не будучи связан с местной верхушкой племени, представлял собой не только достаточно надежную защиту против посягательства со стороны могущественных вождей, но и ударную силу для завоеваний. С этой армией он завоевал в начале XIX в. Ташкентское владение (1808 г.) и распространил свою власть до оз. Иссык-Куль на северо-востоке, а на западе он завладел Худжандом. Город Ура-Тюбе был яблоком раздора между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом. Он многократно переходил из рук в руки.

Эмир Насрулло также реформировал свою армию. Чтобы ослабить всеилие вождей узбекских племен и их ополчения, он создал с помощью иранца Абдусамада, знакомого с постановкой военного дела в европейских армиях, постоянное пехотное войско. В его состав набрали в основном таджиков, афганцев,

иранцев и др. Литье пушек было поручено другому иностранцу - Насирхану, уроженцу Индии, долгие годы прослужившему в англо-индийских войсках.

Во внешних сношениях политика эмира Насруллы выражалось в основном в войнах с соседними странами (нередко и с бывшими вассалами, объявившими себя независимыми) и в отправке торговых караванов в соседние страны (включая Россию).

Упорную и продолжительную войну с Кокандом Насрулло вел за обладание приграничными городами — Джизаком, Ура-Тюбе и Худжандом, в результате чего не только истреблились воины кокандского хана, но и население городов также подверглось жестокой расправе.

В 1842 г. Насрулле удалось, использовав смуту и раздоры в Кокандском ханстве, занять город Коканд и казнить хана. Город был разграблен, управлять в нем должен был бухарский наместник. Но уже через три месяца кокандцы подняли восстание и изгнали бухарского наместника. Коканд вернул независимость, и здесь стал править Шерали-хан (1842-1845 гг.). После этого, несмотря на все усилия, Насрулле уже не удалось вновь занять Коканд. Не менее упорной была война с Хивинским ханством за обладание Мервом, который подчинился Хиве. Хивинские войска стали совершать отсюда набеги на Чарджоу и другие окраины Бухарского эмирата, всюду производя опустошения и уводя пленных. Для отражения хивинцев эмир в 1842 г. собрал большую армию, мобилизовав большую часть мужского населения. В апреле 1843 г. Насрулло во главе многочисленных жителей, предпринял ответный поход на Хиву. Однако, потерпев сокрушительное поражение под Хазараспом, эмир вынужден был спастись бегством.

В 1846 г. он отправил в Хиву посольство с предложением мира, после чего хивинские набеги на Бухару прекратились.

Эмир совершил более 30 походов в Шахрисабз, против традиционного упорного противника Бухары, и только в 1860 г. подчинил это владение. Чтобы укрепить свою власть, он взял в

жены дочь местного правителя. Однако, по данным некоторых источников, именно новая жена убила Насруллу, эмира Бухары.

На престол Бухары взошел Музаффар (1860-1885 гг.). К началу правления этого эмира колониальные завоевания великих держав стремительно приближались к границам Бухары. С северо-запада к Бухаре продвигались русские войска, а с юго-востока - англо-индийские.

К середине XIX в. британская Ост-Индийская компания, действующая в Индии и прилегающих странах по поручению правительства, укрепившись в центральных индийских областях, начала завоевательную акцию в Афганистане и северных труднодоступных горных княжествах (Дир, Читрал и т.д.). Афганистан, с центром в Кабуле, тогда еще не очень активно распространял свою власть на север от Хиндукуша, где существовали местные правители Бадахшана, Балха, Кундуза, Шибиргана, Меймене, Андхоя, в которых преобладали таджики и узбеки.

В 1839-1842 гг. с вторжением британских войск произошла первая англо-афганская война, которая окончилась поражением завоевателей. В начале войны эмир Афганистана Дустмухаммад отступил за Хиндукуш и даже побывал в Бухаре, где он обращался к эмиру за помощью. Насрулло не только не оказал содействия, но и проявил явные непочтительность и высокомерие к своему гостю. Дустмухаммаду пришлось бежать из Бухары.

Вернувшись в Афганистан, Дустмухаммад возглавил народную войну против англичан, в которой активно участвовали таджики Кухистана и Кабула. После первого изгнания англичан к середине XIX в. эмир Дустмухаммад начал распространять свою власть и на левобережье Амударьи (к северу от Хиндукуша), где удельная раздробленность облегчала афганское завоевание. Эти владения впервые были включены в состав Афганистана в качестве новой провинции – Афганский Туркестан. Правителем его стал старший сын эмира Афзалхан.

Но Ост-Индская компания не отказалась от претензии на Афганистан. Она планировала идти еще дальше в Среднюю Азию, что, в свою очередь, активизировало действия России –

конкурента Англии по влиянию в этом регионе.

Не только активизация Британии к северу и северо-западу от своих индийских владений, но и прекращение ввоза в Европу американского хлопка, в связи с гражданской войной в США (1861-1865 гг.), породившего острый кризис в текстильной промышленности, подтолкнули Россию к решительным завоеваниям в Средней Азии, как поставщика хлопкового сырья.

В 1864 г. был взят Чимкент, 17 мая 1865 г. - Ташкент. Междоусобицы в Кокандском ханстве и Бухарском эмирате облегчали быстрое продвижение русских войск. В 1866 г. русские войска вступили на территорию Бухарского государства и 24 мая заняли Худжанд, 2 октября - Ура-Тюбе и 18 октября - Джизак. Волнения в казахских степях приостановили дальнейшие продвижения русских войск в этом году.

Для управления завоеванными территориями Средней Азии Российское правительство образовало в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство с резиденцией в Ташкенте.

Первый генерал-губернатор Кауфман наряду с созданием гражданского управления организовывал и новые военные экспедиции.

В начале 1868 г. Кокандский хан Худоёр заключил с царским правительством мир, признав себя вассалом царской России. Русским купцам была разрешена свободная торговля на всей территории Кокандского ханства, а кокандцам - в России.

После подчинения Кокандского ханства русские войска двинулись в Самарканд (1868 г.). Бухарский эмир Музаффар совершенно не был подготовлен для отражения наступления русских. В отсутствие эмира духовенством Самарканда у гроба Баховиддина Накшбанда была объявлена «священная война» против «неверных» русских. Эмир Музаффар был вынужден вступить под их давлением на путь священной войны. Однако его численно превосходящая армия была плохо вооружена против регулярной армии русских, вооруженной современной артиллерией и огнестрельным оружием. Интересный факт: несколько раньше этого сражения на сторону русских перешел афганский отряд (286 человек) под началом афганского царевича

Искандар-хана, бежавшего в Бухару во время смут на его родине. Этот переход (даже на сторону «неверных», которым могущественное духовенство объявило «священную войну») ярко демонстрирует те настроения, которые были у военно-племенной знати региона. Последние считали войну с русскими очередной междоусобной войной в регионе и примкнув к сильным (русским) они надеялись получить дивиденды в свою пользу (военную добычу).

В сражении под Джизаком под напором артиллерийских залпов эмир, бросив войска, бежал в свою столицу. Жители Самарканда не приняли участия в сопротивлении, равнодушно приняв смену власти. Русские войска 2 мая 1868 г. без боя вошли в Самарканд.

В июне 1868 г. русские войска у холмов Зерабулака нанесли последние решающие поражения бухарским войскам. Деморализованный эмир даже хотел отречься от престола и хотел просить русского правителя разрешения совершить хадж в Мекку.

Однако Российская империя не хотела раздора и смуты в своих южных пределах, так как отречение эмира привела бы к очередной кровопролитной войне за власть между претендентами. Полное завоевание всей Средней Азии не входило в стратегические планы Российской империи, так как она не хотела иметь непосредственных границ с индийскими владениями своего основного конкурента – Британской империи. Этим объясняется не только приостановление передвижения русских войск в глубь эмирата, но и последующее содействие русской дипломатии войском и вооружениями в присоединении Шахрисабза, Гиссара, Куляба, Каратегина (1870) и припамирских бекств (Дарваз, Рушан, Шугнан и Вахан) в 1873 г. к Бухарскому Эмирату.

23 июня 1868 г. между эмиром Бухары Музаффаром и туркестанским генерал-губернатором Кауфманом был подписан договор. По этому договору часть территории Бухарского эмирата, занятая царскими войсками, отходила к России. Русское государство получило право судоходства по Амударье, а эмир

обязался обеспечить постройку пристаней и их охрану. Подданные обоих государств получали право на передвижение по территории друг друга: русским купцам была разрешена свободная торговля на территории эмирата, с них нельзя было взыскивать пошлины с товаров более чем 2,5% (обычный *закот*). Россия получила право на проведение телеграфной линии на территории ханства, на организацию почты. Эмир должен был уплатить 500 тыс. рублей контрибуции. Бухара лишалась права вести самостоятельную внешнюю политику. Позже русские войска присоединили районы верховий Зеравшана (Пенджикент, Фальгар и Матча) к Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства.

В 1873 г. русские войска начали наступление на Хиву, и Хивинский хан Мухаммад Рахим II быстро капитулировал. В августе 1873 г. между Хивой и Россией было заключено соглашение, подобно бухарскому. Хива стала вассалом России.

В 1884 г. взятием Мерва и Кушки Россия завершила завоевание Средней Азии.

После подавления восстания в Коканде (1876 г.) Кокандское ханство было ликвидировано, а его территория под названием Ферганской области была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству. Граница России с Кашгарией (завоеванной позже Китаем) была установлена восточнее города Иркештам и по Сарыколскому хребту на юг до знаменитого «ваханского коридора».

Таким образом, основная часть таджикских земель, очередной (последний) раз вошла в состав империи, которая имела преимущества не только в военном отношении, но и превосходство в государственно-административной, научно-технической и других отраслях жизнедеятельности людей.

Ко времени завоевания Бухары, Самарканда и других областей, населенных таджиками, Россией, таджики потеряли многие свои преимущества:

- городская политическая культура таджиков, опирающаяся на просвещенный монархизм (просвещенный светский правитель-султан (или эмир) при опоре на

городское просвещенное духовенство и деятелей культуры и искусства), уступила место степной политической культуре тюрков. Идеал последних - правление удачливого полководца – основателя династии, раздающего земли государства своим родственникам (уделы), что было потенциальной причиной сепаратизма, бесконечных междоусобиц и смут;

- либеральное крыло ислама (ханифизм), покровительствующего развитию торговли (и, следовательно, ратующего за централизацию власти), способствующего активизации деятельности личности, хотя бы в одной отрасли жизнедеятельности людей, уступило место суфизму, который сковывал активность людей, направляя их устремления к познанию тайн потустороннего мира (мистицизм);

- просвещенное (городское) духовенство, покровительствующее людям науки, литературы и искусства (т.е. прогрессу), уступило место «деревенским» шейхам, обладающим огромными земельными угодьями и не желающим идти в ногу со временем (т.е. ратующим за консервацию существующих традиций и образа жизни);

- постоянная раздробленность и смуты препятствовали не только развитию международной транзитной торговли, одной из основных сфер жизнедеятельности таджиков, но и консолидации таджикского народа. Постоянные войны между среднеазиатскими ханствами, крупными и мелкими владетелями, огромные контрибуции, которые налагались на побежденную сторону, отталкивали народы Средней Азии (включая таджиков) друг от друга, сея между ними вражду и неприязнь, усиливали сепаратистские настроения у людей определенного региона, их замкнутость и равнодушное отношение к трагедиям соседнего государства и его населению. Вражда и сепаратизм этих государств были так глубоки, что даже опасность нападения внешнего врага не могла объединить их для отпора;

- многовековая глубокая вера таджикского народа (начиная от древних арьев) в просвещенного и справедливого монарха (шаха), стала терять свое значение в период многове-

кового правления чужеземных правителей.

Культурная жизнь Бухары к моменту завоевания Средней Азии Россией переживала не самые лучшие свои годы. Бухара и другие города Средней Азии в этот период не дали ни особо выдающихся имен, ни каких-либо замечательных открытий, которые могли бы предоставлять достаточно широкий интерес и привлекали бы к себе внимание историков.

В Бухаре продолжали существовать школы двух типов: низшая – *мактаб* и средняя (или высшая) – *медресе*.

Мактаб представляла собой начальную конфессиональную школу, где дети в возрасте от 6 до 15 лет обучались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия. Каждый окончивший курс мактаба должен был уметь читать одну или две религиозные книги, знать основные обязанности мусульманина и иметь представление о главнейших догматах ислама. Чтение книг на непонятном для учащихся арабском или книжно-персидском языках было обычно механическим: ученик заучивал на слух со слов учителя текст и произносил затем его по памяти. Неграмотность после нескольких лет обучения в мактабе была довольно обычным явлением. Школы данного типа имели широкое распространение во всех районах с оседлым населением. В городах мактабы, как и мечети, встречались почти в каждом квартале (махалла, гузар). Учителем мактаба обычно являлся имам (настоятель) ближайшей мечети, с которой школа представляла как бы неразрывное целое. Содержались мактабы за счет средств, собиравшихся с родителей учащихся. В городах и крупных населенных пунктах Средней Азии существовали также особого типа мактабы, с еще более узкой программой – специально для девочек, преимущественно дочерей богатых родителей. Общее количество женских школ и число учащихся в них было ничтожно. В мактабах широко применялись телесные наказания.

Высшая мусульманская школа в Средней Азии, носившая, как указывалось, название «медресе», также было чисто конфессиональным учебным заведением, программа которого была построена почти целиком на изучении богословской

схоластики и шариата — мусульманского канонического права. Медресе существовали на доходы от принадлежавших им вакфных земель и прочих имуществ и, таким образом, как и мактабы, в материальном отношении от казны не зависели.

В связи с тем обстоятельством, что Коран и большинство важнейших богословских сочинений были написаны по-арабски, в программе медресе некоторое место уделялось арабской грамматике и языку. Из предметов, не имеющих непосредственного отношения к богословию, в медресе изучались первые четыре правила арифметики, а также зачатки алгебры и геометрии (по Евклиду). Впрочем, последние два предмета были представлены в тех сравнительно немногих школах, где имелись соответствующие «знатоки».

Срок пребывания в медресе, как и в мактабе, не был твердо установлен и продолжался от 8 до 15 лет и даже 20 лет. Отчасти в связи с этим обстоятельством возраст учащихся колебался от 15 до 40 и более лет.

По своему социальному составу учащиеся медресе принадлежали к наиболее зажиточной и привилегированной части населения. Зачастую учащиеся были оседлыми жителями — таджики и узбеки. Но значительное число составляли также жители кочевых районов — казахи, киргизы (Ташкент, Фергана), туркмены (Хива, Бухара) и др.

Для окончания полного курса медресе считалось необходимым прочитать под руководством *мударриса* (преподавателя) установленное количество книг по различным разделам богословия и шариата; экзаменов обычно не проводилось.

Окончившие полный курс обучения или прослушавшие его хотя бы частично, обычно занимали должности казиев (народных судей) или их помощников. Одни оканчивавшие получали должности имамов (настоятелей) мечетей, другие оставались при медресе, где становились затем *мударрисами*. В последнем случае особое предпочтение отдавалось тому, кому удалось окончить медресе или хотя бы немного поучиться в Бухаре, являвшейся главным центром богословских знаний во

всех районах Средней Азии и отчасти в прилегающих к ней мусульманских странах.

Особенно значительный спрос на воспитанников медресе был в Бухарском ханстве, где духовные лица занимали множество различного рода административных и придворных должностей, закрепленных за духовенством еще со времен средневековья.

Наука и техника в Бухаре играли ничтожную роль, как, впрочем, и в большинстве стран Ближнего Востока, за исключением Турции. О состоянии науки и просвещения говорилось выше в связи с характеристикой местной школы, вследствие чего останавливаться на этом вопросе здесь нет необходимости.

Промышленность, как добывающая, так и обрабатывающая, находилась на чрезвычайно низком уровне.

Добыча металла производилась в небольших размерах кустарным способом. На таком же уровне находилась и техника обработки металла. Добывавшегося на месте рассыпного золота не хватало для чеканки монет, поэтому значительная часть этого металла ввозилась из России и отчасти из Ирана и других окружающих стран. Серебро в слитках также ввозилось из Китая, главным образом через Кокандское ханство. Из ввозного же металла (медь, чугун) отливались и пушки, производством которых занимались в основном пленные русские солдаты и отчасти выходцы из Ирана и Индии. Качество изготовлявшихся таким образом орудий было совершенно неудовлетворительно. В такой же мере неудовлетворительна и примитивна была техника обработки местного текстильного сырья, в частности хлопка, из которого изготовлялись только грубые кустарные ткани. В значительно лучшем положении находилась кустарная обработка шелка, из которого в Бухаре и Коканде изготовлялись превосходные сорта материй, пользовавшихся заслуженной известностью далеко за пределами Средней Азии. Славились также туркменские ковры, отличавшиеся необычайным своеобразием и красотой орнамента, а также прочностью своих красок.

Упадок художественного творчества и понижение уровня технических знаний заметно отразились на местной архитектуре, еще в XVII в. находившейся на довольно высоком уровне.

Завоевание Средней Азии Россией еще более углубило различие между регионами, населенными таджиками. Северные районы, непосредственно включенные в состав Российской империи (Туркестанское генерал-губернаторство), стали форсированно включаться в бурные социально-политические и экономические преобразования России, которые начались после отмены крепостного права (1861 г.). Здесь начали развиваться промышленность (особенно хлопкоочистительная и маслобойная) и формироваться новые, более прогрессивные административно-правовые структуры.

Бухарский же эмират, особенно его восточная часть, продолжал жить традиционной жизнью, медленно и «полусонно».

Завоевание Средней Азии Россией имело достаточно противоречивый характер. Оно окончательно разделило таджикский народ на несколько частей: северная часть (Ферганская долина) была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства (центр-Ташкент), правобережье Амударьи оставалось в составе Бухарского эмирата, а левобережье оказалось в составе Афганистана. Как видим, завоевание не способствовало образованию единого таджикского государства, а еще более углубило диспропорцию между разными частями региона, населенными таджикским народом. В то же время оно обусловило зарождение новых производственных отношений и трансформацию властных структур, знакомство с чужой цивилизацией и более прогрессивным обществом. Последнее послужило толчком к пересмотру традиционных устоев общества и критическому отношению к нему. Естественно, после включения Туркестанского генерал-губернаторства в состав Российской империи с созданием новых русских и русско-туземных школ началось становление новой местной элиты. Если раньше критерием образованности и учености являлась степень овладения духовным (религиозным) знанием (изложенным преи-

мушественно на арабском), то теперь русский язык и овладение светскими знаниями ставились во главу угла. Конечной целью политики России оставалась ассимиляция местного населения путем навязывания ему чуждого мировоззрения и ценностей, которые должны были способствовать установлению новых порядков и их укреплению. Поэтому создавался определенный слой людей, «думающих по-русски», для обеспечения функционирования местного населения и его знакомства с Россией (и через нее с европейской цивилизацией). В результате этих изменений образовалась группа реформаторов, которые стремились к ликвидации отставания региона от всемирного прогресса. Новые реформаторы, которые получили название джадиды (тадж. «ратующие за новшества»), акцентировали свое внимание на создании новометодных школ, где наряду с богословскими, преподавались и светские дисциплины.

В Бухарском эмирате некоторые преобразования произошли при эмире Абдулахде (1885-1911 гг.), который получил военное образование в Санкт-Петербурге и военный чин генерал-адъютанта русской армии и командира 5-го Оренбургского казачьего полка. 28-летний эмир после смерти своего отца Музаффара получил бухарский трон и издал указы об устранении позорных явлений в общественно-политической жизни страны. Первый его указ был о запрете *рабства* и *работоторговли* в Бухаре. В следующем году он издал указ о ликвидации *зинданов* (подземных тюрем) в стране. Он также запретил курение опиума. Эмир провел реформу в своей армии.

Но все-таки Абдулахад оставался зависимым от коррумпированного чиновничества и реакционного духовенства. Прекрасно осознавая всеилие духовенства в городе Бухаре, он своей резиденцией избрал город Кармина, откуда управлял страной.¹

Во время его правления произошло одно из самых мощных народных восстаний под руководством дехканина Восеъ (1885 г.). Это восстание ярко свидетельствовало о тяжелом

¹ Хотирахои Амир Олимхон. – Душанбе, 1992. – С. 39.

бремени налогов, которые должны были выплачивать дехкане и ремесленники, и о бесчинстве их сборщиков на местах.

Характеристику традиционного политического режима в Бухарском эмирате и положения простого народа дает русский географ Логофет, несколько лет пробывший в этой стране. Он писал: «Владыка ханства – Бухарский Эмир, правитель с неограниченной деспотической властью, а на основании шариата (духовного закона) он вместе с тем является и духовной главой государства, управляя им «так же, как пастух управляет своим стадом». Мусульманские законоведы считают, что этим положением эмиру присвоено право над жизнью и смертью каждого из подданных, а равно и право на имущество всего населения. «Как пастух может зарезать во всякое время любую овцу из своего стада», так и эмир имеет законное право пресечь жизнь любого из населения»¹.

О бесправном положении народа писал и крупный таджикский просветитель конца XIX в. Ахмад Дониш, служивший во дворе бухарского эмира. Не раз побывавший в составе официальной делегации эмира в Санкт-Петербурге (столице Российской империи), он воочию видел несходства и различие государственно-административного строя между этими государствами.

В отличие от Бухарского эмирата, в Туркестанском генерал-губернаторстве происходили существенные изменения в общественно-политической жизни страны. Этому существенно способствовало строительство двух железнодорожных путей, соединяющих Среднюю Азию с Российской империей. Первой была проложена железная дорога по маршруту Красноводск (совр. Туркменбаши, Туркменистан) – Ашхабад (1885 г.) – Самарканд (1888 г.) – Ташкент (1898 г.) Пропускная способность этой дороги оказалась небольшой. К тому же транспортировка товаров сначала по железной дороге, а затем по Каспийскому морю и вновь по железной дороге привели к удорожанию транспортных расходов. Но уже в период проектирования желез-

¹ Логофет Д.И. Страна бесправия. – Спб., 1909. – С. 29.

ных дорог в Среднюю Азию, проектировщиками (Барранд, Ф. Лессепс и др.) было предложено строительство межконтинентальной железной дороги по маршруту Лиссабон (Португалия) – Калькутта (Британская Индия) через Среднюю Азию. Но колоссальные затраты этого глобального проекта и жесткая конкуренция между Российской и Британской империями за контроль над территориями Азии не позволили реализовать этот очень смелый для своей времени проект.

В начале XX в. Россия начала строительство новой железной дороги по маршруту Оренбург – Ташкент – Андижан, которая велась ускоренными темпами, и уже в 1905 г. две железные дороги соединились между собой. Строительство железных дорог, связывающих Среднюю Азию с Россией, и повышение царским правительством таможенных пошлин на хлопок, импортируемый из США, были основными мерами, способствующими развитию капиталистских отношений в Туркестане, включая северные районы таджиков.

В Среднюю Азию стали поступать относительно дешевые заводские товары, с которыми не смогли выдержать конкуренции многие ремесленники-кустарники. Последнее привело к банкротству многих из них.

Царское правительство с 70-х годов XIX в. стало отправлять русских переселенцев в Туркестанское губернаторство, где им выделялись относительно плодородные земельные участки, что привело к недовольству местного населения, ущемленного в разделе земли и водоснабжении.

Административная система выглядела таким образом. Страна (Туркестан) состояла из пяти областей – Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской и Закаспийской, которые, кроме последней, управлялись военными губернаторами. Области делились на уезды, а они, в свою очередь, на приставства и волости. На должности начальников (аксакалов) волостей и ниже («курбаши», «мингбаши», «юзбаши» и «эликбаши») избирались лица из местного населения. Избрание утверждалось вышестоящими инстанциями (губернатором).

Туркестан не остался в стороне от бурного развития различных общественно-политических движений, идеологических течений, происходящего во всей Российской империи. Среди них явно выделялась Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП – позже РКП – Российская коммунистическая партия), благодаря сплоченности своих рядов, преданности своей идеологии и личности своего лидера.

Во второй половине XIX в. в Европе возникло новое идейно-политическое учение – марксизм. Основоположники нового учения К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах («Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.) всесторонне исследовали экономические, политические, идеологические, философские и иные аспекты развития общества. Согласно этому учению, общество в своем развитии последовательно переходит от одной формации к другой, более прогрессивной, и последней ступенью такого развития является коммунистическая формация. Двигателем каждой формации является антагонизм основных ее классов (раб – рабовладелец; феодал – крестьянин; буржуа, капиталист – пролетариат). Они утверждали, что переход к новой ступени – коммунизму – возможен только после высокого развития капиталистического общества.

Это учение, родившееся в лоне западного (европейского) мира и объясняющее его развитие, было чуждо восточной политической (идеологической) мысли. Поэтому каждый раз, когда речь заходила о восточных государствах, К. Маркс, осознавая отличие этого мира от западного (европейского), расплывчато говорил об «азиатском способе производства».

Основоположник российской разновидности марксизма (ленинизм) В.И. Ленин, восприняв основные положения марксизма, выдвинул идею о том, что для перехода к коммунистическому строю, высокое развитие капитализма вовсе необязательно и что социалистическая революция возможна и в «слабом звене империализма», каковым он видел Россию.

Влияние социал-демократического движения распространялось и на Туркестанское губернаторство, где также создавались

его первичные ячейки, основное ядро которых составляли русские переселенцы.

В это время под влиянием демократической революции в России (1905 г.) по инициативе прогрессивной интеллигенции в Туркестане создается общество «Союз мусульман», которое выдвигало идею о реформировании общественных отношений в стране.

Революционные идеи о насильственном свержении власти не находили большого отклика среди местного (таджикского) населения. Несмотря на многовековое правление чужеземных династий, таджикский народ, воспитанный на идее, о том, что правитель — наставник и опекун народа, нередко воспринимающийся как «отец народа», не стремился к свержению существующей власти («власти отца»). Редкие народные волнения, бунты и восстания были в основном направлены против произвола и бесчинства чиновников. Когда «зло» наказывалось со стороны восставших или со стороны правителя, народные волнения, возглавляемые в основном духовенством прекращались.

Поэтому и в Туркестане и в Бухаре на первый план выдвинулись не революционные партии, а просветительские организации и движения, ратующие за просвещение и правителя («отца») и народа («несовершеннолетних детей»). Все эти просветительские движения действовали в лоне панисламизма, где основным принцип «Все мусульмане - братья» также развивался в рамках восточного патернализма, рассматривающего государственные отношения через призму семейных отношений (родители - дети).

В 1911 г. после смерти Абдулахата на бухарский престол взошел его сын, последний представитель мангытов эмир Олимхан (1911 — 1920 гг.). Он так же, как его отец, получил военное образование в России (в Москве). Затем 12 лет до смерти своего отца был правителем Карши.

Время правления эмира Олимхана в Бухаре было последними годами жизни традиционного общества, остро нуждавшегося в серьезной модернизации всех сфер общественно-

политической деятельности государства. К сожалению, ни эмир, ни политическое агентство царского правительства при эмире, ни джадида не смогли решительно преобразовать общественные отношения, которые соответствовали бы реалиям бурно развивающейся эпохи, и активизировать внутренние связи бухарского общества.

В эмирате стали создаваться просветительские организации и движения, которые видели выход в просвещении народа и администрации эмира, в освоении не только духовных знаний, но и современных светских наук. В 1912 г. в Бухаре вышла в свет первая таджикская газета «Бухорои Шариф» («Святая Бухара»).

Новое реформаторское движение в Бухаре в начале XX в., известное под названием джадидизм и объединявшее таких наиболее ярких прогрессивных представителей таджикского народа, как Садриддин Айни, Абдурауф Фитрат, Файзулло Ходжаев, М. Бехбуди и многие другие, ратовало не за насильственное свержение существующей власти, а за искоренение негативных общественных явлений через просвещение.

Садриддин Айни (1878 – 1954 гг.), известный просветитель таджикского народа, в одном из своих произведений излагает программные положения этого движения, среди которых доминирует мысль о проведении широкомасштабной просветительской работы среди населения. Эта работа должна была преследовать следующие цели:

- 2) ликвидация безграмотности;
- 2) раскрытие реакционной сущности духовенства перед народом;
- 3) критика произвола чиновничества и защита интересов бедняков;
- 4) анализ деятельности эмира, зачастую несправедливой и жестокой по отношению к народу.¹

К огромному сожалению, многие лидеры джадидизма были привержены не только традиционной панисламской идеологии, но и испытывали влияние новой, наиболее опасной для

¹ Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – С. 107-108.

таджикского народа идеологии — пантюркизма, сыгравшего роковую роль в дальнейшем развитии таджикского народа.

Вскоре началась Первая мировая война (1914 — 1918 гг.) — глобальное противостояние мировых держав за соперничество в распространении сферы своего влияния и раздел мировых запасов сырья. К концу войны общее число воюющих стран выросло до 28.

Народы Бухары и Туркестана не были непосредственно вовлечены в эту войну, но и они, как часть огромной Российской империи, почувствовали лишения и невзгоды военной поры.

Эмир Олимхан — верный вассал России, из своей казны отправил России в годы войны более 3 млн. рублей и несколько тысяч лошадей для нужд фронта. За эти заслуги он был награжден орденами царской России «Белый орел» и «Александр Невский».

С начала войны ввоз промышленных товаров в Туркестан (и Бухару) сократился, что стало причиной резкого роста цен на них. Наряду со снижением закупочных цен на хлопок, это привело к ухудшению условий жизни местного населения. К тому же 25 июня 1916 г. вышел указ царского правительства о призыве местного мужского населения на тыловые работы, согласно которому из Туркестана должно было быть отправлено на прифронтовые предприятия обороны 250000 мужчин (в возрасте от 19 до 44 лет).

Этот указ ухудшил и без того тяжелое положение семей, где мужчина был традиционным кормильцем семьи. В результате в таджикских городах Худжанде, Ура-Тюбе, Пенджикенте, Аште и других начались народные волнения. Эти народные волнения были стихийными, не имели единого руководства и плана действий, поэтому русским карательным отрядам удалось их подавить и реализовать требования указа об отправке мужчин в прифронтовые районы.

В следующем году начались серьезные массовые волнения в центральных районах России. В конце февраля 1917 г. начались забастовки в Петрограде. Представители бастующих заводов и фабрик и военных формирований города впервые

собрались в Таврическом дворце и учредили Совет депутатов рабочих и солдат. Теперь Советы возглавляли восстания рабочих и солдат. В такой накаленной обстановке 27 февраля царь Российской империи Николай II отрекся от престола в пользу своего несовершеннолетнего сына. До совершеннолетия наследника править Российской империей должен был брат Николая II - Михаил, но и он на следующий день отказался от престола. Государственная дума приняла отречение царя и создала Временное правительство во главе с князем Львовым.

Это была бескровная революция, известная в истории как Февральская революция, которая дала народам Российской империи большие политические права и свободы, включая свободу самоопределения.

Во всей России готовились к выборам Учредительного собрания в условиях многопартийной системы и соблюдения демократических принципов. Радикальное крыло революционных течений - большевики, выбрали другую тактику прихода к власти - насильственное свержение Временного правительства и удержание власти путем пролетарской диктатуры и террора. Большевики делили общество на две антагонистические части - эксплуататоров и эксплуатируемых, и призывали к расколу единства общества путем совершения социалистической революции и установления власти рабочих во главе с большевистской партией. Теоретические основы этих насильственных преобразований разрабатывал вождь этой партии В.И. Ленин (1870-1924 гг.).

Кардинальные изменения в России подтолкнули и эмира Бухары Олимхана предпринять некоторые шаги к осуществлению преобразований в эмирате. Группа видных реформаторов, объединившихся в организацию младобухарцев (1917 г.) во главе с А. Бурхони, Фитратом, Файзулло Ходжой, Ахмаджоном Хамди, Усмоном Ходжой и другими, вели переговоры с эмиром. Посреднические услуги в этих переговорах исполнял представитель Временного правительства Миллер. 7 апреля 1917 г. в Бухаре состоялось собрание с участием представителей различных слоев общества, где был зачитан указ

эмира о реформировании общественно-политической жизни в стране. Согласно этому указу, необходимо было упорядочить государственную службу в эмирате - искоренение произвола и своеволия чиновников, проведение реформы судебной и налоговой системы, назначение выборов и учреждение собраний, систематизация бюджетных расходов и доходов, гарантия свободы печати и открытия типографий. Вдобавок к этому эмир объявил всеобщую амнистию. На следующий день тысячи горожан, особенно молодежь, горячо поддержали начало реформ и вышли на манифестацию благодарности эмиру. Однако в Бухаре существовало могущественное религиозно-бюрократическое сословие, которое в первую очередь пострадало бы от этих реформ, и оно не стало медлить. Группа реакционного духовенства, пугая безграмотных, набожных, доверчивых горожан тем, что реформа погубит религию и ее устои (шариат), приведет к раскрепощению женщин и насилию над ними, к приобщению детей мусульман к чуждым религиям, собрала вокруг себя огромную толпу и направилась к эмиру.

Чиновники эмира, также ущемленные реформой, которая усиливала контроль над их деятельностью, поддержали это шествие, требующее отмены реформ. Недальновидные, продажные чиновники своими действиями нарушили хрупкое взаимопонимание в обществе, что привело к большим общественным катаклизмам. Кушбеги эмира (второе лицо в государстве) принял руководителей этого реакционного шествия и обещал выполнить все их требования. Вечером этого дня эмир не только отменил свой указ, но и принял репрессивно-карательные меры по отношению к реформаторам и свободомыслящим горожанам Бухары.

Начались преследования джадидов по всей стране.

Пострадал и Садриддин Айни, которого наказали 75 ударами плетью и бросили в темницу. Многие реформаторы покинули страну. Таким образом, эмир упустил исторический шанс сохранения взаимопонимания в стране, которое могло бы уберечь страну от большевистской агрессии, в передовых отрядах которой сражались бывшие его подданные.

В это время бессилие Временного правительства в России способствовало укреплению позиции большевиков, лидеры которых утверждали, что «время захвата власти мирным путем прошло», и призывали к вооруженному ее захвату.

В Петрограде большевикам удалось установить контроль в Совете депутатов рабочих и солдат, и 25 октября (7 ноября) 1917 г. Временное правительство было разогнано. Большевики захватили ключевые позиции в городе.

На следующий день состоялся Всероссийский съезд Советов депутатов рабочих и крестьян, в работе которого участвовали 625 депутатов, из которых 390 были большевиками.

Меньшевики, правые эсеры и другие партии выступили с протестом против военного переворота и насильственного захвата власти и покинули съезд. Большевики же и левые эсеры продолжили работу, узаконили захват власти и приняли первые законы – Декрет о земле и Декрет о мире. Съезд утвердил новый состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и до созыва Учредительного собрания новое правительство – Совет Народных Комиссаров (Совнарком). Позже большевики распустили и Учредительное собрание (январь 1918 г.), где из 750 депутатов всего 183 депутата были представителями большевиков. Началась гражданская война.

Таким образом, в России совершилась Октябрьская революция, которая коренным образом изменила судьбы народов огромной империи.

Вслед за Петроградом и другими крупными городами России и в Ташкенте большевики Туркестана (абсолютное большинство которых было русскими) вооруженным путем свергли правительство Туркестана.

В этих политических баталиях участвовали и представители местного населения, особенно те, кто был насильно угнан в прифронтовые районы для выполнения работ и повинностей. Здесь они приобщились к активной политической борьбе.

В это время младобухарцы, до сих пор верившие в эмира как в потенциального реформатора страны, после его беспринципных действий по отмене своего же указа о реформе и из-за

преследования самих реформаторов и прогрессивно мыслящих людей, поняли, что основным препятствием в проведении реформ является именно эмир. Постепенно происходила радикализация взглядов и действий младобухарцев. Радикальное крыло младобухарцев после Октябрьской революции в России создало военный комитет для подготовки вооруженного восстания в Бухаре и отправило в Ташкент посланцев для получения военной помощи. Посланцы убедили большевиков Туркестана, что в Бухаре созрела революционная ситуация и около 30 тыс. человек могут участвовать в восстании. 28 февраля 1918 г. председатель Совнаркома Туркестана Ф. Колесов, воодушевленный заверениями младобухарцев и идеей мировой пролетарской революции, во главе 500-600 красноармейцев напал на Бухару. Народ Бухары не поддержал большевиков, и армия эмира разгромила нападавших.

Совнарком России во главе с В.И. Лениным пришел в ярость и негодование по поводу самовольных действий и особенно военного поражения правительства Туркестана. Ф. Колесов был снят с занимаемой должности. Советское правительство, находящееся в трудном военном положении, не хотело осложнять отношений с Бухарским эмиратом и отправило посланцев, чтобы успокоить эмира и подписать мирный договор.

Как пишет в своих мемуарах сам эмир Олимхан, посланники Советского правительства подтвердили независимость Бухарского эмирата и обещали ему военную и финансовую помощь: 50 тыс. ружей, 500 пушек и пулеметов, 50 аэропланов, 50 млн. рублей. Послом в Бухарский эмират был назначен Аксельрод. Все эти действия означали не только признание суверенитета Бухарского эмирата, но и признание поражения (капитуляции) от него.

Эмир пишет и о своих подозрениях относительно подлинности намерений Советского правительства. Подтверждение своим сомнениям он видит в отправке ему 11 пушек (без снарядов!) из Ташкента.¹

¹ Хотирахои Амир Олимхон. - Душанбе, 1992. - С. 17.

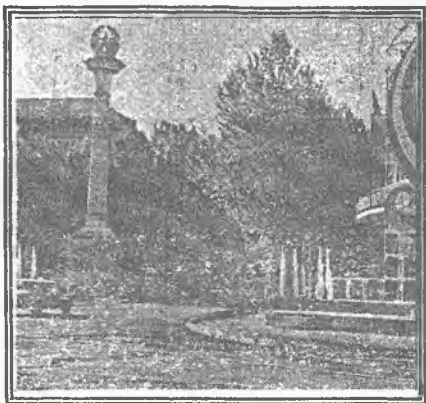

Февральская провокация Колесова вынудила эмира Олимхана предпринять ряд шагов для укрепления своей власти. Озабоченный идеями большевиков о мировой революции, он готовился к отражению провокаций и агрессии с их стороны, для чего осуществлял закупку военного снаряжения, усилил подготовку своей армии. Эмир начал переговоры с Афганистаном и Хивинским ханством о совместных действиях против большевиков. Но дипломатия эмира не увенчалась успехом. В феврале 1919 г. к власти в Афганистане пришел Амануллахан, который для укрепления своей власти и нейтрализации злейшего врага страны — Великобритании — начал переговоры с советской властью. Шах Афганистана 7 апреля 1919 г. обратился к председателю Совнаркома России В. И. Ленину с письмом о подписании Договора о дружбе. Советская власть, попавшая в мировую изоляцию, радостно приняла это предложение. 27 мая 1919 г. ответное письмо от советской стороны за подписью председателя Совнаркома В. И. Ленина и председателя ВЦИК РСФСР М. И. Калинина пришло в Кабул. В действиях Амануллахана доминировали государственные интересы страны над панисламской идеей о единой вере, т. е. шах выбрал в союзники сильного партнера, а не единоверного, и этим сохранил независимость своей страны.

Хивинское же ханство, почти со всех сторон окруженное Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республикой, образованной 30 апреля 1918 г., вскоре пало под ударами объединенных сил большевиков Туркестана и России, которые на его руинах создали Хорезмскую Народную Советскую Республику (27 апреля 1920 г.).

Таким образом, Бухарский эмират остался один на один с огромным полыхающим костром, каковым была в 1918-1920 годах Россия, и костер этот приближался к Бухаре. А эмир своими действиями по оголтелому преследованию реформаторов и своих свободомыслящих подданных, укреплению мракобесия и архаичных отсталых норм поведения и, наконец, усилению армии спровоцировал наступление большевиков на Бухару.

Глава IV

СОВЕТСКИЙ ТАДЖИКИСТАН – ОДНА ИЗ 15 РЕСПУБЛИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Установление советской власти на таджикской земле.

Национально-территориальное размежевание и образование Таджикской ССР.

Политика «совершенствование тела с одновременным насилием над душой».

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТАДЖИКСКОЙ ЗЕМЛЕ

К моменту Октябрьской революции и началу установления Советской власти в Средней Азии таджики, кроме Бухарского эмирата и Афганистана, проживали также в различных частях Туркестанского генерал-губернаторства: на Восточном Памире, в Канибадаме, Исфаре и других районах, находились в составе Ферганской области, в Худжанде, Самарканде, Пенджикенте, Фальгаре и Матче, проживали в Самаркандской области губернаторства.

С начала XX в. в общественной жизни народов Средней Азии появились и ускоренно распространялись новые идейно-политические течения, которые начали соперничать с традиционным панисламизмом, усилившимся после завоевания Средней Азии Российской империей.

Новая коммунистическая идеология (марксизм-ленинизм) распространялась в основном среди простых русских переселенцев, которых царское правительство в больших количествах размещало в Туркестанском крае, и среди рабочих, принимавших участие в строительстве двух железных дорог в крае и в их обслуживании. Идеалы этого учения: классовая борьба, секуляризм, имущественное равенство, национализм, экономический детерминизм и другие, в целом были чужды таджикам, воспитанным в духе религиозного универсализма (все мусульмане - братья), адабе и маданияте (требующих «не высовываться») и на других культурно-этических нормах. Только малая часть мардикоров, отправленных на тяжелые тыловые работы в прифронтовые русские города (Джура Закиров, Абдулкодир Рахимбаев и другие), была знакома с революционными идеями русского пролетариата. Но они были так малочисленны, что не смогли играть существенную роль в последующих кардинальных преобразованиях общества.

Второй новой идеологией, сыгравшей роковую роль в национальном самоопределении таджиков, был пантюркизм.

Пантюркизм возник в лоне панисламизма в Туркестане среди зарождающихся капиталистов и интеллигенции. После бурного развития капиталистических отношений в Туркестане, непосредственно связанного с остальными частями России, появилась новая прослойка – местные буржуа. Новая прослойка, много путешествующая по служебным (торговым) делам по России, Европе, Турции и другим странам, воочию видела их преимущества над собственной страной. Местные буржуа видели выход в просвещении, но в то же время их неустраивала старая школа, дающая только духовное образование. Новая международная торговля со своей жестокой конкуренцией и биржами требовала высокопрофессиональных специалистов, владеющих, в первую очередь, точными науками и другими светскими знаниями. Поэтому в новометодные школы приглашали преподавателей из Казани или из числа местных образованных людей, получивших образование в Казани и Стамбуле, естественно на турецком (и татарском) языке. В начале XX в. самой мощной исламской страной считалась Османская империя, владеющая также святыми городами Меккой и Мединой, куда совершала хадж новая прослойка. Привлекательность Османской (Турецкой) империи состояла в том, что она, в отличие от Ирана, исповедовала ислам суннитского толка, и султан (османский) воспринимался как халиф современности, получивший наследственное благословение правления над всем мусульманским миром (сравните – божественная хварна – фарн у зороастрийцев). К тому же эта империя обладала двумя святынями ислама. Одновременно в Османской империи, находящейся в соседстве с Европой, распространялись новые идеи, особенно национализм. Реформаторы Турции – младотурки – националисты по убеждению, состоявшие из офицеров, интеллигенции и буржуа, имели определяющее влияние на реформаторов Туркестана.

Именно мелкие буржуа исповедовали идею национального самосознания и хотели видеть Туркестан самостоятельно развивавшейся страной. Воспитанные, в первую очередь, на исламских ценностях, они видели в лице русских капиталистов, исповедовавших православие, своих конкурентов, мешав-

ших им единолично контролировать рынки края. Некоторые из них, ознакомившись с лозунгом большевиков «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», видоизменили его на свой лад - «Туркестан для турков!».

Их ряды особенно пополнились после начала Первой мировой войны, когда Турция воевала против России, и царское правительство отправляло военнопленных турок — османцев в Туркестан, чтобы в дальнейшем отправить их на Родину. Лихорадка в царском правительстве (отречения и отставки) не позволила своевременно решить судьбу турецких военнопленных. Но их судьба в Туркестане была не тяжелой, они все больше привлекались большевиками в военные формирования или джадидами (реформаторами) в сферу просвещения. Таким образом, пантюркизм легальным образом укреплял свои позиции в крае, и ко времени установления Советской власти в Туркестане он стал ведущей идеологией в обществе. Вскоре в Туркестанском крае началось соперничество большевиков с пантюркистами (и панисламистами), в котором каждый хотел использовать другого (партнера) в реализации своих партийных целей. Подтверждение этого можно увидеть в возникновении различных терминов и названий, появившихся и существовавших в первые годы Советской власти в Туркестанском крае: «краевая мусульманская коммунистическая конференция», «ТюркЦИК», «Туркбюро ЦК РКП (б)», «Туркмусбюро (Туркестанское мусульманское бюро коммунистической партии)» и др.

В итоге ожесточенной борьбы этих заимствованных наднациональных идеологий, ни одна из которых не защищала подлинных интересов таджикского народа, в новых условиях пострадавшей стороной оказалась единственная нация — таджики. Рассмотрим хронологию политических событий, связанных с установлением Советской власти в Туркестанском крае и Бухарском эмирате.

26 октября 1917 г. в Петрограде победила Октябрьская социалистическая революция, которая стала сигналом вооруженного восстания против Временного правительства во всех крупных городах России. 1 ноября 1917 г. (по старому стилю)

русские большевики Туркестана также подняли вооруженное восстание в Ташкенте против Временного правительства и свергли его. Вскоре состоялся III съезд Советов Туркестанского края, который объявил об образовании Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР), входящей в состав России на федеративных началах. Это не устраивало ту часть мусульман, которые хотели достижения независимости и самостоятельного от России развития. Они собрали в конце 1917 г. Всеобщий съезд мусульман в Коканде и объявили буржуазно-демократическую автономию Туркестана и избрали правительство, возглавляемое премьер-министром Точешбаевым (позже Мустафой Чокаевым). В начале 1918 г. здесь также был созван Съезд трудящихся мусульман, который избрал Народный Совет и одобрил Кокандскую автономию. Такой поворот событий не устраивал новую Советскую власть в Ташкенте, опирающуюся на хорошо вооруженные части Красной Армии. Красная армия разгромила Кокандскую автономию, но ее первый поход в Бухарский эмират окончился полным провалом (провокация Колесова). Вскоре большевики отправили особый военный отряд на Памир для установления там Советской власти. Памирский особый отряд вышел из Ферганы и через Восточный Памир (Мургаб) дошел до Хорога и объявил об установлении Советской власти на Памире (1918 г.).

Новая власть, увлеченная мировой социалистической революцией, не была готова организовать крупномасштабную агрессию против самостоятельного Бухарского эмирата. Теснимая со всех сторон генералами царской армии (белогвардейцами) - Юденичем, Деникиным, Врангелем, Колчаком и другими, Советская власть в Москве больше думала об обороне Центральной России, отодвигая завоевание далекой Бухары до лучших времен. Вожди большевиков, опасаясь активного вовлечения эмира в туркестанские дела на стороне религиозно-освободительного движения, начали переговоры, акцентируя внимание на существовании отношений дружбы и добрососедства между Россией и Бухарой (более 50 лет) и обещая военную и финансовую помощь. Эмир не верил этим обещаниям

и начал подтягивать свои войска (общее число около 13000) к границе и на всей протяженности закаспийской железной дороги, проходящей по территории эмирата от Самарканда до Байрам-Али (Закаспийская область Туркестана). При этом эмир не только не запретил передвижения железнодорожных составов по своей территории, но и отвел войска от железной дороги.¹ Это свидетельствует о том, что эмир всячески избегал поводов для его вовлечения в различные провокации, которые легко использовали бы противники. Одновременно большевики Туркестана приступили к созданию Коммунистической партии Бухары, из числа реформаторов, рабочих и других лиц, пострадавших от репрессий эмира и нашедших убежище в Туркестане. Наученные горьким опытом первой неудачи, большевики хотели в дальнейшем опираться на более широкие недовольные слои Бухары.

Учредительный съезд компартии Бухары (БКП) состоялся в ноябре 1918 г. в Ташкенте. Руководителем партии был избран А. Якуббаев, а его заместителем - Н. Хусейнов. Программа партии была принята позже на заседании ЦК БКП. Главная цель была сформулирована так: уничтожение эмирского строя в Бухаре и образование Бухарской Народной Советской Республики.² С 1919 г. стала выходить газета партии сначала под названием «Тонг» («Заря»), затем «Кутулиш» («Свобода») на тюркском (узбекском) языке. Вскоре младобухарцы изъявили желание объединиться с БКП, но этот вопрос был рассмотрен и решен не самой БКП, а Туркестанским бюро РКП (б), что ярко свидетельствует о том, что БКП была искусственным объединением.

Основная масса таджикского народа, абсолютно аполитичная к власти (и политике), обращающаяся к ней очень редко, только в особых случаях (во время невозможности оплаты налогов, из-за природных катаклизмов, при выполнении чрезмерных требований во время общественной нестабильности)

¹ Хотирахон Амир Олимхон. - С. 18.

² Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. - Душанбе, 1980. - С. 70.

старалась держаться в стороне от происходящего. Ее же политически активная часть - буржуа, интеллигенция, рабочие, воспитанные в лоне панисламизма, не осознали глубины происходящих преобразований. Наряду с идеей о классовой борьбе, они несли в Среднюю Азию также идею о нации, которая, как и первая, формируется в капиталистических обществах, где во главу угла ставятся сугубо национальные интересы, а не конфессиональное или иное единства. Только со временем, в ожесточенной борьбе с пантюркистами, монополизировавшими и использовавшими Туркбюро в своих националистических целях, передовая часть таджикского народа приобретала политическую закалку и жизненный опыт. Аполитичность таджикского народа и непродуманные ошибки его лидеров на этот раз, в отличие от кардинальных предыдущих перемен, обернулись жестокими последствиями. В очень короткое историческое время таджики оказались «бездомным» и «бесписьменным» народом.

Центральная власть, занятая вопросами самовывживания в условиях международной изоляции и интервенции, мало обращала внимания на текущие дела в Туркестане, что развязывало руки пантюркистам в краевом бюро РКП (б).

Советское правительство всецело опиралось на местный тюркский «революционный» элемент, который должен был наряду с русскими большевиками установить в крае твердую власть Советов, поэтому даже немногочисленные руководящие работники из числа таджиков изменили свою национальность. Несомненно, многонациональный состав России требовал в новых условиях практического проведения в жизнь принципов советской автономии. Соответственно, и в Туркестане требовалось создание политического института по делам национальностей, и 16 января 1919 г. правительство Туркестанской республики приняло «Положение о краевом Комиссариате по национальным делам». Согласно этому Положению, при Народном комиссариате по делам национальностей (Наркомнац) ТАССР в 1919 г. были созданы национальные отделы: узбекский, туркменский, киргизский, азербайджанский, армянский, татарский, персидский, украинский, еврейский, туземно-еврей-

ский. Как видим из перечня, на землях великих Турана и Арианы не нашлось отдела для решения вопросов его коренного старожила — таджикского народа. Отсутствие таджикского отдела и наличие двух еврейских отделов — это не «заговор сионских мудрецов», а зловещее решение Туркбюро Компартии большевиков. Возможно, они поступили по принципу «нет человека — нет проблемы» (И.В. Сталин), нет древнего народа, легче делить его огромное наследие.

Большевики, в отличие от чиновников царской власти, с уважением относящихся к традициям и истории края, видели в образе таджика с его набожностью и духовностью «контрреволюционный» элемент, который мешал революционным преобразованиям края. Таджики мешали и пантюкистам, мечтавшим создать единую туркоязычную державу — Туркестан, объединяющую обширную территорию от Турции до Восточного Туркестана, включая Кавказ, Закавказье, Поволжье (Татарстан, Башкирия), казахские степи и непосредственно Туркестанскую республику.

Отсутствие самостоятельного отдела и поручение ведения советских работ среди таджиков персидскому отделу не было случайностью, а было стратегическим планом пантюкистов. Как пишет исследователь, «отсутствие в составе Наркомнац Туркеспублики самостоятельного таджикского отдела, хотя по числу населения таджики значительно превышали туркмен, армян, евреев и других, для которых были созданы специальные отделы, на наш взгляд, следует объяснить сохранившимся в то время влиянием узбекских пантюкистов, националистов, препятствовавших национальному самоопределению таджикского народа»¹.

Правильность этой мысли доказывается тем, что произошло во время национально-территориального размежевания (1924-1929 гг.).

Таким образом, можно заключить, что Советская власть в первые судьбоносные годы (до создания ТССР) продолжала мно-

¹ Дегтяренко Н. Д. Развитие советской государственности в Таджикистане. — М., 1960. — С. 31.

говековую политику чужеземных династий по отчуждению таджикского народа от власти (политики).

Игнорирование существования целого народа породило другую острую проблему – проблему просвещения.

Отношение к таджикскому языку было явно негативным, и к организации просвещения на этом языке были враждебно настроены все руководящие работники Советской власти в Туркестанской АССР, особенно в отделе просвещения. Тогдашнее реальное отношение к таджикскому языку пантюркистов, монополизировавших многие органы (отделы) Советской власти, ярко иллюстрируется печально известной статьей «В стране таджиков», опубликованной в газете «Туркестан» (1924, 2 янв.), где пишется: «Желание употреблять этот язык означает, во-первых, стремление отделиться от жизни, потому что жизнь и течение истории против него; во-вторых, факт принятия его означает принятие не полезного, а бесполезного и лишнего языка, а поэтому таджикам необходимо просто-напросто немедленно перейти на узбекский язык и не придерживаться особого таджикского языка, так как ходом социального процесса уже решена их судьба»¹.

Традиционная жизнь таджика в согласии с самим собой, своим правителем, своим Богом, таджика, не одобряющего радикальных выступлений против существующего порядка, установленного не людьми, а самим Аллахом и освященного Кораном жизнь, которую не осмелился нарушить могущественный русский царь и его чиновники, несомненно, раздражала пантюркистов и русских революционеров, стремившихся кардинально изменить многовековые устои общества. Поэтому и пантюркисты, и большевики стремились путём перевода обучения на турецкий (позже на узбекский) язык оторвать таджика – дехканина от его колоссального многовекового литературного наследия и быстрее приобщить к новым заимствованным ценностям, где во главу угла ставилась не гармония жизни, а непрекращающаяся классовая борьба, требующая постоянных жертв.

¹ Каландаров И.К. Славный сын таджикского народа. - Душанбе, 1999. С. 18.

Естественно, передовая часть таджикского народа, вечно мечтавшая о просвещении народа, воодушевленная идеей советской власти о ликвидации безграмотности, пошла в школы и на различные курсы ликбеза (ликвидации безграмотности) и столкнулась с вопиющими нарушениями в школах, где учеников (преобладающее большинство были дети таджиков) заставляли учить чуждый им турецкий язык.

Арабы, завоевав таджикские земли (Хорасан и Мавераннахр), в VIII в. сожгли всю зороастрийскую литературу и добивались подчинения ценностям новой власти (Коран, написанный на арабском языке) в основном путем налоговой политики (уплата подушного налога джизья – для немусульманам). Большевики же, также насильственным путем захватив власть, вначале для удержания своей власти не стали препятствовать использованию древнего таджикского языка, пронизанного исламскими ценностями. Но позже большевикам удалось превзойти арабов. Они не только дважды изменили алфавит (в 1929 г. – замена арабской графики на латиницу, в 1940 г. латиницы на кириллицу), что отчуждало таджиков от наследия предков, но и исковеркали тысячелетнее досоветское развитие чуждыми таджикам ядовитыми идеями классовой борьбы и травлей религий (зороастризма и ислама). Сравнительное изучение двух великих книг таджиков «Шахнаме» и «Таджики» и книг, появившихся в относительно благополучные периоды жизни, подтверждают нашу мысль. В «Шахнаме» Фирдавси, появившейся на свет более чем через 300-летнее господство ислама на родном языке, сохранился высокий патриотический дух. В «Таджиках» же Б. Гафурова, изданном после 50-летнего установления Советской власти (сначала на русском языке (1972 г.), а позже на таджикском языке (1983-1985 гг.), в фактологическом изложении политической жизни таджиков и их предков уже доминируют идея о тотальной классовой борьбе и реакционности религий, и чрезмерная комплиментарность русскому народу (особенно русским рабочим), что свидетельствует не только об участии советских ученых в написании книги, но и наводит на неверную мысль, что именно благодаря русским таджики вышли из много-

вековой темноты. Поэтому читателю иногда кажется парадоксальным, как при такой невыносимой жизни предков, последним удавалось строить величественные города, сады, дворцы, колоссальные ирригационные сооружения, создавать великие произведения литературы, науки и искусства. Общеизвестно, что великие творения создаются не под кнутом, а в пору вдохновения, и огромное количество великих произведений предков таджиков красноречиво свидетельствует о том, что у них было достаточно времени для вдохновения.

Не умаляя исторической значимости книги «Таджики», необходимо все же отметить, что многие подобные произведения советской эпохи, написанные в марксистской интерпретации истории, несомненно, подрывали единство таджикского народа, мешали рассмотреть его, как «единую семью», имеющую славное прошлое, монолитное настоящее и пока неопределенное будущее.

Поэтому можно утверждать, что власть большевиков (в отличие от арабов и последующих исламских династий) принесла много бед таджикам, особенно в социально-культурном аспекте, где таджикская ментальность раскололась на две части. Конфликт между ними не дает покоя до настоящего времени.

Тем временем Советская власть, укрепив свои позиции в Центральной России, стала уделять больше внимания военно-политическим процессам, происходящим в Туркестанском крае и соседних странах.

Был создан и активно действовал Туркестанский фронт во главе с М. Фрунзе, которого интересовали не только борьба с белогвардейцами края, но и свержение власти в двух самостоятельных государствах региона - Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. 1 февраля 1920 г. в Хиве была свергнута ханская власть и 17 апреля этого же года было объявлено об образовании Хорезмской Народной Советской Республики (ХНСР). Постепенно железное кольцо сжималось вокруг Бухары. После свержения власти в Хиве командующий Туркестанским Фронтом М. Фрунзе разработал план военных действий против Бухары, который одобрил ЦК РКП (б) (10 августа 1920).

После получения директив от ЦК РКП (б) о свержении власти в Бухаре Туркестанский фронт был приведен в боевую готовность (12 августа). При разработке плана наступления, утвержденного в Петрограде, все-таки учли шепетильность вопроса. Необходимо было показать миру, что конечная цель наступления - не огромная казна суверенного эмира, а братская помощь восставшему «революционному» народу Бухары.

Согласно плану, один из отрядов красноармейцев 28 августа должен был захватить приграничный город Чарджоу и срочно (в тот же день) создать революционный комитет и объявить о начале революции в Бухаре, что послужило бы сигналом к наступлению еще четырех отрядов Красной Армии¹.

Бухарский эмират со всех сторон, кроме южной, был окружен Туркестанской АССР, а южный сосед Афганистан, подписавший договор о дружбе с Советской Россией, сохранял нейтралитет. Эмиру Олимхану неоткуда было ждать помощи, а его плохо подготовленная армия не могла долго противостоять численно превосходящей, хорошо вооруженной Красной Армии, имевшей современные бронетехнику и авиацию.

18 августа 1920 г. для совместных действий объединились коммунисты Бухары с революционерами – младобухарцами. Был избран комитет, возглавлявший «народную революцию» в Бухаре. В него вошли В. Куйбышев, Н. Хусейнов, Ф. Ходжаев.

Утром 29 августа 1920 г. отряд туркменской кавалерии под командованием Кулмухаммедова атаковал город Чарджоу и взял в плен бека этого приграничного бекства Бухары. Срочно созданный революционный совет, согласно плану, попросил помощи от Туркестанской АССР, что послужило началом наступления на Бухарский эмират. 29 августа 1920 г. красноармейцы начали штурм города Бухары с использованием артиллерии и авиации. Эмир Олимхан, собрав все имеющиеся в городе военные силы, 4 дня и ночи оказывал сопротивление.

Особенно парализующее действие на защитников города оказало использование авиации (в воспоминаниях эмира

---

¹ Фрунзе М. В. Избранные произведения. - М., 1950. - С. 110.

Олимхана говорится об 11 аэропланах, а в «Таърихи нофеъи» Мухаммада Балджувани - о 3-х). Бомбардировка священного города с воздуха (где, по мнению всех жителей города, находится Всемогуший Аллах), ранее невиданной и неслыханной чудотехникой, сеющей смерть и огонь, усиленной канонадой пушек и наступлением красноармейцев («неверных» для истинных мусульман города) показалось наступлением страшного «Судного дня». Эмир Олимхан был вынужден отступить в Восточную Бухару, так как остальные главные города Западной Бухары (Карши, Китаб, Шахрисабз и др.) были уже захвачены отрядами Красной Армии. Согласно сведениям очевидцев (автора «Таърихи нофеъи»), город Бухара был охвачен огнем целых 20 дней, в итоге сгорело 34 городских квартала (гузар), более 1000 лавок (дукан), 20 дворцов, 29 мечетей и 3000 дворов горожан. В Арке (дворце) эмира сгорело около 300 зданий. Это были реальные земные потери небесного «Страшного суда».

В своих воспоминаниях эмир мотивировал свой побег тем, что хотел быстрее избавить жителей города от этого кошмара¹.

Город был разграблен², а казна эмира, наполненная столетними налогами и податями таджикского (и других) народа, не была возвращена или оставлена этому народу, для блага которого (установление народной власти) была устроена эта бойня. 4 августа 1920 г. вся казна и драгоценные предметы эмира, накопленные за последние 200 лет (оценочная стоимость от 150 до 300 млн. рублей – достаточно внушительная сумма), были отправлены в Россию³. Вывоз казны наводит нас на мысль, что завоевание суверенного Бухарского эмирата, чего не осмелилась сделать могущественная Российская империя, чтившая международные нормы, было предпринято не ради освобождения поголовно набожного населения соседнего государства от его же правителя, а ради конфискации богатства страны, так необходимого

¹ Хотираҳои Амир Олимхон. - С.19.

² Газета "Адолат" – 1992. - №2. - С. 4.

³ Холиқзода А. Тоҷикони Мовароуннаҳр аз истилои Россия то истиқлол. – Душанбе, 1997. - С.76.

для удержания власти большевиками.

После побега эмира в Восточную Бухару было создано новое Бухарское правительство из членов Компартии Бухары (БКП). 14 сентября 1920 г. была образована Бухарская Народная Советская Республика (БНСР). Председателем Революционного комитета (Ревком) стал А. Мухиддинов, сын бухарского миллионера, а Председателем Наркома стал Файзулло Ходжаев, один из видных деятелей джадидизма (младобухарцев). БНСР была объявлена суверенным государством, так как большевики все-таки не могли сразу с самого начала нарушать международные нормы. Они только начали подготавливать почву.

Вскоре новое правительство попросило Туркестанский фронт оставить Красную Армию в Бухаре, не выводить ее из суверенной, хотя и дружественной страны. Отряды Красной Армии были необходимы новому правительству не только для борьбы с эмиром, готовившимся к обороне в труднодоступной Восточной Бухаре, но и для удержания власти в самой столице, так как в стране не было ни одного сословия (тем более класса), на который могла бы опираться новая Советская власть.

В декабре 1918 г. был создан Гиссарский отряд Красной Армии, предназначенный для борьбы против эмира, который со своей ставкой находился в маленьком городе Душанбе. Эмир Олимхан вел ожесточенные сражения с отрядами Красной Армии в течение полугода. За это время Красная Армия постоянно получала свежие военные силы и снаряжение. К весне 1921 г., отрезанный от всего мира, эмир, хорошо понимавший, что ему не хватает вооружения, снарядов и патронов, стал готовиться к поездке в Кабул, столицу Афганистана. Оттуда он намеревался организовать помощь своему войску, оставленному под командование Ибрагимбеку. Эмир Олимхан перешел на правобережье Амударьи, в пределы Афганистана 10 марта 1921 г. Больше он не возвратился в свою страну и после 23 лет жизни умер в Кабуле, где и был похоронен.

Эмир Олимхан не смог кардинально повлиять на военнополитические события, происходящие в БНСР, но его руководство военными действиями для восстановления эмирата в Бухаре

и дипломатических сношений на международной арене существенно повлияло на принятие большевиками решения о национально-территориальном размежевании Средней Азии.

20 октября 1920 г. Ревком БНСР создал Чрезвычайную Диктаторскую Комиссию (ЧДК) Восточной Бухары, которая дала новой власти и армии широкие полномочия по усмирению и ликвидации всех проявлений недовольства Советской властью. ЧДК Восточной Бухары в своей деятельности опиралась на гарнизоны Красной Армии, созданные в Душанбе, Бойсуне, Файзабаде и Кулябе.

1920 – 1923 годы были одним из самых тяжелых периодов в жизни таджиков, сравнимым с монгольским нашествием начала XIII в.

Бесславный побег эмира за границу, несомненно, ослабил боевой дух и мощь его сторонников, которые мало считались с главнокомандующим Ибрагимбеком, предпочитая укрепление своей вотчины. Поэтому существуют различные мнения, порой противоположные, по поводу характеристики сторонников свергнутого эмира: то ли это было национально-освободительное движение, то ли контрреволюционное движение или басмачество. По нашему мнению, это было не контрреволюционное движение. Как мы уже убедились, революция была экспортирована в эмират из Туркестана на штыках красноармейцев (вспомните, основоположники марксизма подчеркивали невозможность экспорта революции).

Для вождя пролетариата В.И. Ленина, следовавшего своему принципу «политика не мораль, здесь присутствует только цель», главное было не следование наставлениям своих идеологических учителей, а богатая казна эмира, который в упомянутых выше мемуарах признает свою вину, в отличие от большевиков, за страдания и лишения всего населения эмирата, включая таджикский народ¹.

Не было это и национально-освободительное движение, так как сторонники эмира - узбеки, таджики, киргизы, туркмены

---

¹ Хотираҳон Амир Олимхон. - С. 27.

и другие, боролись не за свою национальную автономию, а за восстановление эмирского правления, где конфессиональное единство (ислам суннитского толка) было превыше всего.

В литературе последних лет, посвященной этому вопросу, приводятся красноречивые факты о том, что басмачеством занималась не только одна сторона, но и новая власть нередко осуществляла незаконную экспроприацию имущества простого населения. Если вообще можно говорить здесь о нравственном аспекте (при насильственном захвате чужого имущества), то правда была на стороне эмирского войска, так как красноармейцы были для простого населения Бухары чужаками — захватчиками, а мирские чиновники взяли в руки оружие, чтобы защищать своих подданных и их имущество. Об этом свидетельствует и тот исторический факт, что каждый четвертый подданный эмира последовал за ним и эмигрировал в Афганистан (более 200 000 человек).

Это было скорее всего религиозно — освободительное движение, стремившееся возратить исламские ценности и восстановить исламское государство. Именно поэтому оно нашло отклик в различных областях Туркестанской АССР. Поэтому назовем их моджахедами, главная цель которых были не ограбление и произвол по отношению к местному населению, а борьба за установление мусульманского государства, со всеми его ценностями и недостатками. Это подтверждается тем фактом, что к концу 1921 г. эмир главнокомандующим своих войск вместо непрофессионального военачальника Ибрагимбека назначает бывшего министра обороны Турции Анвар-пашу.

Первым делом нового главнокомандующего было установление единого командования в Восточной Бухаре, для чего он созвал сбор всех военачальников разрозненных отрядов и укрепил связи с другими отрядами, которые действовали в Западной Бухаре и Туркестане. С объединением отрядов моджахедам удалось вытеснить красноармейцев из Бойсуна, Дарбанда и Шурабада. К началу 1922 г. армия эмира выросла от 15 тысяч до 60 тысяч человек.

Серьезность положения в Бухаре осознали и новые власти в центре, которые в начале 1922 г. несколько раз обсуждали в Политбюро ЦК Компартии ситуацию в БНСР, особенно в Восточной Бухаре. В Бухару были отправлены лучшие карательные отряды Красной Армии, а для приобретения военного снаряжения было выделено 1,5 млн. рублей (возможно, из 300 млн. рублей казны эмира).

Был назначен и новый главнокомандующий Красной Армии в Бухаре из опытных военачальников бывшей царской армии, отличившийся в подавлении других антисоветских восстаний в России.

Новый командующий Какурин, мобилизовав все средства, направился в Бойсун, где была ставка Анвар-паши. Среди моджахедов не было единства. Ибрагимбек свысока смотрел на своего соперника – чужака. Как и другие военачальники, он часто отлучался в свою вотчину – в Лакай Таджик (Ленинский р-н), что явилось основной причиной их последующих поражений. И на этот раз, когда наступали основные силы Красной Армии, многие военачальники моджахедов со своими отрядами отсутствовали. Анвар-паша отступил сначала в Душанбе, позже – в сторону Куляба.

Авторитета Анвар-паши или Ибрагимбека было недостаточно для консолидации всех сил отрядов моджахедов, чтобы дать отпор наступающим силам Красной Армии. Долгое отсутствие эмира, соперничество военачальников, доходящее до вооруженных стычек, усиливающийся произвол охладили симпатии народа к движению моджахедов. Большая часть населения Бухары покинула страну (в основном эмигрировала в Афганистан), остальные, особенно дехкане – бедняки, стали сотрудничать с новой властью, обещавшей им земельные участки и обучение грамоте.

В Восточной Бухаре еще оставались крупные отряды моджахедов: в Лакае действовал Ибрагимбек, в Бальджуване – Давлатмандби, в Каратегине – Фузайл Махсум, в Кулябе – Анвар-паша, Салим-паша, Ашуртуксабо, в Ура-Тюбе-Матче – Холбута, в Центральной Бухаре – Абдукаххар и др. Отряды Красной Армии

под единым командованием и согласованно стали громить эти отряды, лишённые народной поддержки. В одном из сражений с отрядами Красной Армии 12 июля 1927 г. командующий Анвар-паша был смертельно ранен и похоронен в святом местечке Хазрати Султон в Ховалинге.

Последнее серьёзное выступление моджахедов состоялось с возвращением в 1931 г. из Афганистана Ибрагимбека. При сражении с красноармейцами, он попал в плен и позже был убит.

Как часто приходилось таджикскому народу выбирать. И в этот раз он выбрал новую власть и начал перестраивать свою жизнь. Это новая власть строила школы и больницы, промышленные предприятия, выделила землю дехканам. Эти и многие другие мероприятия способствовали тому, что народ в итоге принял Советскую власть.

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ ССР

12 июня 1924 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло Постановление о национальном размежевании республик Средней Азии и образовании компартии Узбекистана, Туркменистана, о Таджикской и Каракиргизской областных партийных организациях, 27 октября 1924 г. Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Союза ССР принял Постановление об образовании Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Узбекской ССР.

В этих сухих решениях двух высших руководящих органов СССР была узаконена историческая несправедливость по отношению к таджикскому народу и его единству. Основными виновниками этой несправедливости были пантюркисты с узбекской стороны, и, а это особенно печально, с таджикской стороны, облечённые властью. Главным для центральной власти

была ликвидация двух самостоятельных государств региона: Хорезмской Народной Советской Республики и Бухарской Народной Советской Республики. Легитимность создания этих республик, вчерашних восточных государств, была очень проблематичной на международной арене. Вспомним, что свергнутый внешними силами эмир Бухары Олимхан неустанно напоминал о своих законных правах и своими действиями и бесчисленными заявлениями еще будоражил международное сообщество.

Установление Советской власти в этих государствах в основном с помощью «русского пролетариата» произошло бескровно. Их ликвидации путем создания национальных республик способствовало и конфессиональное единство региона Средней Азии. Несомненно, традиционный принцип «разделяй и властвуй» присутствовал в действиях пантюркистов. Они в открытую вели пропаганду за создание «великого Туркестана». В их рядах лидировали тюркские миссионеры, военнослужащие, просветители, традиционные противники России.

Национально-территориальное размежевание, как серьезная политико-историческая акция, сыграло в дальнейшей жизни таджиков противоречивую роль.

30 декабря 1922 г. был созван I съезд Советов СССР, в работе которого приняли участие представители России, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии. На съезде были утверждены Декларация об образовании СССР и Союзный договор.

Из трех среднеазиатских республик – Туркестанской АССР, Бухарской НСР и Хорезмской НСР, только первая в качестве автономии России входила в СССР. Поэтому необходимо было урегулировать взаимоотношения БНСР и ХНСР, отчаянно борющихся за сохранение новой власти.

Идеи же о национально-территориальном размежевании возникли еще в 1920 г., в связи с сепаратистскими выступлениями пантюркистов в Туркестанской АССР, мечтавшими об отделении. Естественно, русские партийные и советские работники хорошо знали настроения и стремления своих коллег и об осложне-

ниях в межнациональных отношениях и регулярно докладывали об этом в центр.

Вождь пролетариата В.И. Ленин, коснувшись этой проблемы, в своих замечаниях на проект решения ЦК о задачах партии в Туркестане 13 июня 1920 г. указал на необходимость осуществления этого размежевания и рекомендовал:

«1) Поручить составить карту (этнографическую и прог). Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»¹. Здесь ни слова не сказано о таджиках. Но Ленин хорошо знал о существовании такой нации. На одном из съездов партии (март 1919 г.) Ленин, выступая по национальному вопросу, перечислял таджиков среди других народов Средней Азии.²

Человек, много говоривший «об освобождения народов Востока», неотъемлемой частью которых является и таджикский народ, никогда не интересовался его судьбой. Его и вообще большевиков никогда не интересовала судьба одной конкретной нации. О ней вспоминали только в критических ситуациях и решали вопрос часто репрессивными (карательными) методами. В истории советской власти полно таких примеров.

В данном случае (при национально-территориальном размежевании) главной целью большевиков было ослабление своих противников – пантюркистов и обоснование легитимности присоединения суверенных государств (БНСР и ХНСР).

В 17-25 апреля 1923 г. в Москве состоялся XII съезд РКП(б), который среди других вопросов обсуждал и национальные моменты в партийном и государственном строительстве, что послужило серьезным толчком к практической реализации размежевания в Средней Азии.

25 февраля 1924 г. состоялся расширенный пленум ЦК БКП, на котором обсуждался вопрос о размежевании Советской Средней Азии на ряд республик по национальному признаку.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. - Т 41. - С. 436.

² Там же. - Т.38. - С. 158.

Полмесяца спустя 10 марта проекты были утверждены в Исполнительном бюро ЦК БКП, где предусматривалось создание самостоятельных республик – Узбекистана и Туркменистана. В отношении таджиков было предусмотрено создание автономной области, состоящей из *Каратегина*, *Гарма* и *Матчи* (относящейся пока еще к Туркестанской АССР), в составе Узбекистана – Бухары¹.

Уже первоначальная задумка о выделении таджикских территорий, включающих две горных долины, не связанные между собой и тем более представляющих пока два самостоятельных государства, реально свидетельствует о том, какие враждебные отношения к таджикам царили в Бухаре, в которой около тысячи лет господствовал таджикский язык и большинство населения которой составляли таджики.

«Всего населения Бухары, – пишет русский исследователь, – около 3 млн. человек, из них таджиков составляет около 70%, т. е. около 2.100.000 человек, а узбеков - около 25%, т.е. около 750 000 человек, остальные 5% приходятся на другие народности – бухарских евреев, древних племен и пришлых русских»².

Несомненно, произвести абсолютно справедливое нацио-нально-территориальное размежевание в Средней Азии невозможно, когда одни селения с одним народом или смешанным составом часто чередуются между собой в одной долине и т.д. Но выделение самых захудалых территорий, тем более пока еще контролировавшихся отрядами моджахедов и частый смех на заседаниях территориальной комиссии, когда речь касалась обсуждения различных вопросов относительно таджиков, угнетающе подействовали на представителей таджикской нации.

В Туркестанской республике положение было еще хуже. Ответственный секретарь ЦК КПТ Абдулло Рахимбаев, таджик по национальности, выступая с высокой трибуны заявил: «Средняя Азия по национальному составу является страной, где преоб-

¹ Масов Р. История топорного разделения. - Душанбе, 1991. – С. 31.

² Массальский В.И. Туркестанский край. – СПб, 1913. - С. 404.

ладающими национальностями являются узбеки, киргизы и туркмены и затем, значит, отдельные мелкие народности». Это была безответственная ложь, так как, по подсчетам выдающегося русского исследователя И.И. Зарубина, численность таджиков в Самарканде в 1915 г. составляла 59 901 человек, а узбеков - всего 819 человек, в 1920 г. - 44578 таджиков и 3311 узбеков. Изменение состава населения исследователь объясняет, помимо прочих причин, и отуречиванием таджикского населения.¹ Из научного отчета видно, что таджики были не «мелкой народностью» Туркестана, а наоборот, доминирующим народом в одном из ведущих городов края. Кроме того, таджики преобладали также в других долинных городах и крупных селениях, таких как Худжанд (родина А. Рахимбаева), Канибадам, Исфара, Педжикент, Ура-Тюбе, Чуст, Сох, Учкурган и др.

Но национально-территориальное размежевание — это было не всенародное демократическое мероприятие, а желание партии, верхушка которой в крае откровенно исповедовала пан-тюркизм, включая высших партийных и советских работников — таджиков. Антитаджикская сущность акции проявилась сразу после завершения предварительных заключений.

Но пока обсуждения велись в верхних партийных кругах, 5 апреля 1924 г. Политбюро ЦК РКП (б) заслушало того самого А. Рахимбаева «О Туркестане, Бухаре и Хорезме (об образовании национальных республик)» и одобрило проекты, разработанные местными Компартиями. ЦК РКП (б) поручило своему Средазбюро подготовить соответствующие предложения.²

Средазбюро ЦК РКП (б) в свою очередь создает особую Комиссию, состоящую из трех подкомиссий: узбекской, казахской и туркменской. Как видим, таджикской подкомиссии нет, но есть один представитель таджиков - Чинор Имомов - в составе узбекской комиссии. В одной из резолюций Комиссии говорится, что при необходимости решения таджикского вопроса до-

¹ Рахимов Р.Р. Советская этнография//1989. - №1. - С. 118.

² Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана — Душанбе, 1980. — Т.1. — С.102.

пускается руководство этим совещанием Абдулло Рахимбаеву. Автор проекта о выделении таджикам Матчинской и Каратегинской горных долин, отдаленных друг от друга, не только не защищал интересы таджиков в решении этой судьбоносной для них задачи, но и мог загубить дело на корню.

В последующие месяцы состоялись многочисленные заседания Комиссии по размежеванию, где абсурдность первоначального варианта стала явной для всех. Даже представители других национальностей не смогли остаться равнодушными. Постепенно таджикам выделялись новые районы: *Куляб, Курган-Тюбе, Памир*, но эти уступки были направлены на то, чтобы таджикская сторона, увлекшись получением своих горных районов, забыла о своих основных историко-культурных центрах, таких, как Бухара, Самарканд, Шахрисабз, Худжанд и Пенджикент. Именно этим и воспользовались пантюркисты.

Выше было сказано, что для борьбы с моджахедами Ревкомом БНСР в Восточной Бухаре была создана Чрезвычайная Диктаторская Комиссия (20 окт. 1920 г.). 28 мая 1924 г. в разгар работы комиссии по размежеванию Всебухарский ЦИК принял постановление об упразднении ЧДК и организации вместо нее Исполкома Восточной Бухары с местопребыванием в маленьком городе *Душанбе*. Исполком в отличие от Чрезвычайной Комиссии, хотя она и не выполнила до конца своей миссии, имел постоянный характер, что наводило на мысль, что центром таджикских земель будет именно Восточная Бухара.

Все таджикские партийные и советские руководители, глубоко верившие в партийное братство, попались в эту ловушку, и даже в последующем, после обнаружения несправедливости, не смогли согласованно выступить против решения Всебухарского ЦИК и потребовать хотя бы одну из двух таджикских жемчужин.

Если в Туркестанской АССР таджик А. Рахимбаев всячески препятствовал выделению автономии таджикам (не говоря уже о суверенной республике), то в Бухарской НСР другой таджик - Файзулло Ходжаев вел еще худшую антитаджикскую политику. Он был видным деятелем младобухарцев (бухарская часть пантюркистов, получившая такое название в подражание младо-

туркам Турции), которые послужили «пятой колонной» для наступления Красной Армии в суверенное государство Бухарский эмират и двумя руками отдали ей всю казну эмира. Это национальное предательство сделало Ф. Ходжаева одним из руководителей нового государства — председателем Совета Народных Назиров БНСР. На этом высоком посту он также продолжал антитаджикскую политику. В Советской Бухаре, возглавляемой им и другим таджиком — Абдулкодиром Мухиддиновым (который, в отличие от первого, позднее осознал свою роковую ошибку и боролся за исправление принятых решений, за что поплатился головой) таджикский язык, являвшийся государственным языком в течение многих веков, перестал быть таковым. Правительство БНСР объявило официальным языком узбекский, и более того, оно препятствовало употреблению таджикского языка в государственных учреждениях и особенно преподаванию на таджикском языке.

Предварительные итоги территориального разграничения были рассмотрены в Политбюро ЦК РКП (б) 12 июня 1924 г. и одобрены. Теперь для практического осуществления мер по созданию новых республик и областей в их составе было решено образовать из всех их представителей (включая таджиков) территориальную комиссию под председательством одного из членов Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Согласно поручению Политбюро, Средазбюро ЦК 15 июля 1924 г. создало временные бюро новых создаваемых национальных республик и областей и Центральную Комиссию по национально-территориальному размежеванию. В состав этой комиссии вошли представители всех народов, живущих в Средней Азии, включая русское население края, но о таджиках «забыли» в очередной раз, несмотря на решение высшей инстанции партии (Политбюро).

Как пишет знаток проблемы академик Р. Масов, «таджикская подкомиссия с правом совещательного голоса (только совещательного, а не полноправного, решающего. — М.А.) в составе Ч. Имомова, А. Ходжибаева и М. Саиджанова была включена в комиссию с опозданием, буквально за три дня до начала

обсуждения вопроса о границах Таджикской автономной области. Естественно, что за три дня Таджикская подкомиссия не имела возможности не только глубоко и обстоятельно изучить материалы комиссии, но даже хотя бы бегло ознакомиться с ними. Поэтому ее заключение и выводы полностью отражали желание узбекской комиссии».¹

Далее академик Р. Масов на основе архивных материалов (заседания территориальной комиссии) раскрывает не только соглашательскую (порой доходящую до национального предательства) политику таджикских представителей, но и озабоченность представителей других народов-туркмен, киргизов и других, которые, увидев вопиющую несправедливость по отношению к таджикам и их уступчивость в решении вопросов принадлежности некоторых таджикских районов, выступили решительнее, чем сами таджики². Но естественно, главное для них было отстаивание собственных национальных территорий.

6 сентября 1924 г. границы Таджикской автономной области в окончательном варианте были утверждены на заседании Территориальной комиссии, а 7 сентября – в Средазбюро ЦК РКП (б). Согласно этому варианту, территория таджикской автономии включала в себя *Гармский вилайат* (включая *Дарваз, Ванч*), *Душанбинский, Кулябский, Кургантюбинский вилайаты, Каратагский тумен, Сары-Ассийский вилайат, Матчинскую, Искандаревскую и Фальгарскую волости* (без Пенджикента) Самаркандской области и *Шугнанскую, Памирскую и Рушанскую волости Ферганской области*.

В эти дни в Душанбе проходил I съезд Советов Восточной Бухары, на котором официальным языком делопроизводства был объявлен таджикский язык, был избран Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Советов Восточной Бухары под председательством Нусратулло Махсума (Лутфуллаев), что означало, что центром таджикских территорий будет Восточная Бухара. Председатель ЦИК Восточной Бухары Нусратулло Махсум,

¹ Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе, 1991. – С. 41.

² Там же: С. 42-47.

решительно выступивший за суверенную Таджикскую республику и опротестовавший материалы Комиссии после ознакомления с ними в Ташкенте, требовал расширения территории таджиков за счет таджикских земель Ферганской долины. Он написал письмо И.В. Сталину, тогдашнему лидеру Коммунистической партии Советского Союза, требуя восстановления справедливости.

Несмотря на то, что вскоре были приняты законодательные акты, закрепляющие итоги национально-территориального размежевания (15-16 сент. 1924 г. на чрезвычайной сессии Туркестанского ЦИК и 19 сент. на V Всебухарском курултае Советов), начались работы по самоопределению районов, указанных в письме Нусратулло Махсума И.В. Сталину. В итоге *Пенджикентский вилайат* и *Ура-Тюбинский район* (преобразованный после включения Матчи в вилайат) были включены в Таджикскую автономную область. Канибадамская, Исфаринская, Сохская, Риштанская, Ляйлякская, Аштская, Амасская, Бабадохонская, Чохдакская волости Ферганской области и другие территории не были включены в Таджикскую автономную область. И случилось это по вине члена Таджикской территориальной комиссии А. Ходжибаева, который ошибочно считал «пока преждевременным присоединение ферганских таджиков указанных территорий. Полагаю, что Таджикистан в данное время не справится с этими районами ввиду предстоящих больших работ по Восточной Бухаре»¹. Это была роковая ошибка человека, активнее всех таджиков отстаивающего их исторические права во время всех тяжелых переговоров по национально-территориальному размежеванию (1924 – 1929 гг.).

Одновременно национальная комиссия 5 октября 1924 г. обратилась в Политбюро ЦК РКП (б) с просьбой об образовании на Памире автономной области и о присоединении ее к Таджикистану. По мнению историков, именно этот факт послужил причиной образования Таджикской автономной республики вместо первоначально задуманной области, так как две автоном-

¹ Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе, 1991. – С. 62.

ные единицы не могли войти в состав одного автономного образования. Это послужило началом последующего суверенного развития Таджикистана (пока в составе СССР).

Политбюро ЦК РКП (б) 11 октября 1924 г. на своем внеочередном заседании обсудило предложения партийных и советских органов Средней Азии по национально-территориальному размежеванию, включая вопрос о Памире, и признало вместо автономной области образовать Таджикскую автономную республику в составе Узбекской ССР.

Исходя из этого решения партии, ВЦИК РСФСР, утвердивший 14 октября 1924 г. решение ТуркЦИКа, сделал в нем поправки, в том числе о создании Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР).

26 октября Пленум ЦК РКП (б) обсудил вопрос о национально-территориальном размежевании Средней Азии, и на следующий день (27 октября 1924 г.). Вторая Всероссийская сессия ЦИК СССР утвердила решение ЦИКа Туркестанской АССР, V Всебухарского и V Всехорезмского курултаев (съездов) Советов и удовлетворила ходатайство второй сессии ЦИК РСФСР о национально-территориальном размежевании и образовании Туркменской ССР и Узбекской ССР и ТАССР в составе УзССР.

26 ноября 1924 г. был образован Революционный комитет Таджикской АССР – первое правительство Таджикистана. В Президиум Ревкома вошли: Нусратулло Махсум (Лутфуллоев) – председатель, Бутгабай Додобаев, Рахматулло Бободжанов – заместители председателя, С.М.Соколов, Шириншо Шотемур, Абдулло Ярмухамедов, Чинор Имомов и др.

По указанию ЦК РКП (б), 6 декабря 1924 г. был образован временный руководящий партийный орган республики – организационное бюро (Оргбюро) КП (б) Узбекистана в Таджикской АССР. В состав Оргбюро вошли: Ч. Имомов, С.М.Соколов (отв. секретари оргбюро), Ш. Шотемур, Н. Махсум, Б. Додобаев, Б. В. Толпыго, Ч.А. Путовский, А. Алиев, А. Акчурин, Д. Закиров, А. Ярмухамедов и др. Ревком Таджикской АССР в декабре 1924 г., определив столицей автономной респуб-

решительно выступивший за суверенную Таджикскую республику и опротестовавший материалы Комиссии после ознакомления с ними в Ташкенте, требовал расширения территории таджиков за счет таджикских земель Ферганской долины. Он написал письмо И.В. Сталину, тогдашнему лидеру Коммунистической партии Советского Союза, требуя восстановления справедливости.

Несмотря на то, что вскоре были приняты законодательные акты, закрепляющие итоги национально-территориального размежевания (15-16 сент. 1924 г. на чрезвычайной сессии Туркестанского ЦИК и 19 сент. на V Всебухарском курултае Советов), начались работы по самоопределению районов, указанных в письме Нусратулло Махсума И.В. Сталину. В итоге *Пенджикентский вилайат* и *Ура-Тюбинский район* (преобразованный после включения Матчи в вилайат) были включены в Таджикскую автономную область. Канибадамская, Исфаринская, Сохская, Риштанская, Ляйлякская, Аштская, Амасская, Бабадохонская, Чохдакская волости Ферганской области и другие территории не были включены в Таджикскую автономную область. И случилось это по вине члена Таджикской территориальной комиссии А. Ходжибаева, который ошибочно считал «пока преждевременным присоединение ферганских таджиков указанных территорий. Полагаю, что Таджикистан в данное время не справится с этими районами ввиду предстоящих больших работ по Восточной Бухаре»¹. Это была роковая ошибка человека, активнее всех таджиков отстаивающего их исторические права во время всех тяжелых переговоров по национально-территориальному размежеванию (1924 – 1929 гг.).

Одновременно национальная комиссия 5 октября 1924 г. обратилась в Политбюро ЦК РКП (б) с просьбой об образовании на Памире автономной области и о присоединении ее к Таджикистану. По мнению историков, именно этот факт послужил причиной образования Таджикской автономной республики вместо первоначально задуманной области, так как две автоном-

¹ Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе, 1991. – С. 62.

ные единицы не могли войти в состав одного автономного образования. Это послужило началом последующего суверенного развития Таджикистана (пока в составе СССР).

Политбюро ЦК РКП (б) 11 октября 1924 г. на своем внеочередном заседании обсудило предложения партийных и советских органов Средней Азии по национально-территориальному размежеванию, включая вопрос о Памире, и признало вместо автономной области образовать Таджикскую автономную республику в составе Узбекской ССР.

Исходя из этого решения партии, ВЦИК РСФСР, утвердивший 14 октября 1924 г. решение ТуркЦИКа, сделал в нем поправки, в том числе о создании Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР).

26 октября Пленум ЦК РКП (б) обсудил вопрос о национально-территориальном размежевании Средней Азии, и на следующий день (27 октября 1924 г.). Вторая Всероссийская сессия ЦИК СССР утвердила решение ЦИКа Туркестанской АССР, V Всебухарского и V Всехорезмского курултаев (съездов) Советов и удовлетворила ходатайство второй сессии ЦИК РСФСР о национально-территориальном размежевании и образовании Туркменской ССР и Узбекской ССР и ТАССР в составе УзССР.

26 ноября 1924 г. был образован Революционный комитет Таджикской АССР — первое правительство Таджикистана. В Президиум Ревкома вошли: Нусратулло Махсум (Лутфуллоев) — председатель, Буттабай Додобаев, Рахматулло Бободжанов — заместители председателя, С.М.Соколов, Шириншо Шотемур, Абдулло Ярмухамедов, Чинор Имомов и др.

По указанию ЦК РКП (б), 6 декабря 1924 г. был образован временный руководящий партийный орган республики — организационное бюро (Оргбюро) КП (б) Узбекистана в Таджикской АССР. В состав Оргбюро вошли: Ч. Имомов, С.М.Соколов (отв. секретари оргбюро), Ш. Шотемур, Н. Махсум, Б. Додобаев, Б. В. Толпыго, Ч.А. Путовский, А. Алиев, А. Акчурин, Д. Закиров, А. Ярмухамедов и др. Ревком Таджикской АССР в декабре 1924 г., определив столицей автономной респуб-

лики город Душанбе, командировал туда члена своего Президиума Шириншо Шотемура. 7 декабря 1924 г. ревком принял Обращение к населению об образовании ТАССР. Народ узнал о случившемся и вознегодовал.

Несмотря на то, что при национально-территориальном размежевании было много несправедливости, образование Таджикской АССР имело все же решающее значение для дальнейшего развития таджикского народа.

Национально – территориальное размежевание имело ряд негативных последствий для таджикского народа:

- во-первых, оно позволило пантюркистам выступить завершителями многовековой политики монголо-тюркских правителей по ассимиляции таджиков и их вытеснению к горам;

- во-вторых, оно узаконило потерю двух ведущих историко-культурных центров таджиков и их передачу другому народу, что было равносильно, как показала новейшая история, «обезглавливанию» тела этноса». До сих пор узбеки и таджики доказывают друг другу свое «главенство»;

- в-третьих, грубый материальный дежеж показал несостоятельность приспособления традиционного таджикского менталитета, которому присуще доминирование идеалистического культурно – этического критерия, к новым реалиям жесткого экономического детерминизма.

Образование нового собственного государства (хотя и в урезанном виде) имело ряд преимуществ для таджикского народа:

- во-первых, оно приостановило многовековую политику монголо-тюрков по ассимиляции таджикского народа и вытеснению его в горные территории;

- во-вторых, создание собственного государства способствовало всемасштабному привлечению таджикского народа к участию во власти (политике), что способствовало началу замены патриархально-подданнической политической культуры активисткой политической культурой;

- в-третьих, наличие национального государства было сильным ударом по конфессиональной принадлежности (самоутверждению) таджиков. Тотальное и многовековое господство ислама над народом было скорее негативным, чем положительным в политической истории таджиков (яркий пример - мусульманские факихи запретили таджикам выступать в защиту Родины и родной династии от чужеземного, но единоверного врага, добровольная уступка историко-культурных центров своим единоверцам - узбекам). Создание национального государства способствовало развитию национального самосознания.

Незавершенность процесса национально - территориального размежеванию понимали и сами партийные и советские руководители. Вот оценка одного из партийных деятелей - Председателя Средазбюро ЦК РКП (б) И.А.Зеленского о проделанной работе: «Эту работу мы провели в черне, здесь еще много недосказанного, эта работа проделана топором»¹. Такая характеристика стала основанием назвать национально-территориальное размежевание топорным разделением (академик Р.Масов).

Незавершенность и несправедливость национально-территориального размежевания осознавали и пантюркисты новообразованного государства (Узбекской ССР), которые после отхода Пенджикентского района к таджикам, находящимся всего в 70 км от таджикоязычного Самарканда, выбрали последний своей столицей, дабы не потерять его. Поэтому в 1924 г. город Самарканд стал столицей Узбекской ССР. После же выхода Таджикской АССР из состава Узбекистана и образования самостоятельной Таджикской ССР со столицей город Душанбе, когда миновала угроза потери Самарканда, пантюркисты перенесли столицу снова в Ташкент (1930 г.).

Пятилетняя политическая жизнь Таджикской АССР в составе Узбекской ССР воочию выявила несостоятельность позиций многих таджикских партийных и советских лидеров, убежденных что «якобы узбекские братья помогут в ликвидации

¹ Масов Р. История топорного разделения. — Душанбе, 1991. — С. 66.

отставания» Таджикской АССР, и города Бухара и Самарканд, остававшиеся в составе Узбекистана, все-таки послужат «культурными центрами для подготовки работников в Восточную Бухару» и наконец, что после проведения удобных путей сообщения «будет возможным присоединение остальных таджикских районов».¹ Узбекские партийные братья не только не протянули руку своим таджикским братьям, а наоборот, максимально использовали эти 5 лет, чтобы всячески нейтрализовать законные притязания таджиков на свои исконные земли.

Новое правительство Таджикской АССР продолжало вести в труднейших условиях борьбу со все еще действующими отрядами моджахедов, разочаровавшихся в своих идеях и превратившихся в группы разбойников. Борьба с моджахедами шла до конца 1926 г., правительство сохранило свое название Ревком (Революционный Комитет). В таких условиях политика узбекских партийных братьев по препятствованию преподавания на таджикском языке, выхода газет и журналов на таджикском языке, профессионального роста таджикских кадров и т.д. была все-таки второстепенным делом. Главным было борьба с классовым врагом.

В конце 1926 г. в Советском Таджикистане появились благоприятные условия для налаживания мирной жизни, начался повсеместный переход от ревкомов к выборным органам власти – Советам. Правящая партия большевиков развернула работу по подготовке I учредительного Съезда Советов Таджикистана.

С 1 по 12 декабря 1926 г. в Душанбе проходил I Учредительный Всетаджикский съезд Советов ТАССР, который заслушал отчеты Революционного Комитета ТАССР и его наркоматов и одобрил их.

I Учредительный Съезд Советов вместо Ревкома избрал высшей Центральный орган республики – Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Таджикской АССР. Председателем ЦИК был избран Нусратулло Махсум. Съезд поручил ЦИК разработать Конституцию Таджикской АССР.

---

¹ Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе, 1991. – С. 43.

Первая сессия ЦИК (12 декабря 1926 г.) образовала правительство республики – Совет Народных Комиссаров (Совнарком).

В мирных условиях главным стало решение экономических задач, что, несомненно, не могло не затронуть вопросы экономического ущемления таджиков (наряду с другими) со стороны Узбекистана.

Вскоре после Съезда Советов Таджикистана 17 декабря 1926 г. началась перепись населения СССР, которую пантюркисты в руководстве узбекских партийных и советских органов открыто использовали для фальсификации результатов численности таджикского населения в составе Узбекистана. Особенно они старались при переписи в крупных историко-культурных центрах таджиков – в Бухаре, Самарканде и Худжанде, которые могли отойти к таджикам в случае справедливого и беспристрастного образования самостоятельной Таджикской ССР.

«По переписи 1920 года, – пишет академик Р.Масов, опираясь на архивные материалы, – в городе Самарканде насчитывалось таджиков 44 758, а узбеков – всего 3301, по переписи же 1926г. узбеков оказалось 43 364, а таджиков – 10716 человек. В Ходжентском округе (включая Аштский, Канибадамский и Исфаринский районы), где таджики составляли абсолютное большинство населения, по переписи 1926 г. оказалось, что они составляют 24, 8%, а узбеки - 73, 4%, в результате переписи 1926 г. из 41839 жителей Бухары (Старая Бухара) 27 823 чел. назвали себя узбеками, 8646 - таджиками»¹.

Эти действия узбекских партийных и советских руководителей явно демонстрировали, что они никак не заинтересованы не только в социально-экономическом развитии Таджикской АССР, но и таджикоязычного населения самого Узбекистана. Теперь таджикские партийные и советские руководители после грубейшего нарушения своими узбекскими коллегами политики Компартии предприняли решительные шаги по образованию Таджикской ССР. Уже 23 декабря 1926 г. Секретариат Оргбюро

¹ Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе, 1991. – С. 78 – 79.

КП(б) Узбекистана в ТАССР (таджикское партийное руководство) постановило о передаче руководства Ура-Тюбинской и Пенджикентской парторганизаций в ведение Оргбюро переданных 6 мая 1925 года непосредственно ЦК КП (б) Узбекистана.

Многие партийные и советские лидеры (Ш. Шотемур, А. Мухиддинов и др.) смело ставили перед ЦК ВКП (б) вопрос о присоединении Худжандского округа, Сурхандарьинской области, Самарканда и Бухары к Таджикистану и о выделении Таджикистана из состава Узбекской ССР в самостоятельную союзную республику.

В 1925 г. население Канибадама перекрыло движение поезда в Фергану, на котором ехал Председатель ЦИК М. Калинин и потребовало от центрального правительства передачи Канибадама в состав Таджикистана.

Практические требования таджикских районов по присоединению к Таджикистану и многочисленные письма Обкома партии Таджикистана в вышестоящие инстанции, доказывающие многочисленные нарушения нормального развития таджикского народа и требовавшие образования самостоятельной республики, заставили центральные советские власти предпринять меры по исправлению ошибок и недостатков национально – территориального размежевания 1924 г.

21-29 апреля 1929 г. состоялся II съезд Советов ТАССР, который, кроме принятия Конституции, также рассмотрел вопрос о вхождении в состав Таджикской республики Худжандского округа Узбекской ССР и обратился к III Съезду Советов Узбекской ССР с просьбой удовлетворить данное решение.

III Чрезвычайный Всетаджикский съезд Советов (15 – 19 октября 1929) утвердил Декларацию о преобразовании Таджикской АССР в союзную республику.

5 декабря 1929 года ЦИК СССР принял постановление о преобразовании Таджикской АССР в Таджикскую ССР.

После присоединения Худжандского округа (включая Аштский, Канибадамский и Исфаринский районы) и образования Таджикской ССР партийные лидеры продолжали требовать возвращения остальных историко-культурных центров таджиков.

26 ноября 1929 г. была образована Рабочая комиссия (постановлением Президиума ЦИК СССР) об изменении границ между Узбекской ССР и Таджикской ССР, которая внесла на заседание Президиум ЦИК СССР (3 февраля 1930г) ходатайство ЦИК Таджикской ССР о присоединении Самаркандского, Бухарского и Сурхандарьинского округа. Президиум ЦИК СССР одобрил только передачу Сурхандарьинского округа отклонив передачу Самаркандского и Бухарского округов Таджикистану. Через 10 дней он отменил свое решение о передаче Сурхандарьинского округа Таджикистану, так как Узбекистан имел только один выход за границу - через Термез в Афганистан, а по Союзному законодательству, каждая союзная республика должна была иметь хоть один выход за границу. Таджикские партийные и советские руководители не прекратили борьбы по исправлению ошибок национально-территориального размежевания.

ПОЛИТИКА «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕЛА С ОДНОВРЕМЕННЫМ НАСИЛИЕМ НАД ДУШОЙ»

Новая советская власть для укрепления своей позиции в традиционном обществе вела не только борьбу в открытых сражениях с отрядами моджахедов, но и тяжелую идеологическую борьбу по искоренению исламского наследия, которое было сильно укоренено в Таджикистане. Эти исламские ценности и традиции служили до сих пор гарантом относительно гармоничной жизни монарха (шаха, султана, эмира) с его подданными. «Монархическое правосознание, — пишет известный русский мыслитель И.А. Ильин, — религиозно укорененное и художественно олицетворяющее государственную власть, строящуюся на началах семьи, ранга, и традиции, естественно усваивает себе в отношении к главе государства настроение доверия. Монархист доверяет своему народу, причем он нередко не может выговорить, на основании чего он питает это и в чем именно ему

верит... Это доверие имеет свои глубокие корни в вере и религии: народу необходимо знать, что его государь ставит себя перед лицом единого и общего Бога». ¹

При исследовании общественно-политической жизни Бухарского эмирата мы обнаруживаем глубокий религиозный универсализм, где доминирует лозунг *«Познай своего Бога»*. Численность только студентов-богословов в этот период доходила до 50 тысяч человек (при правлении эмира Шохмурода). При этом отметим пренебрежительное отношение к прогрессу науки и техники. В советский же период мы видим обратную картину: ускоренная научно-техническая модернизация Таджикистана при полном игнорировании местных национальных и религиозных традиций, даже противопоставление им, (*«Религия – опиум для народа»*). Поэтому мы назвали политику большевиков *«совершенствованием тела с одновременным насилием над душой»*. Рассмотрим историю советской власти в Таджикистане и узнаем, к чему привела такая политика нашу страну.

Одним из проявлений реализации такой политики была смена алфавитов, которая чрезвычайно отрицательно сказалась на менталитете таджиков. Советская власть не только упразднила старую систему образования (начальные школы при мечетях и высшие богословские школы-медресе в крупных городах) и ввела новые школы европейского образца, но и произвела смену письменности.

Замена *арабицы на латиницу* в Таджикистане официально началась в 1927 г. с созданием в Самарканде комитета реформы таджикского алфавита. Естественно, это было не желание таджикского народа и его лидеров, а частью беспощадной классовой борьбы, которую вела центральная власть с отчаянным сопротивлением моджахедов, которые еще оставались в Таджикистане. Центральная власть, больше озабоченная сужением социальной опоры ислама, выдвинувшегося на передний план борьбы с советской властью, по подсказке пантюристов, требовала от ли-

---

¹ Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. - 1991. - С.95.

дерев Таджикистана замены алфавита. Но арабицей был написан не только священный Коран и другие религиозные трактаты, но и вся таджикская классическая литература, включая светские художественные и научные сочинения.

Поэтому, несмотря на то, что ЦИК Таджикской АССР постановил 15 апреля 1928 г. об официальном введении латинского алфавита, народ не принял его, предпочитая привычный алфавит на фарси. Переход на латиницу было осуществлен привычным для большевиков методом террора и насильственных действий. Книги на арабике систематически изымались из свободного хождения и вне зависимости от их научной ценности уничтожались и в весьма крупном количестве (книги на арабской графике уцелели только в государственных библиотеках, особенно в Бухаре и Самарканде). Наученные горьким опытом тактики большевиков и их репрессивно-карательного органа (ОГПУ), обвиняющих всех набожных граждан в «пособничестве басмачеству и реакционному духовенству» и подвергающих их тюремному заключению, ссылке или расстрелу, многие сами стали уничтожать свои уникальные сокровища (закапывала в землю, сжигали и т.д.).

«Бухара и Самарканд, — пишет исследователь Рустам Шукуров, — как крупнейшие центры мусульманского образования в этой части света, в течение всего средневековья и до начала XX в. являлись главными цивилизационными «резервуарами» таджиков, «кузницами» интеллектуальной элиты. Оба города в результате национального размежевания оказались в пределах Узбекистана. Таджикский язык в них вскоре был выведен из официального обращения и заменен узбекским и русским. Новая система образования создавалось преимущественно на узбекском языке. Кроме того, большевизация обоих городов сопровождалось физическим уничтожением таджикской элиты.

Коммунисты, озабоченные борьбой с исламской религией, «вычищали» носителей традиционного знания особенно тщательно. В сталинских лагерях они получили странное именование

«арабисты» (те, которые попали в лагеря за знание (sic!)) арабской графики».¹

Таким образом, к началу 30-х годов, после безвозвратной утраты Бухары и Самарканда и замены алфавита, таджикский народ в короткое время превратился из «книжного» народа в безграмотный *горно-сельский* народ. Не случайно партийное руководство приняло ряд мер по исправлению положения. 9 января 1928 г. Таджикский Обком партии принял Постановление «О проведении месячника ликвидации неграмотности с 10 февраля 1928 года», 23 февраля марта 1928 г. - «Об организации в Душанбе вечерней совпартшколы и вечерних общеобразовательных курсов» и 28 марта 1928 г. - «Об организации при ЦИК ТАССР областного оргбюро общества «Долой неграмотность».

Центральная власть, уничтожив старую систему образования, на «голом» месте начала создавать новую советскую систему образования в основном с помощью русской интеллигенции. Здесь возможно провести некую параллель и различие между действиями европейских колонизаторов в Америке и большевистских агрессоров в Бухаре. Европейские колонизаторы истребили большую часть индейцев, остальных выгнали с их исконных земель на окраины, создав там «резервации», на хлопковых же плантациях, созданных на этих плодородных землях, трудились негры из Африки. Большевики также лишили таджиков их историко-культурных центров, вынудили четверть населения Восточной Бухары бежать в Афганистан, уничтожили грамотную часть населения и для «промывки мозгов», исламского сознания остальной большей части населения использовали иноконфессиональную русскую интеллигенцию.

Если в действиях первых (европейских колонизаторов) мы видим физический геноцид народа, то в действиях других (большевиков), мы видим, в первую очередь, духовный геноцид.

Несомненно, русская интеллигенция, особенно русские востоковеды приезжали в Таджикистан с искренним чувством по-

¹ Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминания / Национальные истории в советском и постсоветских государствах. - М., 1999. - С. 242.

мочь развитию гуманитарного образования (истории, востоковедения, археологии, этнографии и т.д.). Большинство русских ученых также пострадало от большевиков, так как относилось к старой дореволюционной школе. Лишенные возможности вести свою деятельность в крупных центрах России, они приезжали в Душанбе (А. А. Семенов, М. С. Андреев и многие другие).

Новая система образования, кроме ряда преимуществ, среди которых необходимо признать всеобщую грамотность населения, имела два очень важных недостатка – развитие у таджика комплекса неполноценности перед европейцами и привитие классового видения общественных отношений.

Раньше молодой таджик, знакомясь в медресе с великими творениями своих предков (Рудаки, Фирдавси, Омар Хайям, Ибн Сина, Беруни и многих других), внесших достойный вклад не только в мусульманскую, но и в мировую цивилизацию, испытывал чувство гордости за свою принадлежность к таджикскому народу. Теперь же изучая мировую историю через марксистскую интерпретацию, через английскую, голландскую, французскую и русскую революции, принесших бесчисленные бедствия и лишения народам, но превозносимых европейскими исследователями, он осознавал свою непричастность к этим боям, и начинал чувствовать себя обойденным, находящимся на периферии мировых событий. Тем более в новых условиях вхождение таджика в гуманитарную элиту требовало глубокого знания русского языка, процесс изучения которого сопровождался ознакомлением с русской историей, изложенной советской наукой, как совершенной и прогрессивной, требующей от остальных следования ей для построения «светлого будущего».

Вскоре после репрессирования таких видных таджикских партийных и советских лидеров, как Нусратулло Махсум, А. Ходжибаев и А. Мухиддинов, имеющих твердую позицию и собственный взгляд в отстаивании требований таджикского народа, высшее партийное руководство стало послушным исполнителем воли центра. Изучение руководящего состава (первых лиц) Компартии Таджикистана 30-х и 40-х годов красноречиво свидетельствует о том, что это время центральная власть исполь-

зовала для подготовки новых советских национальных кадров, отвечающих требованиям нового времени.

Приведем имена первых секретарей ЦК Компартии Таджикистана названного периода:

1. Гусейнов Мирзо Довуд Богир Оглы (1930 - 1933).
2. Бройдо Григорий Исаакович (1933 - 1934).
3. Шадунц Сурен Константинович (1934 - 1937).
4. Ашуров Урунбой (январь 1937 – октябрь 1937).
5. Протопопов Дмитрий Захарович (1937 - 1946).

Как видим, в первые годы установления и укрепления советской власти в партийном руководстве республики находились не видные политические деятели из центра или республики (из таджикских кадров), а партийные чиновники среднего класса, не проявившие себя ни в республике, ни тем более в центре. Среди них есть даже национальный партийный деятель, который не смог продержаться даже год. При таком положении дел невозможно было требовать возврата историко-культурных центров и отстаивать собственный алфавит.

Советизация таджикского общества дошла до того, что новую таджикскую столицу называли в честь вождя компартии Советского Союза И.В. Сталина - Сталинабад.

Конечно, первые десятилетия советской власти в Таджикистане состояли не только из сплошных репрессий и всевозможных трудностей. Новая власть делала многое для практического преобразования жизни населения, и дни завершения очередных ударных республиканских строек превращались в массовые народные праздники. До начала Великой Отечественной войны (1941 – 1945гг.) в Таджикистане завершилось строительство ряда крупных народнохозяйственных сооружений: были построены железная дорога Термез – Душанбе (1929 г.), дорога Душанбе – Худжанд через Анзобский и Шахристанский перевалы (1935 г.), Памирский автотракт (1940 г.). Количество фабрично-заводских предприятий увеличилось с 6 в 1913 г. до 209 в 1937 г. В 1929 г. началось строительство Худжандского шелкового комбината и Душанбинской шелковой фабрики.

Земельные же участки дехкан стали насильственно отби-

ратся, а самих дехкан начали загонять в коллективные хозяйства (колхозы), число которых ко времени образования Таджикской ССР достигло более двухсот.

Ведущей отраслью сельскохозяйственного производства стало хлопководства, продукция которого вывозилась в текстильные центры России (Иваново-Вознесенск и др.).

За 1924 – 1941 гг. в Таджикистане были ликвидирована массовая неграмотность населения, осуществлен переход ко всеобщему и обязательному начальному образованию, создана сеть высших и средних специальных учебных заведений.

1 марта 1937 г. VI Чрезвычайный съезд Советов Таджикской ССР утвердил Конституцию, в которой были закреплены итоги построения социализма в республике.

В это же время продолжались репрессии по отношению к видным деятелям таджикского народа. Так, 19 июля 1937 г. бюро ЦК КП(б) Таджикистана по выдуманному обвинению исключило из рядов ВКП(б) одного из ярких патриотично настроенных партийных лидеров республики Шириншо Шотемура. После этого он был арестован, и 27 октября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу (17 декабря 1956 г. он был реабилитирован).¹

Таким образом, Таджикская ССР, созданная в основном из горных регионов, как неотъемлемая часть огромного Советского Союза, к началу Великой Отечественной войны была полностью интегрирована в жесткие командно-административные структуры империи, где вольности типа установления самостоятельных отношений хотя бы с родственным соседним Афганистаном, не допускались, и граница по Амударье была наглухо закрыта.

К концу 30-х годов, когда внутреннее положение Таджикистана, как и всего Советского Союза, стало нормализоваться, во многом благодаря энтузиазму рабочих и крестьян, глубоко веривших в идеалы марксизма-ленинизма, несмотря на масштабные репрессии, проводимые руководящей партией (ее

¹ Каландаров И.К. Славный сын таджикского народа. - Душанбе, 1999. - С. 55-56.

вождем И.В. Сталиным), стало ухудшаться международное положение. В 1933 г. в Германии к власти пришла национал-социалистическая рабочая партия, которая за короткое время коренным образом изменила политический облик всей Европы.

Новая фашистская идеология (итал. *Fasisto* - группа) в 30-е годы распространилась, кроме Германии, в Италии, Португалии, Испании и других странах Центральной и Восточной Европы, ее человеконенавистнические и нацистские ценности быстро находили отклик в большинстве слоев общества в Европе. Вскоре фашизм стал доминирующей идеологией, которая не только противостояла старым демократическим странам Европы, но и в глобальном противостоянии идеологий стала соперничать с советской идеологией (с марксизмом-ленинизмом).

Идеологические основы этого учения были изложены в книге Адольфа Гитлера «Майн Кампф» («Моя борьба»), который, возглавляя национал-социалистическую рабочую партию, привел ее к победе на парламентских выборах в Германии. Гитлер 8 ноября 1933 г. был назначен рейхсканцлером и очень скоро сконцентрировал в своих руках всю власть в стране. Имея возможность практической реализации идей фашизма о превосходстве немецкой («арийской») нации, которая должна господствовать над остальными народами, гитлеровский режим (нацизм) стал преследовать и систематически уничтожать целые народы (особенно пострадали евреи). Несомненно, главный гуманистический лозунг «Авесты» и всего зороастрийского (арийского) учения «благомыслие, благословие и благодеяние», творения давних предков таджиков (согдийцев и бактрийцев) не имеют ничего общего со злодеяниями нацистов современности. Но они бросили тень на древнюю благородную религию наших предков.

С фашизмом конкурировала коммунистическая идеология, которая также претендовала на мировую гегемонию, но не одной нации, как нацисты, а пролетарской диктатуры. Обе идеологии не имели духовных основ, опирающихся на гуманистические религии мира. Нацисты грубо использовали ценности одной из первых благородных монотеистических религий мира –

зороастризма. Они стали не идейными продолжателями идей и ценностей зороастризма, т.е. не ашаванами (последователями правды, истины), а другвантами (сторонники друга – лжи) в зороастрийском понимании нравственных поступков. Они стали антагонистами этой благородной религии. Коммунисты, в свою очередь, объявляя лозунг «Религия – опиум для народа», вели борьбу со всеми религиями народов Советского Союза. Большевики не только уничтожили духовенство как вредный и враждебный класс, но они также разрушили мечети, святые места и превратили их в складские помещения. Это святотатство советской власти было равносильно плевок власти в душу религиозного таджика. Таджикский народ, потерявший лучших своих сынов в первые годы установления власти и находящийся под жестким идеологическим прессингом, ежеминутно и ежечасно испытывал превосходство новой власти, молча снося этот гнет.

На начальном этапе соперничества двум мировым державам – Советскому Союзу и Германии – удалось разделить сферу влияния в Европе (август 1939 г.). Вскоре Германия оккупировала Польшу, Чехословакию, Румынию, Венгрию, что стало причиной к началу Второй мировой войны (1939 – 1945 г.), так как Великобритания и Франция, имея союзнические отношения с Польшей, также объявили 1 сентября 1939 г. войну Германии.

Советский Союз оккупировал прибалтийские страны – Латвию, Литву и Эстонию, Западную Украину и Бессарабию, но не смог завладеть Финляндией. Накануне войны число союзных республик дошло до 15.

В течение двух лет Германия смогла установить прочную гегемонию в Европе, создав ряд марионеточных режимов и нейтрализовав ряд могущественных стран (Францию и Великобританию). США, находящиеся вдали от европейского театра военных действий, были заняты войной с восточным союзником Германии – Японией – в Тихом океане.

22 июня 1941 г. Германия, нарушив договор о мире (на 10 лет), вероломно напала на Советский Союз. К началу войны с Советским Союзом Германия опиралась не только на свою, но и

почти на всю европейскую военно-техническую мощь (кроме Великобритании), поэтому ей удалось далеко проникнуть в глубь страны. Красная Армия не обладала достаточным количеством современного вооружения и военной техники, ее так же как и всего общества, потрясли репрессии и аресты высшего и среднего командного состава. Но морально психологическое преимущество было на стороне Советского Союза. Его армия, несмотря на недостатки, просчеты, защищала свою Отчизну, свои земли и свой народ. Советский Таджикистан, как неотъемлемая часть огромной империи, внес свой достойный и посильный вклад в борьбу с агрессорами. В Таджикистане, как и во всем Советском Союзе, народное хозяйство было переведено на военные рельсы, весь потенциал республики - людской, экономический, сырьевой и др., был направлен на нужды фронта. Ведущий лозунг партии и страны «Все для фронта, все для победы!» безоговорочно действовал и в Советском Таджикистане. Были отправлены на войну не только воинские подразделения, дислоцированные в республике, но, как и в других республиках, здесь были созданы новые войсковые соединения (две дивизии, две бригады и т.д.) за собственный счет и отправлены на фронт.

Из запасов Таджикистана на нужды Советской Армии было отправлено 3365 автомобилей, 109 тракторов и около 20 тыс. лошадей¹. 250 тысяч таджиков ушли на фронт в годы Отечественной войны, из которых только четверть вернулась домой. Многие из них были награждены орденами и медалями за храбрость и мужество на войне. Остальная часть населения, остававшаяся в республике (женщины, дети и старики), пожертвовала свои сбережения, зарплаты и различные денежные и ценные накопления для покупки снаряжения, военной техники. Для этой цели было мобилизовано более 950 млн. рублей, огромная по тем временам сумма.

Во многом благодаря самопожертвованию и мужеству всех народов Советского Союза удалось сломить натиск врага

---

¹ Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. В 1941 – 1945. – Душанбе, 1985. - С 115.

под Москвой (1941 г.), в Сталинграде (1943 г.), Курске (1943 г.) и, развивая успех, создать антигитлеровский союз (всего 23 государства) и разгромить фашистскую Германию (1 мая 1945 г.) и мощную Квантунскую армию Японии (2 сентября 1945 г.).

Во время войны союзнических сил (СССР, США и других) с Японией военные самолеты США 6 августа сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 9 августа - на Нагасаки. Использование нового вида оружия — оружия массового уничтожения в самом конце Второй мировой войны, показало всему миру не только пагубность для всего человечества новой всемирной войны, но и начало новой эры, войну не на военных фронтах, а в идеологии и экономике, где в основном и выявляются преимущества каждого строя. Вскоре началась идеологическая война, удачно названная выдающимся английским политическим деятелем Уинстоном Черчиллем «холодной войной», проходящей вдоль берлинской стены.

Советский Союз понес колоссальные потери на этой войне: было разрушено 1710 городов, более 70 тысяч деревень, было разграблено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машино-тракторных станций (МТС), сельское хозяйство потеряло 7 млн. лошадей и 17 млн. крупного рогатого скота и т.д.

Общая сумма ущерба СССР составила 2 трлн. 600 млрд. рублей. Самым ужасными были потери и гибель более 20 млн. советских людей.

Несмотря на это, народы Советского Союза воодушевляла тяжелая победа над врагом, которую правящая партия использовала для доказательства преимущества коммунистического строя и для скорейшего восстановления разрушенной войной экономики.

Общеизвестно, что особенности национального самосознания ярче раскрываются в переломные и тяжелые моменты истории народов. Именно в суровые годы войны в Таджикистане появляется множество статей и книг, посвященных героическим эпизодам в истории таджикского народа, народным героям. Ярko выделяются из этой серии публикаций труды крупных исследователей: С.Айни «Исёни Муканаъ» (1944 г.) и Б. Гафурова

«Таърихи мухтасари халки тоҷик», часть 1 (1947 г.). Однако доминирование идеологических догм и марксистская интерпретация истории, особенно классовое противопоставление единого таджикского народа, снижали научную ценность этих исследований.

Послевоенную архитектуру международных отношений (итоги Ялтинской конференции) во многом определило соперничество двух систем: капиталистического и социалистического лагерей. Несмотря на жестокое соперничество двух сверхдержав – Советского Союза и США, определившее основные контуры международной жизни, появились новые тенденции и движения, внесшие конструктивные изменения в мировую политику. В отличие от довоенных международных отношений, когда жестокая конкуренция Германии и Советского Союза во многом определяла сущность внешних сношений, послевоенное противостояние СССР - США не было основополагающим моментом международной жизни. В 1945 г. была образована Организация Объединенных Наций, позже появилось авторитетное Движение неприсоединения, объединяющее более полу-сотни новых государств, не желавших участвовать в жесткой «холодной войне», не присоединяющихся к военным блокам и закрытым политическим клубам и организациям. Все это обогащало палитру международных сношений и смягчало жестокое противостояние сверхдержав. После войны казалось, что и внутренние и внешние враги повержены, ожидалась либерализация политических институтов государства и демократизация советского общества, но этого не последовало. Сталин не хотел делиться ни с кем властью и единолично, как и в военные годы, когда целесообразнее была концентрация власти в единых руках, продолжал править партией и страной.

Правящая коммунистическая партия на передний план выдвинула лозунг «Догоним и перегоним Америку!», и все силы и средства были мобилизованы на достижение этой амбициозной цели. Народы Советского Союза стали орудием правящей элиты. Такое пренебрежительное отношение к людям, их чести и достоинству, было присуще не только Сталину и критиковавше-

му его культ личности Н. С. Хрущеву, но и многим руководителям партии (особенно Л. Берия). Для подтверждения нашей мысли мы обратимся к трудам известных исследователей жизни и деятельности Бободжана Гафурова (первого поистине советского таджикского партийного руководителя Таджикистана с 1946 по 1956 г.) - академика А.Мухтарова и профессора У. Гаффарова. А.Мухтаров в книге «Бобочон Гафуров» (на тадж.яз) раскрывает истинную атмосферу во взаимоотношениях советской партийной элиты сталинской эпохи (после войны), приводя эпизод из воспоминаний Б. Гафурова. Последний рассказывал, что когда республика не выполнила «квоту» по обвинению в измене Родине (120 тыс. человек), его и председателя комитета безопасности вызвали в Москву. Тогдашний глава печально известного НКВД (Народный Комиссариат Внутренних Дел) Лаврентий Берия спросил у руководителя суверенной республики о причине невыполнения «плана». Б.Гафуров объяснил, что «наша республика маленькая, народу мало. Если мы посадим 120 тыс. человек, то с кем мы будем работать». Берия ответил: «Иди к шефу (т.е. И.В. Сталину) и отчитайся». Сталин, услышав такой же ответ, сказал партийному руководителю Таджикистана: «Иди. Если в Таджикистане произойдет восстание, ты первым пойдешь под расстрел».¹

Действительно, рабочих рук на хлопковых плантациях в послевоенные годы нехватало, а центральная власть требовала ежегодного увеличения сдачи государству хлопка-сырца (250 тыс. тонн в 1948 г., 300 тыс. тонн в 1949 г. и т.д.). Для выполнения плана местная власть использовала все возможности. Так, в целинные районы Вахшской долины (1947 г.) насильственно было переселено население горных районов (из Каратегинской и Зеравшанской горных долин). Это переселение еще больше осложнило региональные отношения в республике.

Игнорирование местных условий (образ жизни, традиций) и требование беспрекословного выполнения административных нормативов центра не изменились и после смерти И.В. Сталина и

¹ Мухторов Ахрор. Бобочон Гафуров. - Душанбе, 1992. - С 82 – 83.

во время правления Н.С. Хрущева, хотя прекратились гонения и репрессии в крупных масштабах. Компартия не изменила своего облика, постоянно твердя о своей основной цели - «служение советскому народу», не изменила своего лозунга «Планы партии - планы народа». В демократических же условиях лозунгом должно было стать следующее: «волеизъявление народа (т.е. план) должно быть законом для партии». Советская власть по своей сущности была одной из вариаций восточных государств, где не власть служит народу, а народ служит власти.

У. Гаффаров, другой исследователь деятельности Б. Гафурова, в своей книге приводит эпизод, связанный с развитием животноводства в Таджикистане. Выступая на трибуне собрания руководителей Вахшской долины в Кургантюбинском районе (нынешний центр Хатлонской области РТ), тогдашний партийный руководитель Советского Союза Н.С. Хрущев (ноябрь 1954 г.) говорил о необходимости замены традиционного местного сорта баранов («хисори») на тонкорунные сорта, чтобы не закупать у Австралии ежегодно 25 тыс. тонн шерсти. Обратясь в сторону тогдашних руководителей Таджикистана (Б. Гафурова, Дж. Расулова и Назаршо Додхудоева), он констатировал: «Если в ближайшие дни не сдадите этих баранов на мясо, то на каждого из вас троих надену их шкуру и протащу по улицам Москвы».¹ Как видим, если русский географ Д.И. Логофет в начале века (XX в.) говорил о произволе Бухарского эмира по отношению к своим подданным, то в середине века советский руководитель мог спокойно оскорбить руководителей целого народа.

Но со временем, после ликвидации последствий войны, с подъемом экономики и ослаблением карательных функций государства, с ростом числа местной интеллигенции вопросы национального самосознания стали выходить на передний план. Кульминацией этого процесса в условиях жесткого прессинга империи стала книга «Таджики» Б.Гафурова.

Б. Гафуров в 1956 г. был освобожден от занимаемой должности первого секретаря ЦК КПТ и назначен директором

---

¹ Гаффаров У. Алломаи замон. - Душанбе, 1998. - С. 71-72.

Института востоковедения СССР в Москве, которым руководил бессменно до своей смерти (12 июля 1877г.).

Несомненно, национально-освободительное движение, начавшееся в 60-е годы в странах Азии, Африки и Латинской Америки, исследованием которых непосредственно занимался институт, возглавляемый Б. Гафуровым, подтолкнуло этого выдающегося ученого-востоковеда, обратить большее внимание вопросам национального самосознания и национальной истории.

Партийное руководство Советского Таджикистана возглавил Турсун Ульджабаев (1956 – 1961 гг.), крупный государственный деятель и умелый организатор, сделавший много для промышленного роста республики. Ему удалось завершить новый территориальный спор между Узбекистаном и Таджикистаном, возникший во время войны. После эвакуации промышленных предприятий из центра в Среднюю Азию многие из них были расположены в Узбекистане. Эти предприятия необходимо было обеспечить электроэнергией. Тогдашний первый секретарь ЦК КП Узбекистана предложил строительство Фархадской и Кайракумской ГЭСов в таджикской части Сырдарьи. Учитывая, что строительство гидроэлектростанций послужит затоплению тысячи гектаров сельскохозяйственных угодий, осложняя и без того сложную земельную проблему в Ленинабадской области, руководитель Таджикистана выступил против. Но требования военной поры заставили таджикских руководителей согласиться с решением центра.

Авторитетная комиссия, возглавляемая заместителем председателя Совнаркома СССР А.Н. Косыгиным, куда входили узбекские, таджикские и советские партийные руководители, решила, что целесообразнее построить гидроэлектростанции, но при этом она обязала узбекских руководителей взамен таджикских земель в зоне затопления Фархадской ГЭС выделить Таджикистану 75 тыс. гектаров земли. Только после решительного требования Т. Ульджабаева в начале 1959 г. Узбекистан выделил из пустынных земель (Мирзачул – Голодная степь) 50

гектаров земли, где образовался северный целинный район Зафарабад, известный своим хлопководством по всей стране.¹

Несомненно, такой самостоятельный лидер не мог устраивать центральную власть, требовавшую только послушания и исполнения своих решений. В апреле 1961 г. ЦК КПСС освободил от занимаемых должностей высшее партийное и советское руководство Таджикистана: Т.Ульджабаева, Г. Обносова, Н. Додхудоева и других, обвиняя их в приписках в плане сдачи хлопка государству. Они стали жертвами всевозрастающих требований центра по увеличению сбора хлопка без учета возможностей республики.

Партийным руководителем Таджикской ССР стал Джаббор Расулов (1961-1982 гг.), который своим покладистым характером, исполнительностью и осторожностью устраивал центральное партийное руководство. Несмотря на его безынициативность, по проектам Госплана СССР и согласно пятилетним планам КПСС, в республике в это время был построен ряд крупных промышленных предприятий: Нурекская ГЭС, Таджикский алюминиевый завод, Яванский электрохимический комбинат, Вахшский азотно-туковый завод, Айнинский горнообогатительный комбинат и многие другие. Для их строительства и обслуживания в большом количестве привлекались русские рабочие и специалисты. Привлечение русских рабочих и технического персонала, как привлечение русских ученых гуманитарного направления в начале установления советской власти, было одним из звеньев в единой политике партии по образованию советского народа путем нивелирования образа жизни, религии, обычаев и традиций всех народов, населяющих огромное пространство Советского Союза. Результат советизации (или русификации) всех народов, известный киргизский мыслитель и писатель Чингиз Айтматов удачно сравнил с созданием человека «манкурта», не помнящего своего рода, своей истории и, наконец, самое страшное - своего имени.

Решающим толчком к возрождению национальных ценнос-

---

¹ Ғаффаров У. Алломаи замон. — Душанбе. 1998. - С. 56.

тей и развитию национального самосознания таджиков стало советское вторжение в Афганистан (начало 1979 г.).

Советская власть для вторжения в Афганистан использовала свой опыт почти пятидесятилетней давности — опыт вторжения в Бухарский эмират. В Кабуле было создано «марионеточное правительство демократического Афганистана», которое «призвало на помощь в борьбе с контрреволюцией» Советскую Армию. Советское правительство ответило мгновенно, отправив туда крупный военный контингент. Афганские моджахеды, в отличие от бухарских моджахедов, боровшихся в одиночку, получали огромную финансовую, материальную и военную помощь и оказали отчаянное сопротивление советским войскам.

Советское военное командование стало использовать советских таджиков не только в качестве солдат, но и в качестве переводчиков и консультантов для создания советской власти во враждебно настроенной стране. Туда для выполнения интернационального долга — помощи революционному Афганистану, ехали интеллигенция и студенчество, воспитанные на советских ценностях. Их ждали огромное разочарование и шок: в Афганистане убивали тех самых таджиков (таджиков Кабула, Герата, Кундуза, Тахора, Бадахшана и других районов), которые были воспитаны не только на исламских ценностях, но и на учениях Абдуррахмана Джами из Герата, Абулкасыма Фирдавси из Туса, Абушакури Балхи из Балха, на сказаниях легендарного Рустама и Сухроба из Систана и многих других ценностях таджиков по ту сторону Амударьи, которая в «золотой век» таджиков была становым хребтом общетаджикского единения. Помимо материальной бедности, они увидели здесь духовное богатство, национальную гордость и свободолюбие народа, который не покорился врагу.

Многие стремились поехать в Афганистан и за материальными ценностями: за «импортными» товарами, которые все больше и больше становились дефицитными в Советском Союзе, за «длинным» рублем, так как там хорошо платили, особенно для приобретения престижной автомашины марки «ГАЗ-24».

В Афганистане советские таджики посмотрели на себя через призму взглядов афганцев, своих отцов и дедов дореволюционной эпохи и увидели себя «рабами фетишизма». Им стало стыдно за свою духовную нищету. Во время возвращения на Родину таджикские специалисты, кроме материальных ценностей, привозили в большом количестве афганские и иранские издания книг, журналы исламского и светского характера, аудиокассеты ираноязычных певцов (Ахмад Зоир, Гугуш и др.). Среди таджикской советской интеллигенции начались дискуссии по поводу сравнения нынешнего состояния литературы, истории, образования и других сфер духовной жизни со своим прошлым. И это сравнение было в пользу истории, а не советской реальности.

С середины 80-х годов в Советском Союзе начинается *перестройка*, инициатором которой стал новоизбранный генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. Эта перестройка коренным образом изменила политическую жизнь не только народов СССР, но и всего социалистического лагеря. Первоначально задуманная как реформирование самой правящей партии и других структур советской власти, начавших отставать от времени, перестройка дала возможность всем реформистски настроенным слоям общества, особенно интеллигенции, пересмотреть ценности, традиции и идеологию, господствующие в советской стране. Гласность, одно из высших достижений перестройки, сломала могучую советскую цензуру. В СМИ стали освещаться не только позитивные моменты советской власти и социализма, но и отрицательные, пагубные последствия социалистических завоеваний. Советские люди, воспитанные под многолетним лозунгом *«Догоним и перегоним Америку!»*, одурманенные мыслью о превосходстве своего строя и социалистического лагеря, получили возможность сравнивать свою жизнь не только с США, но и многими другими западноевропейскими или быстроразвивающимися восточными государствами. Здесь также сравнение было не в пользу советской реальности.

Вскоре консервативно настроенная часть высшего партийного и советского руководства начала беспокоиться за сохране-

ние власти и правящегося статуса КПСС и стала тормозить реформирование во властных структурах и всего общества. Но время было упущено.

Первыми от Советского Союза стали дистанцироваться социалистические страны Центральной и Восточной Европы, находящиеся в соседстве с благополучной Западной Европой. Смягчение режима в Советском Союзе позволило им, не боясь дислоцированного в этих странах воинского контингента, который в прежние времена служил инструментом подавления и нейтрализации всяких недовольств, быстрыми темпами проводить политику демократизации общества и либерализации политических институтов государства.

Яркий пример несостоятельности тезиса о превосходстве социалистического строя мы увидели в объединении двух немецких государств - Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики, когда первая попросту поглотила вторую, демонтировав в ней существующий строй, в первую очередь, берлинскую стену - олицетворение «холодной войны», под ликование сотен тысяч граждан обоих государств.

В самом Советском Союзе в движении обновления страны (еще не было речи о независимости) лидировали прибалтийские страны, Украина и др.

Несомненно, реформаторские стремления и движения происходили и в Таджикистане, и они имели свои особенности и трудности. Правящая коммунистическая партия Таджикистана, только в период тяжелых послевоенных времен возглавляемая истинными патриотами, заботящимися о собственном народе (Б. Гафуров и Т. Ульджабаев), до последних дней Советского Союза оставалась раболепствующей организацией, преданной центру и беспрекословно исполняющей его приказы и инструкции. Если бы ей были присущи хоть какие-то самостоятельность и патриотизм, то она сделала для себя вывод из двух факторов, происходящих в соседних государствах (Афганистане и Китае) и возглавила бы движение за обновление (и независимость) Таджикистана. Оба политических процесса, начавшие происходить в непосредственной близости от республики, в соседних

странах, были поучительны для таджиков. Сравнительно маленький, отсталый соседний Афганистан с конца 70-х годов отчаянно сопротивлялся агрессии Советского Союза, армия которого была самой мощной и превосходно оснащенной, за сохранение своих национальных ценностей, образа жизни, обычаев и традиций. Героическая борьба афганского народа, где наряду с пуштунами лидировали таджики, за свободу и независимость должна была стать поучительным уроком для партийного и советского руководства Таджикистана. Как уроком должно было стать и то, что происходило в Китае.

Огромный социалистический Китай с конца 70-х годов начал модернизацию своей страны, когда благополучие и процветание собственного народа стало главной целью, на достижение которой были направлены идеология и внимание правящей Коммунистической партии Китая (КПК). КПК удалось за короткое время не только накормить свыше миллиарда населения (население КНР к концу 1995 г. достигло 1 млрд. 211 21 млн. человек¹), но и для священной цели объединения страны (возвращение капиталистического Гонконга) пожертвовать коммунистической идеологией, выдвинув лозунг *«одна страна – два строя»*, т.е. провозглашение объединения и благополучия страны превыше господствующей идеологии.

Пассивность Компартии Таджикистана, игнорирующей национальные интересы таджикского народа, объявление религии вне закона, доходящие иногда до абсурда, обвинение партийных руководителей, участвовавших в похоронах отца бывшего первого секретаря КПТ Т. Ульджабаева в приверженности религии, обусловили в свою очередь выдвижение интеллектуалов-гуманитариев на передний план фронт борьбы за реформирование таджикского общества.

Произведения А. Турсуна, М. Шукурова, М. Мирбабаева, Лоика Шерали, Бозора Собира, Гулрухсор и других, воспевающие традиции и национальные ценности таджиков, способствовали развитию национального самосознания народа.

¹ Китай. /Под ред. Цинк Аши/. – Пекин, 1997. - С. 43.

Но, к сожалению, таджикская гуманитарная интеллигенция была оторвана не только от власти, к которой она вскоре стала оппозиционной, но и от тружеников-колхозников и рабочих. Труженики страны в советское время претерпели значительную степень языковой и ментальной русификации, многие из них обучались в технических средних и высших учебных заведениях на русском языке и отдалились от огромного гуманитарного наследия предков. Поэтому в современных произведениях таджикских интеллектуалов-реформаторов получили особое распространение идеи саморазоблачения и самоотрицания настоящего (рецидив суфизма). Идеи самоотрицания в советское время, наряду с положительными сторонами, все же больше имели негативное влияние на дальнейшее суверенное развитие таджикского народа. Они развивали комплекс неполноценности, ущербности у современного таджика, потерявшего все свое наследие и неспособного творить свое будущее. К огромному сожалению, неправильная и вредная идея самоотрицания (самоунижения) до настоящего времени тормозит суверенное развитие Таджикистана.

Назовем неблагоприятные факторы советской эпохи, затормозившие развитие таджикского народа:

- господство наднациональной коммунистической идеологии, игнорирующей и препятствующей развитию национального самосознания;
- запрет религии (ислама), которая, кроме наличия религиозных ценностей, выражает и развивает национальную самоидентификацию человека;
- доминирование идеи самоотрицания в среде гуманитарной интеллигенции, скрывающей веру в собственные силы и возможности;
- отчуждение тружеников от собственного культурного наследия и этнических корней в итоге политики советизации (атеистической русификации) власти и других.

Но осталось одно направление, которое стало лидирующим в обновлении общества – восстановление статуса таджикского языка. Это направление охватило все вышеперечисленные слои общества. Здесь также лидировала гуманитарная интеллигенция, особенно филологи, озабоченные засорением таджик-

ского языка под влиянием русского, господствовавшего в государственном делопроизводстве.

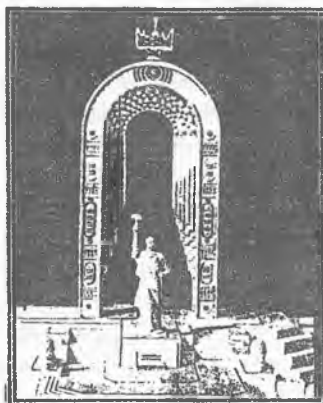
Вскоре борьба за чистоту родного языка превратилась из сугубо научной проблемы в центральную проблему преобразования таджикского общества. В конце 80-х годов в республике происходила бурная дискуссия относительно придания таджикскому языку статуса государственного, в которой участвовала не только гуманитарная интеллигенция, но и широкие слои общества. Таким образом, таджикам удалось первыми в Средней Азии пересмотреть статус родного языка и придать ему статус государственного (середина 1989 г.).

Восстановление статуса таджикского языка, в свою очередь, привело к пересмотру причин смены письменности: арабицы на латиницу и далее на кириллицу. Интеллигенция стала требовать возврата к арабской письменности. В республике возникли и стали действовать две параллельные системы письменности: кириллица оставалась главной и официальной, и арабица, как «письменность предков» («хати ниёгон»). На последней даже стали издаваться книги, журналы, арабской графике стали обучать детей в школах и т.д. В конце 80-х - начале 90-х годов в Таджикистане происходил настоящий бум по изданию и переизданию старой литературы религиозного характера, что привело к мощному подъему ислама, выходящего из подполья и стремящегося восстановить свои былые позиции.

В итоге в начале 90-х годов к моменту приобретения независимости Таджикистаном в республике сложилась чрезвычайно напряженная идейно-политическая обстановка. Правящая партия оставалась пока сильной, опираясь на Центр и его вооруженные силы в республике, но в то же время она стремительно теряла популярность в обществе.

Одновременно происходила активная политизация обиженного властью ислама, укрепляющего свои позиции в обществе. При таком положении дел местная интеллигенция, еще не сформировавшаяся как национальная, страдающая так же, как и все общество, региональным сепаратизмом, не смогла стать консолидирующей силой, обуздывающей поляризацию наднациональных идеологий - коммунизм и панисламизм. И самое главное, она не смогла повести за собой общество по пути достижения суверенитета и стабильности в обществе.

Глава V

ПЕРЕХОД К ОТКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ

Приобретение независимости Таджикистаном.

Гражданское противостояние и миротворческий процесс в Республике Таджикистан.

Процесс демократизации общества и либерализации политических институтов государства.

ПРИОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ТАДЖИКИСТАНОМ

Движение за восстановление статуса таджикского языка в конце 80-х - начале 90-х годов стало мощным толчком к политизации индифферентного таджикского общества и активизации гражданских позиций населения, приведших в конечном итоге к достижению суверенитета Таджикистана.

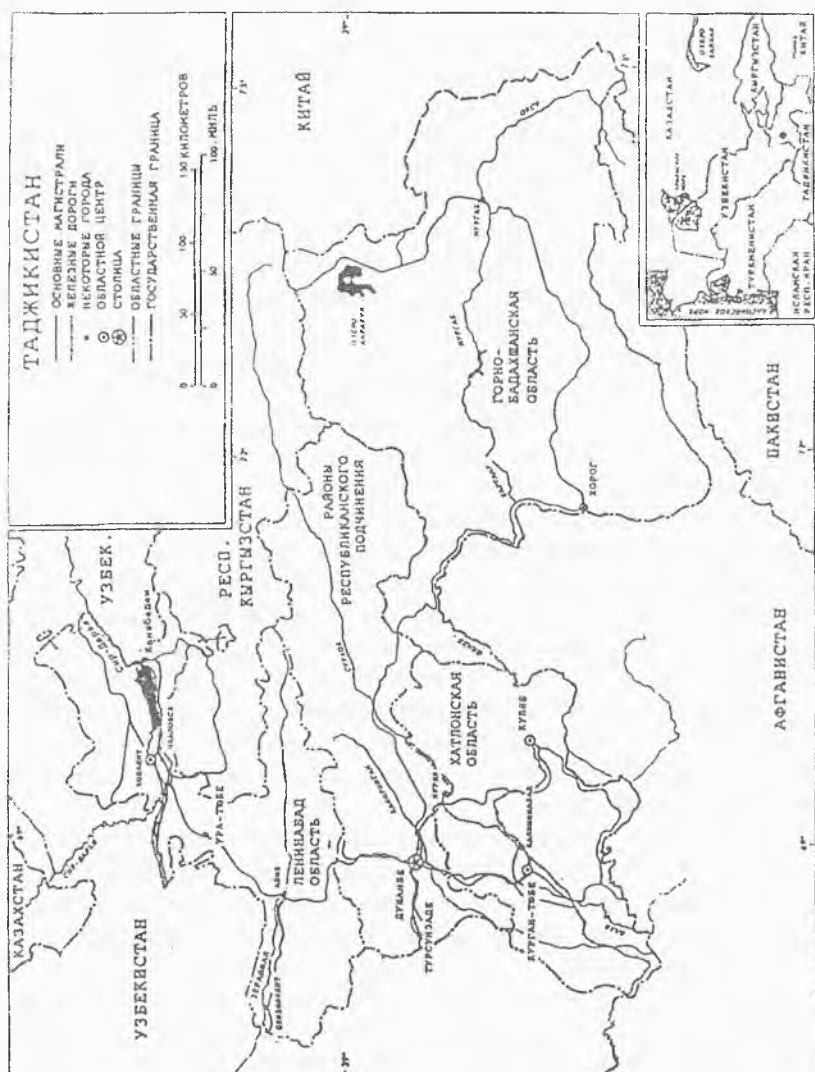
На выборах Верховного Совета СССР (весной 1989 г.), организованных впервые на альтернативных принципах, реформаторские (демократические) силы получили первое политическое крещение. В городах и районах Советского Таджикистана создавались общественные организации и объединения: «*Вахдат*» в Канибадаме и Ура-Тюбе (1988 г.), «*Ошкор*» в Кулябе (1988 г.), «*Маърифат*» в Душанбе (1989 г.) и другие, ратующие за реформирование в обществе. В мае 1989 г. был организован политический клуб «*Ру ба ру*» («Лицом к лицу»), который за короткое время приобрел огромную популярность в обществе. Однако этот политический клуб, обсуждающий острые вопросы социального, экономического и политического плана, показал неготовность властных структур к диалогу с обществом, выявил низкий уровень культуры общения среди участников дискуссии и неспособность общества к острым идейно-политическим спорам.

В такое непростое время 15 сентября 1989 г. состоялось учредительное собрание народного движения «*Растохез*», в котором участвовали более 150 представителей городов и районов, которые утвердили Устав и Программу движения и выбрали руководящий орган. Движение «*Растохез*», как большинство реформаторских движений СССР, ратовало за ослабление всеилия государства, либерализацию его структур (за отмену пресловутой 6 статьи Конституции) и достижение экономической самостоятельности республики. Несмотря на всяческие препятствия, чинимые государством, правящей партией и особенно карательными органами, движение «*Растохез*», как трибуна гуманитарной элиты, выступающей в первых рядах борьбы за незави-

симость Таджикистана, постепенно приобретало авторитет и многочисленных приверженцев во всех уголках республики.

Вскоре правящая партия, озабоченная потерей своей монополии за власть и престижа в обществе, под натиском реформаторских движений и исламского возрождения стала искать повод к дискредитации этих движений. Подвернулся удобный случай для очернения этих двух, еще не объединенных движений (реформаторского и исламского). 12-14 февраля 1990 г. в Душанбе произошли массовые выступления и беспорядки, начало которым положил провокационный слух «о приезде армян, пострадавших в Карабахской войне, и о выделении им нескольких квартир в столице». Это подлило «масло в огонь», взорвав долгое терпение местного (коренного) населения, ущемленного в вопросе улучшения жилищных условий в столице. Здесь стоит отметить тот факт, что основное население столицы национальной республики и так составляло не коренное население, а население, иммигрировавшее из сельских районов, что уже само по себе создавало взрывоопасное положение. После же проявления негодования и возмущения, в котором традиционно участвовали также всяческая нечисть и жулье, наживавшиеся на мародерстве и насилии, обвинили в произошедшем народное движение «*Растохез*» и исламский фундаментализм. Таджикская государственная власть уже в который раз отказалась от сотрудничества с реформаторски настроенной частью общества. В итоге теперь часть реформаторов стала искать возможность сближения с исламским движением.

Реформаторское движение 90-годов повторило ошибку реформаторов 70-летней давности (джадидов - младобухарцов). Если таджикское реформаторство 20-х годов после провокаций и преследований Бухарского эмира Олимхана объединившихся с большевиками, активно участвовало в свержении эмирата и установлении новой советской власти, в результате чего пострадали сами (были репрессированы почти все, только С. Айни чудом удалось уцелеть), то реформаторы 90-х годов также после провокаций и преследований уже старой советской власти стали объединяться с исламским движением Таджикистана. Их

голоса в мощном исламском возрождении были еле слышны. Таким образом, национальные чаяния и стремления, яркими выразителями которых явились реформаторы, из-за их слабости (не только рядов, но и духа) были проигнорированы и в первом случае, советскими органами, а во втором случае исламскими возрожденцами.

Тем временем общественно-политические трансформации в Советском Союзе, сопровождающиеся острыми этническими конфликтами в национальных республиках (Казахстан – декабрь 1986 г., Грузия – апрель 1989 г., Карабах – январь 1990 г. и др.), и политика КПСС, препятствующие углублению реформирования общества, в конечном итоге, привели к ускорению распада СССР.

Высшее партийное руководство Советского Союза для удержания огромной империи от распада стало разрабатывать различные варианты ее спасения. Одним из таких вариантов было создание Союза Советских (Независимых) Государств, которое устраивало многих. Однако консервативная часть бывшего советского руководства под руководством Председателя Верховного Совета (парламента) СССР Лукьянова, председателя КГБ СССР Крючкова, министра обороны Язова и других, организовала 18 августа 1991 г. государственный переворот. Создав Государственный Комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) под председательством Янаева, они стремились насильственно отстранить М.С. Горбачева от власти, взять бразды правления в свои руки и сохранить разваливающуюся на глазах огромную империю. Однако ГКЧП не поддержало население, и реформаторы во главе с руководителем ведущей республики Советского Союза – РСФСР, отстранили ГКЧП от власти. Августовский путч похоронил последние надежды на сохранение Советского Союза, и даже явные его сторонники, включая Советский Таджикистан, объявили о своей независимости (сентябрь 1991 г.). Парламент Советского Таджикистана под сильным напором национально-демократических и реформаторских сил республики 9 сентября 1991 г. также объявил о независимости Таджикистана. Это было историческое решение, коренным образом изменившее дальнейшее политическое развитие суверенного

Таджикистана. Однако острая конкуренция различных идейно-политических группировок, слабость общенациональных сил не дали возможности до конца оценить преимущества и идеалы политической независимости и сохранить политическую стабильность в Таджикистане.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Одна из самых бессмысленных войн, разгоревшихся на территории бывшей империи, - братоубийственная гражданская война в Таджикистане, - наглядно продемонстрировала всем, к чему ведет стихийный переход от «авторитаризма» к «демократии». Несомненно, сам по себе этот процесс имеет свои плюсы: либерализация режима, расширение политических прав и свобод, снятие административных ограничений, появление многопартийности, гласности и плюрализма.

Но даже позитивные изменения не должны, как селевой поток, нести разрушения, непредсказуемые последствия. Тем более не должны иметь места революционные скачки, шараханье из одной крайности в другую (от большевистской идеологии к догмам исламского фундаментализма, т. е., как говорят на Востоке - «убегая от вора, попасть к разбойнику»).

В Таджикистане в 1992-1996 гг. мы наблюдаем именно такую опасную тенденцию. Ловко маневрируя, максимально используя в своих целях политическую борьбу между коммунистами и новоявленными демократами, исламисты создали свою партию (Партия Исламского Возрождения Таджикистана), которая за очень короткий срок стала одной из самых влиятельных политических сил в республике.

Этому возвышению способствовал ряд причин.

Во-первых, распад империи и крушение ее «столпов»- та-

ких, как господство одной партии (КПСС) и монополия ее идеологии (марксизм-ленинизм), что привело к усилению центробежных сил и образованию идеологического вакуума.

Во-вторых, низкий уровень политической культуры общества, проявившийся как в пассивности масс, воспитанных и сформированных системой, где человек рассматривался как *«не-совершеннолетний ребенок»* могучего государства. И он, этот «ребенок», оказавшись в новых условиях, не смог самостоятельного утвердиться в жизни. Официальные лидеры, десятилетиями формировавшиеся в условиях непротивления *«начальству»* и не привыкшие к инициативе и самостоятельности, не смогли адекватно реагировать на изменения в общественном сознании.

В-третьих, экономическая отсталость и раздробленность республики на регионы, сильно мешавшие разработке единой общенациональной идеи.

Появление мощной политической силы и ее непримиримость по отношению к существующим базовым ценностям, идеалам и целям общественного развития, довели до предела политическую нестабильность и окончательно раскололи общество на два враждующих лагеря: модернисты (ядро – Ленинабадская область, а также Кулябская область и Гиссарская долина), и их противники – традиционалисты в лице исламистов и этнократов из демократического блока, которые пользовались поддержкой жителей Гармской долины, Горного Бадахшана и некоторых районов Курган-Тюбинской области.

Первая, так называемая ленинабадско-кулябская, группировка вооружилась лозунгом борьбы против исламского фундаментализма, а вторая, гармско-памирская, в свою очередь, ратовала якобы за «очищение нравов и обрядов и за восстановление традиционных устоев общества».

Это противостояние обнажило исторические обиды – и рознь между регионами, что было обусловлено долгим отсутствием единого таджикского централизованного государства, отсутствием общепризнанного центра, различием региональных менталитетов, условий жизни (жители долины – горцы),

языков (таджикский язык, с его различными наречиями шугнанский, ваханский и другие языки Бадахшана). Свою роль сыграла, конечно, и религия (большинство исповедовало суннизм - исмаилизм) и т.д. Эта раздробленность народа обусловила низкий уровень политической культуры. Поэтому в политической жизни республики продолжает играть значительную роль фактор региональных субъективистских противоречий. Локально-территориальная принадлежность берет верх даже над осознанием принадлежности к единому таджикскому народу. Огромная часть населения привержена группам, которые представляют местные или региональные интересы, признает только их приоритет.

Привычка жить в условиях восточного патернализма, помноженного на определенный минимальный уровень социальной защищенности (дехканин всегда довольствовался одной лепешкой и пиалой чая, нередко без сахара), атрофировала чувство свободы, породила рабское послушание, покорность. Сама многовековая история народов Средней Азии (таджиков в том числе) свидетельствует о том, что народы никогда не жили в условиях демократии, никогда не имели настоящего народовластия. Власть олицетворяло лицо: шах, хан, султан или эмир. Этот настрой народа хорошо уловили обе противостоящие силы, которые из всех сил стремились использовать его в своих целях.

Основная база *модернистов* – Ленинабадская область (центр – г. Худжанд) – традиционный «поставщик» официальных руководителей республики, не смогла сформировать лидеров новой формации, отвечающих требованиям времени. Ярким свидетельством этого служит бесславный уход Р.Набиева с президентского поста, ликвидация президентской формы правления, которая была позже заново восстановлена.

Вторая сторона делала упор на выдвижение духовного лидера (в лице главы мусульман республики, казикалона Ходжи Акбар Турадзон-Зода), полностью игнорируя реальную действительность. А она состоит в том, что, хотя Партия Исламского Возрождения Таджикистана (ПИВТ) и казиат имели в некоторых районах республики прочную позицию, тем не менее народы Таджикистана не хотят жить в исламском (теократическом) госу-

дарстве. Появление исламского государства в сердце Востока, на развалинах могущественной империи не вызовет энтузиазма у соседних бывших советских республик (ныне независимых государств). Для такого заключения имеется несколько доводов: во-первых, таджикский народ (как и другие народы Средней Азии) в основном исповедует ислам суннитского толка, которому присуще верховенство светской власти, в отличие от шиитов, где духовная власть может доминировать над светской (пример - Иран); во-вторых, многолетнее правление коммунистов, их непризнание и дискриминация по отношению к религии (в нашем случае к исламу) и вытекающие отсюда последствия (положительные или отрицательные - это другой разговор); в-третьих, преобладание в самой развитой области республики коммунистов, выступающих как модернисты, соперники исламистов; в-четвертых, озабоченность в странах Центральной Азии, России и Китае по поводу эскалации таджикского конфликта и выдвижения идеи об исламском государстве и негативное отношение к последнему.

В это смутное время появилось большое количество лидеров различных калибров (начиная от махаллинского до «национальных героев» различных регионов). Среди них можно выделить лидеров-авантюристов, стремящихся к самоутверждению и захвату власти; лидеров «поневоле», которых политическая волна выдвинула на авансцену борьбы; лидеров-популистов, которые, манипулируя эмоциями и настроениями толпы, преследуют эгоистические и клановые цели - захват власти и др.

Критериями выделения лидеров служит цель, которую преследует тот или иной лидер, выбор средств и способов ее достижения.

Появление неформальных лидеров - это явление нашего переходного времени. Оно является отчасти критерием низкого уровня политической культуры официальных лидеров, проявленной в их неготовности, неумении вести за собой людей, оторванности от масс и неспособности контролировать ситуацию - когда идет стремительный процесс политизации организаций, которые

отражают самые разные, зачастую противоположные идеи и течения.

Если раньше административная система не признавала людей неординарных, творческих и критически мыслящих, то сегодня такие люди составляют костяк различных движений, партий и других массовых организаций. Для некоторых из них участие в политике стало средством компенсации личных и творческих неудач и способом самоутверждения и признания. Поэтому на политическом небосклоне республики мы обнаруживаем не только бывших партийных и общественных деятелей, но и множество людей различных профессий: журналистов, историков, кинематографистов, представителей уголовного мира: рэкетеры и рецидивисты различных рангов. А это явный признак неудовлетворительного состояния уровня политической культуры и национально-государственного самосознания общества. Мотивы участия в политике разные: от альтруистических — борьба за демократизацию и обновление общества, до эгоистических — стремление к власти, известности и богатству.

Одновременно шел процесс политизации масс, включения их в политику, преодоления многолетнего отчуждения не только от преемственности традиционной исторической культуры и нравственности, но и от участия в осуществлении власти. Эти издержки сильно мешали вхождению в политический процесс, сопровождалось отсутствием культуры полемики, уважения к чужим взглядам, толерантности, нетерпимостью к точке зрения оппонента и неуважением конституционного строя.

Митинги, забастовки, альтернативные демонстрации, голодовки по политическим мотивам стали формой массового политического поведения. Это способствовало радикализации сознания масс, где доминировали разные слухи, мифы, ложные иллюзии. А это привело к политизации толпы, к параличу власти, который породил опасное явление — *охлократию* — власть толпы. Признаками охлократии явились: взаимоисключающие друг друга постановления парламента и указы президента республики, принятые под давлением митингующей толпы; бесконечные и неэффективные перестановки кадров в структурах законодатель-

ной и исполнительной ветвей власти, игнорирование законов и властных структур, доходившее до политического бойкота регионами республики; и наконец, самое опасное – формирование и действие незаконных вооруженных группировок и их неповиновение официальной власти.

Все эти негативные тенденции привели к национальной катастрофе: сначала это было противостояние митингующих площадей (площадь «Озоди» - сторонники законного Президента, и площадь «Шахидон» - сторонники оппозиции), которое переросло в конечном итоге в бездумную гражданскую войну.

Простой народ не привык к ситуации выбора, он не может найти путей выхода из кризисного состояния, ему ближе региональная самоидентификация, чем принадлежность к единой нации, его больше удовлетворяет благополучие региона, чем целой страны. На этой благоприятной почве лидеры различных калибров и течений стремятся к достижению основной цели – власти. При этом они апеллируют к народным массам, манипулируя их сознанием и играя на их эмоциях. Но эта борьба лидеров и их кланов не способствовала политической стабилизации, снятию напряжения в республике, а наоборот, все более углубляла политический кризис, принося бесчисленные бедствия, отчуждая население различных регионов друг от друга, сея между ними недоверие и вражду, что в конечном итоге привело республику к росту зависимости от экономически развитых стран.

Выше была подчеркнута озабоченность соседних стран политической нестабильностью в республике. Таджикистан – полиэтническое государство (таджики – 66%, узбеки – 23, русские – 7, киргизы – 1% и др.).¹ Поэтому была угроза перерастания конфликта в межэтнический, что могло цепной реакцией ударить по другим государствам, в первую очередь по Узбекистану и России. В Узбекистане опасались, что могут активизироваться таджикское население республики (это более миллионов человек, особенно в Бухарской и Самаркандской областях и в некоторых районах Ферганской долины) и исламская оппозиция (особенно в

¹ Итого переписи населения. 1989 г.

районах, граничащих с Таджикистаном, в Наманганской области), внимательно следящая за развитием событий в соседней республике.

Узбекистан и другие среднеазиатские государства, выбравшие светский путь развития общества, обеспокоены угрозой распространения исламского фундаментализма, господствующего в умах некоторой части соседних народов. Исламский фундаментализм, отличающийся от остальных мусульманских течений своим воинствующим тоном, фанатизмом и непримиримостью к инакомыслию, поощряющий международный терроризм, может быстро распространиться в бедных, отсталых регионах Средней Азии, где неразрешимость множества жизненных проблем толкает народ в объятия духовенства. Политически неграмотные, послушные дехкане, чье положение ухудшается с каждым днем, в трудный период преобразования общества стремятся найти утешение и покровительство в традиционной религии. А духовенство, испытавшее унижение и дискриминацию в годы правления коммунистов, старалось использовать отчаянное положение масс для восстановления своего доминирующего места во всех сферах жизни. Его радикальная часть призывала народ к гражданскому неповиновению существующему политическому режиму.

Идея об исламском государстве стала мощным толчком ко все более увеличивающейся эмиграции русскоязычного населения из Таджикистана. Русские впервые почувствовали себя в роли нежелательного меньшинства после вмешательства частей 201-й российской дивизии в этот конфликт. Действия этой дивизии неоднозначно воспринимались в республике, порождали антирусские настроения. Заявления и действия этнократов антикоммунистического блока сопровождались выживанием русскоязычного населения из республики.

Стремительный процесс «исламского возрождения» является неотъемлемой частью национального возрождения, его радикальным проявлением. Политизация ислама и исламизация политики являются ответной реакцией на длительную государственную политику вытеснения религии (в бывшем СССР) из жиз-

ни общества и запрещение ее пропаганды. Духовенство не исчезло с политической арены, а разделилось на «официальное», которое подбиралось к государственным институтам и было лояльным к существующему режиму, и «неофициальное» («теневое») духовенство, положение которого в мусульманской общине определялось происхождением, авторитетом и моральными качествами.

В политической истории народов Средней Азии религия (ислам) занимает одну из ведущих позиций, наряду со светским государством, а на некоторых отрезках времени религия даже преобладала над светской властью. Преобладание или стремление к доминированию религии отмечается в те эпохи, когда государственные институты переживают глубокие кризисы, где подданные ищут опору в чем-то ином, чаще в вере и религии. Поэтому в нашей республике конфессиональный фактор является «одним из ведущих агентов политической социализации, как введение в политическую культуру».¹ При начале политической нестабильности духовные лидеры и Партия Исламского Возрождения Таджикистана показали, что способны мобилизовать массы на активное участие в политических акциях и в выборах. На выборах Президента Таджикистана осенью 1991 г., оппозиционный блок (демократов и исламистов), где ведущую роль играла Партия Исламского Возрождения Таджикистана, сделал ставку на кандидата в Президенты Давлата Худоназарова, известного кинематографиста и политического деятеля республики. На выборах он, по официальным данным, получил 31% голосов избирателей (по мнению оппозиционеров — эти данные занижены). Это был успешный «политический дебют» исламистов, если учесть отсутствие традиции свободных демократических выборов, состязательности претендентов, когда многие годы практиковались выборы по принципу: «один кандидат на одно место». Партия Исламского Возрождения Таджикистана выдвигала тогда умеренные лозунги и категорически отрицала идею

¹ Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. — М., 1990.—С. 68.

создания исламского государства. После поражения этой партии на выборах Президента усилилось влияние радикально настроенных исламских деятелей, не признавших результаты выборов. Они обвиняли официальные власти в фальсификации и призывали своих сторонников к политическому бойкоту существующего режима. Они заявляли, что у власти по-прежнему находятся коммунисты, запятнавшие себя гонениями на религию, не способные восстановить традиционные идеалы и образ жизни. Поэтому исламисты были настроены решительно против существующего режима и выступали с радикальными лозунгами типа «Долой» и даже «Смерть». Дальше события развивались по «алжирскому сценарию».

Мусульманские лидеры ориентировались на крайнее проявление политической культуры — культуру конфронтации, на решение сложных судьбоносных проблем с позиций силового давления и воспитания таких черт, как нетерпимость к малейшему инакомыслию и непримиримость, политический шантаж, манипуляция общественным сознанием. Они считали стремление к достижению консенсуса, учету позиций оппонентов, урегулированию разногласий гражданскими процедурами признаком слабости. Кульминацией этого противостояния и явилось противостояние названных выше площадей. Площадь «Шахидон» («Мучеников») — это оппозиция во главе с мусульманскими лидерами (в первых рядах деятели Партия Исламского Возрождения Таджикистана), площадь «Озоди» («Свободы») — это сторонники официальных властей. Человек разумный, созидатель на этих площадях, вооружившихся лозунгом *«Кто не с нами, тот против нас»*, проявил себя как человек ненависти и разрушения, страха и хаоса, толпы и насилия. В толпе площадей накапливался тот потенциал, который нарушил процесс цивилизованного, мирного движения к демократии и обновлению республики.

Это противостояние главных площадей столицы наглядно продемонстрировало неудовлетворительное состояние политической культуры и национально-государственного самосознания, их пороки и изъяны.

Мусульманские лидеры, разделив народ по принципу «свой - чужой», нарушили предписания классического ислама о единстве всех представителей уммы (мусульманской общины). Традиционному ханифизму суннитского толка ислама, которого придерживается исключительное большинство мусульман Средней Азии, они противопоставили ваххабизм (религиозно - политическое течение в суннитском исламе). Это течение в исламе отличается от других своим фанатизмом в вопросах веры и экстремизмом в борьбе со своими политическими противниками. Важное место в нем занимает идея джихада - борьба за веру. Призывы и действия радикально настроенных лидеров, вооруженных идеологией воинствующего ваххабизма, привели к расколу и в рядах мусульманского духовенства. Умеренное крыло исламских лидеров выступало против политизации ислама, мотивируя это тем, что политизация веры и создание политической партии ислама противоречат Корану. С этих позиций выступил и глава мусульман Средней Азии и Казахстана (центр - Ташкент). А радикальное крыло, напротив, выступало с требованием более активного участия в политической жизни общества, чтобы всемерно защитить интересы мусульманской общины, ее обряды и предписания. Хотя они подчеркивали, что государство должно оставаться светским, духовенству не следует находиться у власти, одновременно они говорили о возрождении роли ислама в обществе, норм шариата в повседневной жизни. Но в требованиях этих гибких и дальновидных политиков находилась *«мина замедленного действия»*, так как ни один разумный человек не может представить себе «мирное сосуществование конституционных законов светского государства и норм шариата» в повседневной жизни, т.е. совместить «несовместимое». Поэтому это нереальное двоевластие моментально рухнуло бы на практике, и власть оказалась бы в руках тех, кто имел большую популярность в обществе. Если учесть, что в Таджикистане сельское население доминирует над городским, и что на селе влияние духовенства достаточно сильно, то внедрение норм шариата в повседневную жизнь сразу привело бы к росту его популярности.

Радикальному крылу исламской оппозиции Таджикистана оказывали духовную и материальную помощь, в первую очередь, соседние исламские государства: Афганистан, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и др. Среди них особенно усердствовал Афганистан, поставляя вооруженным группировкам новейшее вооружение и боеприпасы и даже боевиков — инструкторов в ряды исламской оппозиции. Лидеры этих исламских государств хотят использовать Таджикистан в качестве форпоста для дальнейшего распространения идеи об исламском государстве в другие мусульманские республики и регионы бывшего Союза и создания на их месте могучей исламской империи (в составе Ирана, Афганистана, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана и так далее). Важно учесть, что «благородная Бухара» в течение многих столетий являлась духовным центром, своего рода «Меккой» Мавераннахра (историческое название Средней Азии). Непререкаемый авторитет и слава ее духовных учебных заведений и улемов-ученых распространялись далеко за пределы региона. Поэтому исламские деятели не удовлетворились бы только одним Таджикистаном.

Противостояние площадей «Озоди» и «Шахидон» (весна 1992 г.) и его последствия также продемонстрировали несостоятельность и неприемлемость существующего в обществе типа политической культуры в неординарных случаях новой реальности. Главной здесь была следующая установка: если политик или партийный деятель находится «наверху», значит, он самый умный и способен повести людей за собой. В новых условиях, после освобождения от опеки и наставлений центра (Москвы), официальные лидеры республики оказались перед натиском все более усиливающегося антикоммунистического блока, который, кроме ПИВТ, включал Демократическую партию Таджикистана (ДПТ), народное движение «*Растохез*», региональное движение «*Лаъли Бадахшон*». Достижение независимости и политической самостоятельности поставили перед властями очень трудноразрешимые и судьбоносные задачи: формирование и укрепление подлинно независимого государства и его институтов с учетом достижений республики и ее исконных традиций и интересов.

Официальные власти не смогли выполнить эту задачу, в их действиях проявились нерешимость и неуверенность. Ошибки и просчеты, сделанные ими, умело использовали их политические оппоненты. В итоге деятельность большинства структур государственности была парализована, что привело к торжеству охлократии – власть толпы.

Экономическое ухудшение жизни, дороговизна, деформация производительных, социальных взаимосвязей, беспринципность властей и непримиримость оппозиции привели к деморализации политизированной народной массы, ее превращению в толпу, общество было ввергнуто в анархию и хаос. Эти негативные явления ускорялись и углублялись также отсутствием в обществе достаточного уровня политической культуры, слабостью общенациональной идеи, отсутствием демократических традиций, норм и моделей индивидуального поведения.

Даже «коалиционное правительство» (лето 1992 г.), куда вошли и представители оппозиции, не смогло удержать республику, медленно, но верно идущую к гражданской войне. Недоверие и подозрительность лидеров группировок, избравших путь конфронтации, не способствовали укреплению этого последнего компромисса. Развал государственных структур обусловил активизацию криминального мира. В Душанбе был убит генеральный прокурор страны Н. Хувайдуллоев. Криминальные элементы существенно влияли и на дальнейшее развитие политического кризиса. Одна часть, назвавшая себя *«молодежь города Душанбе»*, вынудила Президента Р. Набиева, решившего спешно покинуть столицу, уйти в отставку. Нелегитимность этой насильственной акции умело использовал глава кулябских вооруженных формирований Сангак Сафаров. Он завоевал большую популярность своим выступлением в защиту «незаконно свергнутого» Президента. Сангак бросил вызов властям вооруженным взятием г. Курган-Тюбе. В республике началась гражданская война (осень 1992 г.), которая расколола ее на два вооруженных лагеря: с одной стороны – это кулябские формирования во главе с Сангаком Сафаровым, которого поддерживали, кроме Кулябской области, жители Ленинабадской области, часть Гиссарской

долины и Курган-Тюбинской области, узбеки и другие национальные меньшинства. Впоследствии они объединились в Народный фронт Таджикистана. С другой стороны – боевики ПИВТ и демократического блока, пользующиеся поддержкой жителей Гармско-Памирского региона и некоторых районов Курган-Тюбинской области. Обе противоборствующие силы рекрутировали боевиков в основном из маргинальной и уголовной среды, где очевидны распад нравственных ценностей и ценностей общечеловеческого порядка, где методы и способы решения насущных проблем в корне отличаются от цивилизованных способов. Материалы средств массовой коммуникации (радио, телевидения и газет Таджикистана и других стран) полны информации и обвинений в адрес обеих вооруженных группировок, которые при захвате населенных пунктов выпускали на свободу заключенных из лагерей и вербовали их в свои ряды.

После отставки Р. Набиева был избран исполняющий обязанности Президента председатель Верховного Совета А. Искандаров. Коалиционное правительство распространило свою власть в столице и ближайших к ней районах. Кулябские формирования при негласной помощи с севера республики, а также других республик СНГ укрепили свои ряды и пополнили вооружение, угрожая столице блокадой.

Попытки урегулирования таджикского конфликта со стороны членов - государств СНГ не увенчались успехом. Нелегитимность нового руководства республики послужила поводом для отказа ввода миротворческих сил СНГ, а Кыргызстан, получивший мандат на ввод своего миротворческого батальона, наткнулся на отказ своего Парламента. В этих условиях ввод войск означал бы поддержку одной из сторон и вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Вскоре коалиционное правительство объявило о своем самороспуске.

Единственным выходом из глубочайшего кризиса, безвластия и прекращения братоубийственной войны был созыв сессии Парламента (ноябрь 1992 г.). XVI сессия Верховного Совета (Парламента) состоялась не в столице, а Худжанде – центре

Ленинабадской области. Политическая стабильность области, не затронутой войной, и прочная позиция властных структур региона во многом предопределили исход сессии Верховного Совета Таджикистана.

На этой сессии депутаты признали незаконную отставку Президента и одобрили новое заявление Набиева об уходе. Был избран новый спикер парламента, так как президентская форма правления была ликвидирована. Новым спикером был избран Эмомали Рахмонов, Председатель Кулябского облсовета.

Первые шаги нового главы республики свидетельствовали, что в его действиях присутствовала логика не конфронтации, а консолидации и здравого смысла. Он показал себя жестким и гибким политиком. Реакция на избрание Э.Рахмонова главной республики была неоднозначной. В республике, где принцип «свой - чужой» играет немаловажную роль, происхождению лидеров традиционно придается большое значение. Лидером республики стал человек, представляющий сторону, за которой большинство в Парламенте и за спиной которого превосходящая военная сила. Его перерастания в лидера общенационального масштаба ждали все.

Надо учесть, что в политической истории нашего народа личность всегда играла важную роль, власть олицетворяла лицо, поэтому «сильный человек» у власти предпочтительнее «слабого». Результат деятельности и бесславный уход Р. Набиева — яркий тому пример. Пора было понять, что попытка преобразования общества только на основе признания своих прав и действий, неизбежно приведет к анархии, к власти толпы, которая создает благоприятную почву для прихода диктатуры. Поэтому лидер должен стоять над политическим противостоянием и региональными междоусобицами, он должен объединить лучшие умы и здоровые силы общества для преодоления кризиса в обществе и выхода из политического и экономического тупика.

Очень скоро новый лидер страны Э.Ш. Рахмонов стал оправдывать требования и чаяния народа, направленных на скорейшее прекращение гражданского противостояния и достижение мира.

Стремительное превращение Э.Ш. Рахмонова из регионального лидера в общенационального стало возможным благодаря ясному пониманию им того, что в продолжающемся идейном и военно-политическом противостоянии виновны две наднациональные идеологии (коммунизм и панисламизм) и сепаратизм регионов.

Если наднациональная коммунистическая идеология, реализуя свои принципы *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* и *«Религия - опиум для народа»*, возвышала один слой (рабочих) общества над другими или объявляла целое сословие (духовенство) вредным явлением, и препятствовала национальному единению таджикского народа, то панисламистская идеология, оставаясь верной своему лозунгу *«Мусульмане всего мира - братья»*, фактически объявляла русскоязычное население «вне закона», ставила конфессиональное единство выше национального и мешала межнациональному согласию и национальной консолидации всех таджиков.

Если наднациональные идеологии (коммунизм и панисламизм) игнорировали национальное единство, являясь идейным препятствием к национальной консолидации, то региональный сепаратизм разрывал единство народа изнутри, деля таджиков на кулябцев, худжандцев, бадахшанцев, гиссарцев, гармцев и т. д.

И из этого сложнейшего положения Э.Ш. Рахмонов нашел выход.

«Кто мы, откуда, из каких корней произошли? – пишет Э.Ш. Рахмонов во вступлении к своей книге «Таджики в зеркале истории» - Кто были наши первые предки, из каких краев они пришли, в каких пределах жили? Где берет начало, до берегов какого времени доходит история цивилизации и государственности таджиков? Каков исторический вклад нашей нации в зарождение и дальнейшее развитие совместной цивилизации арийцев? Имеют ли наш язык, быт, историческое и культурное наследие свою национальную первозданность или же мы заимствовали их у других народов?»¹

¹ Рахмонов Эмомали. Таджики в зеркале истории. От арийцев до Саманидов. – Лондон, 1999. - Кн.1. - С. 125.

Поиск «корней», выявление «исторического наследия», «национальной первозданности» таджикского народа привели его к заключению о непригодности доминирующих в таджикском обществе идейно-политических ценностей (коммунизм, панисламизм и региональный сепаратизм) для достижения национально-го единства и общественного согласия, так необходимых для дальнейшего суверенного развития Таджикистана. В своих мыслях и действиях Э.Ш. Рахмонов стал опираться на доисламские национальные ценности, в первую очередь, на зороастрийскую триаду - «благомыслие, благословие и благодеяние». В современных условиях Таджикистана реализация этих благородных слов означала постоянную устремленность к прекращению братоубийственной войны (а не об истреблении врага) и в предложении руки помощи покаявшимся, заблудившим и пострадавшим соотечественникам.

Э.Ш. Рахмонов, не разделяя (и властвуя) свой народ по идеологическому окрасу («белые», «красные», «зеленые»), стал думать о скорейшем прекращении гражданского противостояния и возвращении громадного количества беженцев и вынужденных переселенцев (доходящего до одного миллиона человек) на Родину.

«Пока не будет возвращен последний беженец на Родину, я не буду спокойно спать» - эти слова Э.Ш. Рахмонова в его известном выступление на XVI сессии Верховного Совета Таджикистана в ноябре 1992 г. стали кредом, смыслом его жизни.

Ко времени приобретения независимости Таджикистаном среди определенной части интеллигенции возродился огромный интерес к зороастризму, своему арийскому прошлому и авестийским традициям. Это историко-культурное и просветительское движение не участвовало в острой конкуренции идейно-политических ценностей и традиций и постепенно способствовало миротворческому процессу в стране.

Э.Ш. Рахмонов, несмотря на отчаянное сопротивление прокоммунистической бюрократов и чиновников, роздал 50 тыс. га (позже еще 25 тыс. га) земли дехканам. Тем самым он начал возрождать достойный статус благородного сословия - *дехкан*,

истинных землевладельцев, опоры всех таджикских государств доисламской эпохи. Это благородное сословие, воспетое в «Авесте» и «Шахнаме», постепенно было заменено духовенством, на огромных (вакфных) землях которого они работали, как крепостные. В советское же время дехканство хотя и было объявлено «союзником» господствующего рабочего класса, тем не менее оно насильно было загнано в колхозы и совхозы и по сути дела обезличено. Поэтому дехканство до сих пор в общественном сознании воспринимается как «колхозник»- безынициативное и несамостоятельное сословие.

Возродившееся дехканство сможет заново занять свое достойное место и быть опорой государства.

Миротворческий и созидательный курс Э.Ш. Рахмонова начало понимать и воспринимать умеренное крыло Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), созданной за границей и функционирующей в Афганистане, Иране, России и других соседних странах. Лидеры оппозиции из исламского и демократического движений, воевавшие с прокоммунистическими силами в стране, стали понимать новую политику власти, направленную на смягчение экономического кризиса (особенно поддержка дехкан) и жесткой позиции по отношению к вооруженной оппозиции. Они также стали искать возможности к началу переговоров о мире. Трезвые и умеренные руководители ОТО, пребывающие в соседнем Афганистане, воочию убедились в пагубности гражданской войны для народа. Патриотично настроенные из них (С.А. Нури, Отахон Латифи, Абдунаби Сатторзода и др.), начали думать о переговорах о мире.

Во многом благодаря стремлениям председателя Верховного Совета Э.Ш. Рахмонова и лидера ОТО Саида Абдулло Нури к скорейшему установлению мира и национального согласия в Таджикистане с апреля 1994 г. начались межтаджикские переговоры, проходящие в государствах-гарантах урегулирования конфликта. Шаг за шагом приближались конфликтующие стороны к взаимопониманию и согласию. Конечно, межтаджикские переговоры не проходили гладко, несколько раз они были под угрозой срыва.

«В результате гражданской войны в Таджикистане в 1992 и 1993 годах были убиты 50 000 человек и 850 000 стали беженцами, говорится в Отчете по человеческому развитию¹. От 600 000 до 700 000 человек поменяли место жительства внутри самой республики. Число беженцев за пределами республики составляет 60 000 в Афганистане и около 195 000 в республиках бывшего Советского Союза, т. е. в России, Украине, Белоруссии, Узбекистане, Туркменистане, Кыргызстане и Казахстане. Количество сирот достигло 55000, 25 000 женщин стали вдовами. По данным Министерства труда, было разрушено 35723 дома, из них 21740 полностью.²

Эти ужасные последствия гражданской войны и продолжающиеся крупные боевые действия в Тавильдаринской и Каратегинской долинах довели над межтаджикскими переговорами и стали угрозой их срыва. В такой сложной ситуации непосредственные встречи Президента республики Э.Ш. Рахмонова и лидера ОТО А. Нури выводили переговоры из тупика и придавали им новый импульс. Одна из решающих встреч происходила в Северном Афганистане, который сам был охвачен войной. Несмотря на отсутствие гарантии безопасности, Э.Ш. Рахмонов поехал в местечко Хосдех, где 10-11 декабря 1996 г. состоялась его встреча с лидером ОТО С.А. Нури. На этой встрече при посредничестве специального представителя Генерального Секретаря ООН в Таджикистане Г.Д. Меррема и при непосредственном участии президента ИГА Бурхониддина Раббани, министра обороны Афганистана Ахмадшаха Масъуда был подписан протокол об урегулировании военно-политической обстановки в зонах противостояния.

Согласно протоколу, стороны взяли на себя обязательство с 12 декабря 1996 г. прекратить все боевые действия. Эта историческая встреча имела переломное значение и вывела переговорный процесс на заключительный этап.

¹ Республика Таджикистан. Отчет по человеческому развитию. — Бишкек, 1995.
— С. 46-48.

² Там же. — С. 48.

МЕЖТАДЖИКСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ¹

Встречи	Время	Место
Первый раунд	4-19 апреля 1994	г. Москва
Второй раунд	18-28 июня 1994	г. Тегеран
Консультативная встреча	12-17 сентября 1994	г. Тегеран
Третий раунд	20 октября – 1 ноября 1994	г. Исламабад
Консультативная встреча	20-26 апреля 1995	г. Москва
Встреча Э.Ш.Рахмонова и С.А.Нури	17-19 мая 1995	г. Кабул
Четвертый раунд	22 мая – 2 июня 1995	г. Алма-аты
Встреча Э.Ш.Рахмонова и С.А.Нури	19 июля 1995	г. Тегеран
Пятый раунд (непрерывный)	30 ноября – 22 декабря 1995	г. Ашгабад
	26 января – 18 февраля 1996	г. Ашгабад
	8 июля – 21 июля 1996	г. Ашгабад
Встреча Э.Ш.Рахмонова и С.А.Нури	10-11 декабря 1996	г. Хосдех
Встреча Э.Ш.Рахмонова и С.А.Нури	19-23 декабря 1996	г. Москва
Шестой раунд	5-19 января 1997	г. Тегеран
Встреча Э.Ш.Рахмонова и С.А.Нури	20-21 февраля 1997	г. Мешхед
Седьмой раунд	26 февраля – 8 марта 1997	г. Москва
Восьмой раунд	9-18 апреля 1997	г. Тегеран
Встреча Э.Ш.Рахмонова и С.А.Нури	16-18 мая 1997	г. Бишкек
Девятый раунд	21-28 мая 1997	г. Тегеран
Встреча Э.Ш.Рахмонова и С.А.Нури	26-27 июня 1997	г. Москва
27 июня 1997 г. было подписано Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане Президентом Республики Э. Ш. Рахмоновым и лидером ОТО С.А. Нури.		

¹ Таджикистан. Отчет по человеческому развитию. - Душанбе, 1997. - С. 21.

Таким образом, межтаджикские переговоры по национальному примирению были успешно завершены, и 27 июня был объявлен Днем национального единства.

Вскоре, 15 сентября 1997 г. состоялось первое заседание Комиссии национального примирения (КНП), которая была образована согласно Общему соглашению о мире из представителей правительства и ОТО на паритетной основе. Были организованы четыре подкомиссии: политическая, военная, по беженцам и правовая. КНП в тесном контакте с правительством РТ и при активной поддержке международных организаций, особенно структурных подразделений ООН в РТ, соседних стран: России, Ирана, Узбекистана и других координировали крупномасштабные мероприятия по возвращению беженцев и вынужденных переселенцев на постоянное место жительства, реинтеграции вооруженных подразделений оппозиции в вооруженные и правоохранительные структуры государства и интеграции политических сил бывшей оппозиции в органы управления. Относительная устойчивость и политическая стабильность постконфликтного этапа суверенного развития Таджикистана стали возможными благодаря проведению политическим руководством страны во главе с Президентом Э.Ш. Рахмоновым гибкой политики национального единства и возрождения исконно народных традиций и ценностей, особенно благородного учения зороастризма, и благодаря удержанию двух наднациональных идеологий (коммунизма и панисламизма) в равной удаленности от власти.

Ярким свидетельством проведения политики национального единства Э.Ш. Рахмоновым является его поездка сразу после подписания общего соглашения об установлении мира 14 июля 1997 г. на перевал Кульма, находящийся на таджикско-китайской границе и являющийся началом строительства Шохрохи Вахдат. Эта историческая поездка главы государства означала переход республики на качественно новый этап развития - этап создания в суверенном Таджикистане новой дороги по маршруту Кульма-Хорог-Куляб-Душанбе-Айни-Худжанд-Исфара. Строительство Шохрохи Вахдат равносильно созданию станового хребта суверенного Таджикистана.

Постоянная забота Э.Ш. Рахмонова о строительстве Шохрохи Вахдат выявила его новые качества, и таджикский народ увидел в нем не только миротворца, но и создателя, и поэтому он активно проголосовал за него на альтернативных президентских выборах в ноябре 1999 г.

ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА

Любое общество это прежде всего органическое целое, естественный продукт истории. Оно сконструировано в определенных взаимосвязанных и независимых частях, которые способствуют эволюции и модернизации общества.

Если общество хорошо организовано, если его составляющие части действуют согласованно, то процесс модернизации обретает оптимальный характер. А в условиях структурной неполноценности и неопределенности, в условиях нарушения системы ценностей и традиций, общество наоборот частично или полностью теряет способность к рациональной модернизации своих структур. В нем повышается чувство отчужденности и преобладают пессимистические настроения. Наступает застой или кризис в развитии. Если мы считаем, что политическая культура — это движущий механизм политического процесса, то действующий тип политической культуры, который способствовал стабильности общества и служил гарантом модернизации общества, должен, с учетом новых реалий, совершенствоваться и обогащаться новыми элементами и компонентами или заменяться новым типом политической культуры.

Для суверенного Таджикистана жизненно необходима *плюралистическая политическая культура*, ядром которой является синтез традиций и инноваций, где первому отдается предпочтение.

Именно *синтез* традиций и прогресса для нашего молодого государства с его неполными структурами в условиях постконфликтного восстановления способен сохранить таджикскую нацию и ее государственность. Необходима разработка новой общенациональной идеи, которая смогла бы привести к национальному согласию и консолидации. А это способствовало бы замене конфронтационной по своей природе фрагментарной политической культуры стабильным плюралистическим типом политической культуры, которая, в свою очередь, обусловила бы перерастание сепаратистского по своей сущности осознания локально-территориальной общности в национально-государственное самосознание.

Различные мифы и идеологии государственных образований, в составе которых жил таджикский народ, (кроме государства Пешдодов, Кейанидов и Саманидов) никак не способствовали его всестороннему развитию, так как были чужды чаяниям и стремлениям многострадального таджикского народа.

Некогда населяющие всю Среднюю Азию (Мавераннахр) и прилегающие районы таджики и их ираноязычные предки из-за господства в общественном сознании религиозно-конфессиональных идей («все мусульмане - братья») утратили инстинкт самозащиты, постепенно сдавая свои позиции сначала тюркоязычным кочевникам-мусульманам, затем даже язычникам — монголам и, наконец, православным русским. При русских завоевателях и их преемниках — большевиках (именно при большевиках произошло уничтожение вассального, но сохранявшего самостоятельность Бухарского эмирата, территория которого была включена в состав новой империи) завершилось насильственное отторжение таджиков от исламского мира и его культуры и началось его приобщение через Россию к западным техногенным ценностям. Но органического сочетания вековых традиций с западными инновациями не произошло. Царская Россия покорила тело, а марксизм-ленинизм большевиков овладел умами таджиков, но сердце осталось непокоренным (т. е. ислам не был низвергнут, а ушел в подполье). Изменение традиционного облика было поверхностным. Новая господствующая идеология (марксизм-

ленинизм большевиков) ратовала за модернизацию республики своеобразными методами с помощью «импорта» инонациональных кадров, которые в своей основной массе не усваивали традиционных навыков и умения ведения хозяйства, особенно в аграрном секторе. Наглядный пример - руководство ответственного чиновника, бывшего нефтяника из Тюмени, весенними полевыми работами и сбором хлопчатника и так далее.

Уже общеизвестны последствия такой модели модернизации, которая не только не детерминировала социокультурную сферу общества, а привела к расколу республики: промышленно развитый Север и аграрно-отсталый Юг.

Последствия господства наднациональных идей — панисламизма (идея о конфессиональном единстве) и марксизмаленинизма (идея классового противоборства) в нашей республике очень мрачны: потеря обширных территорий и историко-культурных центров таджиков, отсутствие подлинно независимого национального государства, раскол республики на две части, вооруженное противостояние двух идейно-политических группировок, разбалансированность экономики, глубокий национальный кризис.

Растущая неудовлетворенность населения своим жизненным уровнем, падение объемов производства, резкий рост безработицы и преступности и другие негативные явления трансформируются в отрицательное отношение к существующим структурам власти и управления, к предлагаемым мерам к выводу республики из глубочайшего кризиса. После распада империи перед республикой стоит архисложная задача: строительство независимого государства с его полными структурами. Каким должно быть это первое независимое таджикское государство?

Поиск модели *«идеального государства»*, в котором частные интересы должны органически сочетаться с общественными, занимает умы политических мыслителей уже начиная с античности (Аристотель, Платон и др.). Политическая мысль Запада после упорного поиска *«идеального государства»* разработала идеи правового, классового и национального государства, которые имеют свои ответы на построение *«идеального государства»*. А

мусульманская религиозно-политическая мысль разрабатывала идею о халифате, об имамате и о султанате. В халифате (*халиф*, в переводе с арабск. - «заместитель», «преемник») – мусульманской общине (государстве) вся светская и духовная власть находится в руках «повелителя правоверных» – халифа. Проблема характера халифата (власти) и его практическое осуществление послужили основной для острой политической борьбы на раннем этапе ислама, приведшей к появлению его основных течений – суннизма, шиизма и хариджизма. *Сунниты* оставались верны традициям. *Хариджиты* отстаивали полную выборность халифата.

Учение об имамате (в переводе с арабск. «предводитель»), который в принципе идентичен халифату, стало одним из основополагающих догматов шиизма. Принципиальное отличие шиитского толкования имамата от суннитского и хараджитского состоит в том, что шииты провозгласили имамат «божественным установлением», независимым от желания людей и принадлежащим исключительно к роду Али (один из четырех «праведных халифов»). Постепенно халифы утрачивают власть над основной частью мусульманских владений, оставаясь главой мусульманского мира. С появлением независимых государств распространяется учение о султанате («власть», «могущество»), под которым понимается государственная власть. Крупнейший мусульманский мыслитель М. Газали (XI в.) подразумевал под этим только светского правителя в противовес духовному главе – халифу (имаму). Независимые правители, даже после уничтожения Аббасидов монголами, признавали духовное суверенство халифата (в лице уцелевших Аббасидов – мамлюки Египта, Османские султаны), которое было так необходимо для придания легитимности светской власти и поднятия ее авторитета. Явного противопоставления султаната и халифата не прослеживается. Здесь мы рассмотрим и проанализируем, какое из этих учений о государстве могло бы соответствовать реалиям нашей республики

Исследование политической культуры таджикского народа показало, что последний жил в лоне двух крупных государ-

ственных образований - Арабского халифата (и последующих мусульманских династий) и Советского Союза (классового государства). Сейчас мы пожинаем горькие плоды идеологий этих государств (*панисламизм, марксизм-ленинизм*): республика оказалась на перекрестке двух мировых цивилизаций: с одной стороны, исламский мир (мусульманская культура), от которого нас насильственно отторгнули, но он сохранился в памяти, с другой — западная либерально-правовая цивилизация, элементы которой еще не закрепились в обществе из-за отчаянного сопротивления традиций.

Многие местные политики считают, что перед республикой стоит дилемма — либо западная либерально-правовая цивилизация, либо — мусульманская цивилизация, третьего пути не дано (неверие в собственные силы и возможности?). Мы считаем, что выбор одной из конкурирующих моделей в чистом виде приведет к усилению этого противоборства и расколу республики на несколько враждебных частей. Поэтому продолжим поиск оптимальной модели государства.

Идеал правового государства — государство как результат общественного договора между самостоятельными, независимыми друг от друга индивидами, где торжествует известный принцип: «жизнь, свобода и собственность» (Дж. Локк), который соответствует реалиям западно-христианского мира, где частная собственность неприкасаема. Эта либеральная программа не может успешно реализоваться в нашей республике, которая по своим культурным особенностям — традициям коренным образом отличается от западного мира. Таджикистан — традиционное общество, народы которого тысячелетиями жили в условиях восточного патернализма. Для восточного сознания всесильное государство было не результатом какого-либо «общественного договора» между людьми, а «творением божественного абсолюта», которое управляется его «наместником на земле», поэтому человек (а не государство) должен находиться в неизменном подчинении у государства. Государство (в лице персонифицирующего его правителя) воспринимается как носитель социально-политической и экономической власти одновременно. В рамках командно-

административной структуры восточного государства частная собственность, которая на Западе служит гарантом гражданских прав и свобод человека, является вторичным элементом, подчиненным и жёстко контролируемым со стороны государственной власти. Здесь на авансцену выходит феномен «власть – собственность», проанализированный Л.С. Васильевым. Даже марксистский социализм в республике является одной из смягченных модификаций восточного государства.

Еще один существенный штрих: идеология либерализма, отстаивая равенство гражданских прав человека, не провозглашает равенство прав каждого народа на самостоятельное экономическое, политическое и культурное развитие. Именно христианский мир, используя неравенство между ним (промышленно развитым и технически сильным) и слабыми странами остального мира, завоевал их и использовал их природные и людские ресурсы не на благо всего человечества, а в своих узких эгоистических целях. Поэтому наше общество, воспитанное на коллективистских ценностях и одно из пострадавших от колониализма, не может полностью заимствовать идеологию либерализма Запада.

Общенациональная идея (идея о национальной модернизации) – это идея о государстве как «коллективном духе нации», в которой во главу угла ставится право на достойную жизнь и стремление к счастью каждого жителя страны, невзирая на его вероисповедание, расу, язык и национальность. Но в республике при отсутствии мощной общенациональной политической силы есть опасность сползания общенациональной идеи к национал-шовинизму, этнократизму. Поэтому применительно к Таджикистану более адекватен путь создания одновременно национального и правового государства, органическое сочетание этих двух принципов государственности. Национально-правовая идея провозглашает право людей разных национальностей республики на самостоятельное экономическое, политическое и культурное развитие, которое в свою очередь способствует сплочению и развитию всего общества. Эта идея не будет ориентирована преимущественно на какой-то этнос, она не абсолютизирует разделение

людей по этническому, тем более конфессиональному признаку. Общенационально-правовая идея пропитывает не только рациональные западные ценности, но и также морально-этические нормы Востока. Она будет способствовать реализации в республике теории «государственно-частной гармонии», то есть согласия между государством и населяющими его гражданами.

Эта теория появилась в тех восточных странах, которые были воспитаны на коллективистских принципах, после их непосредственного соприкосновения с Западом. Они стали перед дилеммой – как им поступить дальше: если для Запада государство – это результат *«общественного договора»*, то восточное государство имеет более глубинное значение и назначение, основанное на принципах семейных отношений, принципах *«отец - сыновья»*, одухотворенных или религией или традициями; если на Западе в общественном сознании господствует принцип *«жизнь, свобода и собственность»*, то в восточном сознании *«вера, покорность и надежда»* создают неразрывное целое; если только в средневековье и только сильный король Запада мог сказать «государство – это я», то его повторит уверенный в себе любой восточный правитель XIX в., и даже нашего века; если для Запада – частная собственность – это священное, неприкосновенное, то на Востоке – она не имеет первостепенного значения, а в основном зависит от официальной власти. Конечно, самореализации личностей и достижения материальных благ различались в восточных государствах, завися от устоявших традиций и обычаев жизни. В этих, казалось бы, антагонистических принципах природы восточных и западных цивилизаций, когда кажется им вместе не сойтись (знаменитое высказывание Кипплинга: Запад есть Запад, Восток есть Восток), более мудрые и дальновидные государства Востока если что-то и заимствовали западное, то ставили это западное на службу собственному, родному. И самое главное, они не отказались от государственной собственности, не отдали все сразу в частные руки. Начала успешно функционировать теория *«государственно-частной гармонии»*. Яркий пример: Япония. В Японии официальная идеология гласит, что японцы произошли от богини Солнца – Аматэрасу. При этом им-

ператорская фамилия является ее прямым потомком, а остальные - из побочных ветвей этого божества. Здесь торжествовал самурайский дух -- беспрекословная служба своему господину. Когда же страна объединена, господин один - это само государство в лице правящего потомка богини Солнца. Оно награждало достойных и наказывало нерадивых. Оно поставило постепенно на ноги целые предприятия, фирмы, концерны и отправило их в автономное плавание, но при этом зорко следило за их развитием. Другими словами, начала функционировать рыночная экономика, но под контролем государства.

Этот *авторитарный плюрализм* свойственен и другим странам Востока. Когда любое общество, тысячелетиями жившее в лоне восточных государственных образований, где не государство служило обществу, то есть своим подданным, а подданные служили интересам государства, во главе которого стоял *«заботливый отец»*, попадает моментально в реалии западных ценностей, оно не выдержит этой *«шоковой терапии»*, а захлебнется от избытка *«кислорода»*. Здесь отчасти прав Г. Гегель, видевший в подданных восточного государства не рабов (как многие политические мыслители Запада, начиная с Геродота и Аристотеля, с чем мы не можем согласиться, так как эта оценка является евроцентристской, недооценивающей реалии и возможности Востока), а лишь *«несовершеннолетних сынов»* государства. Но в конце XX в. мы являемся свидетелями достижения *«совершеннолетия сынов»* государств Востока с помощью *«заботливого отца»* - государства, которые успешно теснят Запад, перехватив у них мировую гегемонию. Поэтому во всех странах, где происходит сплав-синтез индивидуализма Запада с местным коллективистским духом Востока, государство активно участвует во всех сферах реформ и преобразований, нередко став во главе этих начинаний. Как показывают отрасли народного хозяйства, где доли государства и частного сектора составляют разумный баланс (например: различные акционерные общества открытого типа с примерно 20 - 40% вложений со стороны государства), там эти отрасли развиваются более или менее хорошо.

Эта идея способствует развитию национально-государственного самосознания путем перерастания этнически-группового самосознания. Преодоление этнически-группового самосознания требует не односторонней ориентации на какое-либо одно из конкурирующих идейно-политических течений, что неизбежно приведет к расколу общества, а консенсуса этих мировоззрений во благо целостности и стабильности молодого государства, с использованием ценностей и достижений этих цивилизаций. А такой синтез возможен не на почве фрагментарной политической культуры, а на почве плюралистической политической культуры общества.

Национальное государство без правового обеспечения людей разных национальностей и вероисповеданий быстро превращается в этнически однородное (этнократическое) государство, где возрождается старая вражда территориальных группировок, кланов за центральную власть, которая неспособна обеспечить стабильность и процветание общества, а наоборот, приведет к очередной разобщенности республики.

Панисламизм непримиримой оппозиции также не приведет к идейно-политическому объединению республики. Как было выше подчеркнуто, Таджикистан – поликонфессиональная республика, большинство населения – таджики и узбеки – исповедует ислам суннитского толка, памирцы (Горный Бадахшан) исповедуют исмаилизм, секта шиизма, и русскоязычное население исповедует в основном православие. Поэтому при провозглашении исламского государства резко возрастает отток русскоязычной части населения, так необходимой для развития промышленности, возрождаются религиозная рознь и исторические обиды между суннитами и шиитами страны, которые также могут привести к общественным катаклизмам.

Национально-правовая идея, которая должна способствовать преодолению национального кризиса, ратует за приоритет личности перед всякими общностями – классовыми, религиозно-конфессиональными, расовыми и этническими для достижения главной цели – создания демократического и правового государства с помощью всех наций, населяющих республику – таджиков,

узбеков, русских, киргизов и др. Равноправное сотрудничество таджиков с другими народами и их культурами не ущемляет, а обогащает таджикскую самобытность и культуру. Это сотрудничество охватывает также заимствование оптимальных моделей и достижений модернизации мирового сообщества, которые не вытесняют традиционного образа жизни, а органически сливаются с ним.

Полигоном для масштабных заимствований и преобразований общества выступает не его магистральная социокультурная сфера, а индустриально-технологическая сфера общества. Человечество легко воспринимает крупномасштабные преобразования и модернизацию техники и технологий. Индустриальная модернизация, направленная на повышение качества жизни людей, улучшение условий труда, быта и экологической ситуации, в свою очередь, способствует изменению социокультурной сферы, этой самой консервативной и легко ранимой сферы общества. Это изменение происходит очень медленно, ему чужды революционные скачки и лозунги типа «долой!», «даешь!». Эта консервативная сфера общества аккумулирует в себе опыт всех предшествующих поколений, мудрость народной практики и особенно бережет традиции. А традиции включают в себя общественные установления, нормы поведения, обычаи – обряды и идеи – ценности общества и др.

Социокультурная сфера общества выполняет три основные функции – трансляционную, селекционную и инновационную. Эти равнодействующие функции, работающие благополучно в стабильном развитии общества, могут в переходном периоде потерять слаженность работы. Те или иные функции, в зависимости от сложившихся обстоятельств, могут преобладать. Трансляционная функция, доминирующая при стабильном развитии общества, занимающаяся передачей опыта предыдущего поколения, его ценностей, потребностей, идеалов и норм поведения новому подрастающему поколению, может уступить свою главенствующую роль остальным функциям – селекционной, инновационной или обеим одновременно, в зависимости от требований времени. В наших условиях, при строительстве подлинно незави-

симого национального государства при отсутствии определенного опыта и традиций централизованной государственности и государственного управления, которое предопределяет в свою очередь низкий уровень политической культуры и неоформленность на должном уровне национально-государственного самосознания, селекционно-инновационная функция выходит на первый план. Когда народ развивается в условиях отсутствия собственного централизованного государства, в составе иноземных, чуждых государственных образований или мелких разобщенных периферийных княжествах (бегствах), он не обладает богатым опытом и традициями, так необходимыми для строительства подлинно независимого государства. Необходимость такого государства требует оценки собственных наследственных ценностей и определение их места и роли в строительстве молодого государства. Недостаточность собственных традиций и неполноценность новых государственных структур актуализируют обновление или выработку новых норм и подходов или их заимствование у других народов или цивилизаций.

Поиск собственной модели развития и заимствования тех или иных элементов и компонентов у других народов и цивилизаций идет в Таджикистане в острейшей конкуренции между сторонниками тех или иных моделей развития республики.

Республика Таджикистан, оказавшаяся поневоле после распада СССР на перекрестке двух цивилизаций – исламской и «постсоветской» (условно-светской), превратилась в арену борьбы между этими соперничающими цивилизациями. Безоговорочное принятие условий любой из этих сторон и их ценностей приведет к резкой эскалации противостояния в республике, к милитаризации республики как «передовой» или «буфер» между этими цивилизациями.

Наша многострадальная республика не должна превращаться в постоянную арену соперничества двух цивилизаций, их ценностей, а плодотворно сотрудничать с этими цивилизациями. Достижение же желаемого мира и сотрудничества требует, в свою очередь, гибкости, терпимости и уважения мнений и позиций оппонентов у лидеров и сторонников обеих противостоящих

политических сил республики. Национальный кризис в республике и противостояние существенно влияют на процесс формирования и трансформации политической культуры. Они создают определенные предпосылки не только для освоения существующей политической культуры, но и для становления новой, отвечающей эпохе, политической культуры.

Новая эпоха в развитии политической культуры связана со строительством независимого таджикского государства, с глубокими преобразованиями во всех сферах общества, особенно в политической. В этот период складываются основные принципы политической жизни и общие черты национально-государственного самосознания, определяющие дальнейшие перспективы политико-культурной ориентации страны. Возникновение молодого государства неизбежно поставило перед ним сложнейшие задачи, решение которых способствовало бы дальнейшему развитию и совершенствованию самого государства и либерализации его институтов.

В конструировании идеалов и моделей, в соответствии с которыми развивается молодое государство, должны учитываться не только традиции и образ жизни предыдущих поколений, но и новые тенденции в мировой цивилизации.

Одна только научно-техническая революция (особенно интернет), вызвавшая радикальную перестройку в системе массовых коммуникаций, привела к преодолению замкнутости народов в границах собственных государств. Человек, не выходя из своего дома, уже в курсе событий, происходящих не только в своем или соседнем государстве, но даже в самых отдаленных, периферийных странах или провинциях. Это приведет к таким культурным последствиям, которые мы не в состоянии пока прогнозировать. Сегодня выявляются некоторые контуры мировой политики: различные цивилизации имеют разные взгляды на решение острых проблем и конфликтов.

Существует ряд «субъектов», которые целенаправленно участвуют в формировании и развитии политической культуры, в соответствии с определенными целями и задачами, поставленными перед обществом. Перед Таджикистаном стоит задача

строительства демократического, правового и светского государства.

Одним из главных «субъектов» формирования политической культуры является государство. Из политической истории народов Средней Азии известно, какое огромное влияние имеет государство на генезис и трансляцию культурных ценностей, включая их политический аспект. Государство через свои законодательные, исполнительные и судебные органы не только способствует развитию политической культуры, но и преследует и подвергает дискриминации такие ее компоненты, которые противоречат господствующим догмам и идеологии.

Государственное вмешательство в социальную, экономическую и духовную сферы общества оставалось существенным и в советское время. Роль государства в формировании национальной политической культуры возрастает и доминирует и в переходном периоде, до формирования устойчивого типа политической культуры. Оно вырабатывает национальные политические символы: герб, флаг, гимн и другие атрибуты самостоятельного государства, формирует модели и образцы политического поведения граждан (например, празднование Дня Независимости и так далее) и специфические черты функционирования политических институтов. Специфика политической истории Таджикистана предопределяет (при отсутствии подлинного народовластия) наличие авторитарного лидера харизматического типа. В наши дни лидером общенационального масштаба, который сплотил вокруг себя не представителей определенных регионов, кланов, а здоровые силы всей республики, направляющий всю силу и энергию не на стремление к диктатуре, а на достижение консенсуса всеми политическими силами стал Э.Ш. Рахмонов. Он активно стремится к консолидации умеренных и центристских групп для сохранения целостности республики. Государство с харизматическим лидером во главе способно скорее разрешить труднейшие препятствия на пути развития общества, чем умеренный демократ со своими благими намерениями преобразования общества.

Политическая стабильность, в свою очередь, служит основ-

ным условием прекращения конфронтации между регионами и их консолидации для вывода страны из национального кризиса. Она способствует электоральному процессу: выборы в различные ветви и уровни властных структур. Хотя выборы сами не могут в одночасье ликвидировать все негативные явления политической жизни общества, но они станут актом выражения воли народа и его отношения к политическим событиям. Народ же в своей совокупности всегда тяготеет к центру, отвергает крайне радикальные платформы и настроения. Государство постепенно через выборы воспитывает такие ценности политической жизни, как конкуренция (вместо конфронтации), достижение консенсуса, компромисса (вместо противостояния), уважение позиции оппонентов и др. Активное участие представителей регионов через общегосударственные выборы, референдумы, опросы в решении общенациональных проблем и задач повышает у них уровень осознания себя членами не только своих регионов, а главное, более крупной общности – национального государства.

Религия (ислам) является вторым по значению «субъектом» формирования политической культуры. Ислам активно участвует во всех сферах жизнедеятельности общества, иногда даже соперничает с государством за первенство в политической жизни общества. Значительность роли религии и ее соперничество с государством изначально связаны с некоторыми факторами: во-первых, таджикский народ жил в составе различных восточных государственных образований, где господствовали не национально-государственные идеи и ценности, а религиозные догмы и предписания; во-вторых, восстановление религиозных традиций, обычаев, которые являются неотъемлемой частью возрождения народных традиций и обрядов; в-третьих, ислам – это не только религиозное учение, а совокупность политико-правовых учений, морально-этических норм, художественно-культурных ценностей и других, которые дают свои ответы и рецепты для решения насущных проблем традиционного (мусульманского) общества. Ислам оказывает сильное воздействие на формирование и эволюцию национальной культуры и самосознания.

Государство не должно и не в состоянии полностью игнорировать ислам, его мировоззрение. Оно должно использовать те компоненты и стороны, которые не идут вразрез с его стремлениями. Самое главное в условиях нашей республики отстранить ислам от вмешательства в политическую сферу, всячески поощряя его участие в духовной сфере, в деле воспитания подрастающего поколения. «Культурная эстафета» поколений была разрушена во многом в связи с заменой арабского алфавита на латинский, затем на русский и с преследованием ислама. В то время именно представители духовенства составляли костяк грамотных, просвещенных людей страны, которые через старые школы, медресе и другие учебные заведения знакомили подрастающее поколение с огромным научным и литературным наследием предков. Хотя в процессе просвещения преобладали духовные (теологические) науки (изучение Корана и хадисов Мухаммада), они во многом отвечали требованиям традиционного общества в освоении и преемственности культурных ценностей. Небрежное отношение к традициям и культурным ценностям прошлого, нарушение основных механизмов трансляций опыта, нравов и образа жизни предыдущего поколения, формирование отрядов естественнонаучной и технической интеллигенции за счет «импорта» инонациональных кадров привели к кризису национального воспитания и духовному обнищанию народа, региональным диспропорциям в развитии регионов и их отчуждению друг от друга. Реабилитация ислама, как «кладезя» традиционных норм и образцов поведения не должна стать неуправляемой, а должна регулироваться государством в нужном темпе и на нужном уровне.

Роль *средств массовой информации* (СМИ) в формировании национальной политической культуры и национально-государственного самосознания возрастает с каждым днем. На современном этапе развития СМИ всесторонне воздействуют на политическую жизнь широких слоев населения и способствуют духовному обновлению общества. Не зря СМИ называют «четвертой властью». Построение независимого государства, его задачи и проблемы создали необходимые предпосылки для углуб-

лубленного изучения и научного осмысления политико-исторических процессов, опытов и навыков предыдущего поколения и других народов. Появилось множество статей, книг, публицистических выступлений, анализирующих решения схожих проблем в прошлом или в практике других народов и государств. Политическая проблема занимает все больше места и времени в передачах телевидения и радио, на газетных полосах и журнальных страницах не только на республиканском уровне, но и на областном и нередко на районном уровнях.

В период национального возрождения актуализация формирования национальной политической культуры и национально-государственного самосознания в периодической печати, выходящей на государственном (таджикском) языке, ведется через агитацию и пропаганду идеи об ущемленности народа и его ценностей в прошлом, подчеркиваются значение национального в историческом и культурном развитии народа, важность идеи о политическом суверенитете и независимости республики. Изменение государственного устройства, его дополнение национальными компонентами сопровождалось острыми дебатами и дискуссиями в СМИ. Вхождение СМИ, особенно телевидения, в повседневную жизнь населения радикально изменило его образ жизни и поведения. Через них обсуждались важнейшие проблемы, которые призваны обеспечить и упрочить суверенитет и независимость республики. СМИ не просто комментировали политические события, происходящие в республике, а активно включились в пропаганду и выработку идей и концепций, став большой ареной всенародного волеизъявления. Все эти мероприятия СМИ охватывали все более широкие массы, привлекая их к обсуждению и решению общенациональных политических проектов и проблем, формируя и воспитывая в них чувство ответственности за республику, чувство патриотизма.

Однако СМИ молодого государства не избавлены от изъянов и недостатков. Несмотря на эти недостатки, СМИ имеют огромное значение для преодоления региональных особенностей и их замены общенациональными (общегосударственными) ценностями, сохраняя те «рациональные зерна» регионов, которые способствуют укреплению единой политической культуры и национально-государственного самосознания.

Эти перечисленные «три кита», участвующие в формировании политической культуры и демократического общества, в перерастании этнического, локально-территориального самосознания в общенациональное, несут основную тяжесть в этом процессе.

Как показала недавняя история Таджикистана, остальные «субъекты» не играют существенной роли в процессе политической социализации. Рассмотрим некоторые из них: например, деятельность различных общественных организаций и партий. Отсутствие в политической жизни республики традиции свободных демократических выборов на альтернативной основе, состоятельности претендентов и неустойчивости политической культуры привели к негативным эксцессам, в том числе столкновениям сторонников и противников различных партий и общественных организаций. Поражение на выборах Президента Таджикистана (осень 1991г.) оппозиционного блока не привело, как ожидалось, к пересмотру его стратегии и тактики для тщательной подготовки к следующим выборам в различные уровни власти, а лишь усилило влияние радикального, непримиримого крыла Партии Исламского Возрождения Таджикистана, которая задавала тон дальнейшему действию оппозиции, пренебрегающей ведением политической борьбы мирными средствами, через выборы.

Противостояние сторонников партий привело, в конечном счете, к противостоянию различных регионов, которое наглядно показало сущность этих региональных партий (по своей природе), что они не обладают консолидирующим началом на общегосударственном уровне. Непримиимость и конфронтация различных партий развеяли эйфорию народа, считавшего, что соперничество этих партий и их моделей развития общества служит гарантом демократических преобразований республики. Поэтому сегодня ни одна партия или общественное движение республики не имеет достаточной популярности, чтобы служить авангардом вывода республики из глубокого кризиса.

Постконфликтное мирное развитие суверенного Таджикистана способствует усилению внимания государства и общественных объединений, главным образом, политических партий дальнейшей демократизации общества и либерализации политических институтов государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические катаклизмы, потрясшие за последние десятилетия мир, не могли не затронуть Среднюю Азию, в частности Таджикистан. События, происходящие в нашем государстве, пробудили историческую национальную память таджикского народа. Поиск «своих корней», обращение к «своему историческому и культурному наследию» пронизывают сейчас сознание каждого мыслящего гражданина Таджикистана. Слова Президента страны Э.Ш. Рахмонова «кто мы, откуда, из каких корней произошли?...» стали мощным консолидирующим и мобилизующим началом для воссоздания и полноценного практического использования тех национальных ценностей и идей, которые так необходимы для укрепления единства и дальнейшей национальной модернизации таджикского народа. В первом ряду этих ценностей — мир, взаимопрощение и единение.

Воссоздание цельной картины этнической истории таджиков требовало глубокого экскурса к «началу начал» сознательной общественно-политической жизни таджиков. Скрупулезное изучение эпического периода политической жизни предков таджиков позволяет найти ответы на многие вопросы относительно формирования национальной идентичности таджиков и дальнейшего их развития.

Опора Пендодов и Кейанидов на собственные силы (сословие воинов) в «героическом веке», являлась залогом долголетия благополучного правления этих династий. Незабвенная преданность народных богатырей своему народу и государству была не только надежной силой отражения внешних агрессий и набегов, но и гарантом внутренней стабильности этих государств. Имена народных витязей — Сама, Заля, Рустама, Сухроба, Туса, Гударза, Исфандиёра и много других, в отличие от Фаика, Симджури, Себуктегина и им подобных, терзавших государственные устои Саманидов изнутри, являются любимыми именами таджиков.

Многие эпизоды из эпического периода жизни арьев дополняют общую картину политической истории таджикского на-

рода, давая исчерпывающие ответы на насущные вопросы строительства подлинно национального государства и формирования идеологии национальной модернизации.

Эволюция зороастризма, это уже начало исторического периода, который тоже уходит своими корнями в мифологию.

Время и места первоначального складывания и распространения зороастризма зафиксированы в пехлевийской литературе и в сообщениях античных историков, но к ним необходимо подходить критически. Здесь мы являемся сторонниками «восточной» теории происхождения зороастризма, что позволяет локализовать первоначальные кишвары распространения религии в Ариане. Это находит подтверждение в «географической поэме» («Видевдате»).

Пророк Заратуштра родился в 660 г. до н.э. скорее в Согдиане, это ближе к реальности, отраженной в зороастрийской традиции.

Удобное географическое положение Арианы способствовало успешному распространению религии не только на запад, но и на восток, вплоть до труднодоступного Тибета. Включение же Арианы в состав обширной Ахеменидской империи привело не только к участию ее народов в греко-персидских и позднее парфяно-римских войнах, но и к частичному греко-зороастрийскому синтезу во времена Селевкидов и греко-бактрийцев.

Смутное время на рубеже новой эры послужило прелюдией создания в Ариане могущественной Кушанской империи и, самое главное, - в это время произошло соединение раздельно функционирующих «Лазуритового пути» и «Нефритового пути» после возвращения в Ариану восточных туров. Последние привели за собой китайских путешественников и дипломатов, пользовавшихся очень дорогой товар времени - шелк, во внешних сношениях. Шелк в конце концов вытеснил лазурит и нефрит и захватил монополию от Китая до Европы. Возник Великий Шелковый путь, на одном из отрезков которого господствовали согдийцы и бактрийцы, предки таджиков.

Ариана традиционно оставалась политически разобщенной, и, начиная с VII в., с включением в процессы иномонациональ-

ных - племен тюрок и западных соплеменников – персов, Ариана и Туран окончательно разделились. Образовались Хорасан и Туркестан.

Последующие династии, объединившие их под знаменами ислама, включая Саманидов, осознавали общность этих регионов. Именно при благоприятных условиях правления этнонациональной династии (Саманиды) завершился процесс складывания таджикского народа в хорасано-мавераннахрских землях. Постепенно при правлении чужих династий, способствовавших миграции в Хорасан и Мавераннахр племен и народов из других регионов, происходило не только удаление их друг от друга, но и сужение обширного ареала таджиков. В начале XX в. таджики концентрировались в основном в Бухарском эмирате, вассале Российской империи.

В этом веке таджики были насильно приобщены к мировым процессам под руководством большевиков, которые наряду с промышленной модернизацией Таджикской советской республики, провели духовный геноцид, исковеркав менталитет народа и искусственно разделив его (как и другие народы СССР), включая его историю, на антагонистические классы, что привело к духовному кризису и расколу общества.

Миротворческий процесс, возглавляемый Президентом страны Э.Ш. Рахмоновым, в котором активно участвовали и Правительство республики, и оппозиция, открыл новые перспективы для развития молодого таджикского государства. И конечно, историческая память таджиков сыграла здесь свою определяющую роль. Мир, единение, благочестие и вера в свои силы предопределяют будущее таджикского народа. А оно, хочется думать, будет прекрасным.

ХРОНОЛОГИЯ

ЭПИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

XXX IV-X вв. до н.э. ЛЕГЕНДАРНАЯ ДИНАСТИЯ ПЕШДОДОВ.

3320-3280 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ ХУШАНГА ПЕШДОДА В ХВАНИРАТЕ. УЧРЕЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА САДА.

3280-3250 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ ТАХМУРАСА. НАЧАЛО ПИСЬМЕННОСТИ.

3250-2634 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ ДЖАМШЕДА. НАЧАЛО ПРАЗДНОВАНИЯ НАВРУЗА.

2634-1634 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ ЗАХХАКА. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИНДОИРАНЦЕВ НА ЮГ.

1634-1564 гг. до н.э. - ПЕРВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ФАРИДУНА. УЧРЕЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА МЕХРГОН.

1564-1552 гг. до н.э. - РАЗДЕЛ СТРАНЫ НА 3 ЧАСТИ: АРИАНУ, ТУРАН И САЙРИМУ. ЦАРСТВОВАНИЕ АРЬИ В АРИАНЕ.

1552-1134 гг. до н.э. - ВТОРОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ФАРИДУНА В АРИАНЕ.

1134-1014 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ МАНУЧЕХРА. НАЧАЛО ВОЙНЫ МЕЖДУ АРИАНОЙ И ТУРАНОМ.

1014-1007 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ НОВЗЕРА.

1007-1002 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ ЗОВА.

1002-993 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ ГАРШАСПА.

X-VII вв. до н.э. ГЕРОИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КЕЙАНИДОВ.

993-978 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ КЕЙ КУБАДА.

978-828 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ КЕЙ КАВУСА. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА СΙΑВУШТИРД (БУХАРА).

828-768 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ КЕЙ ХУСРАВА. РАЗГРОМ ТУРАНА.

768-648 гг. до н.э. - ЦАРСТВОВАНИЕ ЛУХРАСПА.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

- 660 г. до н.э. - РОЖДЕНИЕ ЗАРАТУШТРЫ В СОГДЕ.
- 648 г. до н.э. - НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЯ ГУШТАСПА В БАЛХЕ.
- 618 г. до н.э. - ОБРАЩЕНИЕ ГУШТАСПА В ЗОРОАСТРИЙСКУЮ РЕЛИГИЮ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗОРОАСТРИЗМА В АРИАНЕ.
- 545 - 539 гг. до н.э. - ПРИСОЕДИНЕНИЕ АРИАНЫ К АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗОРОАСТРИЗМА ПО ВСЕЙ ИМПЕРИИ. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА КИРОПОЛЬ (совр. УРА-ТЮБЕ).
- 530 г. до н.э. - РАЗГРОМ ВОЙСКА КИРА II ЦАРИЦЕЙ МАССАГЕТОВ ТОМИРИС.
- 500 - 449 гг. до н.э. - УЧАСТИЕ СОГДИЙЦЕВ, БАКТРИЙЦЕВ И САКОВ В ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙНАХ.
- 330 г. до н.э. - РАСПАД АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ ПОД УДАРАМИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО.
- 329 г. до н.э. - ВТОРЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРА В АРИАНУ
АНТИМАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОГДЕ ВО ГЛАВЕ
СО СПИТАМЕНОМ. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА АЛЕКСАНДРИЯ
ЭСХАТА (совр. ХУДЖАНД).
- 327 г. до н.э. - ЖЕНИТЬБА АЛЕКСАНДРА НА БАКТРИЙКЕ РОКСАНЕ.
- 312-246 гг. до н.э. - АРИАНА В СОСТАВЕ СЕЛЕВКИДСКОГО ГОСУДАРСТВА.
- 280 - 261 гг. до н.э. - ПРАВЛЕНИЕ АНТИОХА I-СЫНА СЕЛЕВКА И ВНУКА СПИТАМЕНА.
- 246 г. до н.э. - ОТЛОЖЕНИЕ БАКТРИИ И ПАРФИИ ОТ СЕЛЕВКИДОВ.
- 171 - 138 гг. до н.э. - ПРЕВРАЩЕНИЕ В ВЕЛИКИЮ ПАРФИЮ ГОСУДАРСТВА АРШАКИДОВ
ВТОРЖЕНИЕ В АРИАНУ
КОЧЕВНИКОВ ТУРАНА.
- 128 г. до н.э. - ПЕРВОЕ КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В БАКТРИЮ.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ.
- 98 г. до н.э. - ПАРФЯНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО К РИМСКОМУ ИМПЕРАТОРУ СУЛЛЕ.

352 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

- 53 г. до н.э. - 227 г. - РИМСКО-ПАРФЯНСКИЕ ВОЙНЫ.
20 г.-132 г. н.э. - СЛОЖЕНИЕ И РАСЦВЕТ КУШАНСКОЙ ДЕРЖАВЫ.
РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА В АРИАНЕ И ТУРАНЕ.
226 - 652 гг. - ПРАВЛЕНИЕ САСАНИДОВ В ИРАНЕ И ЮЖНОЙ АРИАНЕ.
РИМСКО-ИРАНСКИЕ И ИРАНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ.
КОДИФИКАЦИЯ АВЕСТЫ.
IV-V вв. - РАСПАД КУШАНСКОЙ ДЕРЖАВЫ. УСИЛЕНИЕ
ЭФТАЛИТОВ В БАДАХШАНЕ.
456 - 520 гг. - ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРИАНЫ ЭФТАЛИТАМИ.
563 г. - РАЗГРОМ И РАЗДЕЛ ЭФТАЛИТСКОГО ГОСУДАРСТВА
САСАНИДАМИ И ТЮРКАМИ. ПРЕВРАЩЕНИЕ
ТУРАНА В ТУРКЕСТАН И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ
АРИАНЫ К САСАНИДСКОЙ ДЕРЖАВЕ.
570 г. - РОЖДЕНИЕ ПРОРОКА МУХАММАДА В МЕККЕ.
652 г. - ЗАВОЕВАНИЕ САСАНИДСКОЙ ИМПЕРИИ АРАБАМИ.
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА НА ВОСТОК.
661 - 750 гг. - ХАЛИФАТ ОМЕЙЯДОВ.
651-737 гг. - ПРИСОЕДИНЕНИЕ ХОРАСАНА И МАВЕРАННАХРА К
АРАБСКОМУ ХАЛИФАТУ.
750 - 1258 гг. - ХАЛИФАТ АББАСИДОВ.
875 - 1005 гг. - ЭМИРАТ САМАНИДОВ. ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ
ТАДЖИКОВ.
858 г. - РОЖДЕНИЕ АБУ АБДУЛЛО РУДАКИ.
980 г. - РОЖДЕНИЕ АБУАЛИ ИБН СИНО.
994 г. - ЗАВЕРШЕНИЕ "ШАХНАМЕ" ВЕЛИКОГО ФИРДАВСИ.
1005 - 1141 гг. - КАРАХАНИДСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.
1141 - 1212 гг. - ПРАВЛЕНИЕ КАРА - КИТАЕВ.
1212 - 1220 гг. - ПРАВЛЕНИЕ ХОРЕЗМШАХОВ.
1220 - 1370 гг. - ВТОРЖЕНИЕ МОНГОЛОВ ДЖАГАТАЙСКИЙ УЛУС.
1370 - 1501 гг. - ПРАВЛЕНИЕ ТИМУРА И ТИМУРИДОВ.
1414 г. - РОЖДЕНИЕ АБДУРРАХМАНА ДЖАМИ.
1501 - 1599 гг. - ПРАВЛЕНИЕ ШЕЙБАНИДОВ.
1599 - 1753 гг. - ПРАВЛЕНИЕ АШТАРХАНИДОВ.

- 1753–1920 гг. - БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ.
- 1800–1868 гг. - КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО.
- 1864 г. - ВТОРЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК В СРЕДНЮЮ АЗИЮ.
- 1867 г. - УЧРЕЖДЕНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА.
- 1868 г. - РАЗГРОМ БУХАРСКИХ ВОЙСК И ПОДПИСАНИЕ
МИРНОГО ДОГОВОРА С РОССИЕЙ.
- 1876 г. - УПРАЗДНЕНИЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА.
- 1895 г. - ОБМЕН НОТАМИ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И РОССИЕЙ ОБ
УСТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦЫ НА ПАМИРЕ.
- 1899 г. - ЗАВЕРШЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.
- 1910-20 гг. - ПРАВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ЭМИРА ОЛИМХАНА В БУХАРЕ.
- 1917 г. - ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ.
- 1918 г. - ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР.
- 1920 г. - ВЗЯТИЕ ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ И БУХАРСКИМИ
ОТЯДАМИ СТАРОЙ БУХАРЫ. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ
БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.
- 1921 г. - ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧАСТЯМИ ГИССАРСКОГО
ЭКСПЕДИЦИОННОГО ОТРЯДА г. ДУШАНБЕ ОТ ВОЙСКА
ЭМИРА БУХАРЫ.
- 1924 г. - ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК РКП (б) О НАЦИОНАЛЬНОМ РАЗМЕ-
ЖЕВАНИИ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ. СОЗДАНИЕ
ТАДЖИКСКОЙ АССР В СОСТАВЕ УЗБЕКСКОЙ ССР.
- 1929 г. - ОБРАЗОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ ССР.
- 1940 г. - СТРОИТЕЛЬСТВО БОЛЬШОГО ПАМИРСКОГО ТРАКТА.
- 1941-1945 гг. - ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.
- 9 сентября 1991 г. - ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.
- 27 июня 1997 г. - ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О МИРЕ МЕЖДУ ПРАВИ-
ТЕЛЬСТВОМ И ОБЪЕДИНЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ.
- 14 июля 1997 г. - НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА ШОХРОХИ ВАХДАТ.
- 6 ноября 1999 г. - ПЕРЕИЗБРАНИЕ Э.Ш. РАХМОНОВА
НА ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПОСТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Два зороастризма в Иране // ВДИ. - 1990. - № 4. - С.198-207.
2. Абазов Р.Ф. Средняя Азия: ислам и политика // Полис. - 1992. - № 4 - С. 94-102.
3. Абдулатипов Р.Г. Природа и парадоксы национального «Я». - М.: Мысль, 1991. - С.-169.
4. Авеста: Избранные гимны. - Душанбе: Адиб, 1990. - 176с.
5. Авеста в русских переводах (1861 - 1996). - СПб, 1998.-480с.
6. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. - 1992. - № 4. - 122-134с.
7. Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение // Соц.-полит. журн. 1992. - №8. - 10-22с.
8. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР.-М.,1987. - 303с.
9. Бабосов Е.М. Политическая культура и ее роль в формировании личности.-Минск, 1982.-22с.
10. Бартольд В.В. Сочинения. - М.:,1963 - 65 Т. 1-3.
11. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. - М., 1988. - 303 с.
12. Большаков О.Г. История халифата. - М. 1998. Т. 3 - 382с.
13. Бороноев А.О. Основы этнической психологии. - СПб: Изд-во СПГУ, 1991.-60с.
14. Бушков В.И. Формирование современной этнической ситуации в Северном Таджикистане //Сов. этнография. - 1990. - № 2.
15. Вайнберг Б.И. Этнография Турана в древности. -М., 1999. - 359с.
16. Вайнберг Б.И., Ставиский Б. История и культура Средней Азии в древности. -М., 1994. 17.Васильев Л.С. История Востока: - М., 1998. Т.1. - 495с.
18. Васильев Л.С. История Востока: - М., 1998.Т.2. - 495с.
19. Васильев Л.С. История религий Востока. - М., 1999. - 432с.
20. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье Сб. ст.- М., 1992.
21. Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. - М., 1990.-240с.
22. Гафуров Б.Г. Таджики. Ирфон, 1989. Кн 1.-Душанбе: - 384с.

23. Гафуров Б.Г. Таджики. Ирфон, 1989. Кн 2.-Душанбе: – 480с.
24. Губаева С.С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине // Сов. этнография. - 1987. - №1. - 86-94с.
25. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л.:Гидрометеиздат, 1990.-526с.
26. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1992. – 781с.
27. Дробижева Л.М. Национальное самосознание: база формирования и социально – культурные стимулы развития // Сов. Этнография. – 1985. – №5. - 3-16с.
28. Ерасев Б.С. Феномен «восточного деспотизма» как явление «нового мышления» // Восток. 2000.-№ 4.-5-17с.
29. Зороастрийские тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – М., 1997. - 352с.
30. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии.-М., 1958. – 232с.
31. Иванова Э.А. Этническое самосознание болгар на этапе перехода от народности к нации // Сов. этнография. - 1987. №2. - 51-61с.
32. История таджикского народа. 1998 Т1. Душанбе. - 752с.
33. История таджикского народа. 1999 Т2. Душанбе. - 752с
34. Каландаров И.К. Славный сын таджикского народа.-Душанбе, 1999.-58с.
35. Козлов В.И. Некоторые проблемы теории нации // Вопр. истории. - 1967. - № 1. - 88-99с.
36. Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. – СПб, 1998. – 352с.
37. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – М., 1994. – 276с.
38. Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель//Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР.-М.,1949.-№ 6.
39. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области рус. лит-ры XI-XVII вв.-М.-Л., Изд-во АН СССР, 1945.-120 с.
40. Логофет Д.Н. Страна бесправия: Бухарское ханство и его современное состояние:-СПБ., 1909.
41. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1945.-432с.
42. Макиавелли Н. Государь – М.: Планета, 1990. - 79с.
43. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т 1.-М. 1964.- (в 2 т.)

44. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т 2.-М. 1964. – (в 2 т.)
45. Масов Р. История топорного разделения. - Душанбе: Дониш, 1991.
46. Мамадазимов А. Новый Таджикистан: вопросы становления суверенитета. – Душанбе, 1996. – 179с.
47. М. I Международной научно – практической конференции «Таджикистан: геополитика и проблемы международных связей» Душанбе, 1995.
48. М. II Международной научно – практической конференции «Место Таджикистана в новом международном порядке». Душанбе, 1996.
49. М. III Международной научно – практической конференции «Интеграция Таджикистана в мировое сообщество». Душанбе, 1997.
50. М. IV Международной научно – практической конференции «Проблемы устойчивого демократического развития Таджикистана». Душанбе, 1998.
51. М. V Международной научно – практической конференции «Миротворческий процесс в Таджикистане: консолидация и гарантирование миротворческого процесса». Душанбе, 1999.
52. Наршахи Мухаммад. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина.- Ташкент, 1897.
53. Ономастика Средней Азии: Сб. ст./ АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо – Маклая Отв ред. В.А. Никонов, А.М. Решетов.- М.: Наука, 1978.-226с.
54. Остроумов Н.П. Сарты: Этнографические материалы. – 3-е изд., доп.- Ташкент, 1908.-288с.
55. Ошанин Л.В. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана.- Сталинабад, 1957.-142.
56. Паин Э.А. Межнациональные конфликты в СССР // Сов. Этнография - 1990. - № 1. - 3-15с.
57. Поло Марко. Книга о разнообразии мира. – СПб., 1999.- 381.
58. Пьянков И.В. Ариана по свидетельствам античных авторов// Восток. – 1995. - № 1. – 39–55с.
59. Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // ВДИ. – 1996. - № 6. – 3 – 23с.

60. Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. -1995.-№ 6-27-46с.
61. Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. - СПб., 1998. - 560с.
62. Рахимов Р.Р.К вопросу о современных таджикско-узбекских межнациональных отношениях // Сов. этнография. - 1991. - № 1. - 13 - 24с.
63. Рахмонов Э Ш. Таджики в зеркале истории. Лондон, 1999. Кн .1. От арийцев до Саманидов.
64. Розенфельд А.З. Проблема региональности и десемантизации в таджикской топонимии // Ономастика Средней Азии.-М., 1978.-62-64с.
65. Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы//ВДИ. - 1997. - С.3-10.
66. Таджикистан. Отчет по человеческому развитию. - Душанбе, 1997. - 127с.
67. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т:1-3-СПБ., 1903. - Т. 1-3.
68. Холиқзода А. Тоҷикони Мовароуннаҳр. - Душанбе, 1997 - 182с.
71. Хотираҳои Амир Олимхон. - Душанбе. 1992 - 49с
72. Шакури М. Хуросон аз ин ҷо. - Душанбе, 1997. - 292с.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Политические карты заимствованы из книг:

1. Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. - Спб., 1998.
2. Атлас Таджикской ССР. - Душанбе: М., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ПРЕДЫСТОРИЯ

Проблема власти (власти - собственности) в древневосточных обществах.	8
Эпический период политической жизни предков таджиков:	
Легендарная династия Пешдодов.	17
Героическая династия Кейанидов.	34
Культ и божества индоиранцев до Заратуштры.	40

Глава II. ПРЕДКИ ТАДЖИКОВ

В ЭПОХУ ЗОРОАСТРИЗМА.

Заратуштра — пророк Арианы.	45
Распространение зороастризма на запад.	55
Греко-Бактрийское государство.	67
Смутное время на рубеже новой эры.	74
Ариана во времена Кушан.	82
Сосуществование зороастризма с другими религиозно-идеологическими учениями мира и его влияние на них.	97

Глава III. ИСЛАМ В МАВЕРАННАХРЕ

И ХОРАСАНе.

Возникновение ислама и его распространение на восток.	113
Этногенез таджикского народа в лоне ислама.	133
Отчуждение таджиков от политики (власти) под гнетом чужеземных кочевников:	
Хорасан и Мавераннахр от Газневидов до Монголов.	146

Мавераннахр и Хорасан во времена Монголов.	158
Чагатайское государство Тимура и Тимуридов.	177
Мавераннахр и Хорасан от Узбеков до Мангытов.	190
Бухарский эмират.	220
 Глава IV. СОВЕТСКИЙ ТАДЖИКИСТАН – ОДНА ИЗ 15 РЕСПУБЛИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА	
Установление советской власти на таджикской земле.	251
Национально-территориальное размежевание и образование Таджикской ССР.	267
Политика «Совершенствование тела с одновременным насилием над душой».	283
 Глава V. ПЕРЕХОД К ОТКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ	
Приобретение независимости Таджикистаном.	306
Гражданское противостояние и миротворческий процесс в Республике Таджикистан.	310
Процесс демократизации общества и либерализации политических институтов государства.	330
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	347
 ХРОНОЛОГИЯ	350
 ЛИТЕРАТУРА	354
 СОДЕРЖАНИЕ	358

Абдуғанӣ Мамадазимов

ТАЪРИХИ СИЁСИИ ХАЛҚИ ТОҶИК
(бо забони русӣ)

ББК 63.3(2 тадж.) + 66.01
М-22

Редактор В.М. Набиев
Технический редактор В.Д. Привознова
Корректор Н.Ш. Камилова

Сдано в набор 15.10.2000 г. Подписано к печати 14.12.2000 г. Формат 60X90^{1/16}.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Усл. кр. отт. 22,187.
Уч. – изд. л. 23,64. Заказ № 261 Тираж 500.

Типография изд. «Дониш».
Душанбе – 29. ул. Айни., 121 корп. 2